

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

09

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решаема каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища – своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-диск с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cyr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2009 — 4(17)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ И АВТОРАМ ЖУРНАЛА.....	3
АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ	
К 5-летию юбилею журнала «Приокские зори».....	5
РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ: ПУБЛИЦИСТИКА, КРАЕВЕДЕНИЕ	
Игорь Карлов. Тихий ток наших чистых рек.....	11
Владимир Сапожников. Невольные сравнения.....	41
Людмила Гайдукова. Вятичи и Тульский край.....	43
АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА	
Валерий Богусhev. Инопланетянка.....	49
Геннадий Маркин. Обвиняемый Толстой.....	57
Владимир Никитин. В усадьбе.....	65
Алексей Яшин. Индустриальная пустыня (Старый директор).....	76
Рудольф Артамонов. Дочь рыбака: Рассказ пожилого человека.....	91
Людмила Алтунина. Из цикла «Не от мира сего».....	112
Валерий Румянцев. Рассказы: Охота. Сухари. Всего один день.....	118
Роза Нарышкина. Валентин и Валентина.....	127
ПОЭЗИЯ	
Александр Хадарцев. <i>Personalia</i>	131
Надежда Ма Динь. Боже, как ты хороша.....	138
Олеся Маматкулова. Ночь.....	142
Геннадий Азанов. Река памяти.....	145
Татьяна Леонова. Мольба.....	150
Геннадий Мирошниченко. Россия.....	154
Олег Пантюхин. Легкой музыкой лета.....	158
Владимир Резцов. Зарезцовки с усмешкой.....	159
ПРОБА ПЕРА	
Людмила Плотникова. Реванш.....	162
Юрий Лапин. Стоит береза одинокая.....	164
Виктор Бек. Все может быть!.....	166
К 270-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ, УЧЕНОГО И ПРОСВЕТИТЕЛЯ АНДРЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА БОЛОТОВА	
Валерий Ганичев. Тульский энциклопедист.....	168

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ	
Алексей Логунов. Агроном вся Руси: Сказания.....	184
К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРАТЕГА ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА СТАЛИНА (ДЖУГАШВИЛИ)	
От редакции.....	211
Иосиф Джугашвили. Стихотворения 1895—1896 гг.	212
Виктор Пахомов. Песнь.....	216
Юрий Лукаш. У подгнившей вышки-обелиска.....	217
От главного редактора.....	218
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»	
Борис Тарасов. Вечный урок Гоголя.....	219
Галина Яковлева. Борис Тарасов с «Александром Невским».....	222
Галина Дубинина. ... Быть поэтом.....	223
Александр Виноходов. Дворнички (3).....	231
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Наталья Квасникова. Сказание о «Московском Парнасе».....	238
Первое впечатление: Кратко о новых книгах Алексея Яшина (Владимир Сапожников. Новоюрское открытие романиста Алексея Яшина; Тамара Булевич. Любовь и капитан; Наталья Квасникова. «Да-а, жизнь у нас кипит...»)	240
Ирина Кедрова. Марина Цветаева и Чехия.....	245
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	255

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.
Адрес: 300025, Тула, а/я 920, А. А. Яшину; e-mail: priok.zori@yahoo.com; тел.: (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула)
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ (Тула)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск) — зам. главного редактора по сибирским регионам
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики
Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
Валерий КРУЧИНИН-РУСИЧ (Сокольники)
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь
Владимир МИРНЕВ (Москва), президент Академии российской литературы
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы

Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Подъем» (Воронеж)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Тульский литератор»
— газета «Щекинский вестник»

Журнал издается попечительством и финансированием Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Тульской писательской организации СП России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009
Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.medtsu.tula.ru (в PDF формате)

© «Приокские зори», 2009

К ЧИТАТЕЛЯМ И АВТОРАМ ЖУРНАЛА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»!

Настоящим номером завершается пятый год плано-периодического издания нашего журнала. За прошедшее время издание фактически получило всероссийскую известность. Информация о «Приокских зорях» регулярно появляется на страницах «Литературной газеты», «Российского писателя», «Московского Парнаса», тульских периодических изданий. Постепенно, но увеличивается тираж, непрерывно возрастает качество публикуемых материалов; особенно это относится к поэзии; здесь мы четко придерживаемся принципа предпочтения творческого профессионализма, при этом всячески поддерживая «взрослеющие» таланты и способности. Через библиотечную сеть и Интернет журнал стал доступен любому читателю в России и всем читающим по-русски в мире.

Уже третий номер журнала выходит с госрегистрацией. Если Администрация области в лице Департамента культуры сочтет возможным и необходимым включить «Приокские зори» в план финансирования новой, с 2011-го года, Культурной программы Тульской области, то реальным станет получение журналом международного классификационного индекса ISSN и включение его в подписную систему «Роспечати», а также увеличение тиража до 1000 экз.

Читателям и авторам, по всей видимости, уже приелись наши постоянные апелляции к Культурной программе 2011-го года, однако же нелишним будет вспомнить исторический прецедент, когда древнеримский сенатор Катон старший начинал каждое заседание этого учреждения словами: «Карфаген должен быть разрушен». В конце концов его и разрушили.

...Быть может, лед тронется, Карфаген сомнения культуртрегеров области, связанной с именами Льва Толстого, Глеба и Николая Успенских, Салтыкова-Щедрина, Вересаева, Жуковского, отчасти Тургенева и Лескова, многих других мастеров слова предшествующих двух веков, сомнения в пользе издания первого на тульской земле полноформатного литературного журнала отпадут.

Уходящий год ознаменовался вручением первых дипломов лауреатов

всероссийской литературной премии «Левша» имени Николая Лескова. Наряду с уже устоявшейся рубрикой «Журнал в журнале: «Мосбасс» из Сокольников», начиная с настоящего номера, введена аналогичная: «Тверской бульвар — 25 в «Приокских зорях». Это не литпиар, не «архитектурное» излишество, но консолидация современной русской, российской литературы, без того в 90-е годы едва не распавшейся на некие изолированные друг от друга улусы. И приглашенные в редколлегия Валерий Ганичев, Валентин Сорокин, Владимир Мирнев, Леонид Ханбеков — не «литературные генералы», но активно работающие писатели, организаторы литературного процесса, люди, которые душой и пером своим болеют за наше общее дело. На том и стоим.

...И при всем при этом «Приокские зори» были, есть и останутся журналом с тульскими корнями. В этом просим Вас, уважаемые авторы-туляки, читатели-туляки, не сомневаться. И еще две *nota bene* для авторов: помните, что узкопровинциальный журнал издается, как правило, для их, авторов, домашних библиотек, а всероссийский — для читателей. И, учитывая, что полиграфическая база нашего издательства сильно изношена, скорее всего — и к сожалению — в следующем году нам придется отказаться от печатания фото авторов, ибо они получаются некачественными... Как говорится: до светлого будущего.

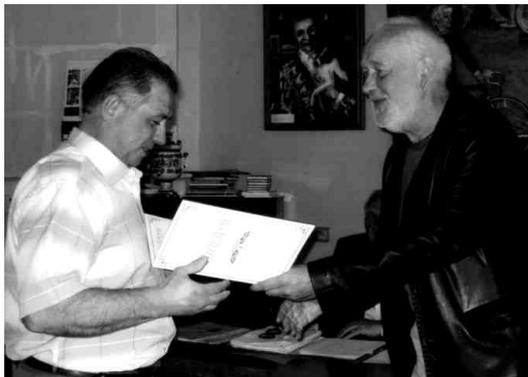
Редколлегия журнала «Приокские зори».

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

К 5-летию юбилею журнала
«Приокские зори»*

В начале июня этого года в каминном зале Тульского дома творчества в начале общего собрания Тульского регионального отделения Союза писателей России чествовали первых лауреатов ежегодной литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за лучшую публикацию в межрегиональном литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори». Звания лауреата удостоены: Геннадий Маркин — в жанре прозы, Александр Ореховский — поэзии, Николай Боев — литературоведения и литературной критики и Евгений Воропаев — по разделу публицистики. Награждение лауреатов дипломами совпало со знаменательным событием — в нынешнем году журнал «Приокские зори» отмечает свой пятилетний юбилей. О нем неоднократно писали главные литературные издания страны: «Литературная газета», «Российский писатель», альманах «Московский Парнас» и другие издания.

О сегодняшнем дне журнала, о его прошлом и будущем, об авторах и, конечно же, о литературной премии «Левша» имени Николая Лескова я попросил рассказать писателя, лауреата литературных премий имени Л. Н. Толстого, Валентина Пикуля и Александра Фадеева, лауреата Литературного агентства «Московский Парнас», кавалера памятных медалей «100 лет со дня рождения Михаила Шолохова» и «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля», Заслуженного деятеля науки РФ, доктора технических наук, доктора биологических наук, Почетного радиста России, профессора, заместителя заведующего кафедрой Медицинского института Тульского госуниверситета, главного редактора «Приокских зорь» Алексея Яшина.

— *Алексей Афанасьевич, во-первых, разрешите Вас поздравить с пятилетним юбилеем журнала, который будет отмечаться в этом году. Появление таких изданий, каким является журнал «Приокские зори», дает надежду на улучшение положения дел в отечественной литературе. Расскажите, пожалуйста, о прошлом и настоящем журнала, а также поделитесь планами на будущее.*

Спасибо. От себя, конечно, от редколлегии и многочисленных читателей, ибо «Приокские зори» де-факто уже стали явлением всероссийского порядка. Или значення; кому как нравится. Вот и «Литературная газета» поздравила нас на своих страницах с «микроюбилеем». Но в наше «динамичное и энергичное время», как некогда говаривал первый президент России, и на год-то вперед трудно загадывать. Так что — все же юбилей!

Журнал возник не на «пустом» месте, имеет своих предшественников: издававшийся в 50—60-х гг. альманах «Тула литературная», в котором, кстати говоря, появились первые публикации ныне старейшей писательницы России Наталии Диомидовны Парыгиной, недавно встретившей свое 85-летие (см. в «ПЗ» № 2, 2009) и так

---

* На фото: главный редактор «Приокских зорь» Алексей Яшин вручает Геннадию Маркину диплом лауреата премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

же ставшей лауреатом «Левши» за № 1; в конце 80 — начале 90-х гг. выходил журнал «Ясная Поляна», так называемого «комсомольского формата». В 90-е же годы были попытки издания различных альманахов, из которых по сию пору «устояли» «Тула» и «НЛЮ» г. Новомосковск; главные редакторы, соответственно, Сергей Галкин и Валентин Киреев).

Но — подчеркнем: «Приокские зори» являются первым и единственным в Тульском регионе «толстым» литературно-публицистическим журналом, в полной мере продолжающим традиции русской и советской литературной периодики, восходящие к «Современнику» Пушкина и «Отечественным запискам» Некрасова.

И еще один существенный момент: наш журнал выходит строго периодически, без пропусков и сдвигания номеров, чем грешат сейчас (не по своей, конечно, воле) многие всероссийские журналы с многодесятилетней родословной издания.

Итак, прошлое журнала — в его предыстории, а контуры будущего явно прослеживаются в настоящем, в тех полутора десятках уже вышедших в 2005—09 гг. номеров. Опять же обращаясь к самому выдающемуся организатору русской литературной журналистики XIX века Н. А. Некрасову, давшему вторую жизнь пушкинскому «Современнику», а через «Отечественные записки» открывшему для России и всего мира почти всех великих наших писателей «золотого века» русской литературы, скажем: и сейчас успешность издания журнала, а значит и его будущее состоятся в том случае, если гармонично сочетаются три главнейших фактора: а) удачно подобранная, работающая «за совесть» редколлегия; б) оценка авторов не по литературным чинам и званиям, но исключительно по их талантам и способностям; в) отсутствие в редакционной политике тенденциозности, чем, кстати говоря, сейчас грешат (но уже «по своей вине») многие столетние «толстые» журналы — имя рек, но называть не будем.

...И это все, а если в стране еще остаются читающие что-то, коме глянцевых журнальчиков и собственных чековых книжек — на сон грядущий, то не преминут взять такое издание в руки. И мы на это надеемся.

Чтобы не растекаться мыслью по древу, отвечая еще на первый вопрос интервьюера, отметим: с самого начала издания «Приокских зорь» мы *программно* отказались от сугубого провинциализма журнала. Нет, конечно, он был, есть и будет изданием тульских корней; даже арифметически, что называется, мы этого придерживаемся: до 50 % объема каждого номера так или иначе связано с Тульским краем. Но в то же время в журнале широко представлена вся палитра общероссийской литературной жизни. И вновь учрежденная премия «Левша» нами продекларирована как всероссийская.

...Как нам представляется, именно такая структура, организация «толстого» журнала, издаваемого не в столицах, является оптимальной и позволяет сделать его явлением русской, российской современной литературы.

— В каждом номере журнала на суд читателей представляются работы свыше тридцати авторов. Расскажите, как происходит отбор произведений? Кто может стать автором журнала?

А вот на этот вопрос мы уже частично ответили выше в пункте б), говоря о главных факторах успешности издания. «Цеховой» принцип у нас неприемлем, в смысле — принадлежность к Союзу писателей России не является обязательным пропуском в журнал. Действительно, и в редколлегии далеко не все члены Союза, не говоря уже об авторах. Показательно, что среди первых пяти лауреатов «Левши» профессиональных писателей только двое: Н. Д. Парыгина и Н. И. Боев. Смешно сказать, но мне, как главному редактору, одновременно «отвечающему» за прозу в журнале, порой приходится, составляя аннотацию к одобренному произведению не тульского (своих-то знаю) автора, справляться: член ли он Союза или «не профи»?

...И, конечно, никакой дискриминации по географическому признаку: в журнале

представлены многие города страны от Северной столицы до Красноярска и Сочи, печатаются авторы из Германии, Англии, Китая, Монголии, Италии: «Все флаги в гости к нам».

Повторимся: главное здесь мерило: талант, качество, литературная актуальность. Есть и одна поблажка: зазываем молодых и юных авторов. Им становится продолжателями непрерываемой даже в самые трудные времена цепи великой русской литературы.

— В наше сегодняшнее непростое время, наверное, большинство главных редакторов различных изданий, заботясь о том, чтобы их детище увидело свет, подчас становятся больше не творческими людьми, а хозяйственниками. Скажите, пожалуйста, а с какими трудностями при издании журнала приходится сталкиваться Вам? Оказывает ли Вам, как главному редактору журнала, кто-либо помощь, и от кого Вы желали бы помощи дожидаться?

Несколько «разочарую» вас: хозяйственником не стал и не стану, а само по себе издание литературного журнала суть творческая работа. Ибо журнал — опять же в творческой традиции от Пушкина, Некрасова, ближе к нам — Твардовского («Новый мир») и Зубавина («Наш современник») — не есть нечто похожее на альманах или юбилейный сборник даже по виду. Каждый номер «толстого» литературного журнала суть законченное коллективное произведение со своей фабулой и композицией.

А технические трудности (это которые «хозяйственные»), да еще в наше «динамичное», повторимся, время? Так если на них заикливаться, то и вовсе ничего не предпринимать. Но ведь скучно, когда народу, не имеющему чековых книжек, нечего читать из современного? Если же серьезно, то, как это и положено негласно, всю работу по подготовке номеров к тиражированию, включая изготовление оригинала-макета для типографии, делает ваш покорный слуга. Это мне вовсе не в тягость, несмотря на занятость активной научной работой и преподаванием в вузе. Как человек военно-морского воспитания и академик Академии военных наук, умею так составить «диспозицию», что все успеваю и даже имею массу свободного времени для личного писательского творчества.

Еще большое спасибо моим, увы, только трем помощникам: ответственному секретарю журнала Геннадию Маркину, который приводит в божеский, то есть годный для последующей верстки, вид часть материалов местных авторов, и члену редколлегии, зав. отделом поэзии Владимиру Резцову, который «и в поле жнец, и на дуде игрец», то есть он же корректор, он же и редактор, в том числе редактор поэзии (а это самое трудное в этом деле). А зная много языков, в том числе японский и китайский, делает для журнала переводы зарубежной классической и современной поэзии. Также член редколлегии Олег Пантюхин оказывает неоценимую помощь в печатании журнала. Так что — все на сугубо общественных началах, все от души и увлеченности. Не скрою (хотя и не жалею): все что «до типографии» и что требует оплаты — из своей «гигантской» профессорской зарплаты, узнавая размер которой, мои зарубежные научные коллеги сочувствуют: «Да-а, маловато, конечно». (Наивные, они почему-то эту цифру оценивают в долларах-еврах...).

Спасибо зам. директора Мединститута В. А. Хромушину, который «дает», то есть технически готовит очередные номера журнала для сайта Интернета. Хороший подарок недавно нам сделал Валерий Иванович Ксенофонтов, главный редактор ИПО «Лев Толстой», оформив журналу госрегистрацию.

Но кому самый низкий поклон — так это ректору Тульского госуниверситета Михаилу Васильевичу Грязеву. Именно издательство (типография) ТулГУ печатает «Приокские зори». Если не ошибаюсь, ТулГУ — единственный в стране вуз, попечительством которого издается «толстый» литературный журнал.

Хотели бы дожидаться помощи, как то принято во всех областях и городах Рос-

сии, где издаются литературные журналы, от нашей областной администрации. Четыре года регулярно с ней переписываюсь; сейчас аккуратно подшиваю «входящие-исходящие» уже в третий том переписки. Вроде как что-то обещали по части Областной культурной программы с 2011-го года. Но ведь сейчас все принято валить на «мировой кризис империализма»?

— *В 2008 году была утверждена литературная премия «Левша» имени Николая Лескова, первыми лауреатами которой за лучшую публикацию в журнале стали прозаик Геннадий Маркин, поэт Александр Ореховский, публицист Евгений Воропаев и литературный критик и поэт Николай Боев. Скажите, как происходил присуждение звания лауреата, и почему премия носит имя Лескова?*

Приятный вопрос. Сам собой горжусь — это по части учреждения премии. Это, как говорится, не от избытка чувств, не «архитектурное излишество», но нормальный, самодостаточный ход в популяризации журнала, в поднятии его литературно-общественного реноме.

Почему Лесков? Во-первых, хотя он орловец, но его Левша давно стал символом Тулы; во-вторых и главных — он выдающийся русский писатель, особенно рассказчик. Тот же факт, что в официальном литературоведении и до, и после 1917-го года его старались «затолкнуть» в писатели второго ряда, объясняется просто: он не шел под дудку групповщины своего времени, то есть либералам второй половины XIX века, а шел своим художественным путем. Не раз его «подставляли» собраться по перу, а главное — он написал два блестящих антинигилистических романа «На ножах» и «Некуда», за что и был проклят либералами царской России и пролеткультовцами СССР.

Главное же — мы во многом следуем художественным традициям Николая Семеновича, ибо нигилизм в литературе — от «сбросим Пушкина с корабля истории» до извращенческих опусов современной «элитарной» литературы-пиара (точнее — рукоблудия) — есть духовная импотенция, вырожденчество. Нам с ними не по пути.

...Сам же выбор номинантов на премию — см. публикуемые в каждом номере журнала в рубрике «Хроника литературной жизни» условия выдвижения. Каждый автор и читатель журнала может высказать свое мнение, которое редколлегия *честно и обязательно учит.*

— *Алексей Афанасьевич, Вы не только главный редактор журнала, но и активно работающий писатель, автор 17 книг. В одной из них, «2007 — Штиль», в предисловии от автора Вы задаетесь вопросом, цитирую: «Жить ли дальше и развиваться русской литературе, или пародия на нее трансформируется в забаву элиты». Как Вы оцениваете сегодняшнее состояние отечественной литературы?*

Сегодняшнее состояние отечественной, русской прежде всего, литературы ужасное... но и оптимистичное. Лишившись полностью господдержки — даже не в смысле финансов, литература сама себя всегда в этом деле оправдывала при наличии миллионов читателей, — но именно в части всякого интереса этой госвласти всех уровней, и приобретя равнодушного к истинной культуре «властителя дум» в лице зомбирующих СМИ, прежде всего телевизора, литература в одночасье потеряла 99,9 % своих прежних читателей и почитателей. Это-то и ужасно. Но, с другой стороны, современная литература начала активно прирастать провинцией. Да и столицы не отстают в части новых, талантливых имен. А это главное условие сохранения преемственности и традиций. Ведь было уже в Новейшей истории России — СССР время конца 10-х — начала 20-х годов XX века в чем-то схожее? Сколько выдающихся дарований оно привнесло в отечественную литературу, хотя народу тогда читать (как и сейчас, но по другой причине) было некогда. Но — прошло время, «братишки» сняли с бушлатов пулеметные ленты, позаканчивали рабфаки и сделали СССР истинно самой читающей страной мира! Будем и мы оптимистичны.

— *Алексей Афанасьевич, Вы профессор, заместитель заведующего кафедрой Медицинского института Тульского госуниверситета. Скажите, как Вы оцениваете образовательный уровень сегодняшних студентов, вчерашних выпускников школ? Соответствуют ли их знания современным требованиям, предъявляемым абитуриентам при поступлении в ВУЗ?*

Уточним: оценивать — это подразумевать *a priori* ту или иную степень какого-то, рассматриваемого качества. В данном случае эта система не срабатывает. И это не обычное ворчание по принципу «отцы-дети». Тургенев здесь тоже «не срабатывает». Ибо здесь преемственность полностью — и искусственно — разрушена. Даже не хочется говорить... Насильственно (а кем?) насаждаемый «болонский процесс» (что не делает чести старейшему университету Европы) породил полный переход от понятийной к тестовой системе. А последняя делает человека *функционально безграмотным*, то есть он понимает смысл отдельных слов и словосочетаний, но не способен воспринять смысл всего текста, то есть не способен мыслить. Бедные наши дети! Не их вина, но надо и понимать: на какую муку мученическую обречены «преподы», как их унижительно именуют современные школяры и студюзусы? Давайте к следующему вопросу, а то рука «препода» невольно тянется к брючному ремню. Не для студентов-бедолаг, конечно...

— *Алексей Афанасьевич, Вы лауреат литературных премий имени Л. Н. Толстого, Валентина Пикуля и Александра Фадеева с вручением Золотых медалей, лауреат «Московский Парнас», награждены памятными медалями «100 лет со дня рождения Михаила Шолохова» и «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля». А также Вы заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеете два ученых звания профессора. Скажите, пожалуйста, чем отличается Яшин-писатель от Яшина-ученого? Не происходит ли в Вас самом внутренний спор между Вами — «физиком» и Вами — «лириком»?*

Я — амбидекстр; так и назвал свои воспоминания о годах учебы в Литинституте им. А. М. Горького в двухтомнике, изданном к 75-летию нашей *alma mater*. Кстати, ректорат Литинститута наградил меня соответствующей юбилейной медалью. Амбидекстр — это биологический термин, означает человека, у которого одинаково (хорошо или нехорошо — это роли не играет) работают правое и левое полушария головного мозга: а левое «отвечает» за логику, научное мышления, правое же — за всякие художества и искусства. Литературу тож. Поэтому внутреннего спора у меня нет. Наоборот, что-то вроде взаимопомощи. Это как у моего младшего брата; он тоже амбидекстр, более того: переученный, но не до конца, левша. А поскольку он художник-живописец, а рисовать красками долго и утомительно, то когда у него устают правая рука, он перекладывает кисть в левую, ибо обеими владеет одинаково. Судя по его картинам — одинаково хорошо.

Так и ваш покорный слуга. Вот сейчас работаю над двухтомником «Феноменология ноосферы», где скромно замечу, развиваю соответствующее учение о биосфере и ноосфере Земли нашего великого соотечественника Владимира Ивановича Вернадского — естественно, с учетом современного знания в этом вопросе.

Когда чувствую, что «застрял» на формулировке базовой теоремы пятой главы второго тома, то перехожу к части литературной: пишу очередную главу нового романа или повести.

— *Памятуя о том, что вначале все-таки было Слово, мне хочется вернуться к делам литературным. Скажите, если это не секрет, над чем сегодня работает писатель Алексей Яшин?*

Только что и сказал: на днях в издательстве «Московский Парнас» (Москва) выйдет новый роман «Любовь новоюрского периода», который это издательство ду-

мает «замахнуть» на премию «Русский Букер'2009». ...И приступил к второй части довольно большой повести «Страна холода: Детство в Гипербореях» — это литературно-биографическая о полярном детстве шестилетнего Николки, моего постоянно-го, авторизованного героя Николая Андреяновича. Поэтому и подзаголовок повести: «Четвертая книга рассказов Николая Андреяновича». ...А недавно изданная книга «Живописный паноптикум» была в этом году представлена на самую престижную в России Бунинскую премию и вошла в «короткий список» реальных претендентов. Увы, лавры достались Александру Проханову, главному редактору газеты «Завтра». С чем его и поздравляю.

— *Алексей Афанасьевич, что бы Вы пожелали авторам и читателям журнала «Приокские зори»?*

Любви ко всем и всему, исключая: деньги (в любой валюте), стяжательство-потребительство, хамство и высокомерие, самовластие и себялюбие, нуворишество-*ньюворишество*, СМИ в современной их ипостаси и, конечно же, ЕГЭ. Это как «препод из универа» говорю.

...И читайте «Приокские зори», ибо они сеют разумное, доброе, вечное! Еще перечитайте «Очарованного странника» Н. С. Лескова.

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ: ПУБЛИЦИСТИКА, КРАЕВЕДЕНИЕ

Игорь Карлов
(г. Улан-Батор, Монголия)

ТИХИЙ ТОК НАШИХ ЧИСТЫХ РЕК

Родился в Туле в 1966 году. Учился в школе, служил в армии. После окончания Тульского педагогического института работает преподавателем русского языка и литературы. Много лет занимался в народном театре. Был участником и режиссёром различных массовых зрелищ. Публиковался в тульских СМИ, работал на радио и телевидении. Сейчас живет и работает в Монголии.

Здравствуй, старина, здравствуй! Никак мы с тобой не встретимся, чтобы поговорить всласть. А может быть, обо всем уже переговорено, и осталось только одно — думать над сказанным. Если угодно, то вот тебе еще дополнение, мои аргументы в спорах, которые вести уже кажется неприличным. Что-то вроде сочинения на тему «Как я провел лето». Что-то, чем можно пренебречь, но что есть.

Итак, поселок Чернь. Этим сказано все, можно поставить точку. Если бы не существовало поселка с таким названием, это можно было бы считать литературным дурновкусием вроде говорящих фамилий и зычных псевдонимов. Но есть он, поселок городского типа Чернь, райцентр земли Русской, в котором живут люди, а уж как и зачем — Бог весть.

Сюда приезжаешь на автобусе и, выходя на привычно заплеванную площадку перед автостанцией, обзираешь окрестности. Через речку — железный мост, за мостом — луга, холмы, строения и горизонт. Рядом с автостанцией — больница. Для тех, кто относительно здоров, она присутствует в виде снятой реальности, обозначаясь забором, за которым необыкновенно густые кусты, крыши и легенды о добрых и злых, пьющих и непьющих врачах. Вдохнув летний пыльно-придорожный чернский воздух, понимаешь всю бессмысленность споров о медицинском страховании, семейных врачах и реформе здравоохранения. Когда стоишь на земле, которая родит, осознаешь, что все это глупые затеи, а если человек заболит, не выздоровеет, пока не отболит у него то, что положено. Перетерпит боль — будет жить дальше, не сдюжит — помрет. И если найдутся люди, которые выступают посредниками между человеком и болью, то это, безусловно, титаны и герои мифологического масштаба. Они не лечат, не ведут прием, не процедуры назначают, они присутствуют при свершении

тайнства борьбы жизни со смертью. Поэтому районная больница — место почитаемое. Не со всякой болячкой в нее надо лезть, а только когда уж неумоготу. Это вам не городская поликлиника, где конвейерным способом штампуются больничные листы, примерно обозначая даты условной болезни и условного выздоровления. Городская поликлиника — контора, в которой каждый больной в режиме «помоги себе сам» открывает медработникам симптомы, которые считает нужным сделать достоянием гласности в данный момент времени. Городская поликлиника — магазин самообслуживания, где рецепт представляет собой калькуляцию среднестатистического организма, модного лекарства и толщины кошелька больного. Не так обстоят дела в районной больнице. Как — не знаю, ибо не решался вступить за забор, понимая подсознательно, что не готов к серьезным отношениям с болью, что ни по возрасту, ни по жизненному опыту не достоин занять место среди тех, кто решился примериться к настоящей боли и той неизвестности, что последует за ней. Никогда не видел врачей Чернской больницы и не присягну, что они существуют. Впрочем, не видел и больных. Один только раз из-за куц, обрамленных забором, вышла старушка в белом платке, но что-то шептало мне, что она не больна, а только навещала кого-то из страждущих. Выражение лица ее было веселым и умиротворенным, и навело меня на странную мысль: если арабы представляют себе рай местом с обилием воды и зелени, окружают себя в повседневности всевозможными фонтанами и пальмами, проецируя таким образом частицу горних сфер на быт, то не видит ли обитательница средней полосы России отражениемрая на земле больницу? Там тишина и покой, там не нужно исполнять свой натужный повседневный труд, там хлеб насыщенный строго по распорядку выдается бесплатно, там чистота и прохлада, там мудрецы в белых одеждах говорят с тобой и внимают тебе с участием и интересом. И ведь недаром же она — РАЙбольница...

Однако жарко. Дорожная пыль щекочет ноздри и осела на глотке. Вперед, друг мой, в придорожное кафе. Да, именно так и означено на павильоне из стекла и древесностружечных плит: «Кафе». Космополиты и малoverы пройдут мимо, завсегда-таи парижских и венских кафе в ужасе отшатнутся, но подлинные наследники Владимира Красно Солнышко да пребудут здесь. Войдем и мы, присоединимся к избранному обществу водителей-дальнобойщиков и праздных поселковых жителей, окунемся в душную атмосферу пригоревшего масла, табачного дыма и некоей неизвестной мне субстанции, которая обязательно витает в придорожных точках общепита, окружая их тайной. Войдем и изопьем по кружке местночтимого напитка, называемого пивом. Вкус его необыкновенно глубок, но какой это вкус — понять невозможно. Помимо воды в наших кружках плещется недовольство буфетчицы своим мужем, тягучий бестолковый разговор, тоскливая экономность провинциального пивовара и жажда наживы нечистоплотного торговца. Пить это пиво советую большими глотками, делая паузы, чтобы ощутить, как просыпаются защитные функции организма, как начинает цепляться за жизнь подсознание. Но кружку надо выпить непременно до дна, тогда глаза чуть подернутся влагой, а фибры души раскроются для познания неизвестной и дивной страны — России, о которой мы так мало знаем. Видимо, подобное испытывали чужестранцы в древней Спарте, когда вкушали чечевичную похлебку на бычьей крови и навсегда зарекались воевать со спартанцами. Выпили, крикнули, стукнули донышком кружки о столешницу. И вот теперь, когда организм приведен в правильное состояние, продолжаем осмотр окрестностей.

Главной достопримечательностью фасадной части Черни является, конечно, памятник. Подойдем ближе и осмотрим его. Только осторожнее, не попадите под машину! Чтобы дойти от кафе до памятника, надо пересечь проезжую часть «симферопольской трассы», знаменитой Е-95 (эх, знали бы куры, копошащиеся в обочинной пыли, что возьмется на трассе федерального значения). Итак, памятник. Невниматель-

ный отпускник, торопящийся в Крым на своем авто, отметит про себя: «Памятник». И все. Но, господа, эта скульптурная группа из двух стоящих мужских фигур поразительна. Это единственный в мире памятник, воздействующий на бессознательное! Во всяком случае, я больше нигде не видел двоящегося памятника. Уверен, что многие, пусть и внимательные, отпускники, даже пившие пиво в кафе, даже отправлявшие телеграммы и звонившие «по межгороду» из почтового отделения, находящегося за памятником, даже жившие в гостинице левее памятника, не знают, кому этот памятник. Нет, он не Марксу и Энгельсу! Согласен, мужчина с цилиндром в руках — вылитый Энгельс. Но всмотритесь в другого: марксова ли это шевелюра? А эта борода принадлежит ли автору «Капитала»? А одежда? А толстовка? То-то и есть, что перед нами автор «Войны и мира»! Кому же памятник? Толстому и — Энгельсу. Вот тут-то и сядут на попу любые сюрреалисты, абстракционисты и прочие Неизвестные. И только старомодные и никому не интересные закоснелые приверженцы реализма будут продолжать мучительно искать рациональное зерно в замысле скульптора и, собрав в кулак волю и интеллект, откроют пред собой Толстого и Тургенева. Вот это, товарищи, настоящий катарсис. Вот это приобщение к художественному поиску. Вот тут кончается искусство, и дышат почва и судьба. Как, откуда взялось это творение? Будь на моем месте беллетрист, он рассказал бы поучительную историю... Несколько историй. Например:

История о скульпторе, ваявшем только основоположников марксизма и неожиданно получившем заказ на памятник писателям.

История о мэре Черни, убежденном коммунисте, начавшем возведение памятника Марксу и Энгельсу, но переродившемся и изменившем проект.

История о заколдованном камне, над которым сколько ни работай, а кроме Энгельса никого не высечешь.

История о городах-побратимах — Черни и Карлмарксштадте, — обменявшихся изваяниями.

История о том, что Тургенев и Энгельс, Толстой и Маркс были, оказывается, дальними родственниками.

И это только первое, что приходит на ум! А каких голливудских сюжетов еще можно было бы накрутить! Но я этого не сделаю, оставаясь в рамках бытописания на заданную тему.

Эх, друг мой! Я мог бы многое рассказать о Черни... Это сейчас, когда мы обросли животами и семьями, жизнь вокруг кажется отлаженной, а лет десять назад точно было сильного ветра, чтобы поселок оказался без света. И тогда тьма египетская нисходила на улицы, а идущий навстречу человек выделялся из черноты лишь контуром, более темным, чем чернота. Сгустки мрака блуждали по поселку, невольно сбиваясь к окнам, в которых были видны маятники свечей. Вот тут-то и понимаешь свое ничтожество перед силами природы. Настоящее — ветер, дождь, темнота, а игрушки цивилизации — электричество и права человека — пустое. Вот тут-то и чувствуешь себя ребенком перед антропонесоразмерным дворцом природы. Да, в лесу у ночного костра испытываешь нечто похожее. Но представь только себе, что вокруг тебя еще тысячи существ, называемых разумными, копошатся в темноте. Понимаешь ли ты? Тысячи! Ужас и восторг обуревают тебя, и осенняя дождливая ночь в обесточенном поселке равняет тебя с питекантропом, и ты понимаешь, что он, возможно, высшая ступень, гордый и сильный духом пращур, осознавший свое величие, изживший страх, имевший силы жить, существовать, теплить искру рода человеческого, несмотря на холод, голод и тьму.

Да, так было 10 лет назад, в то легендарное теперь время, когда сахар можно было купить лишь по талонам, когда сигареты выдавали по месту работы, когда передовикам уборки урожая предоставлялось право приобретения дефицитного товара со

склада, а не через магазин. Это было время, когда Леха — тракторист, пересекая трассу Москва — Симферополь и находясь в нетрезвом виде (а кто поедет на Лехином тракторе в трезвом виде?!) ведром, прикрепленным к борту прицепа, поцарапал «Мерседес», а бандиты стали взыскивать с Лехи за ущерб. И это не анекдот. Бандиты к Лехе два раза приезжали. Жилище его осмотрели — взять нечего. Хотели было дочку забрать, да куда ее, дуру некрасивую? Это было время, когда мы потеряли свою страну, свое прошлое и будущее, когда мы смутно чувствовали что-то неприятное, и только сейчас стало понятно: в те дни, месяцы, годы нас продавали и продавали. Каждый час, каждую минуту, а то и секунду, по русской душе шло за копейку. Каждый час по русской буйной головушке ложилось кирпичиком в фундаменте чье-то-то особнячка. Каждую минуту по жизни ложилось на чей-то счет, а кредиты выдавались кому-то под жизни детей и внуков наших. И дошло, наконец, до того, что осталась лишь заваль людская, никому не нужная, ничего не стоящая. Огляделись мы по сторонам. Эка! Да ведь заваль-то — это мы! И начали потихоньку соображать, что раз все продано, кроме нас, то, значит, цены нам нет.

Почему мы выжили тогда, в тоскливые ночи без электричества? Потому, что смиренно поняли, что нам делать: одним в поте лица добывать хлеб насущный, другим в муках рожать детей. Каждый день шли мы работать. Ни смысла, ни результата работа наша не имела. Но с тупым упрямством пластались мужики и бабы, кишками, жилами, всем нутром своим тащили себя через время, надсаживаясь, плача и матерясь. Безвольно и покорно, как клыча в борозде, влачили время через себя. И менялось время. И мы менялись. Глупее нельзя придумать: люди заводили моторы, собирали картошку, учили детей, лечили стариков, и все без надежды на плату, без гордости за профессию, без благодарности начальства. Человек, провалившийся под лед, выберется и побежит. Не видя конечной цели, не осознавая, что с ним происходит, звериной памятью припомнит, что бег — единственное его спасение. А мы вспомнили, что спасало предков — труд; злой, непосильный труд. Наказание и призвание человека на Земле. Постепенно, брошенные, ненужные, лишние людишки, осознавали мы труд как наше оружие в борьбе с жизнью, как единственное оправдание перед предками и потомками, перед Богом. Медленно отступала тьма, холод и голод, и сегодня я знаю, что ответить там, на Страшном Суде: «Помилуй нас, Господи. Мы грязны и грешны. Мы не сделали добра, не были достойны Тебя. Все, что мы знали и могли, — работать».

Десять лет назад... Тогда подыхала великая империя, такая по-домашнему понятная и обжитая нами. Империя, подобной которой не бывало в мире, похожая на коммунальную кухню, на общежитие, империя без императора, без наследника, империя высокой обрыдшей всем идеи. Всеми поносимая, отовсюду изгоняемая страна умирала от смешной, в общем-то, причины: она стала неудобна, старомодна, неэффективна. У империи не было внешних врагов, ибо она была страшна своими размерами, и все, кто некогда хотел оспорить ее право на существование с оружием в руках, махнули на нее рукой и забыли о ней. У империи не было врагов внутренних, ибо даже инородцы и студенты обжили собственные уголки Великого Беспорядка и уютно угнездились в них. Справедливости ради следует сказать, что не было у империи и друзей, и солдат, и идеологов. Казалось, что некогда установившийся порядок вещей уже не изменится. Однако запойная наша держава ворочала мозгами и стучала сердцем, то есть влачила существование с надеждой когда-нибудь жить. И с тем умирала. Умирала, повторюсь, от неэффективности.

Отметь себе! История русского народа знает множество примеров государственной борьбы с неэффективностью. И всегда это заканчивалось гибелью государства и победой неэффективности. Посему делаю вывод: неэффективность есть русский вариант эффективности, и всякий, кто не понимает этого, будет вредить государству.

И стояли над страной ночи. Осенние, глухие, такие непроходимо тупые и черные, что либо застрелиться, либо Леонида Андреева почитать. Обычные русские ночи, прессами давившие нас и в смутное время, и при крепостном праве, и в гражданскую войну... Что там — глаз коли; хоть зубы вырывай плоскогубцами, хоть режь по живому тупым ножом, не будет в ответ ни людского сочувствия, ни Божьей милости. Даже Луна куда-то девалась. Или от ее света еще темнее делалось в глазах? Наверное. В глазах темнело — это точно; от жизни впроголодь, от одиночества и заброшенности, от подспудного сознания, что теперь, когда все створы разбиты, не будет больше покоя, справедливости, достоинства, что страшными ночами человеческая заваль будет убивать и насиловать безнаказанно, что пойдут по нашей земле гулять ненасытный подкуп и предательство, б...ство и гнусь, что не будет честному человеку не только почета, но и приюта на родине. И так будет долго, может быть — всегда.

Кто говорит — раньше лучше было. Не знаю. По-другому было, а лучше ли?.. Кто рад: скоро лучше будет! Будет ли? Скоро ли?

Заунывная нота русских жутких ночей тянется, тянется, тянется. Многие годы, века, должно быть, досталось нам слышать ее. Так визжали тормоза «черных воронок»? Так скрипели оси телег продотрядов? Или — раньше — скрежетали уключины расписных челнов Стеньки Разина? Лязгали мечи междоусобных войн?

И под эту сурдинку встрепенулась вдруг «творческая интеллигенция» и давай глаза нам открывать да «всю правду» сообщать. По ночному небу (еще черней) ползли пятна: архивы открылись, гласность наступила. Да так наступила (прямо в середку поганой лужи), что всем глаза брызгами залепила. Слепу да сдуру полезли дружить с «цивилизованными странами»: вот они мы! Хоть трахайте нас! А те: «Гуд, гуд. Хорош рус Иван! Давно мы тебя не лапали. Что это у тебя торчит? Крым? Прибалтика? Давай-ка их сюда». И сменяли полстраны на хорошее отношение к нашим лидерам. Сейчас только морду протерли, башку почесали да по привычке рукой махнули: мол, не жалко, у нас еще много осталось.

Вот ведь какая правда-то... Смотришь да удивляешься: как не заметили раньше, что «вся правда» была не вся? Если говорила «творческая интеллигенция»: «Сталин был злой усатый тиран», то подразумевала: «Чего мы не пожелаем, все нам можно, а осуждать нас не смей!» А если кто талдычил: «Переход к рынку! Переход к рынку! Переход к рынку!», то значило это: «Мне мало платят. Дайте денег! И еще, и еще!»

Оно конечно: и Сталин был тиран, да еще злой и усатый, и базар поинтереснее карточной системы. И душа русская взыскует правды с тоской почти смертной. Но та «вся правда» десятилетней давности в другом. В том, уставшие мои современники, что разбрелись мы по одиночке в поисках корма и «удовольствий» и так и бродим в потемках, натываясь на неразрешимые в одиночку вопросы.

Ночи, ночи осенние... Гораздо позже электричество стали отключать за неуплату, а тогда мы впервые узнали, что света, тепла, воды в домах может не быть. Просто не быть. Понимаешь? И ощутилось, что «цивилизация» — понятие отвлеченное и к понятию «человек» применимо далеко не всегда. Бывает так, что этот самый «человек» остается во мраке один на один с природой как биологический вид, голенький, без ста своих цивильных одежек. Что делает тогда «человек»? Любуется звездами? Читает при лучине? Или идет грабить по подворотням? Раз нет электричества, то летят на помойку культура, воспитание — все, чем согревались души на морозе существования. И пока не забрезжит за окном рассвет, чего только не передумаешь! Долгая крошечная ночь палачом приступает к кровати, а ты бежишь от нее, да как раз и потеряешься. Себя потеряешь в обрывках душевного черного плаща, скроенного из ошметков твоих и еще чьих-то мыслей, барахтаешься и тонешь в темноте, не зная, за какую соломинку ухватиться. Что дальше будет с нами? Что дальше будет со мной? И даже если включат свет, дадут деньги, и их хватит на еду и одежду, и даже

если много купить еды и одежды, домов и машин, яхт и женщин, то зачем это? Тоскливая пустота жизни готовит тебе три ярма: бессмысленный труд, традиционно ненужная семья, дикий отдых от извечных оков труда и семьи.

Покрываешься гадким смертным потом, и в подушечной тишине ночи кричишь в облепившую тебя вату: «Дай же мне хоть какой-нибудь смысл, хоть какую-то надежду!» И как только начинаешь сам себя спрашивать, кого так горячо просишь о милости подания разума и воли, тотчас находится ответ: Его.

Почему в обыденной нашей жизни мы вспоминаем о Боге в последнюю очередь? От гордыни? От глупости? Скорее, от бессилия. И то сказать: где набрать нам сил для веры, когда нет их даже на безверие. Не холодны, не горячи, теплим свое существование, и мыкается без приюта душа: в «научное мировоззрение» она не влезет, да и в суеверии ей тесно, а до веры не подымается: крылья слабы. Отучилась летать за годы пространственно-временного бытия. Если уж случится какой слом, беда предстоящая свалится, тогда только, порвав в кровавые лоскуты нутро, на грани погибели ринется человеческая сущность к Богу. И от безысходности пробираясь к Свету, если опять не изнеможет и не скукожится, увидит вдалеке за надрывом — покой, за смутой — ясность, за привычкой — любовь, за словом — Слово. Эх, и высока же эта лестница, братья! Как бы нам к ней подступиться?

Но тогда, в прошлой жизни, мало кто задумывался о столь отвлеченных вещах. Стояла задача выжить. Люди выживали, неся в душе надежду на рождение новой древней страны. Тогда творился эпос нового времени, неосознанно и непредсказуемо. И в Черни явления этого эпоса были смешны до трагизма. Через болото повседневной действительности продираться следовало, как через осеннюю грязь на чернских улицах: подумать, прикинуть, куда поставить ногу, чтобы не заляпать штанину. А лучше всего иметь шест для промера глубины луж и залежей пастообразного чернозема. Но путь этот не наш. Мы — в тельняшках и резиновых сапогах.

Я видел это сам, пробираясь сквозь хляби земные, воскресным пасхальным утром в Черни на улице... Не помню названия. На главной улице. В Нью-Йорке это был бы Бродвей. Небо было серо, земля черна. Петухи давно пропели, но тщетна была их надежда разбудить кого-нибудь. Безлюдна и тиха была улица. Я одиноко брел вниз с горочки, любопытствуя узнать, как встречает Светлое Воскресение мой добрый народ. Но поселок словно вымер. И только вдалеке цепляло глаз нечто, лежащее посередине дороги. Сперва мнилось, что это клок сена или ворох тряпья, но нехорошее предчувствие сжимало сердце и неприятно волновало. Куль? Мешок? Но по размерам это было больше, и странная белизна выдавала присутствие чего-то живого. Подходя ближе, я отчетливо увидел человеческое лицо. Мертвец? Но ведь он же... да-да! Храпит. На проезжей дороге, возвышаясь страшным брюхом, лежал навзничь мужик в майке, семейных трусах и кирзовых сапогах на босу ногу. Он был огромен. Русский Гаргантюа, уставший праздновать уже с утра. Явление жуткое и, безусловно, эпическое. Это был, может быть, последний год существования Советского Союза, и всем стало ясно, что Пасху надо отмечать куда как прилежнее, чем 7 Ноября. А как именно, мы не знали тогда.

А видели вы мордобою времен перехода к рынку? На чернском рынке все и началось... Соседняя Орловская губерния издавна у нас считается зажиточной: хлеб там дешевле, значит и жизнь не в пример нашей. Соседям не то чтобы завидовали, а больше сетовали на себя да на свое начальство. Видно, похожие настроения витали и по ту сторону областной границы, ибо по выходным дням с Орловщины обетованной являлись в Чернь за покупками жители приграничного Мценска, также уездной столицы. Понятно, что чернские жители неприязненно относились к зажавшимся дешевым хлебом мценским. Сам посудите: пользуясь своим баснословным богатством, те опустошали чернский рынок. Какой-нибудь очкарик-экономист, может быть, и не

поймет, что плохого, дескать, товар — деньги — товар. Но не экономической скучищей живет Россия, а жаждой справедливости. И я считаю, что будет справедливо так: раз у тебя хлеб дешевле, то можно спокойно вытерпеть, если тебя треснут разок по морде. Но в этот раз на базаре обидели человека нетерпеливого и мстительного. Вернувшись во Мценск, собрал он ватагу таких же спортсменов, как сам. Вдохновенные все той же пылкой страстью к справедливости, мценские арендовали автобус и в тот же вечер отправились в Чернь. Мстить. В сгущающихся сумерках остановили они автобус на левом берегу Черни-реки, чтобы войти в поселок пешком. Вооружены были арматурой, цепями и прочим скобяным товаром. И хитроумный их вождь, Одиссей современности, приказал обнажить торсы, дабы в темноте отличать своих от врагов. Говорят, были среди мстителей и девицы. Не знаю, оголялись ли последние, вряд ли. Вообще роль этих Валькирий исхода XX века не ясна. Должны ли они были врачевать раненых или вдохновлять на бой своих мужчин? Или то были фурии и гарпии, подручные Марса?

А теперь представь себе, как в наступившей темноте голые по пояс люди входят через мост в городок с единственной целью: бить любого, кто попадется им на пути. Страшно?.. Их долго не могли остановить. Потом уж прибыл ОМОН из Тулы и Орла, и побоище прекратили. Но знай, что усобицы периода феодальной раздробленности Руси и все наши гражданские войны еще не окончены!

В ту ночь приоткрылась дверь, за которой вся тьма, вся чернота жутких ночей, все бесы, стоящие за нашими спинами. В узкую щелку видна была безысходность и проклятие земли нашей.

Смерть и мучения, растерзанная в клочья русская душа, кровавые ошметки ее в грязи, сила и воля злые и непреклонные. Страстная, неистовая жестокость пульсирует, как кровь в висках во время драки. Там братоубийство и предательство, там сажают на кол и вырывают языки, заживо сжигают и забивают до смерти, там тюремные стены и колючая проволока лагерей, и свет в глаза, и пуля в затылок. Хочется спрятаться, исчезнуть, а нельзя, ведь жизнь продолжается даже в крошечном кошмаре. Откуда, из каких веков занесло ко мне в сердце этот смертельный страх? Кто рассказал мне, как мечутся от окна к окну матери и жены? Что за тупое, покорное ожидание муки оживает вдруг во мне? Или это называется терпением? Ведь сотни и тысячи палачей и мучителей прошли по этой земле, возвращая тлен и дикость, а жизнь продолжалась. Значит, терпение — подвиг бездействия — наш русский ответ тьме и бесам? Не знаю, боюсь знать. В одном уверен: не дай Бог заглядывать за эту дверь. Страшен мир за ней, это мир, где можно заблудиться навеки. Даже и вдохновиться можно этой тьмой, возвести ее на пьедестал и существовать, поклоняясь ей. Но горе тому, кто скрипит этой дверкой. Не для слабых человеческих рук ее пружина. Подальше надо от нее, а то затянет и ослепнешь.

А капельки зла сочатся через щели, живут рядом с нами, совсем от нас не отличимые. Напьются парни самогонки и походя прибьют кого... Или вот был в Черни такой персонаж, служивший в милиции. Был он, кажется, таджиком, а прозвание имел «Квадрат», поскольку был мал ростом и толст. Он тех парней, что самогон пьют да куролесят, успокаивал очень лихо при помощи резиновой дубинки. Да притом бил с какой-то оттяжкой злой, с неким вывертом. По спине шарахнет, и человек после его удара просто ужом извивается, а следов от удара никаких. Один только раз «Квадрат» следы оставил, когда зарезал свою сожительницу. Три десятка ранений нанес кухонным ножом.

И сейчас я думаю, а существовал ли в действительности этот «Квадрат»? С ним ли я разговаривал и здоровался за руку? Нет! Нет, конечно. Это персонаж мифический, это сгусток зла, данный нам в ощущениях для постижения загадки бытия. И много, много можно найти в чернском житье десятилетней давности сверхчувствен-

ных сигналов с разных концов Ойкумены. Приехали толстовцы. Спустились с холмов Грузии, где их начали притеснять потомки Демона и Тамары, не пожелавшие далее делить свои горы с русскими.

Задумайся: люди, искавшие свободы от государства и церкви, не согласные делить с обществом его проблемы, изначально уходили в места пустынные, труднодоступные. Раскольники и старообрядцы, толстовцы и сектанты бежали туда, где за удаленностью от административного центра затруднено исполнение предписаний онога. Север и юг империи, восток настолько дальний, что оборачивается западом — вот места обитания отшельников. Но в конце XX века вакуум норм и законов уже не был связан с географическим удалением от столицы. Приезд в Чернь толстовцев, представителей загадочного племени окраинных русских, живущих от Аляски до Амазонии по заветам отцов, сохраняющих на чужбине чистоту России, нужную лишь в России, я считаю актом официального признания очевидного в быту факта: настоящая пустыня, настоящее запустение и одиночество, где нет ни власти, ни закона, переместились тогда с окраин империи в сердце России. Где еще найдете вы заброшенные гектары пашни и туземную дикость? Где еще за бусы, зеркальце и огненную воду вам разрешат делать все, что заблагорассудится? В Черни, господа!

А еще гулял по поселку некий проповедник в долгополом черном плаще, ковбойских сапогах и шляпе. Он, кажется, был абсолютно доволен своей судьбой, занесшей его на дикий восток, где так легко представить себя героем вестерна. По-моему, он даже и не проповедовал никому, а только благодарил своего божка за возможность посмотреть любимое кино в удивительном кинотеатре, где под скошенным каблуком чавкает настоящая грязь, где пыльник покрыт настоящей пылью, где пьяная драка с настоящей кровью. Не хватает стрельбы, попкорна и колы, но с этим легко примириться, когда не надо покупать билет на сеанс. Когда еще приплачивают за просмотр.

Были и другие интересные типы, но была примета времени неодоушленная. Пожалуй, самая яркая. Гуманитарная помощь. Когда Горбачев замирился с вероятными противниками, решено было русских подкормить. По всей Европе взревели двигатели мощных грузовиков, и, подпрыгивая на обломках железного занавеса, устремились в Россию караваны гуманитарной помощи, обреченной на разграбление и мучительный дележ. Стоя в очередях с неотоваренными карточками на сахар и крупу, мы вожделили узнать, что присылают нам соседи по континенту, добившиеся изобилия колбас, сыров и прочей снеди. Бедные, мы не понимали разницы между посылкой от друга и гуманитарной помощью. Непросвещенные, мы, доведись отправить что в Европу, оформляли бы примерно такую накладную: икра красная (1 банка), икра черная (1 банка), водка (2 бутылки), тушенка, сгущенка и т.д. Что же получали неминуемые и сырые наши сограждане? Стоит ли вспоминать! Каюсь, и я однажды включил в свой рацион дары Земли Германской, хоть не был убогим и нуждающимся (да и кто из наших сограждан не вкушал консервов из дареного коня). Не воровал, граждане! Угостили. Итак, баночка не то супа, не то соуса с плавающими кругляшками сосиски. Далее якобы мясное изделие из другой баночки — не режется, на хлеб не намазывается... Что это, если не издевательство?! Закуска дрянная, но и без водки этого не съесть. И глотал я это со слезами, понимая, что объединяющаяся Германия не нуждается в такой пище и потому утилизирует все посредством русских желудков. И нехорошее, мстительное чувство поднималось в душе моей по отношению к отправителям гуманитарной помощи. С рецидивами этого чувства борюсь и до сих пор. Прошу понять меня правильно! Я, конечно, благодарен людям, которые, видимо, от всей души решили помочь голодающей стране. Но за неказистой этой помощью отчетливо было видно место, отведенное отныне этой стране. Да и злился я, конечно, на себя. За то, что сыграл в халявную эту игру, за то, что ощутил себя профессиональным попрошайкой, который материт подающего ему копейками, а не рублями.

Принимали помощь, а получили подачку, ждали гуманизма, а натолкнулись на консервированную добродетель...

И еще много чем метило нас время. А мы оставляли приметы свои в нем. Глупые обиды, неудачи, скудоумие, дурновкусие, заскорузлость чувств, неуклюжесть нашего существования отливались в приметы времени, топорщились бородавками на физиономии века. Хорошо, если от некоторых удалось избавиться. Хорошо, если знаки нового времени не будут такими же нелепыми. По крайней мере, давайте сделаем вид, что не будут!

...Прошло десять лет. Чернь теперь, конечно, изменилась, обзавелась уютными магазинчиками и закусочными и, похоже, стала выдергивать себя из нищеты. И вот теперь, после того, как я рассказал тебе о том, что было, жду вопроса: «Ты любишь это место на карте или ненавидишь?»

Ответить на это — все равно что сказать, люблю ли я себя или нет. Иногда кажется, что чернская жизнь невыносима; иногда — что только так и надо жить. А по большей части болтаешься посередине, между «да» и «нет», болит от этого сердце, и нервы дрожат гитарными струнами. Но в подсознании неистребимо живет несколько воспоминаний, про которые с уверенностью и всегда могу сказать: а вот это правильно и хорошо. Воспоминания эти банальны: синее небо, красное рассветное солнышко, белый утренний туман. Ты говоришь, что это — кич? Не буду спорить. Но за тем, чтобы видеть это, я приехал сюда. И, может быть, чтобы видеть это, я и живу.

Итак, в путь, друг мой! Идем со мной в прекрасную, залитую солнцем даль. Какая красота ждет нас! Какие звуки, краски и запахи! Мы пойдем с тобой вслед за течением реки Чернь, доберемся до Медвежки. А дальше — Тургенево, Бежин Луг... Или, если хочешь, Никольское-Вяземское. Какие названия! Какой простор! Какая воля!

В путь! Ошибочно думать, что путешествие (даже маленькое) имеет какую-то цель. У путешествия есть только отправная точка, то, от чего отталкиваются, что оставляют позади, положившись на волю Божию, бредут, любуясь красотой Его мира. Если быть прилежным путешественником, то обретешь в пути самое главное — себя.

Чернь тянется вдоль трассы на несколько километров. Кажется — вот последний дом. Ан, нет: произвольно стоящие домики оказываются в черте административного подчинения поселка. Идешь, и кажется — конца не будет хуторкам да выселкам чернским. Идешь и видишь, как живет народ. Тяжко живет, с натугой. Однако не забывает о детишках: там качели соорудят, там машину песка свалят перед палисадником, дескать, покатайтесь, пеките куличики, стройте домики — это важные для взрослой жизни привычки. Дай вам Бог, ребятки, когда вырастете, и кулич испечь к светлому дню, и дом поставить, в котором вновь — качельки да песочницы. Так жизнь и теплится. А пока в летнюю каникулярную пору гоняет ребятня на велосипедах, городит схороны тайные да шалашики, таскает из окрестных садов яблоки-зелепухи. Погодите, дети, немного, дайте созреть плодам...

По осени в тех обширных садах благодать. С утра зябко и туман. Между лежащими у ног облаками рядами тянутся яблони. Так, наверное, в раю. И потому каждая мелочь приобретает тайный смысл. Дышишь терпким сытным воздухом, от которого через телесную оболочку струится душа, заполняя весь сад и замирая живописными клубами, как туман.

А по восковым бокам яблок медленно стекают капли росы, эти хрустальные путешественники с северного до южного полюса плода. Легко, но словно нехотя, отмеряют они свой меридиан и, задержавшись на крайней оконечности, удивленно падают в небытие.

Яблочки, как в сказке, наливные: тугие, вызывающе красивые. Если надкусить такое — пьянящий сок польется в рот. И тут просто челюсти сводит, и грызешь, грызешь еще; объедение... Когда язык одеревенеет и распухнет от спелой кислин-

ки, тогда уж остановишь себя: да хоть центнер слопай тех плодов, не познаешь добра и зла.

А на соседнем ряду (за туманом не видно) — разговор. То озорной, то деловой диалог. Может, это сторожа с бригадиршей балагурят; может, змий с Евой калякают. И вот пошла через ряды наискосок женщина. Голова под цветным платочком, что в голове — тайна. Брезентовая куртка на ней, штаны тренировочные, резиновые сапоги, а под этим всем — то же, что скрывалось под туниками да хитонами с тех пор, как устыдились люди наготы своей. Взглядом зацепит тебя на секунду, томно смотрит и требовательно, лукаво и неподкупно, отвернется резко и дальше уплывает в туман. А ты стоишь, не шевелишься, что-то ребро ломит, сил нет. Яблоками, что ли, объелся?..

Вдруг выбежит из тумана собака. Крупная, рыжей гладкой шерсти. Собака эта не сторожевая, а приبلудная: стоит и смотрит тебе в глаза, определяя, что ты есть за существо, какие у тебя права на эту территорию, ждать ли от тебя какой-нибудь гадости. И в обыденном этом факте (собака выбежала) много странного: почему собака? почему выбежала? почему на меня? Да и собака сама странная. Кто-то говорил недавно про бешенство, вот и у этой слюна до земли, хвост поджат. Как бы не тянула... Два настороженных ожидания в четырех глазах, два непонимания в туманных клубах, два одиночества в прекрасном яблоневом саду. И долго мы смотрим в глаза друг другу. У собаки, кажется мне, наворачивается слеза. Не знаю, какую информацию считала она по моим глазам, я от нее узнал примерно следующее: «И сюда добрались... Зла на вас не хватает. Позахватывали все кругом — лапу задрать негде. Вот что ты стоишь? Что задумал? Не пойму я тебя. Да все у вас не по-людски, все с выпендренчиком. Стоит, смотрит... Мог бы дорогу уступить, звериное-то племя пораньше вас на Земле обретается,— да, пораньше! Планета эта, между прочим, нашенская. Это я тут хозяйка, я должна стоять, растопырив ноги, руки в брюки, а не ты. Эх, да что с тобой говорить!..» И энергично тряхнув головою, собака удаляется каким-то боковым скоком, растворяясь в тумане.

Вот что происходит в наших садах по осени... Ну а сейчас — лето. Задумчивая романтика еще не вызрела. Всему свое время. Время и нам продолжать путь.

Ах, господа! Кто сможет объяснить то невыразимое наслаждение, какое дает нам странствие по родной земле? Вот мы бредем, именно шествуем, шагаем по любимой неизвестной стране, открывая для себя прелесть простой красоты, и умиротворение и нега снисходят на нас, как будто все уже в жизни сделано, все достигнуто. Да и нужно ли что-то делать? Чего еще более возвышенного можно достичь, чем синяя полоска леса там, за желтым полем возле зеленого луга? И отчего так щемит сердце, когда видишь простор? Не видишь, а ощущаешь простор, дышишь волей, слышишь свободу в шуме ветра. И каждое корявое деревце, каждый куст что-нибудь да значат. Если пытаться вдуматься: что это, и почему оно именно так коряво и именно здесь растет, то сойдешь с ума. И ум отказывается пытаться охватить эту вселенную, где за каждым поворотом дороги, за каждым подъемом или спуском открывается новый мир, и остается только чувствовать, как ладно вставлен ты в окружающую сущность, не хуже любой лошади, березы, травинки, у которых ты в гостях, но которые почитают тебя как хозяина.

Пусть же еще послужит нам наша стоптанная обувь! Мы будем двигаться в этом зелено-синем океане вслед за прихотью речных изгибов, постигая музыку ландшафта, поющего хоралами холмов. Мы станем несуетны и мягки, словно течение наших чистых рек, словно ход наших торных дорог.

Дороги эти, о которых столько сказано и спето, которых каждая верста вымощена матюками, действительно, явление особое. Они метафизичны. Они есть, но одновременно их и нет, что зависит от погоды, от настроения путешественника, от добросовестности строивших, от... Дальше додумывайте сами. Уникальное русское явление —

дорога в объезд дороги. Возникают это параллельные пути там, где проложенная межколхозная магистраль неудобоезжима, и мужики съезжают на поле и бузуют по зеленым. Эти натужные колеи в одну сторону ведут к былинному прошлому (сравни — «Илья Муромец и Соловей-Разбойник»), а в другую увозят в далекое будущее, воплощая мечту о временах, когда для передвижения дороги вообще не будут нужны.

Вот в чем смысл и значение дорог России. Пройди по одной из них. Выбери время. Зимой, когда поземка, злая змея, переползает с обочины на обочину. Весной или осенью, когда жидкий чернозем взасос лобзает твои ноги. Летом, когда пласты праха лежат так плотно, что босыми ногами ступаешь, словно по ковру, погружаясь в теплую пыль чуть не по щиколотки; или, как я сейчас, шлепай обувкой по черному раскаленному зеркалу плавящегося асфальта, рождающего в струящемся мареве дорожные миражи.

Гонят каторжный этап, идут колонной солдаты... И все они живут лишь в те минуты, когда проходят мимо. Дорога, как царапина в памяти, а по краям ее возводят церкви на помин душ, ставят памятники героям, кладут плиты разбившимся шоферам. Ты же цепенеешь — не то на поминках, не то в почетном карауле.

Зачем я и куда? Почему век за веком обновляли путь на Руси толпы калик перехожих, захожих богомольцев, паломников и бродяг?

Сядешь в тени под кустом на обочине отдохнуть и подумать, навалится грустная радость: медленно растворяешься во времени и пространстве, и вот уже нет ни пункта А, ни пункта Б, некуда спешить, не за чем гнаться. Эх, заблудиться бы на этих неисповедимых путях! По ним, видно, ходят ушедшие от нас. А то, глядишь, встретишься и с самим собой маленьким. Вон — топает карапуз, и все-то ему любопытно, глаза раскрыты миру и душа нараспашку. Навстречу пацану — телега, груженная рухлядью, на телеге старик. Вожжами щелкает, губами цокает, понукает гнедого трудиться. Зыркнул старик на мальчика, смотрит внимательно, а будто не видит... Или это тоже я?

Долго так сидишь у дороги, всматриваясь в самого себя, глядя окрест. А вокруг все движется: ползет муравей, колышется листва, едут автомобили, проходят столетия. Вдруг чувствуешь и кружение Земли. И на несколько градусов перемещаешься с планетой осознанно, внемля гудению ее соков. Звонкое небо и глухой подземный гул, а справа налево — дорога. Выходит крест. Да такой громадный, что робеешь. Боишься — не над могилой ли водружен тот крест? Ведь этакий могильный холм размером в 1/6 суши он для...

Неужто и вправду погребена Россия? А мы — русские-сироты, и только сиротство делает нас русскими? Неужели суждено нам вечно лишь искать канувшего града Китежа, и никогда не дано будет почувствовать живое и трепетное дыхание Руси? Увидим ли мы добрым наш народ, обильной нашу землю? Снами, не явью, плывут горным ОХОХО! путем лики старцев-печальников над покинутой страной, далеким эхом гремят победы воинов-заступников, обманчивой сказкой видятся жены-хранительницы. А мы, подкидыши, с тоской взыскуем Святой Руси и, не найдя, безнадежно опускаем руки. Где честные, беззаветные труженики, где мудрецы — бессеребренники, где светлые юноши и чистые девушки? Кто научит заветам предков? Кто воспримет потомков? Народ ли мы еще? Тверда ли земля под ногами, или, в наказание Господне, лишенная соли своей, она обратилась в песок, что разлетится от дуновения ветра?

Слабы и безвольны мы, ибо силу обращаем в насилие, а волю — в самоволие. Существование наше — борьба не за жизнь, а с жизнью. Боремся с погодой, с природой, друг с другом, с прошлым и будущим. В семье хотим оставаться одиночками, на работе — безработными, в государстве — анархистами, в Православии — язычниками. И так не живем, а ломаем жизнь, пока не доломаемся, наконец, до смерти. А пе-

ред последним вздохом диким глазом охватим тот скудный скарб, что удалось нахапать: «Это все? Для этого приходил я в мир?»

Господи! Вразуми и настави! Покажи мне мою землю, научи любить ее, укажи мой путь на ней. Пойду, помолясь, по этой дороге, где некогда была раскатана моя жизнь колесами тяжелых грузовиков и автобусов. Пойду дальше, туда, где нет тоски и злых сомнений.

Уже за полдень. Солнце печет немилосердно. Уже позади станция Чернь, которая от райцентра верстах в десяти. Здесь, за железнодорожным переездом, начинается «бетонка». Ровная, прямая дорога, проложенная военными для своих тайных нужд, выручающая окрестных крестьян в нуждах повседневных, во всякую непогоду надежный путь. В округе бытует мнение, что «бетонка» эта секретная, что иностранцам, потенциальным шпионам, здесь не пройти. Во всяком случае, раньше так было. Сейчас, после капитуляции в холодной, бескровной, бестолковой войне, бдительность нулевая. Для шпионов — раздолье. Хоть пасись табунами на совхозных полях. Только не видно иностранцев, пренебрегают. А зря! Думается мне, что где-то в этих местах одна из русских тайн спрятана. Правда, мы и сами не нашли ее до сих пор. А может — и не искали. Так или иначе, ни одной вражеской морды не видать. Все открытые лица соотечественников, настолько свои, что в любой точке галактики посмотришь на них и по-компьютерному безошибочно определишь: планета Земля, Тульская губерния, Чернский район, от зубного техника едут, вставили протезы. Это две бабули на автобусной остановке: часто клацают челюстями, а новая сталь на солнце сверкает нестерпимо. Дед рядом с ними — не знаю, откуда и куда. Может, городской водочки выпить ездил; может, дела какие вершил, и уже потом выпил. А молодка лет пятидесяти, та, что с сумками и рюкзаком, эта, верно, с электрички. Вышла на станции, и теперь ей к родственникам в деревню. Наверное, дети-внуки там (дело летнее) окормляются на парном молоке да на чистом воздухе. И поперет теперь она, голубушка, им продуктов (хлеба с баранками да колбасы с шоколадками) по детской своей сельской привычке: на одном плече рюкзак, на другом вперевес две сумки, ручками связанные, в руках баул с надписью «Теннис»... Не теннис тут, а марафон с препятствиями, гонка на выживание... Из Тулы ли она, из Орла, из самой Москвы ли, из города, в который влилась в юности капельной и живой кровинкой, где мечтала щеголять в модных платьях да туфельках, где не месить навоз резиновыми сапогами, не таскать круглый год ватника. Получилось у нее что путное? Или так и промыкалась с клеймом «лимитчица», с запойным мужем, с жадными детьми? Об этом погадает она позже, на закате, уже на месте, когда наговорится с земляками, оделит близких городскими гостинцами, а сейчас думка другая: как до дому добратся? будет автобус или нет? А это вопрос не заковыристей ли вопроса о смысле жизни, я даже не берусь рассуждать, ибо скатишься на банальную формальную логику, а подход нужен с точки зрения космизма и даже антропоцентризма русского сознания. Суди сам: вот дорога, вот автобусная остановка. Вроде бы — почему бы и не быть рейсу? Тем более старушки толкуют про расписание, излагают четко, по дням недели, по часам. Но тут слушай, да держи фигу в кармане. Какое расписание в глубинке России? Шутить изволите? Здесь детей в паспорт забывают записать, не то что... Плюс разница в восприятии маршрута пассажирами и водителем, когда одним кажется, что пора бы уже, а другой считает, что рано еще (Эйнштейн с теорией относительности по горькой иронии судьбы не был русским; хотя — не верно; относительность — она в Лондоне относительность, в России относительность — среда обитания. Научной сенсации не получилось бы: что за сенсация — «все относительно», когда все действительно относительно; и жил бы Эйнштейн тихо в Бердичеве, пока кто-нибудь другой в Гарварде не догадался: «Смотрите-ка, Эйнштейн-то в Бердичеве живет относительно! А не придумать ли новую теорию?»). Далее: когда и что слома-

ется в автобусе? Кто и сколько даст денег на бензин? Был ли у шофера повод выпить? Остановит ли его милиция на посту в Медвежке?.. Продолжать можно до бесконечности. Сам понимаешь, что в таких условиях сесть в рейсовый и доехать до нужного пункта было бы слишком просто. Настолько просто, что это считается чудом. А я не привык рассчитывать на чудеса. Нет, дорогие мои попутчики, оставляю вас в томительном ожидании и продолжаю свое хождение. Благо напротив жестяного скелета остановки, рядом с нефтебазой, — колонка. Напьюсь, обольюсь по пояс льющей артезианской водой и потопаю. Кстати, если пойдешь когда-нибудь моим маршрутом, запомни эту колонку. Очень она выручает путника.

Слава Богу, рюкзачок мой невелик, сейчас погоняю его по спине, чтобы нашел свое место, и — в путь. На мокрые волосы натягиваю кепочку козырьком назад (солнце-то мне в спину), надеваю темные очки, чтоб не ломило глаза белым светом бетонного зеркала, шнурую покрепче обувь... Все. Пошли!

Шаг за шагом верчу я планету. Она туго начинает раскручиваться мне навстречу. Земная ось поскрипывает, но поддается.

Каждый путник оставляет след на своей дороге. Но и дорога отпечатывается в прошедшем ею. Собственно говоря, каждый из нас — это те дороги, которыми мы прошли. В городе люди все больше каботажные: дом — работа, работа — дом. Иногда маршрут искривляется: дом — работа — пивнушка — рюмочная. Или так: дом — работа — любовница — дом. И все это видно на лице человеческого, как на крупномасштабной карте. Некоторые и в городе ходят много и подолгу; бутылки, например, собирают, ищут ночлега по подвалам и теплотрассам. Но что интересного в таких крысиных петляниях? Грязь и тоска. Здесь, на воле, с каждым шагом идешь бодрее, дышишь глубже. Выдыхаешь городскую отраву — бензиновый воздух, зависть и злобу. Чище становится на душе и в голове, когда взгляду простор до горизонта, когда уху не мешают сорные шумы. Революции, футбольные матчи и рок-концерты возможны исключительно в городах не только потому, что скопление людей там больше, но и потому, что скапливаются люди с зачумленными легкими, сердцами и мозгами. Тоскующие о чистоте и свободе, городские жители митингуют, бунтуют и дерутся, выдумывают законы и нарушают их. А по-настоящему счастливое общество построят там, где семьи расселятся в отдельных домах километрах в пяти друг от друга. Думаю, что эту мысль поддержали бы князь Кропоткин и Шарль Фурье. Вдохновленный этой идеей, я тут же организовал летучий митинг (а куда денешься: я тоже горожанин). Присутствовали: я, щебень с обочины, подорожник, насекомые — на правах сочувствующих. Открыл митинг я. В кратком вступительном слове ярко, образно, горячо рассказал я собравшимся о бедственном положении в городах, где люди сходят с ума от нечеловеческих условий жизни. Участники митинга были потрясены приведенными мною фактами давки, темпа и стрессоопасности жизни в городе. Затем слово взяла божья коровка. Добрая тварь обещала освободить всех поголовно от работы и засыпать черным и белым хлебом, только бы не мучались люди, не страдали. Хромоногий муравей выступал от окрестных муравейников. Привожу стенограмму его речи: «Люди! Опомнитесь! Все деньги, деньги и деньги. Нельзя так! Человек прост и прекрасен в своей простоте. Толстые, гиподинамичные горожане — тупиковая ветвь развития цивилизации. Высокие истины, о которых веками мечтало человечество, попраны. Нет веры, надежды и любви в похотливом хаосе урбанистской жизни. Нет свободы, равенства и братства там, где вещи стали мерилom человека. Что оставили вы себе, люди? Остались ли вы еще людьми? Ваш любимый всеобщий эквивалент — деньги — заменяет детей и жен ваших. Спаривание вы принимаете за любовь, привычку за дружбу, слабость за смелость, жадность за мудрость, эгоизм за свободу. Вы думаете, что дома ваши похожи на муравейники. Какое горькое заблуждение! На каждой вашей лестничной клетке по несколько пы-

точных камер, где издеваются вы друг над другом. Пожалейте себя, люди! Бегите из городов!»

«Тут ведь как...— заскрипел гравий.— Щас, побежали они. Вас много ездит, много. Туда, сюда. А я тоже, хоть и упертый, но и меня в пыль стереть можно... Можно, да. Вот и каждый на своем месте... Они побыли тут, и — обратно. Да... Тут думать надо, как жить дальше, раз так все сложилось. Вот главное-то: думать. Как жить. Раз так все сложилось».

Выступление растения. Подорожник: «Я, фактически, столетник. Бессмертник даже. Везде и всегда я расту при дороге. Я знаю людей. Маленькие дети, поплевав на меня, прикладывают мои листья к разбитым локтям и коленкам. Женщины лепят меня на носы, чтобы не обгореть на солнце. И я позволю себе высказать крамольную мысль: все пошло наперекосяк с отменой крепостного права. Самый прекрасный человек, который проходил когда-либо здесь, — Иван Сергеевич Тургенев. Красив, интеллигентен, добр. Европейцев учил европейцами быть! Мозг — самый тяжелый в мире. Вот кто знал, как надо жить. Любовь — раз, природа — два, творчество — три. Все. Больше людям ничего не надо. Тут вам и свобода, и счастье. Захотел в Париж к любимой женщине — пожалуйста. Захотел роман написать — пиши. А в основе всего — труд крепостных крестьян. Сейчас Тургенев чем бы занимался? Кредитами, арендой, загранпаспортами, прочей мурой. Когда же ему было бы душой воспарить? Сил и времени на романы где взять? Потому общественная энергия расходуется на поддержание самой себя. Никто не ценит красоты и добротности в людях, а в вещах — наоборот, ценят. А это неправильно. Вы спрашиваете, где выход. Я думаю, западная цивилизация идет по правильному пути: возникает избыток продукта, создаваемого обществом, что экономит энергетику. Остается направить эту энергию на любовь, охрану природы и творчество, что уже и делается. Естественно, в условиях демократии, равных стартовых возможностей. Следующий шаг — выделение специальных людей, занятых любовью, природой и творчеством, содержание которых (я имею в виду людей) общество берет на себя за счет излишка совокупного продукта. То есть, мы возвращаемся к крепостной системе на новом техническом уровне. И обратите внимание, как я примиряю западников со славянофилами!»

Тут в компанию добавился еще один горячий спорщик. Прямо с неба упал. Это я выбросил окурок. Он тут же взял слово: «Товарищи! Что толку тут болтать?! Надо идти в массы. Вот этот, который открывал митинг, чего он бродит без цели, без задач. Пусть его хождение будет маршем протеста...» Затаптал я окурок и двинулся дальше. Какие они все-таки наивные, смешные и милые, эти говорливые существа.

Вперед! Вперед! Даже по изнывающей от зноя «бетонке» весело шагать не по казенной надобности, не протестуя и не поддерживая, а в силу того, что находишь это приятным. С вершины очередного холма уже виден мост через реку Снежедь.

Снежедь. Удивительное название. Снежное и дождливое, нежное и неожиданное. Сне-жедь. Как будто лихо, в два глотка, выпил кружку холодного деревенского молока, сохраняемого в сенном сарае с вечерней дойки. И напился, и сыт стал, и сил набрался... Я сразу мостом не пошел, спустился к реке. И знаю, что налюбуюсь еще на нее, а не смог сдержаться.

Неширока и не больно глубока Снежедь. Издалека воды не видно: густая, по-особенному зеленая листва прибрежных деревьев почти скрывает речку. Зато по этой примете — кучевым зеленым облакам, лежащим во впадине, — с высокого места можно проследить за причудливым течением Снежеди. Капризный нрав у малютки! Как только ни извернется, каких петель ни заложит. А может, и не в капризах дело, может, тяжело было ей прокладывать свой путь сквозь неподатливую землю? Это вернее. Начинаешь уважать за силу и напористость. Именно такое — сильное и напористое — течение родной моей реки. Другие и мощнее, и полноводнее, и вальж-

нее (да сколько рек, столько характеров). А эта забавно клокочет, бурлит на поворотах. То успокоится, задумчиво плывет вдоль берегов своих. То закружит водоворотом над омутами: «А я опасная! Меня люби, да не теряй головы!» И на каждом-то повороте она разная. Вот здесь, под мостом, неподалеку от села, она словно домашняя, прирученная. Чуть выше по течению мужики приноровились рыбу ловить, чуть ниже пристраиваются пижоны-автолюбители намыwać свои легковушки. И всем Снежедь угождает: одним берег поудобнее, другим съезд поотложе. А сама несет и несет свои воды, словно опаздывает куда. Мы остаемся на берегу со своими мимолетными заботами, а мимо течет вечность от истока к устью. Значит, и у вечности есть устье? Эх, дорогие мои, радостно и боязно думать об этом, о том, что вечность кончится, доведя наконец свой озабоченный бег до предсказанного Нечто. Так и Снежедь вливается в Красивую Мечу за много-много километров от того места, где я стою сейчас. Нет, постой! Спутал я. Куда там, совсем не в Красивую Мечу впадает Снежедь. Меча, она далеко в стороне остается, как всякая Красивая Мечта — кажется близехонько, а на самом деле до нее топтать и топтать. Снежедь впадает в Зушу. Да, да. В Зушеньку. Хлопоча и бормоча, все ускоряясь, словно даже подпрыгивая, торопится Снежедь в объятия Зуши и, рванувшись напоследок, словно душу распластав пополам, словно сама своей водой захлебываясь, как захлебывается сердце кровью из разорванной аорты, растворяется в другой реке, в новой жизни. Умерла она? Оглянись-ка назад. Глазам своим не веришь: ведь только что на твоих глазах скончалась Снежедь, воскликнув на прощание, а она снова течет издалека, торопится к своему концу, чтобы начать все сначала. И Зуша снова и снова принимает ее в свое лоно, вздрагивая и ускоряясь от слияния, спеша к другому, своему, устью...

Умыться надо. Хороша водичка. Спасибо, Снежедь. Я теперь с тобой рядышком пойду, немного только спрямлю твои изысканные изгибы

За мостом — село Тургенево. Почему-то кажется оно безлюдным: как ни проедешь, ни пройдешь, редко увидишь здесь человека. Зато в Тургеневе ты всегда буд-то не гость, а хозяин. Хозяйство, правда, незавидное, но школа есть, почта, магазин, молокозаводик. Домов-то как будто и нет. Где-то они спрятаны в высоченном бурьяне. Два памятника. В Великую Отечественную в округе жаркие бои шли. Бюст Тургенева. Кстати, школа (одноэтажная беленая постройка) от барских времен осталась, от Тургеневых. Войти бы, побродить в этом домике, над которым века и беды пролетели, да по летнему времени закрыто. Все закрыто, и ни одного человека не видать. Хотя не оставляет гадкое ощущение, что за тобой наблюдают из какого-то окна. Странная деревня. Фантом. Может, и не было бы ничего странного, если бы не одно, о чем пока нарочно ничего не говорил, но что является безусловной доминантой окрестного пейзажа. Зданием это назвать — неверно по сути, но и «храм» не скажешь. Развалины, руины. Бывшая церковь бывших помещиков Тургеневых. Если идти, как я, со станции, то могучие деревья закрывают часть церкви. Потому я прошел до школы, стараясь не повернуть голову вправо, и тут присел на скамеечку у автобусной остановки (оно лучше, сидя-то). И тогда взглянул... Не объяснить, друзья мои, почему именно этого храма поругание вызывает во мне такую тоску. Знаю, слишком хорошо знаю, что великое множество заброшенных церквей в Отечестве нашем, и, видимо, каждый назовет какую-нибудь одну, которую ему жальче других. И сам я видел всякого: и гаражи, и склады, и конторы в домах Божьих; и просто разруха. Но вот здесь, в Тургеневе, мерзость запустения особенно очевидна. Может быть, потому, что в других местах чувствуешь хоть намек на надежду, что что-то поправится. Здесь надежды нет никакой.

А ведь церковь-то интересная. По задумке архитектора, по исполнению строителей какой-то черточкой выделяется она из множества барских проектов. Смотришь на нее, а в глазах словно двоится. И пропадают дыры в теле храма, и одевается битый

кирпич штукатуркой, вместо березок на куполах проступают кресты и позолота. Строгая стройность была в этой церкви, добротная основательность и даже (прости, Господи!) щедрая щеголеватость. Да, такое соорудить в глуши... Для этого надо было чуточку бравировать и своей верой, и своим богатством. А может — грех беру на душу, напраслину возвожу на Тургеневых. Может, был в том строительстве разумный расчет. Может, из последних сил, с надрывом возвели они по какому-то обету храм. Или было это так естественно, так просто, что и не обсуждалось, а просто строилось. Сейчас этого уже не понять, да и дело уже не в том.

Я был ребенком, когда впервые увидел эту церковь. Мне сказали: «Здесь Тургенев венчался». Какой Тургенев, с кем венчался... Может быть, были объяснения, а может, местная легенда жила себе сама, без объяснений. Для меня тогда таких вопросов не существовало. Но произнесенное могло бы стать для ребенка лучшим образцом атеистической пропаганды и заодно прививкой от любви к литературе. Как?! Идти в эти руины, в эту страшную хоромину? Что-то там делать? Невозможно! Тургенев, видимо, был либо дурак, либо жутковатый человек, раз шастал по заброшенным развалинам, по свалке всяких гнусностей. А достойных храмов я тогда по малолетству не знал.

И вот теперь я вхожу в порушенную святыню. По разбитым каменным ступеням, по мусору и хламу иду, отмечая: вот паперть, а там был алтарь. Тяжело и страшно, как в детстве. Но не что-то неведомое давит и пугает, теперь я знаю, чего бояться. Равнодушие, злобы, трусливой покорности, нищеты и забитости, духовного отупения, пьянства и нигилизма, агрессивности посредственности, зависти и жадности — всех этих бесов, обуревающих русского человека, которые, совокупляясь скопом, ведут его разрушать свои храмы. Кто-то из старцев сказал: «Без православия русский есть пугало всего мира». Но более того — он и себе пугало. Не любит он себя, стремится извести себя поскорее да помучительнее в назидание другим, чтобы не были такими бесовестно беспамятными и бессмысленно нищими.

Полно, милый. Остановись. Пожалей себя. Все возможные уроки дал ты уже миру. Так надругался над своим естеством, что почти утратил его. Не только разбросал камни, но и растер их в песок: пришло время собирать, а собирать-то нечего.

Очнулся русский человек после века угара, после пьяного кровью и слезами века, после века бреда и морока, и нашел себя в разрушенном храме, где пахнет мочой и голубиным пометом, где стены исписаны известными словами. Что теперь? Отстроить бы храм заново, да денег нет. Даром работать — соседи засмеют, жена заест. Убрать бы мусор, поскосить бурьян вокруг. Мелкая задача; при нашем размахе либо сразу все, либо ничего не надо. Прийти после работы, стереть со стен похабщину — сил нет. И так стоит он, чешет темя, разводит руками, не зная, что делать со свалившимся на голову наследством, с этой церковью, с этой землей, с этим миром и с собой самим. А, постояв, пожалуй, ринется вновь в привычный угар и пьянство, оставив детям тоже привычные (до бессмысленности привычные) «вечные», они же «проклятые», вопросы. Век пройдет, дикие дети одичавшего человека на том же месте поскребут затылок и махнут рукой: нам что, больше других надо? Гори все огнем! Разруха станет средой обитания, привычным порядком вещей. А ведь заброшенный храм — древние кирпичи, допотопная кладка — простоит еще и сто, и двести лет. Памятник архитектуры, памятник проклятому славному прошлому, памятник «новой России».

Что нам делать с нашей жизнью, с нашей страной? Ждать, когда уляжется пыль, поднятая рухнувшей империей, когда можно будет оглядеться и вдохнуть полной грудью. Догонять убежавшее вперед время, изменившее все вокруг до неузнаваемости. Ждать да догонять... Хуже этого нет, но это надо делать. И делать одновременно, что хуже вдвойне. Такое время. Поэтому в России всем, кого ни спроси, так трудно. Богатым, не знающим, как распорядиться своим богатством, бедным, не знающим,

как принять свою бедность. Мужчинам, теряющим достоинство в беготне и ожидании, женщинам, оставшимся без достойных мужчин. Верующим в окружении греха, атеистам в окружении верующих. Либералам, вынужденным попирает права человека, патриотам, вынужденным считаться с либералами. Честным трудягам, которым почти ничего не платят, вора́м, которым почти нечего украсть.

В горниле погони и ожидания распалются люди, кипят и изрыгают на ближних свое кипение. И чем ближе нам человек, тем больнее обожжем его. Даст Бог, выплавится из руды нашего страдания благородный металл. Помолится бы я об этом — не на что перекреститься: ни креста, ни лика в заброшенной церкви.

Безнадежным взглядом окинул еще раз стены, и выше «Здесь были...», выше царапающего глаз голого крошащегося кирпича с трудом различаю уцелевший слой штукатурки, а по ней — роспись. Что изображено — уже не разобрать. Но оттенок краски сохранился: голубой, небесный. Пригляделся и в угловой нише увидел словно бы тень. Архангел ли был тут писан? евангелист ли? Не понять. Только контур различим; вот ниспадающие одежды, вот словно бы нимб. Или только кажется?

Перевел взгляд на такую же нишу, левую, если смотреть от алтаря. Еще и рассмотреть ничего не успел, не успел понять, но уже что-то непоправимое слетело в сердце, заметался, засуетился в тишине на втопанном в землю битом кирпиче. Тогда уже понял, что увидел. Понял, но еще не осознал. В левой нише такая же тень былой фрески, и тоже образ расплывчат и неуловим. Только три точки явны и страшны. Три ямки, три воронки, взорвавшие штукатурку и кровоточащие кирпичной пылью. Три пулевых отверстия. Стреляли метко: две раны точно там, где были писаны глаза, а третья — в лоб.

Не хотелось на это смотреть, голова клонилась, но уже увидено, уже осознано и запомнилось. Они стреляли в святого. Ему-то, конечно, то не в поругание, он, почти отлетевший от своего изображения, словно стал прибит, распят на стене, словно открыл глаза свои и посмотрел на нас. Что в этом взгляде расстрелянного святого — не могу передать вам. Не в силах. Ох, лучше бы мне не видеть этого! Как не испепелил меня этот взгляд?! Вы представьте себе: глазницы... Нет, не могу.

Крупной дрожью било меня. Хочется поскорее выйти из-под сводов на свет и тепло летнего дня. Иду, а ноги заплетаются. Еле-еле справился с ознобом, взял себя в руки. Сор скрипит под ногами, когда выхожу (видимо, через бывшее окно). А за алтарной частью в ограде... Да не в ограде, нет ограды, рядом с поруганным символом веры поруганный символ надежды и любви — разоренное кладбище. Нет, дорогой мой друг! Если решишься ты по моему примеру бродить по Руси, то отправляйся на рыбалку, за грибами, что ты так любишь, и никогда не сворачивай с известных тебе маршрутов. Иначе рискуешь узнать о себе что-нибудь неприятное.

Нелюбовь к родному пепелищу и к отеческим гробам. И не активная нелюбовь, а равнодушие — одна из наших черт. Откуда это берется? Видимо, частично из твердого осознания, что «все там будем». За минувший век русский народ приблизился к разгадке тайны смерти. Вернее — понял, что тайны никакой нет. Есть акт перехода из одного состояния в другое, причем зачастую акт волевой, доступный каждому, во многом рутинный (боюсь сказать, но иногда сознательно приближаемый) и не всегда самый значительный из поступков человека в жизни. Потому надгробья и памятники стали атрибутом необязательным. На наших новых кладбищах — одинаковые плиты, поставленные, вопреки тысячелетней истории погребения, почему-то торчком, словно был уже Страшный Суд, и из вздыбленных могил восстали усопшие на звук трубы.

Ну, может быть, артисту или военачальнику и положены бюсты и скульптуры. Над покойными бандитами модно сооружать что-то солидное. А прочие покойники неприятельны, как и при жизни: пирамидка, табличка, крестик.

Вот и в Тургеневе старинные памятники стоят вкривь и вкось, словно их трактором нарочно сдвигали с мест, валили, опрокидывали. Пытались ли их приспособить под хозяйственные нужды? Скажем, в фундамент коровника заложить, сэкономить бетонные блоки. Куражился ли кто по пьянке? Возможно. Но, скорее всего, время и ветры судьбы сдвинули по своей прихоти эти камни, а человек не счел нужным исправить сделанное. Не казалось важным, чтобы дань памяти именно этому купцу, помещику, священнику, доктору или учителю возвышалась именно на том месте, где поставили его родные почившего. Наверное, даже удивлялся современный человек, чего это муж, жена, братья так старались для покойника, тесали гранит, выбивали на нем буквы и цифры.

Вот где буквально распалась связь времен — на кладбище. Между изваянием ангела скорби над могилой и вбитой в холмик фанерной табличкой с надписью масляной краской: «Участок такой-то, место такое-то» дистанция не во времени. Это другое измерение.

Во все времена хватало на Руси безымянных могил и покосившихся крестов на погостах. Дело в том, что до нас человечество со страхом глядело на последнюю черту в конце жизни. А мы смотрим на жизнь уже с той, невозвратной, стороны черты. Смотрим сердито, по-деловому, смотрим через призму статистики. Сколько сгинуло в гражданскую? Сколько миллионов погибло в Отечественную? 20? 40? Щелк костышками на счетах. Сколько тысяч убито в Афганистане? В Чечне? Тык, тык пальцами по калькулятору. Сколько умирает от СПИДа, от водки, от наркотиков? Нажмем кнопку компьютера...

Миллионы. Тысячи. Здесь, может быть, десяток забытых могил. Всего-то... Нам не страшно. Некогда зывали: «Побойся Бога!» Не побоялись. Не убоимся и смерти. И себя самих не испугаемся. А надо бы!

Светило яркое солнце, лучи его празднично высвечивали, пробиваясь сквозь листву, надписи на «непонятном языке». Пахло влажной землей и зеленью. Посвистывала птица. Под могучими кронами деревьев в густом, с человеческий рост, бурьяне я ощущал себя открывателем затерянного мира. Чужого мира. Ненужного мира. Так, наверное, чувствует себя человек, нашедший в джунглях могильники каких-нибудь майя... Неужели мой внук так же равнодушно пройдет мимо моей могилы?

Страшной тяжестью придавило меня к земле. И у нее, родимой, и у Господа просил я прощения. Просил вразумить, не оставить нас, скудных разумом и жалких сердцем. Как же это вышло, что ничтожное мы принимаем за главное? Почему утратили мы подобие человеческого? Зачем так надругались мы над предками и растлеваем теперь потомков? Будет ли конец этому? Не знаю.

В одном я уверен. Одно понял вдруг и твердо, взглянув из разрушенного храма через зияющий купол в небо (какое же синее оно было, какое высокое и чистое!): не жить нам в ладу со своей совестью, не обрести силы и достоинства, не возродить России, не возобновить величественного течения истории, не получить прощения от Бога, покуда в старинном селе Тургеневе не будет доброго хозяина, покуда не придут к ветхой церкви работники потрудиться, чтобы сгинули тлен и запустение.

Это было мое покаяние. И знал я, что впереди ждет меня причастие.

Приложение.

Протокол осмотра места преступления.

Село Тургенево Чернского района Тульской области. Осмотр произведен в светлое время суток.

При осмотре обнаружено здание прямоугольной формы, вытянутое с востока на запад, в восточной части закругленное. Длина здания — 50 шагов, ширина — 5 шагов. Высоту в купольной части определяю с четырехэтажный дом. На здании явные следы надругательства и убийства. Имеются несколько табличек: три с надписью

«Не входить! Опасно!», на четвертой означено: «Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы».

Рядом со зданием обнаружено несколько надгробий в форме круглых и четырехугольных колонн, один памятник в виде гроба. Все надгробия находятся в хаотичном состоянии, надписи плохо различимы. Явно читаются следующие: «Юлія Яковлевна Федорова ...нчалась 1 декабр... 190... года», «Надежда Андреевна Маляревск...», «Подъ симъ камнемъ погребено тело ...священника С. Тургенева, умерше... 18...1 года. Житія ... было ...». Остальные надписи затерты явно с целью скрыть следы преступления. Подозреваемые: время и люди. О причастности последних свидетельствует памятник Ю. Я. Федоровой со следами неясных букв, выбивавшихся явно подручными средствами. При проведении соответствующей экспертизы надписей предполагая выявление в захоронении наличия умерших, принадлежащих к известным фамилиям и высшим кругам Российской Империи.

Протокол составил И. Карлов.

Сразу за околицей Тургенева — крутой подъем, миновав который, я сворачиваю в сторону с «бетонки». Иду теперь по краю обрыва, а Снежедь снизу кажется мне путь изумрудными своими берегами. Двумя колеями огибает дорога поле. Несколько дворов, пологий спуск, опять подъем. Снова дома. Добротные постройки, за огородами — машины с московскими номерами, с тульскими, орловскими. Это не городские гости приехали. Это дачники. А если перебраться через мосток — там уже живут крестьяне, и тоже солидно, по первому впечатлению зажиточно. Спроси у них, где, например, Полтево (километров 15 от их жилища), не знают. Живут своим мирком, что, впрочем, немало. Мне, человеку городскому, трудно оставаться самодостаточным в живой природе. Для полноты ощущения жизни мне нужны газеты. Радио, телевидение, компьютер — без этого трудно ощутить себя современным, включенным в мировые процессы гражданином. А еще необходимы глоток угарного воздуха, чувство локтя попутчика в переполненном трамвае в час пик и голая баба на обложке журнала. Без этого невозможно завестись, включиться, вертеться маленьким, но, кажется, уважаемым подшипником в нержавеющей машине под названием «цивилизация».

Теперь, чем дальше ухожу я от железной дороги, тем менее значительными кажутся мировые процессы. Чем больше разворачиваются мои легкие, наполняемые настоящей на травах свежестью, тем менее значительной кажется цивилизация. Непременно надо найти себя, по-новому выстроить систему координат, ведь земля, оказывается, велика, если смотреть на нее не из окна вагона и не из иллюминатора, а ты, оказывается, мал и ценность собственной жизни должен доказать усилием и смекалкой, без скидок на права человека, без защиты полиции.

И вот когда начинаешь чувствовать себя сыном земли, из которой струятся, подобно родникам, питающим Снежедь, богатство, печаль и песня. Чистый поток несет тебя к неведомому устью, а ты — малая капелька. Сумеешь раствориться в реке — обретешь могущество и красоту. Останешься каплей — испаришься без следа.

Однако... Гм... Однако. Можно ли обойтись без этого вечного «но», без фиги в дырявом русском кармане, без камня за пазухой той самой рубахи, которую привыкли в России рвать на груди? Вот, кажется, обрел согласие с миром и своей душой, прикоснулся к Истине, так нет же, неистребимый зуд в затылочной части головы никак не унять, пока не почешешь. А если уж русский человек чешет в затылке, стало быть, пошел мыслительный процесс, а это надолго. Писателям этот жест хорошо был известен, часто упоминается в классической литературе. Может быть, и сами классики почесывали гениальные лысины и талантливые шевелюры. От крестьян ли, от дворян или разночинцев, но и в мою генетическую память заложено поскабливание ноготком темени. Как только это происходит — стоп, действовать невозможно, буду рассуждать, а всякое рассуждение начинается с «однако» по отношению к тому, о

чем рассуждалось ранее. В данном случае «однако» относится к чаемому и необходимому единению.

И хорошо бы слиться, и хочется этого. Но вот с чем? Как разумное одушевленное существо я не могу воедино слиться с природой до кончины своей. Приходится сливаться с аналогичными существами, предполагая в них разум и душу. Когда же предположения оказываются ошибочными, растворяться бывает противно, а иной раз растворить хотят насильно. Все-таки и каплей побыть хочется, покрасоваться, сверкнуть, ослепить. Эти-то личностные желания мешают всеобщему единению, что неоднократно отмечал Лев Николаевич Толстой, еще один гений места. Никольское-Вяземское рядом, верст десять отсюда, но дорога туда трудна и длинна, как толстовская фраза. Крутые спуски, затяжные подъемы, похожие на обособленные обороты, колдобины и рытвины согласований. Кажется, в Ясной Поляне граф писал размашистее и ровнее. Впрочем, речь о содержании. Форма выражения мысли давно найдена, совершенная в самом несовершенстве своем. Так совершенен вычурный автограф Снежеди на зеленой визитной карточке центра России. Так совершенно бесформенное облако. Так совершенен несимметричный ландшафт. И получается (неужели так? — да, да, так!) форма — в отсутствии формы, в том, что каждый эту форму создает заново, думая, что пользуется созданным ранее. Особенно ясно это здесь, в таинственном Чернском уезде, который вдохновлял и Тургенева, и Толстого. А соседом их по имению был Фет. А недалече — поместье Тютчева. А Лесков? А чуть далее — Бунин. А еще на небольшом расстоянии — владения помещиков Хомяковых, Киреевских. А Жуковский? А Болотов? Время шло, менялись границы губерний, но сейчас воспринимаешь их как соседей. И не только между собою соседей, но и моих личных соседей.

Каково живется в таком соседстве? Трудно. Ибо форму жизни получил ты соседски, запросто, от рождения. А содержание нужно добыть самому. Пугает несоответствие: я маленький, молодой еще, а жизнь скроена на богатыря-мудреца. От страха-то как бы этот наряд, эти доспехи не забросить подальше, как бы не обрядиться в телогрейку, в арестантскую робу, в набедренную повязку. Как заполнить все вокруг себя мыслью, содержанием?

А если в России все мысли оказываются несвоевременными? То есть сам пишущий их воспринимает очень своевременными. Да и читатели через столетие удивляются: «Вот же! Он обо всем написал, все показал. Почему не послушали его?» Наивно, милые. Через столетие каждому ясно, что было надо. Вы попробуйте сейчас определить, кто из современников дело говорит, а кто безответственный болтун, ведь говорят все увлеченно, уверенно и много.

Несвоевременные мысли витают в воздухе, и некоторые из них обрушивают себя на людей. Человек начинает мучиться и болеть мыслью. А поскольку русские мозги чрезвычайно отзывчивы на всякую новизну, то страдают мыслительным процессом подчас огромные массы населения. Иной раз мыслительная эпидемия оборачивается трудовым энтузиазмом, иной раз — гражданской войной, а то — «подмораживанием» и «сосредоточением». Запутавшись в лохмотьях мысли, страна валится при каждом широком шаге. Теперь, когда Европа начинает созревать для социальной справедливости и государственных гарантий личности, эти идеи нам кажутся старьем и мракобесием с печатями тирании и тоталитаризма. Хотя именно этих-то идей мы и не знали никогда. Ранее, в период всемирного хитрованства и набивания кубышек, мы гордились честной бедностью и щедро одаривали отдаленные и очень отдаленные страны, неизвестно за какие заслуги произведенные нами же в «братские». Завтра, когда начнется избивание всяческих меньшинств, нами овладеет всерастворяющая политкорректность.

Не берусь определять, что это — задержка в развитии или зашагивание в буду-

щее. Не сужу — хорошо это или плохо. Я просто иду своей дорогой, знаю, что можно насладиться окружающим пейзажем, наслаждаюсь им.

За этими мыслями по живописным дебрям по задам каких-то симпатичных дворов вышел я на широкую поляну. А теперь, друг мой, внимание! Сейчас мы увидим Бежин Луг. Только не торопись! Слева боковым зрением улавливаешь неопределенную, грандиозную пустоту. Да, это там. Справа — бугром поле. По краю его уложены плиты, едва различимые в проросшей траве. Это дорожка для приезжающих раз в год на фольклорный праздник. Вдоль дорожки даже фонарные столбы поставлены. (Интересно, неужели и вправду в этом чистом поле бывает электрический свет?) Как хорошо, что наше посещение не совпало с массовыми гульбищами и игрищами! Только ты и природа. Только природа и литература. Только ты и литература. А теперь пойдем к обрыву. Это та самая круча, с которой чуть не свалился герой «Записок охотника», подходя в наступающей темноте к Бежину Лугу. Есть даже беседка на том месте, но не советую идти к ней. Что может быть нелепее, чем смотреть на Бежин Луг из беседки! Это, я бы сказал, маниловщина, возведенная в квадрат. Нет, мы с тобой найдем достойное вида место. Пусть не на самом краю обрыва, зато повыше беседки, на холме, где растет дерево. Сядем здесь, привалимся спиной к стволу, ощущая корявость старой коры.

А ты ждал чего-то большего? Да, те же холмы, перелески. Но посмотри на этот ракурс, но улови эту игру света, услышь мощные аккорды высоты и дали. Странно, что тишина рождает звуки. У этого места есть своя партитура, и ты можешь по своему произволу дирижировать колоссальным оркестром. Сначала струнные вибрируют на горизонте тихой прелюдией. Потом медь и литавры мощно вступают с самого дна оркестровой ямы, с Бежина Луга. Их мелодию эхом повторяют гобои. И, пожалуй, соло рояля в среднем регистре и в среднем темпе тоскует о недостижимости гармонии и радуется встрече с толикой ее земного воплощения. А дальше арфы переливами своих солнечных струн ведут неведомую мелодию.

Удивительно ритмично поднимаются к небу волны земли, покрытые золотыми хлебами и изумрудной зеленью, но не посягают на высь, а, зная пределы, отпущенные им, лишь испытывают свои силы и умиротворенно отступают, чтобы не испортить округлость планеты. В этом пейзаже нет дерзости гор, колко грабастающих небо, хотя линия ландшафта от низины, расстилающейся подо мной, до горизонта крута и напряженна. Нет здесь и унылой приземленности пустыни, но есть величавое распространение пространства на доступное глазу расстояние.

Весь окружающий простор пропитан речной влагой, наполнен ароматами земли и растений. И кажется, что не дышишь, а пьешь воздух, что ощущаешь запах самой жизни.

Снизу, с берега Снежеди, с Бежина Луга поднялась цапля, и я слежу ее полет. Как необычно это — наблюдать за летом птицы не снизу, а сверху! Крупное серое тело оттолкнулось от земли, с усилием, трудно взмахивает крыльями и, набрав высоту, оказывается на уровне твоих глаз. Мы с цаплей парим, делаем круги, любимся миром и радуемся воле. И почему бы мне самому не полететь, ведь это просто, надо просто шагнуть с обрыва и подойти к птице, почти такой же большой, как и я. Так реальны эти чувства, что, грешный человек, ощущаешь себя бестелесным. Мнится, что плывешь ты над землей на собственном зеленом облаке, на котором растет дерево, что тебе подарен летучий остров. Полет и песня!

Вместе с цаплей взлетела и память. Вспомнилось, как ездили на Бежин Луг с отцом. На велосипедах пылили. Вспомнилось, как добровольный гид из местных жителей показывал каменные плиты, поросшие травой, утверждая, что это фундамент того самого кабака, что описан у Тургенева в «Певцах». А Николай, мол, Иванович, целовальник, дожил до самой революции, а в 17-м году повесился в своем

заведении. Еще одна легенда. Или крестьянин сам придумал... продолжение «Записок охотника»?

Земля наша полнится легендами. Мальчишкой мечтал я отыскать в овраге в среднем течении Снежеди спрятанную некими разбойниками карету. Карета та из чистого золота, отбили ее разбойники у Екатерины Великой во время путешествия царицы по Руси, но не успели сбыть с рук. Такая находка представлялась мне вполне реальной. Во-первых, царская карета, безусловно, изготовлена из золота. Во-вторых, разбойники обязательно победили бы в схватке солдат и, конечно, захватили бы ценное средство передвижения. В-третьих, почему бы императрице не захватить в этот благословенный край, где родились мои предки? Единственная загвоздка заключалась в том, чтобы, восстановив ход рассуждений благородных грабителей, угадать место сокрытия их клада... И не могу сказать, что сейчас я полностью отказался от идеи найти золотую карету. Если однажды во время моих хождений в каком-нибудь лесном овраге или под высоким берегом реки сверкнет благородный металл (наверное, это будет после сильного дождя, и дымящийся паром жирный пласт мокрой земли тяжело отвалится от склона), если блеснет ослепительно краешек дверцы с витым вензелем, я не слишком удивлюсь.

Сама Россия — легенда. Непостижимая и более реальная, чем действительность. Наше государство — легендарное государство. Наш общественно-политический строй — баснословный. А чтобы жить в мире, надо самому творить мир. Поэтому каждый из нас создает сотни своих легенд: о верных друзьях, о единственной любви, о русской водке, о великих предках... Мало ли...

Когда же русского человека, уже обросшего собственными преданиями, пересаживают на чужую почву, ему становится скучно и тоскливо. Привыкнув жить в легенде и общаться со сказочными персонажами, русские трудно адаптируются в прозаической обстановке, где вместо анекдотическо-эпической тещи — предсказуемая ма, а вместо колоритного дворника — безликий уборщик мусора. По той же причине русские эмигранты не объединяются в землячества: больно соприкасаться с разрушенным мифом, привычнее создавать новые легенды, например, о тупых американцах, о жадных немцах, о флегматичных австралийцах.

Однако далеко же занесло меня! Предоставим дальние земли туземцам, а сами отправимся далее, ведь поход наш еще не закончен и много красот ждет впереди. Щедра Россия на красоту и, не скупясь, открывает за далью даль. Только неверно было бы сказать: Россия — красивая страна. Вот, например, Италия — красивая страна. Или Япония — красивая страна. Эти утверждения верны, можно сформулировать, что вызывает ощущение красоты. Альпы, Фудзияма, Неаполитанский залив, цветущая сакура при всей рекламно-туристской клишированности действительно неповторимо красивы. А вот Бежин Луг не назовешь уникальным уголком планеты. Сколько таких мест — лугов, полей, рек — не сосчитать! Сфотографируй его — ничего не получится: пустое место. И, выходит, что вся красота не в этом месте, а во мне. И когда я любуюсь русской природой — это я собой любуюсь, тонким ценителем прекрасного? И это место так мне дорого, потому что я, такой хороший, неподалеку родился?.. Будь это так, извечная русская созерцательность не рождала бы примеров парения духа, то есть волевых актов. Не возникло бы нашей иконописи — гармонии, отраженной в нескольких каплях краски. Не шли бы наши монахи в пустыни, указуя, что если такие вот «пустые» клочки земли наполнены светом, цветом, звуком и значением, то насколько полнится благодатью «пустое» небо. Не бродили бы по лику земли паломники, открывая за каждым поворотом своего пути познания новую красоту в мире, в людях, в себе. Не явились бы нам юродивые (паломники к собственной сути), опустошившие человеческий разум во имя разумной полноты воли Божией. Не было бы в семьях «больших гнезд», где снова и снова рождались

дети. А каждый ребенок воплощает красоту, появляясь на свет из того, что сторонний наблюдатель назовет ничем: из взглядов украдкой, из жаркого шепота, из томного изгиба любимого тела.

Скрытая красота мерцает в неброских русских пейзажах. Она невнятна человеку равнодушному, сытому, черствому. Она не взволнует тупую, ленивую душу. Она ничего не даст разуму, привыкшему к стандартным схемам. Больше того, она не существует отвлеченно, а проявляется лишь в конкретном месте, в конкретное время для конкретного субъекта. Для тебя, старик. И потому она неотделима от тебя. Она познакомилась с тобой в день твоего рождения, росла и мужала с тобой, ты растворишься в ней, когда придет твое время. Эта красота — знак бессмертия. В природе России Бог воплотился как нигде спокойно и отчетливо. Всегда чувствуешь Его присутствие: идешь ли по кромке обрыва, проходишь ли березовой рощей на краю поля (роща эта — соловьиная, приходилось мне бывать здесь летней ночью и слышать ее голос); и в глухом лесном овраге, и в диких зарослях не испытываешь страха, не чувствуешь себя одиноким.

Я решил не выходить уже больше на «бетонку», а идти напрямик, по проселочным дорогам, по тропинкам, по бездорожью. Через эту вот низинку перебираюсь наугад, звериным чутьем. Кажется мне, что не должно быть тут болота, хотя с каждым шагом почва под ногами все более топкая. Куда ступаешь не видно: осока по грудь вымахала. Обувь пропитывается сыростью (эх! не натереть бы ноги), одежда в две минуты промокла. Это от росы. Время перевалило за полдень, а тут обильная холодная роса. Только кепку и плечи печет по-прежнему. С кочки на кочку, перескочил я ненадежное место, стал подниматься по крутому склону оврага. Оглянулся назад — широкой полосой петляет примятая трава. Будто медведь шел, или лось, или кабан. След густо зеленый среди посеребренного росой колкого светло-зеленого ковра. Не верится, глядя с поросшего березками склона, что в нескольких метрах обилие воды. Здесь так сухо, кончики иных травинок пожелтели. Бог весть в каком году опавшие листья ломко похрустывают, а сквозь них прорастает молодая трава, кустики земляники. На ходу положил несколько ягод в рот, пожевал. Славно! С детства этот вкус означает: «лето».

Выбрался из оврага, а там — засеянное овсом поле. Сказочный цвет у овсов в эту пору, изменчивый, как цвет морской воды. По первому впечатлению — неожиданно голубой. А приглядишься — бирюзовый. Нет, изумрудный. Да нет, серебряный. И кое-где проглядывает уже золото будущей спелости. Хоть в ювелирную лавку носи это поле. По краешку его и кое-где взлезая в зелень вьются колеи, намеченные грузовиками. Пойду по торной дорожке.

Всегда, когда в незнакомом лесу или в поле набредешь на стежку, обретаешь радостную уверенность: «Вот теперь-то все будет хорошо. Рано или поздно придешь к людям. К добрым людям. Они помогут прохожему». Друг мой! Верь тропинке. Тропа — она честная. Недаром появилась она. По каким-то делам или ради удовольствия протоптали тут путь до тебя. И ты внесешь свою лепту, незаметно утверждая и расширяя тропинку, тем самым доказывая, что нужна она здесь, и идущим за тобой подавая надежду.

А неподалеку виден уже тын. Вот крыши показались. Безымянная деревенька дворов с десятков. Белый день стоит, а собаки не на цепях, рыскают между домами. Людей же не видно на улице. Постучался в первый дом. Уточнил дорогу. Оказалось, живут здесь дачники из Москвы, пенсионеры. Вышла ко мне хозяйка, но куда мне идти — не знала. Из недр дворовых построек вызвала хозяина. Пока ждал я его, пока разговаривали через забор на городском наречии, осмотрелся. Симпатичный у них домик, приятный садик. Вот только... С цветами беспорядок. Нет, чтобы цветы перед домом в палисаднике высадить, а между фруктовыми деревьями — ягоды или зелень.

Вместо этого москвичи периметр своего владения украсили красными, белыми, синими соцветиями. Обозначили границы и стали внутри все улучшать, благоустраивать, облагораживать. Смотрелось это забавно: здесь-то, на воле, где земли — до горизонта, где цветов — море, люди сохраняли ухватки тесных дачных поселков с их бесконечными заборами. Отгородиться и улучшать, благоустраивать, облагораживать. Неужели всем нам идти этим путем? Вероятно.

Но нелепее всего смотрелась внучка дачников. Как яркий модный маятник каталась она на качельках, зажав в руке бумажный флажок с эмблемами закусовых Макдональда. Я невольно оглянулся, подыскивая в окружающем пейзаже место для рыжего клоуна, и некуда было его поместить. Пустить по улице — собаки разорвут, приставить к небольшому стаду на лугу — немного напасешь в таких штанах да ботинках. Да и еда, олицетворяемая клоуном, конечно, игрушечная. Какой тракторист насытился бы гамбургером, напился бы приторной газировкой? Нет, нам бы котлетку потолще, а булку поменьше.

Надорванная бумажка трепещет на согнутом пластмассовом древке. Видно, девочка дорожит этой цацкой, оберегает воспоминание о празднике причастия к быстрой еде, о похожей на протестантский молебельный дом едальне с хронически усталыми служителями, с масляным чадом вместо кадильного дыма. И то сказать, в бедной нашей стране мало ярких впечатлений для детей. Впрочем, и для взрослых. Большинство наших воспоминаний горчат, а хочется вкусного, сладкого. На моей, например, памяти снимали с магазинов вывески «Мясо. Колбасы»; потом потянулись «колбасные» электрички в Москву. Потом эмиграция за колбасой. Потом вся страна «перестраивалась», чтобы у нас в магазинах по 30 сортов колбасы было. И вот сбылось. Состоялась историческая встреча народа и колбасы. Но, кажется, что-то упущено. Всех все равно не накормили, а некую духовную призванность (смутную, одностороннюю, однако присутствовавшую) променяли на чечевичную похлебку. Кстати, похлебка оказалась гадостью. А звучало заманчиво: «Чечевичная похлебка». Что же дальше, друзья мои? Мы, слушавшие Высоцкого, напеваем бессмысленную невнятицу? Мы, ходившие на «Сталкера», привыкаем к мексиканским телесериалам? Мы, которые на БАМ и в Афганистан добровольно, всерьез считаем шоколадки «Баунти» наслаждением?

Чего ради растоптали свою империю, потеряли столько земель, сколько ни в какой войне не отнимал враг? Чего ради превратились в разделенную нацию, гонимую соседями? Чего ради терпим унижение и нищету? Чего ради превращаемся в дикарей и хамов? Почему не рождаем детей, а спиваемся и одурманиваемся? Почему шестидесятилетний мужчина считается долгожителем? Для чего работаем без зарплаты, ютимся в многоэтажных пещерах без тепла и света? На виду всей планеты корчится в муках Россия. Стонет титан, трещат его кости, мечется он в горячке без всякой видимой причины, без заметного внешнего воздействия. Не может быть, чтобы зря. Есть в таком страдании смысл, мне не понятный. Агония ли это или лихорадка перед выздоровлением? Рождение ли это новой жизни? Ясно одно: прежнего не вернуть, — за будущее есть смысл побороться, для него нужно поработать. Не всем миром (слишком разобщены мы сейчас), каждому по отдельности. Измениться вместе с веком — это мы умеем; стать сильнее, добрее, умнее — это сложно, да другого не дано. И тогда слиться по капле в новый чистый поток, мощной рекой продолжать свой путь.

За этими рассуждениями обнаружил я себя на развилке дорог. Направо или налево указывал мне давешний советчик? Не помню. Вот странно — говорил я с ним, что-то смекал, а сейчас все из головы вон. По большому счету говоря, меня любая дорога устроит: ведь для меня главное не дойти, а идти. Однако не хочется понапрасну крюк давать, устал я: целый день иду.

Тут, как в сказке, возник передо мной старичок. По глазам видно — все знает. Я не о коротком пути, это для сказочного деда мелко. А просто: знает все.

Впрочем, почему дед? Ему могло быть и 50, и 100 лет. Маленькое, сухонькое тело, все соки которого излиты в землю. Глубокие морщины на заросшем хорошей щетиной лице, беззубая улыбка и по-умному веселые глаза. Таким (только бритым) изображали скульпторы Вольтера. Старик растолковал, как добраться до нужной деревни, и остался стоять на месте, провожая меня взглядом. А когда я обернулся, прежде чем скрыться у него из виду за поворотом, то увидел, что он все стоит и смотрит, что он протянул мне неуловимую ниточку своей доброты. Мне, непутевому, который на родной земле плутает да, наверное, и в жизни напутал достаточно. Мне, здорово-му да сытому, питающемуся его трудами и ничем не отблагодарившему за труд.

Маленькая фигурка почти слилась с травой, землей, деревьями. Старая солдатская фуражка, засаленный пиджак, галифе, сапоги. Кажется, что-то сдвинулось во времени. То чудилось, что я ухожу на русско-японскую войну, а он меня провожает, то представлялось, что он пришел с германской... С гражданской? С финской? С Великой Отечественной? Не так ли стоял он, когда шли его раскулачивать? Таким же добрым взглядом смотрел, когда обмеряли его усадьбу и на каждое деревце накладывали налог? Может, не доброта в его глазах, а хмель или, того хуже, тупость? Понимал ли он, что происходило с ним и вокруг него, когда хоронили дряхлых «вождей» и советскую власть, когда возникали, как пузыри на луже в дождь, «новорусские» губернаторы, президенты, олигархи? Или по-лошадиному вкалывал весь век, а голову от земли поднимал лишь за тем, чтобы мух отогнать? Страшный это вопрос. Если отвечать на него однозначно, без нюансов и полутонов, то такой ответ сводил бы все концы, как удар кинжала. Но они есть, эти полутона! И жив этот старик в несусветной глухомани. Жив, хотя обирали его, как липку, и продразверсткой, и приватизацией, хотя землю его губили мелиорацией, радиацией, химизацией... Ох, как много натащили домой заразы! Так терзают насильники девуку, а потом бросают, расходятся пьяные, злые, что сопротивлялась она, что показала им все их бессилие, а сама в красе своей осталась и среди грязи чиста, и в унижении горда. Вот так и дед на развилке. Совсем не старческие у него глаза. Не тупые, не животные. И так обидно стало мне за потерянную его жизнь, что хотелось броситься в пыльную придорожную траву, рвануть ее зубами, жахнуть кулаком по земле, завывать, зарычать.

Да отчего же гнетем мы так ближних своих! Осталась ли в нас хоть капля живого? Будет ли нам прощение за то, что учинили с данной Богом гармонией? Хватит ли духу верить, любить, надеяться? Ведь и бывшие до нас стремились к истине, а куда пришли? Среди них были люди великие, а уж мы-то, с обмелевшими душами, долго ли вытерпим? Еще скорее ослепнем от гордыни и самоуничужения, от бесчувственности и сентиментальности, от жадности и бессеребренничества. Скольких уже расстрясло в труху на этих вечных русских качелях! Сколько шей сломал этот маятник, мечущийся между «да» и «нет»!

...А вокруг — поля, поля, поля. Если смотреть издали — намеченные цветом плоскости. Подойдешь ближе — поле обретает объем, шевелится, живет. Зайдешь на несколько шагов в эти хлебные кущи, откроешь целую вселенную. Все-то здесь движется, все выпукло и сочно. Здесь особый аромат, особый перезвон сталкивающихся колосьев и целая симфония других звуков: ветра, насекомых, цветущих растений. Отойдешь на дорогу, поле умолкает и уменьшается. Оглянешься через несколько шагов — вновь цветное пятно. Странный эффект: ощущаешь существование несуществующего. Это только для меня, горожанина, поле есть пустота, а пусто место, как известно, свято не бывает? Или оттого, что в современной России так много пустующих полей?

Значит, впрямь пришла на Русь беда, раз обезлюдели села, заброшены поля. Опять набег кочевников, опять смутное время, опять междоусобица. Ненужная, лишняя земля не прорастет золотом. Напрасный труд невыносим Сизифам среднерусской

возвышенности. Сума с земной тягой пропита колхозными богатырями. Незачем хранить предания и заветы, некому говорить на родном языке, раз непаханы поля. Раз разбрелись без пастухов немногочисленные стада, бредит страна в лихорадке.

Но я продолжаю идти. Но кто-то готовит свой плуг. А кто-то идет воевать, чтоб дать нам идти и пахать. А кто-то молится за нас. И так тихонько теплится жизнь, подспудно, боясь насмешки и хамства. И если находятся люди, не желающие предавать честь и совесть, не отступающиеся от добра и красоты, то все громче будут звенеть колокола Китежа. (Да, может быть, и сам град хоть околицей покажется нам, маня белизной, являя правду истинную.) Звон этот сказочный слышен у тихих и чистых наших вод. Надо только у реки в безлюдном месте затаить дыхание, прислушаться. Постепенно за птичьим посвистом, за плеском воды, за шумом ветра различишь гулкие удары. Это колокола. Это сердце. Это голос крови. Гудит по твоему телу, стучит в твое сердце. В каждой капельке...

Смотри-ка, кажется, повстречал я попутчиков! По проселку со мной в одну сторону шли трое. Мальчишка, девочка и мужчина немногим меня старше. Когда увидел я их, были они далеко, но шли не торопясь, останавливались, чтобы перебраться мячом, и вскоре я уже спрашивал, далеко ли до деревни Ветрово. Оказалось, они туда же. Пошли рядом. Мы, взрослые, закурили, познакомились (соседи — почитай что родственники). Дети убежали вперед от скучных наших разговоров, а мы, разузнав, кто есть кто, сочлись знакомыми и родней, шли довольные друг другом и занятой беседой. Поговорили о видах на урожай, и о зеркальном карпе, что водится в блеснувшем в отдалении пруду, и о политике, и об армии... Кажется, еще чуть-чуть и смысла жизни коснулись бы! Я поглядывал на своего попутчика и почему-то, не мог отделиться от воспоминаний о том далеком времени, когда я был сопливым огольцом, а он вместе с моим двоюродным братом и ватагой сверстников гонял по ночам на мотоциклах по окрестным танцплощадкам. Конечно, я им завидовал! Не танцам, понятно, не соображал тогда, что к чему. Зрелищем было, как они ехали. Клубы пыли поднимали разноцветные мотоциклы, модные космы трепались по ветру, цветастые рубахи, завязанные узлом на пузе, пузырились, что твой парус. Они были олицетворением свободы, воплощением непокорности. Их завораживающие стальным блеском и ярким лаком машины были украшены портретами красавиц, они носили флотские ремни, а метровые клеши были оторочены согнутыми пятаками. Умопомрачительный шик! А в нагрудных карманах вечно расстегнутых батников лежали сигареты. А еще (я раз видел!) где-то запрятан нож-выкидуха. Об остальном я не знал, но можно было догадываться.

Сейчас передо мной взрослый, семейный человек, и только в уголках глаз проявляется на изменившемся лице былой ухарь, «гроза садов и огородов». Сколько воды утекло в Снежеди. Разнесло течением времени племя бесшабашных наездников: кто-то прибил к городскому берегу, кто-то спился, кто-то сел, а иных уж нет.

Поколение за поколением бьется русское море о скалы действительности и разлетается брызгами. Должно быть, по сей день бродят где-то семь странников, ищут счастливого человека, ищут, ищут... А счастье осталось в детстве, в ранней юности. Что оно было? Свобода и независимость? Воля? Счастлив ли сейчас мой случайный попутчик? Не спросил я его об этом, ибо сам себе все еще отвечаю на подобный вопрос. По крайней мере, он казался спокойным. И если на свете счастья нет, то уж покой и волю классик гарантировал.

Но вот и Ветрово. Деревня тянется по берегу реки, теснятся здесь ракиты, некоторые уж очень старые и большие деревья. Молодая поросль стоит стеной непроходимой. Здесь всегда много тени, воздух влажен. Наверное, потому с детства мне казалось, что деревня эта мрачноватая. Или потому, что здесь погост? Мои тут могилки. В скобках замечу, что так и говорят русские, приходя на кладбище: «Вот моя мо-

гилка». Имеются в виду, разумеется, могилы родных. Но верно то, что некая часть меня действительно погребена тут, под холмиками, поросшими травой, а кое-где уже почти сравнявшимися с землей. И еще: когда выкопают именно мою могилу, я уже не смогу ничего сказать. Так вот сейчас говорю — «моя могила». Как бы примеряюсь, где мне лечь. Здесь, в Ветрово, неплохо бы. И не только потому, что здесь погребен мой род. Тихонько слиться с землей, обратиться вновь во прах — это надлежит сделать каждому человеку. Это — таинство, которое стыдно опознать монументальными надгробиями. Вот на старых русских кладбищах таинственно; наглядно видно, как земля принимает покойников: чем старше могила, тем неуловимее холмик, под которым растворяется в земле тело, и слова: «Чаю воскрешения мертвых» в таком месте произносятся естественнее. На старых кладбищах, где уже почти не хоронят, при храме, за оградой, как и положено, ясно представляешь, как предстанем все мы на Божий суд, на Страшный суд, ибо грешны, на Милостивый суд, ибо он Высший!

Да, надежда на спасение, на жизнь вечную, на всеобщую гармонию за порогом посясторонних эгоизмов освещает старинные погосты. По милости Божией, этот свет некогда прольется на всю Землю. И на нумерованные микрорайоны кладбищ времени планового атеизма, и на лужайки упокоившихся протестантов, и на католические пристанища, проходящие на декоративные садовые участки, и на неведомые мне китайские, иудейские, магометанские усыпальницы... Какое благо, что не нам выносить последний приговор! Как будем мы прекрасны за гранью расовой, общественной, имущественной идентификации! Может быть, я встречу приход грядущего века среди покосившихся крестов и зарастающих бурьяном могил... Почему-то я думаю, что это будет так. Наверное, это место больше походит на нашу планету, освобожденную от человеческого рода и возвращенную растениям, птицам и животным.

А впрочем, велика тайна сия, и не мне, недостойному, судить о ней.

Мне бы дойти через поле до конечной точки моего путешествия.

Деревня та называется Русино. Сколько звучных названий сохраняет русская глубинка! Если бы я выдумывал это повествование, ни за что не смог бы украсить его такими интересными словами.

Поле между Ветрово и Русино сейчас поделено между подворьями. А раньше было колхозное. А еще раньше — такие же полосы, как и сейчас. «Только не сжата полоска одна, Грустные мысли наводит она...» Наверное, ветровские и русинские мужики соперничали на этом поле. Может быть, ходили стенка на стенку. Во всяком случае, пацаном я ощущал некое напряжение в отношениях, хотя давно уже многие соседи стали кумовьями и сродственниками. Дед мой говаривал: «Ветровские помещицы были, а мы — крестьяне государственные!»

Государственные крестьяне... В моем воображении это наполняло особым смыслом жизнь в Русино. Надо же: крестьяне, а ведь люди-то государственные. Отсюда, с поля между двумя деревнями, казалось, что крестьяне самые важные в государстве люди. Не «руководители партии и правительства», не царь в старое время, а они олицетворяют собой государство. Позже я догадался, что это только казалось. Сейчас понимаю, что так должно было бы быть!

Но в жизни почему-то все не так, как должно быть, и не так, как кажется. Подходя к дедовской усадьбе, я ясно слышал, как Русино говорит мне: «Я умираю».

Дом наш на краю деревни. Некогда накатанная дорога заросла теперь травой. Участок, который когда-то так придирчиво вымеряли колхозные деятели («А не прихватил ли лишка земли хозяин?»), никому не нужен. Бесчинствуют на нем крапива да лопухи, все в рост человека, словно оккупанты захватили страну, раньше дававшую им отпор. Агрессия сорняков. Труд и здравый смысл отступают. Общими силами городских потомков прежнего хозяина вахтовым методом обрабатывается несколько

соток — картошка, грядочки лука, огурцы, какие-то ягоды... Покосившийся погреб, сарай с протекающей крышей, пустой скотный двор. Как будто взорвалась нейтронная бомба — постройки остались, но ничего живого уже нет.

Захожу в дом. Неприятно поражают тишина и запах сырости. Это значит: «Я умираю».

Дом, как и положено родовому гнезду, имел свою историю. Перестраивался и видоизменялся. Мне объясняли: «Вот здесь была горница, а потом дедушка ее перестроил». Это поколению моего отца — дедушка. «А здесь в войну наши раненые лежали». «А наш дом при отступлении немцы не успели сжечь». «А здесь дедушка валенки валял». Это уже мой дедушка.

Дом, как и положено дому, был целым миром. В нем находились укромные сумеречные уголки, и большой стол для общей трапезы, и кровать для гостей с периной и пуховыми подушками. И сенцы, в которых, забежав с улицы, можно было выпить колодезной воды. В сенцах висели по стенам дождевики и телогрейки, а под потолком пучки разных трав, чей пряный дух смешивался с приятным запахом простой и сытной крестьянской еды, и слышно было, как в горнице потрескивают дрова в печи. Тепло разливалось по дому. Тепло общей согласной жизни. Тепло домашнего очага.

Не привел Господь сохранить все это. Но оно было. И это тепло согревает меня всю жизнь.

Неприятно и горько видеть дом опустевшим. Так тревожно бывает, когда идешь по руслу высохшей реки. Во имя чего, какой идеи ради изжита здесь семья? Не в годину войны, в мирное время, не за века, за два поколения оставили дом без домочадцев. А тут ведь и вправду проходила линия фронта. Не того, страшного, непоправимого, а невидимого и бессмысленного. Здесь поле битвы идеи с жизнью. Чудовищная это ловушка — идея. Человек наполняет ее плотью и кровью, дает тело бестелесной мысли. Она же, ощерившись, рвет человека в куски. Идею справедливости утверждали лагерями да тюрьмами. Рационализмом оправдывали отупение. Боролись за мир, утверждались в космосе, помогали «братским народам», а собственный народ изводили под корень. А в конце еще прихлопнули «перестройками» да «реформами», словно гвоздь вогнали в крышку гроба. И вот уж нет ни справедливости, ни мира, ни космоса, ни братских народов, остались лишь тюрьмы, отупение и вымирание.

Идея не победила жизнь. Но и жизни не стало. Осталось лишь пепелище несгоревшего дома, руины неразваленного дома. Похоже, и человека-то не осталось. Как упырь, отсосала идея из человека жизнь и лопнула от обжорства. Где прячется теперь человек? Куда бежал от вскормленной им идеи? Жизни-то, ясно, не нашел, но, может быть, отыскал хоть кусок существования, свободного от идей? А что если... Не может быть! Что если без идей жизнь невозможна?!

Выхожу на улицу. Гляну на село... Эх, крошечная душа! В моей ли деревне петь эту песню. «Весело», — там сказано. Весело... Смотрю по сторонам на дома соседей: умер, сгорел, уехал... Весело... В перспективе пустой улицы слышу: «Я умираю». Только крапиве и лопухам раздолье.

Спускаюсь с пригорка к реке. Где была проезжая дорога — болото. Старого колодца нет и следа. Да и не нарочно ли кто подстроил мне такую пакость?! Ведь ничего, ничего хорошего нет вокруг. Не бывает же так! Река-то должна же оставаться неизменной! Не сливают же сюда отходы, не строят на ней плотин, не поворачивают ее, невеличку, вспять... Оказывается, река не может жить без людей на ее берегах. Обмелела, помутнела и заболотилась. Снесены мостки, с которых ныряли ребята, поглощен осокой камень, с которого бабы полоскали белье. Когда-то утопанные скотом и водоплавающей птицей берега обрюзгли, раскиселились. Осел в воду мостик. Не подойти к нему — осока, и болото, болото кругом. Сердце щемит глядеть на это.

Зачем реке ее красота, если некому увидеть ее? Зачем чистая вода, если некому

омываться в ней? Зачем высокая волна, если никто не пригонит свой скот на водопой? А ведь в верхнем своем течении Снежедь осталась такой же, какой помню я ее с детства. Лишь здесь, рядом с погибающей деревней Русино, гложет и река.

Господи, помилуй! Я и помыслить не мог, что так наглядна ответственность наша за все. В наказании Господнем видна любовь Его к нам, в унижении человека понимаешь, как велик человек.

Вот и конец моему пути на сегодня. Не обойти всю Россию за жизнь человеческую, не налюбоваться ею вовек. И хотелось бы еще на ту вон горку подняться, глянуть кругом, почувствовать, как манит горизонт, да сил моих больше нет. Но знаю, где-то торит себе путь другой первопроходец, открывает свою душу, открывает свою страну. Может быть, там, где сейчас утро встает из вод океана. В тайге ли, на Урале, на Балтике. Не знаю, где течет его река. Скачет ли по горам, льется равниной, ломает ли льды северные, великая или незнатная, но своя река есть у каждого. Не все знают об этом. Наверное, их совсем немного, пилигримов, взыскующих Китеж, но они есть.

Дай вам Бог, дорогие мои люди, каждому своей дорогой и в свое время дойти, не блуждать в темноте или тумане. Дай вам Бог не сгинуть в пути, не устать, не сбиться. И давайте в следующий раз возьмем с собой детей. А те подрастут и, может быть, поведут за собой своих маленьких. Так эта ниточка и не порвется. Будет кому идти по России, видеть Россию, дышать Россией. Значит, будет Россия жива. Дай вам Бог... И спасибо вам за труд ваш, за терпение, за мужество. Только это дало нам выжить. Знайте, что долгие боли ваши и мучения были не напрасны. Каждый голодный день, каждый день во тьме и холоде, каждый день неоплаченного труда (и неоплаченного, ибо нет монеты, чтобы измерить ваш труд) держали страну над бездною, не давали пасть.

Кто не был с нами в эти дни, тот не поймет, как невыносимо было терпеть. Но выстояли и отстояли Россию. Нет, не порвется ниточка. А сейчас пусть Снежедь смочит с меня пыль и усталость этого дня. Пусть примут меня тихие воды.

Входя в реку, увидел я маленькое чудо: из-под берега бил родничок. Светлая ледяная струя бьется, пульсирует. То вдруг на глазах исчезал родник. Нет, живет! Не кончается сила загадочных недр земли нашей. Всю Снежедь питают такие вот роднички. С тихой щедростью дарят миру свою работу, стараются, не думая о себе. За то им награда — свои капельки слить с другими струями и честной своей малостью добиться значения, силы, воли.

Вот бы и люди научились так жить! Вот бы слились в один народ! Этот поток воистину горы свернул бы. А работы впереди у нас — горы, и горы, и горы. Понять бы только, что работа сегодня уже не только Божья заповедь, но и средство спасения себя и своих детей. Честная тяжелая работа — наше искупление. И если исполним ее, не будет стыдно нашим детям, что их отцы жили в России на стыке двух тысячелетий. Наверное, и нам самим не так стыдно будет смотреть в прошлое, когда предки наши собирали земли и народы, а не бросали их; когда копили богатство народное, а не транжирили его; когда делились богатством с нуждающимися, а не скряжничали; когда ценили возвышенное, а не низменное.

Нам бы только понять, что нужно не столько выжить, сколько душу сохранить. Может быть, третий или четвертый раз за всю историю нам дан шанс увидеть Китежград. Не обманемся ли вновь? Туда ли пойдем? Видеть конечную цель в богатстве и довольстве — значит навсегда остаться в забавной роли догоняющих и подражающих. Да и богатства настоящего не обрести.

Но разве мы не чувствуем в себе сил на что-то большее, чем сытость? Богатство никого еще не сделало счастливее. Сытость оборачивается вырождением. Довольство не делает добрее и даже просто воспитаннее. Не пройти бы в очередной раз мимо себя, не скатиться бы к пошлости.

Снежедь несла меня, слегка покачивая на волнах. Раскинув руки, я глядел в небо. Голубой свод был неохватен. Я начинал постигать, что значит «твердь небесная». И при всей ничтожности своей перед лицом вечности, я все-таки чувствовал, что не затерялся в бесконечности, что малым мазком и я вписан в картину мироздания. Хорошо найти свое место в мозаике мира. И что с того, что так недолго осознаешь это место своим. Через секунду, может быть, плеснет волна, развернет меня водоворот, и изменится мозаика, исчезнет очарование прохладных струй. И буду вновь с собою в ссоре, и бесконечный диалог души и неба продолжится, словно не было этого минутного затишья, гармоничного молчания. Злобный зной продолжит жечь голову, а подземный холод остудит кровь и станет выкручивать суставы. Не впервой мне жизнь терпеть, как пытку. Не впервой меняться самому внутри изменчивой реки, текущей меняющимися берегами. Как торжественно они идут мимо меня! Они меня смеряют взглядом! Идут навстречу берега, идут решительным парадом. Кувшинка — желтая вежа на текучем пути, пластмассовая игрушка на змеящемся из неведомого стебле; отломленная ветка ракиты — десяток серебристых незрячих глаз, ниспосланных судьбой присматривать за очевидным, — и все вокруг наполнилось вдруг смыслом.

Тихий ток наших чистых рек. Как понять смысл его? Простота, наивность упорного стремления. Ежечасная работа и полная уверенность в необходимости простоты. Подвижность, гибкость в постоянной работе. Упругая мягкость, звучащая тишина, раскаленная прохлада... Можно бесконечно оценивать поток. Но вопрос в том, как поток оценивает нас. Эта, безусловно, мудрая и, видимо, одушевленная субстанция принимает любого из нас. Принимает и взвешивает: недостаточно мудрых, слегка душевных. Все мы оказываемся легковесны. Всех нас успокаивает, омывает поток. Мы стремимся на берег, мы торопимся встать на ноги, мы спешим в путь, в дальнюю дорогу, в казенный дом, к напрасным хлопотам... Куда еще? На войну, на хитрованское торжище, в большие неуютные дома, в которых поселились злая, мимолетная любовь и глубокое тупое неверие.

Тихий ток наших чистых рек. Почему-то все устроено так, что мне кажется... Нет, я почти уверен: за очередным поворотом река потечет медом и молоком. Я почти уверен, что доплыву в Китеж, где спокойно и гордо живут люди. Там служат вечно, несуетному, доброму. Я выйду на берег, я скажу им: «Здравствуйте, родные!» Меня обнимут, дадут сухую одежду и отведут в горницу. И ни о чем не спросят, и ни в чем не упрекнут. Я начну учиться жизни, начну жить...

А когда этого не случается... Да, я часто обманывался в своих надеждах. Когда этого не случается, я не удивляюсь. Я продолжаю жить неумело.

Почему-то все устроено так, что в нашем бесчеловечном веке не принято удивляться. А уж надеяться на встречу со сказкой просто смешно. Именно поэтому мы недостойны молочных рек. Мы стали глупее Ивана-дурака, и волшебство не поможет нам. Мы стали образованнее Василисы Премудрой, и нам не найти любви. Никогда не бывать мне на острове, Буяне, не дышать его беззаботной лихостью. Никогда не найти мне Святой Руси, ибо грешен. И остается редкий глоток свежего воздуха, остается Снежедь, Русино да общение с тобой, старый мой товарищ, чистая душа.

Прощай же, брат. Как все-таки жаль, что мы давно не виделись. Я хочу многое, многое тебе рассказать.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

НЕВОЛЬНЫЕ СРАВНЕНИЯ

Этим летом — так случилось, я оказался сначала в Смоленске, а потом в соседнем (всего 120 километров на запад) с ним белорусском Витебске. Перемещался из Тулы и обратно на своем автомобиле, так что была возможность сравнить некоторые стороны жизни разных областей центральной России и дружественной нам Беларуси.

С горечью пришлось констатировать, что по-прежнему, как и в прошлые года, крайне тяжело преодолеваются некоторые участки автодороги Тула — Калуга. Но справедливости ради отметим, что есть сдвиги в лучшую сторону: дорожники работают над ремонтом этого традиционного участка трассы.

На территории Калужской области, в районе Юхнова очаровывают живописные природные ландшафты, но дорога кое-как залатана, гляди и гляди в оба, чтобы не пропороть шину в яме!

На Смоленщине участок трассы до Вязьмы выглядит более или менее прилично... А от Вязьмы до Смоленска по ровной Москва — Минской трассе катишь с ветерком, поглядывая на приборную доску, чтобы ненароком не превысить скорость свыше 120 километров в час... Вот везде бы нам в России такие дороги!

Но восхищение исчезает, когда въезжаешь в древний город-ключ Смоленск. Такое ощущение, что улицы в нем не ремонтировались ни разу со времен распада СССР. Повсюду выбоины, кучи грязи, мусор на обочинах. Брошенные окурки и иное на тротуарах даже в историческом центре Смоленска. Плохо прибранные редкие клумбы, бродяги, наркоманы, алкоголики, опустившиеся люди встречались в городе повсеместно. Здания с обсыпавшейся штукатуркой, грязные подъезды... Невольно сравнил ситуацию с Тулой... Да, мы ругаем иногда тульские власти за недоработки, за смыаемый дождем свежеположенный асфальт в некоторых местах города... Не без этого! Но видели бы вы Смоленск?! Да Тула гораздо ухоженнее в целом, чем запущенный, видимо дико разворванный кем-то град на Днепре!

Когда въезжаешь в Витебскую область Белоруссии — сразу отмечаешь отремонтированные, ровные автодороги, ухоженные деревни и городки по их сторонам, отсутствие забулдыг, алкашей на их улицах.

На въезде в Витебск за год выросли новые светло-празднично окрашенные целые микрорайоны жилых домов. Как мне объяснили потом местные жители — это социальное жилье, которое предлагается государством для малоимущих по цене 400-500 у.е. за квадратный метр. Вот нам бы такие цены и господходы к проблеме жилищного строительства! Хотя бы на часть газонептяных денег, которые олигархи спешно перекачивают в оффшоры из России...

Поразила чистота, порядок в Витебске на улицах. Вежливость продавцов в магазинах — при покупке обязательно вам скажут спасибо! Кругом новостройки: прекрасный ледовый дворец, где дети бесплатно могут заниматься спортом, новый кос-

тел, жилье, здания, новый, с ниточки роддом на месте старого, где моя жена когда-то родила младшего сына... Кстати в белорусских гостиницах за проживание в них с тех россиян, кто родился когда-то в Белоруссии, взимается меньшая плата, чем с других иностранцев.

Действующий губернатор области, бывший вице-премьер правительства Беларуси, живет в обычной трехкомнатной квартире в обычном доме. У подъезда никакой охраны. Сам видел, как утром за ним заехала одна служебная машина. Без сопровождения автомобилей с охраной и сотрудниками ГАИ. У губернатора, как и у других чиновников областной, городской администрации нет никаких дворцов-коттеджей... Все соответственно официальным доходам, скромно по российским меркам. Но справедливо!

В Белоруссии не дают и не берут. Любой чиновник знает, если он сегодня нарушил закон — завтра и потом никогда он не будет работать в госорганах. Размер взятки не имеет значения. Если взял — осудят не менее чем на 4 года и обязательно с конфискацией имущества! Это знают все. Как знают, что и законы одни для всех. Только с властью имущих «батяка», как с уважением называют белорусы своего президента, спросит с большей строгостью.

В будничное время улицы Витебска пустыньны — людей почти нет, автомобильных пробок — тоже. Мы догадались — просто все работают в это время, а не занимаются непонятно чем, как в России!

В Белоруссии государственные комитеты контроля (которые отслеживают и проведение ЕГЭ и многие другие сферы жизни) контролируют, чтобы работник работал не более чем на полторы ставки в государственных учреждениях. Считается, что если иначе — то человек везде будет недорабатывать.

Поразил еще один факт. Когда мы находились в гостях у друзей юности, в их квартире раздался звонок в дверь. Хозяйка открыла, и мы увидели в прихожей трезвого человека одетого в опрятную, выглаженную спецовку с чемоданчиком в руке.

— Кто это? — спросил я у своего друга.

— Да, это сантехник зашел проверить, как у нас работают краны и другое... — пояснил тот. — Они планово два раза в году обследуют все квартиры...

— И если находят неисправности, то устраняют их?

— Тут же. И абсолютно бесплатно, — улыбнулся мой товарищ. — Мы же за это ежемесячно платим ЖЭКу...

Да, мы в России тоже платим... Но почему-то никто не совершает плановых осмотров состояния сантехники в наших квартирах. А если что-то выходит из строя — то даже вечно пьяного сантехника ЖЭКа трудно за дополнительную плату из своего кармана сподвигнуть на проведение ремонта.

Можно было бы долго продолжать сравнения... Ну кто такие белорусы? Да такие русские, только белорусы! Но они смогли, благодаря Лукашенко, навести социальный, экономический порядок у себя в стране?

Людмила Гайдукова
(г. Алексин)

ВЯТИЧИ И ТУЛЬСКИЙ КРАЙ

Давным-давно, когда не было еще города Алексина, в лесах вдоль Оки жило загадочное племя вятичей. В те далекие времена река служила им главной дорогой, соединяя между собой разрозненные поселения охотников и добытчиков меда, пахарей и рыболовов. На высоких берегах стояли их города, укрепленные валами и рвами, огороженные частоколами: настоящие города — с хорошими пристанями и местом для торга. Сюда на узких лодочках-долбленках спешили жители отдаленных поселений со своим товаром, сюда приплывали торговые ладьи из Киевской Руси и даже корабли заморских купцов.

Как появился на Тульской земле этот независимый, свободолюбивый народ? Каков был уклад жизни вятичей, их духовный строй, видение мира? Попробуем вместе окунуться в прошлое, возможно, какие-то черты далеких пращуров все еще живут в нашей генетической памяти.

Расселение славян на территории Центральной России

В лесах русской равнины на территории, составляющей теперь Центральную Россию, примерно с VIII в. до н.э. обитали племена финно-угров и балтов. Но уже в конце VII в. н.э. их потеснили на восток и на север многочисленные славянские племена, начавшие в VI в. массовое расселение по Восточной Европе.

Славяне, быстро смешиваясь с местным населением (ираноязычными племенами на юге, финно-угорскими на севере и балтоязычными на северо-западе), расселились на огромном пространстве, выстояли в ожесточеннейшей борьбе с многочисленными врагами и сыграли совершенно особую роль в истории Евразии. Сила славян заключалась в том, что они не были привязаны к одной ландшафтной зоне, и с одинаковым успехом занимались хозяйственной деятельностью и в дремучих европейских лесах, и в плодородных ковыльных степях. Основной тип славянской хозяйственной деятельности сложился в лесостепи, так что два других ландшафта — лес и степь — были для славянина одинаково родными местами обитания. Это и позволило древним племенным союзам вятичей, северян, кривичей, радимичей расселяться на любых свободных или малозаселенных землях.

Нестор о славянах

В бассейне реки Оки древнейшие археологические памятники, оставленные явно славянами, датируются VII веком. Вот что сообщает о славянских переселенцах, в том числе и о тех, что пришли на берега Оки, Нестор-летописец:

«...По многом времени осели славяне по Дунаю, где ныне Венгерская земля и Болгарская, (и) от тех славян разошлись по земле и назвались именами своими, где

кто сел на каком месте... те славяне, которые пришли и поселились по Днепру, назывались Полянами, а другие Древлянами, потому что (они) жили в лесах... И так распространился славянский народ («язык»), по нему и грамота назвалась Славянская.

...Поляне же жили отдельно, как сказано, были от рода Славянского и назывались Полянами. Древляне тоже от Славян и назывались Древлянами. Радимичи и Вятичи от Ляхов. Было у Ляхов два брата — Радим и другой Вятко. Пришел и поселился Радим на Сожу и (от него) назвались Радимичи, а Вятко сел с родом своим на Оке, от него назвались Вятичи. Жили в мире Поляне и Древляне, и Северяне, и Радимичи, и Вятичи, и Хорваты.

...И Радимичи, и Вятичи, и Северяне один обычай имели, жили в лесах, ели все нечистое, и срамословили перед отцами и перед снохами, и браков у них не было, но игрища между селами: сходились на игрища, на плясание и на все бесовские песни и тут умыкали себе жен по взаимному согласию, имели же по две и по три жены. И если кто умрет, творили тризну над ними и после этого делали большую кладку, клали на нее мертвеца и сжигали, а затем, собрав кости, вкладывали в малый сосуд и ставили (его) на столбе на путях, как делают Вятичи и поныне. Такие же обычаи и у Кривичей, и у других поганых, не знающих Закона Божия и творящих сами себе закон...»

Территория, расселение вятичей

Вятичи появились в бассейне реки Оки, видимо, в сер. I тыс. н. э., вытесняя живших здесь балтов и отчасти угро-финнов. Часто вятичи селились на обжитых местах своих предшественников, и в Алексинском районе это подтверждают раскопки городищ Картавцево, Сенево, Алексинское. Это самое восточное из славянских племен было очень замкнутым: вятичи селились обособленно от других славян, занимая бассейн верхнего и среднего течения Оки и ее притоков. Пути сообщения служили реки, на возвышенных берегах которых вятичи ставили свои дворы — городища.

Социально-экономические отношения вятичей

Основой социально-экономических отношений этого славянского племени служили земледелие и охота. Мелкие земледельческие деревни часто носили временный характер и переносились на другие места по мере истощения небольших подсечных пашен. Помимо земледелия и охоты вятичи занимались бортничеством и рыболовством. Бобровые гоны существовали тогда на всех реках и речках области их расселения, и бобровый мех являлся важной статьей товарообмена с соседними финскими и литовскими племенами. Часть дани хазарам, а затем и киевским князьям вятичи платили так же бобровыми шкурками. Гончарное, кузнечное и другие ремесла были дополнительными источниками существования поокских славян.

В I пол. IX в. вятичи попадают под влияние хазар, которым вынуждены платить дань. Таким образом, они были вовлечены в круг сначала поволжской, а потом днепровской торговли. Арабские купцы стали проникать сюда с товарами и деньгами, плавая по Каспийскому морю, Волге и Оке.

Политический строй вятичей

Вятичи жили родовой общиной, во главе которой, как и у всех славянских племен, стоял старейшина рода. Обработка земли под пашни требовала коллективных усилий большой семьи, жившей общим двором. У вятичей дольше всего сохранялись родовые князья (организаторы общинного труда) и племенное вече.

В XI—XIII в. в. патриархально-родовой строй поокских славян постепенно начал

уступать место феодальным отношениям. В этот период, видимо, у вятичей были основаны и первые укрепленные поселения: Дедославль — старейший их вечевой город, Колтеск, Москва, Неринск и др.

История присоединения земли вятичей к Киевской Руси

Вятичи были народом самостоятельным, независимым. Верные традициям и свято почитавшие заветы предков, они сопротивлялись всякому влиянию, угрожавшему их патриархальности, в том числе и влиянию Киевской Руси. Земли вятичей одними из последних вошли в состав Древнерусского государства, и этот процесс сопровождался упорным сопротивлением со стороны патриархального лесного народа.

Хотя неоднократные походы великих киевских князей во II пол. X в. и вынудили вятичей платить дань далекому Киеву, при малейшей возможности они уклонялись от даннических отношений с Киевской Русью, и до начала XII века упорно отстаивали свою независимость.

В княжение Олега, утвердившего за полянским городком Киевом звание «матери русских городов», большая часть восточных славянских племен вошла в состав русского государства, одни только вятичи остались под властью хазар. Во II пол. X века хазары прочно утвердились в стране вятичей и, не довольствуясь прежней легкой данью по белке от дома, наложили на них денежную дань: «по шлягу от рала». Чтобы присоединить и это славянское племя к русскому государству, для киевских князей возникла необходимость сломить могущество хазарского царства.

В 964 году князь Святослав предпринял поход к берегам Оки и Волги. Во время этого похода он встретил вятичей и спросил их: «Кому вы дань платите?» Они ответили: «Хазарам по шлягу от рала». Тогда Святослав в следующем 965 году напал на хазар и, победив их, разорил крепость Белую Вежу. Расправившись с хазарами, он в 966 году опять пошел в землю вятичей, покорил их и обложил данью. Но завоевание это было не прочным: вятичи вскоре отложились от Руси.

Летописец Нестор указывает, что в 981 году Владимир Святой «вятичи победи и возложи на ня дань от плуга, яко же отец его имал». Из этих слов явствует, что после 966 года вятичи свергли с себя зависимость от киевских князей и перестали платить им дань. По всей вероятности, это случилось в период, следовавший за смертью князя Святослава, так как малолетство, а затем междоусобия его сыновей представляли удобный случай для восстания. В 982 году вятичи опять «заратились». Владимир вторично пошел на них и покорил.

Частые нападения печенегов на окраинные русские области побудили Владимира озаботиться укреплением южной и восточной границ русского государства. «Худо, что мало городов около Киева», — говорил князь и повелел строить города по рекам Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне. В устроенных городках он поселил «лучших мужей» из новгородских славян, чуди, кривичей и вятичей. Этой мерой наиболее опасные и влиятельные лица были удалены из среды своего племени. Ослабленные таким выселением, вятичи после этого остаются покорными киевским князьям во все время правления Ярослава и его сыновей.

После смерти Ярослава его сыновья поделили между собой русские земли, в результате чего земля вятичей была присоединена к Черниговскому уделу. С этого времени она не перестает быть частью Черниговского княжества.

Окончательное покорение лесного племени относится ко времени правления Владимира Мономаха. Он владел Черниговским княжеством с 1078 по 1094 г., а первый поход в землю вятичей предшествует даже самому его княжению. «Первое к Ростову идох, сквозь вятичи, послал мя отец», — рассказывает он в «Поучении детям». Владимир Мономах ставит себе это в особую заслугу. Очевидно, поход через

землю вятичей был сопряжен с большими затруднениями и опасностями. Между тем, здесь и пролегал кратчайший водный путь из Чернигова в Ростов, а Ростов также был волостью Мономаха, которому хотелось обеспечить себе беспрепятственное движение по этому пути. В первые же годы своего княжения в Чернигове он предпринял в землю вятичей два зимних похода: «В вятичи ходихом по две зиме, на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходих первую зиму»,— говорит Владимир Мономах. Ходота был одним из племенных князей-старейшин, которые правили до утверждения в стране власти Рюриковичей. Вятичи упорно боролись с Мономахом. Борьба окончилась победой киевского князя, и с этого времени вятичи уже не делали попыток вернуть себе самостоятельность.

Религия и культура вятичей

В области религии и культуры вятичи мало чем отличались от остальных славянских племен: основы языческого восприятия мира, обряды и традиции для всех славян были одинаковыми. Однако, удаленность от Полянского Киева, а также обособленность этого племени от своих сородичей не могли не отразиться на религиозно-нравственной сфере жизни. Языческая вера в земле поокских славян сохранялась достаточно долго, а христианство приживалось необычайно тяжело. Феномен двоеверия, выразившийся в одновременном существовании христианской веры и языческой обрядности, приобрел у вятичей особенную остроту и актуальность. Также не стоит забывать, что теснимые славянами племена балтов и угро-финнов рано подчинились их культурному влиянию и ассимилировались с ними, внося в быт и поверья вятичей многие черты своего быта и своих религиозных верований. Языческие обряды и суевия славян нашего края несут на себе несомненные следы финского влияния. Особенно характерно это выразилось в почитании камней.

В Тульской и Калужской областях еще остались огромные камни, носящие названия животных: «Конь-камень», «Свинья-камень», «Баран-камень», а также «Баш» и «Башиха». Предания местных жителей окружают их легендами и сохраняют воспоминания о том, что некогда на этих камнях приносились жертвы. Еще в начале XX века в селе Башеве Одоевского уезда крестьяне приносили в жертву своим священным камням деньги, шерсть, пищу и одежду. Земля, взятая из-под этих камней, считалась предохранительным средством от падежей скота и от порчи колдунов, а осколки их — верным средством от зубной боли. «Конь-камень» имеется и близ села Спас-Конино Алексинского района. По одной из версий, именно этот камень дал название селу. Практическое назначение памятников было не только культовым, поскольку изучение их показало, что каменные комплексы «коней» ориентированы по сторонам света. Возможно, они служили нашим далеким предкам обсерваторией. Помимо каменных комплексов до настоящего времени сохранились и антропоморфные (человекоподобные) каменные изваяния, бывшие в языческие времена идолами. Одним из наиболее характерных примеров таких памятников в земле вятичей является Козельский крест: небольшая (чуть более метра высотой) фигура, грубо вырубленная из темно-серого песчаника. По преданию, этот крест был вытесан из изваяния древней богини плодородия.

В славянских землях было широко распространено поклонение деревьям. Несомненно, поклонялись им и вятичи. По всему пространству, некогда составлявшему владения этого племени, рассеяно много старых деревьев, которые окрестные жители даже в начале XX века почитали священными и чествовали разными приношениями в виде металлических подвесок, лент, тесемок и т.д. Если при деревьях имелась ключевая вода, то устраивали для нее резервуар (сруб или деревянную кадку). В такой колодец опускали монеты и другие приношения. Упорная, долгая борьба церкви с

языческим почитанием деревьев не прошла бесследно и, хотя не искоренила поклонение совершенно, но придала ему другую форму. С водворением в стране христианства создался целый цикл легенд о чудесном появлении на том или ином дереве, чаще всего на дубе или липе, святых икон.

Вятичи, как и другие славянские племена, усердно поклонялись источникам и рекам. Особенно почитались славянами-язычниками родники, посвященные богу-громовнику Перуну. Сказания утверждают, что эти источники явились из земных недр после удара молнии, почему они и называются «громовыми», «гремьичими» и «святыми».

Наиболее почитаемым богом вятичей был Ярила — бог весеннего света и тепла, бог любовной страсти и плодородия. В его лице славяне поклонялись производительной энергии природы. Обряды, сопровождавшие празднества в честь Ярилы, отличались крайне вольным характером. Надо думать, что именно к этому времени были приурочены языческие браки (умычка жен), вызвавшие такой суровый отзыв летописца Нестора: «Схожахуся на игрища, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто совещашесе, имяху же по две и по три жены». Разгульные празднества в честь бога Ярилы долгое время совершались на Руси даже после утверждения в стране христианства.

Животворящую весну со всеми ее радостями и наслаждениями древние славяне представляли в образе прекрасной Лады — богини весеннего тепла, юности, красоты и плодородия, богини любви и браков. Лада побеждает и прогоняет суровую зиму — богиню Морану, и «отмыкает» землю для посевов. В весеннюю пору она вступает в брачный союз с богом громовником и шлет на землю благодатное семя дождей, оживляя всю природу. Обряды, которыми в Тульской и Калужской областях до сих пор встречают наступление весны (праздники Масленицы, Красной Горки, традиция выпекания жаворонков и др.), свидетельствуют, что вятичи так же усердно поклонялись богине Ладе, как и другие славянские племена.

Верили вятичи в леших, водяных, русалок. С верой в домового (покровителя дома) и чура (покровителя рода) связаны и заупокойные обряды славян. Подобно тому, как умерший домовладыка, не оставляя своего прежнего жилища, домашнего очага и своей семьи, воплощался в домового, так же и умерший владыка рода принимал образ чура, и после смерти продолжал пребывать на земле своих родичей, оберегая ее. При таком представлении о посмертных заботах своих предков славянин-язычник естественно должен был прийти к заключению, что самое подходящее место для погребения усопших — это граница владений рода, межа, на которой пересекаются пути, ведущие во владения соседних родов. И действительно, пока продолжал господствовать родовой быт, именно эти места и служили славянам кладбищами. Об этом свидетельствует русский летописец, указывающий, что северные русские племена хоронили своих покойников «при путях» — на перекрестках дорог. О похоронных обрядах северян, радимичей и вятичей Нестор рассказывает следующее: «Если кто умрет, творили тризну над ними и после этого делали большую кладку, клали на нее мертвеца и сжигали, а затем, собрав кости, вкладывали в малый сосуд и ставили (его) на путях, как делают вятичи и поныне». Это свидетельство русского летописца согласуется с описанием погребальных обрядов задунайских и русских славян в сказаниях арабского писателя Ибн-Доста. По его словам, когда у них кто-нибудь умирает, труп его сжигают, а пепел собирают и кладут в урну, которую ставят на холме. В пределах России такие погребальные глиняные сосуды впервые были найдены поставленными наверху насыпи к курганам близ местечка Седнева Черниговской губернии.

С принятием христианства язычество пало, но первобытное мирозерцание, выражавшееся в почитании природы, удержалось в народе: прежние понятия изменили

свою форму, приняв христианский облик, но по существу оставаясь языческими. Заговоры слились с христианскими молитвами, и рядом с воззваниями к силам природы народ призывал ангелов, апостолов и Пречистую Деву. Языческие празднества были приурочены к христианскому календарю. Предания и мифы о древних богах люди перенесли на Спасителя, Богородицу и святых: Перун уступил свое место Илье-пророку, который до сих пор удерживает за собой атрибуты языческого бога-громовника; бога скота Волоса (Велеса) заменили св. Власий и св. Георгий; богиню весны Ладу заменили Дева Мария и мученица Параскева. Так возник на Руси феномен двоеверия, особенно четко проявивший себя в землях, ранее населенных вятичами.

История принятия христианства вятичами

В нашем крае проповедь христианства была встречена враждебно. Насколько упорно боролись вятичи за свою независимость, настолько же упорно отстаивали они свою языческую веру. Мученическая смерть просветителей этой земли преподобного Кукши и его ученика Никона лучше всего свидетельствует о том упорном сопротивлении, какое встретила здесь новая вера со стороны язычества.

В I пол. XII в. монах Киево-Печерского монастыря преподобный Кукша прибыл в землю вятичей проповедовать христианское учение. Есть основание предполагать, что Кукша отправился туда по приглашению епископа черниговского Феоктиста. Как свидетельствует Симеон Владимирский, проповедь преподобного Кукши сопровождалась великими чудесами. Он свел с неба дождь, высушил озеро, изгонял бесов и явил много других чудес. Несомненно, тогда же многие из вятичей уверовали и приняли христианское крещение. Обеспокоенные успехом проповеди защитники язычества напали на заре на преподобного Кукшу, подвергли его и ученика его Никона жестоким мучениям и предали их обоим лютой смерти. Память об этом событии живет и поныне в пределах Калужской епархии, и народное предание даже указывает место, где был убит преподобный Кукша — это берег реки Серены, возле Серенска, села Мещовского уезда, где некогда простирался дремучий Серенский лес.

После смерти преподобного Кукши христианство в стране вятичей, хотя и медленно, но продолжало распространяться среди населения. На месте, где некогда были языческие святилища, возникали первые христианские храмы. Однако, как показало время, полностью искоренить из народной памяти древнейшую веру славян оказалось невозможно.

АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА

Валерий Богушев*
(г. Воронеж)

ИНОПЛАНЕТЯНКА

1

Мужчина лет тридцати пяти в джинсах, рубашке и рыжих туфлях, ехал в маршрутном такси и смотрел в окно. С высоты дорожной развязки было видно, как по всей длине километрового моста, переброшенного через реку, переливались гирлянды огней — желтых по левой стороне от фар и красных по правой от габаритных огней автомобилей. Огни мерцали и текли сплошными потоками в вечернем сумраке.

— Привет, Максим,— услышал он и перевел удивленный взгляд на девушку, сидевшую у двери.— Только сейчас тебя заметила.

— Соня? Привет! Вот не ожидал! Какими судьбами?

— Приехала на недельку родителей навестить.

— Как поживаешь?

— Замечательно. Работаю в газете мужа. Дочери четыре года.

— Что? — переспросил он, не расслышав из-за шума обгонявшего грузовика, и бросил взгляд на соблазнительную ямочку на шее. Карезеленые глаза меняли оттенок в зависимости от падающего света и все так же притягивали. Хотелось потрогать роскошные длинные каштановые волосы. Ей доставляло невыразимое удовольствие, когда он расчесывал их гребнем. «Твои волосы, как водопад. Я хочу захлебнуться в нем»,— сказал он однажды. Она, как прежде, была хороша в умопомрачительном гламурном персиковом платье, открывающем все, что можно открыть, и изысканно подчеркивающим, то, что принято скрывать.

— Дочери четыре года уже. По-немецки лучше говорит, чем по-русски. А ты как?

— Тоже нормально. В прошлом году был на Алтае. С друзьями ездил.

— Класс! Не женился?

— Пока нет. Семья не для меня. Мечтаю еще посмотреть Байкал. Но не сейчас. Следующим летом возможно.

— В клубе бываешь?

— Да. Иногда захожу. Там все переженились, заходят редко, скучно стало,— ко-

---

* Наш постоянный автор; см. предыдущие номера журнала.

гда-то они с Соней были завсегдатаями клуба, где собирались любители странствий, поэзии и изотерики.

— Понимаю,— улыбнулась она. Рада была тебя видеть. Я сейчас выхожу. Может, заглянешь в гости? Я еще пару дней здесь пробуду.

— Я бы с удовольствием, но, увы, уезжаю на море,— он кивнул на сумку, стоявшую рядом с сиденьем.

— Надолго?

— На две недели.

— Ну, хорошо отдохнуть тебе, Максим. Моя остановка,— ему показалось, что в ее глазах мелькнуло сожалющее и даже чуть ли не заискивающее выражение. Неужели она тоже до сих пор не равнодушна к нему?

— Спасибо, и тебе удачи!

Он смотрел, как она уходит, растворяясь в людском уличном потоке, освещенном тусклым фонарным светом, и испытывал неодолимое желание броситься вслед, забыть про море, про работу, про все на свете. Так долго мечтал увидеть ее, и так нелепо и неоправданно легко отпустил. А может и в самом деле выйти, догнать Соню, пригласить в кафе? Нет, не стоит. Хорош же он будет с огромной сумкой. Да и нужно ли ворошить былое?..

2

...Геленджик. В парикмахерской на улице Горького девушка в короткой маечке, открывающей загорелый живот, в льнущих к стройному телу тоненьких бирюзовых брючках откинула назад спинку кресла так, что его голова оказалась над белоснежной фаянсовой раковиной, намочила волосы теплой водой из душа, мягко втерла шампунь и смыла пену, на пару секунд ласково-бесстыдно юркнув пальчиками в уши. Потом с какой-то врожденной грацией и уверенностью, взыскательно и серьезно посматривала большими черными глазами в зеркало на то, что выходило из-под ее ножниц или стрекочущей машинки, лишь иногда пересекаясь в отражении с его оценивающим взглядом. Отдал девушке деньги, сказал, что она просто супер. Она ответила «спасибо».

На улице было жарко. Полуголые розовые, белые, бронзовые и шоколадные люди группами брели с пляжа. Он остановился в тени под сосной, достал сотовый и набрал номер. Ответили не сразу.

— Привет, Оля. Как дела?

— Привет. Все нормально. А как тебе отдыхается?

— Классно. Только скучно. Ты завтра приедешь?

— Нет, не смогу. Меня просили поработать на выходные.

— Тогда, может быть, я к тебе? Мне очень нужно с тобой увидеться.

— Когда ты уезжаешь?

— В понедельник, через два дня.

— Ладно. Приезжай завтра с первым рейсом. Попробую отпроситься. Узнай расписание и перезвони через час, во сколько отходит автобус.

С этого момента он попал во власть неодолимого приятного волнения. Даже вечером, разговаривая за ужином с двумя девушками из Уфы Галей и Викой, которые делились восторгом от экскурсии с дайвингом, все время думал о предстоящей встрече.

На следующее утро Максим проснулся в половине пятого, тихонько, стараясь не скрипеть половицами, прошел мимо открытой двери соседней комнаты, где за занавеской с открытой дверью спали Галя и Вика, выпил на кухне чай с бутербродом и отправился на автостанцию. Купил билет на первый рейс. Извилистая дорога то при-

жималась к горам, то надолго вырывалась на ровное место, открывая внизу кусочек берега и море. Мотор издавал убаюкивающее дружественное урчание с приглушенным завыванием на подъемах.

* * *

Вспомнил, как познакомился с Ольгой в прошлое воскресенье в Бетте, куда отправился в воскресенье на экскурсию.

Она плавала на мелководье, потом села позагорать на мокрую глыбу возле берега, поджав под себя ноги.

— Вы похожи на русалку,— сказал он, подплыв поближе.

— Правда? — улыбнулась она.

Он заглянул в черные глаза и понял, что все его предыдущие знакомства были только предвестием этой встречи. Вьющиеся волосы шоколадного цвета касались смуглых плеч. Она представилась ему невесть откуда взявшимся облаком, парящим над землей. Максим с трудом оторвал взгляд, решив, что неприлично так рассматривать человека, которого видишь впервые.

Завязался разговор, и незаметно перешли на «ты». Девушка оказалась из Краснодара, закончила медицинский, но ни дня не работала по специальности. Приехала на море утром. Через сорок минут обратный автобус, последний рейс.

— Что читаешь? — спросил он, увидев книгу, лежавшую на ярком пляжном полотенце.

— Перечитываю. «Алые паруса» Грина.

— Нравится?

— Очень.

— Мне кажется ты какая-то... необыкновенная. Чем-то сама напоминаешь Ассоль.

— Ты хочешь сказать, что я, как и она, немного не в себе? — улыбнулась Ольга.— Очень может быть. Подруга называет меня инопланетянкой

— Нет. Я другое имел в виду,— смутился Максим.— У тебя есть какая-нибудь заветная мечта?

— С недавних пор меня преследует одно сильное желание. Я хотела бы целый день брести по пустыне до изнеможения, и ночью без сил проваливаться в сон. А наутро вставать полной бодрости и снова идти. И так много дней.

— Может быть, кто-то из твоих предков, уже шел так среди бескрайних песков, а у тебя осталось неосознанное воспоминание.

— Я тоже думала об этом. Мы десять лет назад переехали на Кубань из Казахстана, где жили на берегу Каспийского моря. Фантастическое место! Помню, залазили на крышу нашего пятиэтажного дома. Оглядываешься вокруг — с трех сторон — синее море, и горизонта не видно! А с четвертой — желтая пустыня, тоже непонятно, где горизонт. И горячий ветер в лицо! Я тогда впервые услышала «Энигму», меня так встало! Эта музыка очень подходит к тем просторам.

Оказалось, Ольге тоже нравится поэзия серебряного века. Вспомнили несколько цитат из Брюсова, Волошина и Блока. Договорились встретиться здесь же на следующие выходные. Не получилось...

* * *

За окном проносились тополя с побеленными у основания стволами, опрятные домики кубанских станиц, засеянные пшеницей и подсолнечником поля и нефтяные качалки. Чем меньше расстояние оставалось до Краснодара, тем больше Максим испытывал волнение.

Автобус прибыл раньше. Максим не нашел ее в толпе перед автовокзалом и позвонил. Она ответила, что едет в троллейбусе, будет через пятнадцать минут. Купил три свежесрезанных алых розы с капельками влаги на лепестках, стал ждать. Увидел ее первым и подошел совсем близко, прежде чем она заметила его, скользя взглядом вдаль, поверх мелькающих голов. Она улыбнулась, обняла его крепко, и он ощутил на губах поцелуй, скорее дружеский, чем страстный. Но это было уже неважно. Ему позарез хотелось увидеться с ней, мечта сбылась, и сразу стало непривычно легко.

Они едут на троллейбусе. Идут от остановки к ее дому.

— Очень похоже на наш город. Как будто никуда и не уезжал,— заметил Максим.— Давай зайдем в гастроном купим чего-нибудь..

— Вот неплохой супермаркет.

Они проходят с пластмассовой корзиной и букетом роз в торговый зал, останавливаются сначала около полок со спиртным.

— Ты какое вино предпочитаешь — белое или красное?

— Все равно.

— Может, что-нибудь покрепче?

— Нет, я не люблю крепкие напитки.

— Тогда — шампанское?

— Хорошо.

— А какое?

— Все равно. На твой вкус.

— Тогда вот это, Абрау-Дюрсо полусладкое.

Потом еще взяли ветчины, колбасы, сыра, готовых салатов в пластмассовых коробочках.

Поднялись на пятый этаж нового девятиэтажного дома, долго петляли по длинным темным коридорам. Наконец, остановились перед металлической дверью зеленого цвета.

— Вот здесь я живу с мужем,— сказала она и с лукавой улыбкой взглянула на него.

— Ты замужем?

— Нет. Я пошутила. Проверяла твою реакцию.

Он понимающе улыбнулся. «Ну и шуточки!»

Она открыла дверь и впустила его первым.

— Извини, у меня ремонт.

— Ничего, это знакомо. У меня он целый год длился.

— Обуй тапки.

Тапочки были мужские.

— Спасибо, я так. Жарко,— он испытал легкий укол ревности.

Она показала кухню. Здесь стояли газовая плита с колонкой, небольшой холодильник, складной стол и пара табуреток. Потом провела в комнату. В ней — раскладывающийся диван ближе к окну и шкаф в противоположном углу. Обои не доклеены в одном месте. Ольга опустила розы в вазу из оранжевого, сверкающего на солнце стекла, наполнила водой и поставила на подоконник. На стене висело на гвоздике огромное сомбреро.

— Это подруга из Испании привезла,— сказала она, заметив его взгляд.

— У тебя уютно и чисто.

— Правда? Спасибо. Давай перенесем стол сюда.

— А, может, лучше на кухне?

— Нет, там обстановка не подходящая...

— Как скажешь...

— Теперь можешь принять ванну. После дороги приятно освежиться. А я пока приготовлю завтрак. Вот, возьми полотенце.

— Спасибо.

Он закрыл дверь, разделся, оценивающе осмотрел в зеркало свое загорелое тело с белой «разделительной» полосой, словно бы удивляясь, как очутился здесь да еще в таком виде, и включил душ.

Можно было осмыслить первое впечатление от встречи. Итак, она, несомненно, взволнована, рада его видеть, но в то же время держит некую дистанцию официальной дружеской встречи, как будто ее что-то сдерживает. Расчитывать на сближение не приходилось, но, странное дело, он и не чувствовал, что хочет этого. Во всяком случае, сейчас. Девушки никогда особенно не вешались ему на шею. Не вздыхали издалека. А может, они делали это незаметно?

Максим неторопливо облился теплым душем, намылился душистым мылом, которым пользовалась Ольга. Не спеша, смыл пену, вытерся, оделся, причесался перед запотевшим зеркалом и вышел из ванной. Стол в комнате был уже накрыт. Они сели напротив. Выпили шампанского за встречу. Он ощущал бесконечное удовольствие оттого, что видит ее лицо, улыбку, черные глаза, в которых под блеском радушия угадывалась сдержанная страстность.

Она рассказала о своей работе в торговой фирме, он о своей.

— Слушай, Максим, у меня такое чувство, будто видела тебя раньше. Я не могла с тобой пересечься где-то?

— Мне тоже кажется, будто я тебя уже видел. Но не могу вспомнить где. Впрочем, если бы это произошло, я бы точно запомнил.

— Предлагаю тебе отдохнуть, ты наверно устал с дороги, а потом пойдем прогуляться по городу. Поспи на диване. А я пока уберу со стола.

— Не будем терять времени. Пойдем гулять.

День выдался жаркий. В раскаленном безветренном воздухе было трудно дышать. Они отправились на маршрутке в торговый центр «Красная площадь», чтобы переждать полуденное пекло. Долго бродили по мебельной ярмарке, наслаждаясь прохладным кондиционированным воздухом. Почему-то вдвоем было особенно приятно разглядывать огромные итальянские кровати с помпезными резными изголовьями, затейливые комоды, прихожие и даже коврики для ванной. У них во многом совпадали вкусы, и казалось, что они выбирали будущие покупки для себя, как будто собирались жить вместе. Может, так оно и было, только они еще об этом не догадывались. Говорят, магнитное поле будущего иногда каким-то странным, фантастическим, причудливым образом проявляется в настоящем.

Потом гуляли по тенистой улице Красной, где старинные здания гармонично сочетались с современными, а сквер поражал ухоженностью, подстриженными газонами и цветочными клумбами. Зашли в огромный зал Дома книги. Полистали несколько томиков в отделе поэзии. Спросили у девушки, нет ли Брюсова или Волошина. Оказалось, их давно не завозили.

На улице Максим хотел закурить, но вспомнил, что оставил зажигалку в пляжных шортах. В первом же табачном магазинчике купил новую — изящную перламутрового цвета, которую выбрала Ольга. Ему было приятно пользоваться вещицей, которая понравилась ей. Он с удовольствием время от времени нащупывал в кармане гладкий металл зажигалки.

В прохладном, темном полупустом кафе заказали по коктейлю со льдом и мороженого. Он снова закурил. Ольга, поддавшись, наверное, какому-то искреннему порыву, протянула через стол навстречу ему руки ладонями вверх. Он в первый момент не понял жеста, потом догадался и положил свои ладони на ее. Она нежно сжала их.

— Какие теплые... Ты будешь меня вспоминать?

— Теперь даже если бы захотел забыть — не смог бы, — улыбнулся он. — А ты меня?

Она ничего не ответила, только ласково посмотрела в глаза. Скучающие девушки-официантки бросали на них любопытные взгляды из-за стойки бара.

Вечером она проводила его на автостанцию.

— Если хочешь, можешь переночевать у меня,— неожиданно предложила Ольга, когда они подходили к кассе, и, чуть смутившись, добавила.— У меня есть раскладушка.

— Спасибо, я уже настроился уезжать.

Он крепко обнял и поцеловал ее на прощание и попросил сразу уйти, не ждать, пока автобус отправится. Потом смотрел из окна на удаляющуюся стройную фигуру. Ольга так и не оглянулась...

Когда Максим добрался в Геленджик, уже стемнело. Он решил поужинать и встретился на кухне с подружками из Уфы, которые варили борщ.

— Ну, как, Макс, встретился со своей с девушкой? — спросила Галя.

— Да, все прошло замечательно,— ответил Максим, доставая из холодильника сосиски.— А вы где сегодня были?

Они наперебой стали рассказывать про конную экскурсию в горы, как там было красиво, и что Вике досталась лошадь без седла.

— Мне теперь трудно ходить, и целую неделю мужчина не будет нужен,— пошутила она.

Поужинав, Максим вымыл посуду и отправился в душ. Вода в баке была еще теплая. Ополоснулся и начал бриться перед маленьким зеркальцем, висевшим на обложенной белой керамической плиткой стене. И в этот момент вдруг понял, откуда у него и Ольги появилось чувство, будто они уже встречались. Скорее всего, их сбило с толку смутное воспоминание о собственном отражении в зеркале. Определено, у них похожи какие-то черты лица и что-то еще неуловимое, что пока не мог выразить словами. Он долго еще не мог уснуть, пока, наконец, не сформулировал для себя весьма приблизительно, что, может быть, на них наложила печать привычка к независимости и напряженный внутренний поиск своего пути.

3

Обмен сообщениями с Ольгой по «аське», когда на работе выдавалась свободная минута, стал для Максима ежедневной потребностью и настоящим удовольствием. Он заметил, что ее даже чисто умозрительные замечания окрашены чувством. Она присылала редкие по красоте стихи, которые находила в интернете, рассказывала о том, что происходит на работе, где бывает, что интересного случилось, сообщала о погоде. В Краснодаре еще было тепло и солнечно, когда в их городе уже зарядили холодные осенние дожди. Перед ноябрьскими праздниками Ольга пригласила Максима в гости на три выходных дня. Он согласился, даже поговорил с ней о планировавшейся поездке по телефону. Но в последний момент сдал уже купленный билет на поезд, отключил сотовый и просидел все три дня дома. Он подумал, зачем морочить голову девушке, с которой его разделяет такое большое расстояние и целая пропасть лет, и вообще, пора реально взглянуть на себя. Он всегда будет любить только одну женщину — Соню.

— Макс, почему ты не выходишь на улицу,— забеспокоилась мать.— Уж не заболел ли?

— Нет, мама, все в порядке, просто я хочу побыть один и ото всех отдохнуть.

Наутро после праздников он честно признался Ольге, почему не решился приехать, она написала, что зря, она очень ждала и беспокоилась, не случилось ли чего. Странно, но от ее укоризненных слов, Максиму стало стыдно, и в то же время необыкновенно хорошо, он впервые за долгие годы ощутил, что нужен кому-то.

Соня показалась теперь такой далекой и чужой, и сама собой пришла в голову мысль, а не признак ли это некой душевной лени — верно и ревностно хранить любовь к человеку, который в ней не нуждается. Кому нужна эта пустая трата времени и сил?..

4

Тридцатого декабря в последний рабочий день Максим написал:

«Мы можем встретить вместе Новый год?»

«Не знаю. Вообще-то меня уже пригласила подруга в свою компанию. Не хочется остаться одной, если ты вдруг снова передумаешь».

«А может, приедешь ты? Познакомлю тебя со своей мамой. Отметим втроем».

«Вдруг я ей не понравлюсь? У всех троих будет испорчен праздник».

«Уверен, что понравишься».

«Я не готова. Да и наверняка уже нет билетов на поезд. Давай лучше до следующего раза».

«Эх! Так хотелось тебя увидеть».

«Я тоже скучаю...»

Максим подумал, что это была просто вежливая отговорка, и не стал больше настаивать. Временами Ольга казалась такой же ветреной, как и все девушки, но, как ни странно, и эта черта в ней нравилась ему. А стало быть, легко понравится другим. Наверняка она познакомится у подруги с каким-нибудь молодым человеком, и забудет о нем. А, может быть, уже кто-то появился. Ну что ж, пожалуй, так будет лучше, ему не привыкать...

Максим поздравил Ольгу с наступающим Новым годом, а в список пожеланий совершенно искренне включил счастье и любовь, хотя уже не особенно верил, что они будут иметь к нему какое-нибудь отношение. А Ольга пожелала, чтобы исполнились все его желания, и сбылась хотя бы одна мечта. Максим стал думать, какие у него сейчас желания и мечты, и вдруг понял, что все они связаны с одним именем — Ольга.

Он влюблялся в разное время в разных женщин до беспамятства, но то, что он испытывал к каждой из них, ничем не отличалось, разве только продолжительностью и разрушительными или наоборот очистительно-возвышающими последствиями. Казалось, что каждая новая любовь происходила из одного и того же неиссякаемого источника, и, как только рождалась, заслоняла все прочие увлечения и предметы страсти. Можно было подумать, что он влюблялся в одну и ту же женщину, появляющуюся в разное время на жизненном пути

Всякий раз, когда женщина уходила, ему хотелось найти в точности такую же, но которая любила бы его... А что если все дело в том, что он привык олицетворять себя с героями книг или просто неосознанно мечтал ощущать себя героем, которому, как Дон Кихоту, важнее любить самому, чем быть любимым, или, скажем, полностью отдаваться работе, не думая, сколько за нее платят. Мечта героя сбылась — ему не везло в любви и не раз обходили с повышением. А ведь зарплата, на которую ты соглашаешься, в сущности, тоже своего рода мера любви к себе. «Хотя, пожалуй, в этом вопросе не все так однозначно», — попробовал он найти аргументы оправдания. — Например, если работа доставляет удовольствие»

5

До Нового года оставалось всего ничего, а настроение у Максима оставляло желать лучшего. Он знал наперед, что новогодние ожидания никогда не сбываются, и

все надежды на волшебные перемены, которые почему-то должны происходить при смене одного календаря на другой, оказываются иллюзорными. Он представил, как Ольга сейчас веселится в гостях у подруги и не подозревает, что ему тоскливо. В голове прокручивалась одна и та же песенка «вспоминаю-умираю черные глаза». С седьмого этажа маленькие фигурки запоздалых прохожих казались особенно бесприютными и замерзшими. А в зале было тепло, как в детстве, поблескивала игрушками невысокая елка, распространявшая запах хвои, мелькал экран телевизора.

— Максим, опять мы отмечаем праздник вдвоем. Почему бы тебе было не пойти к друзьям или не пригласить подругу?

— Мама, все друзья женаты, с ними невыносимо скучно, а подруга далеко. Новый год — это семейный праздник, ты же сама говорила.

— У меня все готово, Макс, давай садиться за стол. Скоро новогоднее поздравление президента.

— Да, мама, иду, — в это самое время в дверь позвонили. — Странно, кто бы это мог быть?

Открыл дверь. На пороге стояла Ольга, вся запорошенная снегом, с дорожной сумкой в руке.

— Кажется, успела, — улыбнулась она.

— Как здорово, что ты приехала! Проходи, — казалось, мир снова вспыхнул и заискрился разноцветными огнями, словно свежий сугроб под фонарным столбом. — Что же ты не позвонила? Я бы встретил.

— Представляешь, забыла дома сотовый телефон. Выяснилось это уже в дороге. Ни подругу предупредить, что не приду, ни тебе сообщить, что приеду... Ты не поверишь, проснулась сегодня среди ночи и поняла, что, если не увижу тебя, Новый год будет безнадежно испорчен. Оделась, собрала вещи, поехала на вокзал, в пять утра села на отходящий поезд... — и оба задохнулись от поцелуя, прервавшего ее рассказ.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ОБВИНЯЕМЫЙ ТОЛСТОЙ

К вечеру на территорию Тульской земской больницы въехала повозка. Сидевший в телеге извозчик, бородатый лет пятидесяти крестьянин, с силой потянул на себя вожжи.

— Тпру-у-у,— остановил он взмыленную от долгого и быстрого бега и отфыркивающуюся лошадь.— Беги, Микитка, зови лекаря,— проговорил он, обращаясь к сидевшему здесь же в телеге мальчику лет десяти и тот, лихо, спрыгнув на землю, скрылся за большой обитой коричневым дерматином дверью.

Извозчик повернулся через плечо и взглянул на лежавшего в телеге на соломе крестьянина, лицо которого было бледным, зрачки полузакрытых глаз закатились за лоб, нос заострился. Свалявшиеся на голове волосы были испачканы кровью, а из-под усов и броды раздавалось едва слышимое хриплое и редкое дыхание. Извозчик перекрестился, что-то пробормотал себе под нос и слез с телеги. Скрипнув дверью, из больницы вышли доктор, мальчик, а вслед за ними двое санитаров с носилками. Подойдя к телеге, доктор, высокий худощавый на вид не более сорока лет, с аккуратной бородкой и усами, приподнял тонкое лоскутное одеяло, которым был укрыт лежавший на соломе крестьянин и, увидев набухшую от крови рубашку, повернулся и строго взглянул из-под очков на извозчика.

— Ну-с, что с ним случилось? — спросил он.

— Бык яво забрухал, господин лекарь,— ответил крестьянин и, сняв кепку, вновь перекрестился.— Видать скоро ко Господу отойдет.

— Быстро несите его в операционную,— распорядился доктор, обращаясь к санитарам, а затем вновь взглянул на крестьянина.— Кто вы и откуда привезли больного?

— Крестьяне мы из сельца Ясная Поляна. Меня кличут Семеном, а это сын мой младшенький — Микитка,— указал извозчик на мальчика.

— Как зовут больного? — вновь спросил доктор.

— Матвеем кличут, Афанасьевым, сын Васильев.

— Семейнин? — спросил доктор, поправляя очки.

— Да семейнай. Бабу яво Домной кличут, а детишек у их полон двор.

— М-да,— задумчиво произнес доктор.— Чей же бык его покалечил?

— Графской. Надьсь и брата евонова, Ивана, тоже брухал. Насилу отогнали, а то, как и Матвея досмерти закатал бы. Буйная скотина,— проговорил Семен, махнув при этом рукой.

— Ну-с, вы поезжайте, а мне пора. Уже, поди, уложили его,— проговорил доктор.

Семен взял из телеги охапку окровавленной соломы и бросил ее на землю. Затем снял кепку и поклонился доктору.

— Прощайте, господин лекарь,— произнес он, вновь надевая кепку.— Садись, Микитка, поехали домой,— проговорил он, обращаясь к сыну и влезая в телегу.—

Но-о-о, пошла,— прикрикнул он на лошадь, слегка подстегивая ее вожжами. Вскоре телега выехала за ворота больницы.

Проводив их взглядом, доктор взглянул на брошенную окровавленную солому и быстрым шагом направился в операционную. Спустя час, он вернулся в свой кабинет-ординаторскую и вызвал больничного писаря.

— Пишите, любезнейший, справку,— проговорил он, после того, как писарь, молодой парень, недавно окончивший губернское реальное училище, сел за стол и взял в руку перо.— Сего двенадцатого июля одна тысяча восемьсот семьдесят второго года в больницу был доставлен в крайне болезненном состоянии яснополянский крестьянин Матвей Афанасьев, который в сей же день, преставился. Ближайшей причиной смерти крестьянина Афанасьева стали оказавшиеся у него переломы одиннадцати ребер и другие, безусловно, смертельные повреждения органов грудной полости, которые он получил при забрухании его до смерти быком,— при этих словах доктор замолчал и, сняв очки, стал тщательно протирать их белым носовым платком.

— При забрухании его до смерти быком, а дальше что писать? — прервав молчание, спросил писарь.

— Дальше?— переспросил доктор.— Все, ставь точку.

— Тогда руку приложите,— попросил писарь, протягивая доктору справку.

— Да, да, конечно,— кивнул тот и поставил на справке свою размашистую подпись.

Безжалостно палящее солнце ненадолго спряталось за белые кучевые облака, но это не спасало от жары. Управляющий делами яснополянского имения Алексей Орехов спрятался в тень и спиной прижался к башенке у въездных ворот. От камней потянуло приятной прохладой. Со стороны Большого пруда слышались водные барахтанья, голоса людей, визг детворы. Хозяин имения купался вместе с крестьянскими детьми, когда мимо башенок на территорию усадьбы вошли двое мужчин. Они подошли к Орехову.

— Я судебный следователь Богословский,— представился один из них, тот, что был моложе по возрасту.— А это полицейский исправник Федотов,— представил следователь своего путника.— Нам нужен граф Толстой, проводите нас к нему,— распорядился следователь.

Вытерев наспех полотенцем мокрое тело, огорошенный неожиданным визитом следователя и исправника, Толстой пригласил гостей на террасу.

— Я судебный следователь Богословский, а это полицейский исправник Федотов,— вновь представил себя и своего путника следователь.

— Я знаю господина исправника, мы с ним знакомы по работе в Крапивне,— проговорил Толстой, и после его слов исправник, подтверждая сказанное Толстым, кивнул.— Вас же, юноша, я знать чести не имею. Не соизволите ли назвать свое сословие и кто будут ваши родители? — спросил Толстой, внимательно рассматривая худое и бледное лицо следователя.

— Я судебный следователь Богословский,— недовольно повторил тот, уклоняясь от подробного рассказа о себе.

— Ну-с, и что же вас привело ко мне, уважаемые господа? — спросил Толстой.

— Мы пришли допросить вас, Лев Николаевич, по случаю смертельного забрухания вашим быком крестьянина Афанасьева,— проговорил следователь, раскладывая на столе бумажные листы и доставая из портфеля чернильницу и перо.

— Ну, что же, спрашивайте, я к вашим услугам,— произнес Лев Николаевич.

— Ваше имя, фамилия, отчество? — задал первый вопрос следователь.

— Лев, Николаевич, Толстой.

— Ваше сословие? — спросил следователь, аккуратно записывая в протокол показания Льва Николаевича и не поднимая на него головы.

— Граф, поручик артиллерии,— ответил Толстой.

— Законных ли вы родителей сын? — задал вопрос следователь, от которого на Льва Толстого нахлынуло чувство негодования.

— Да, рожден от законных родителей в сельце Ясная Поляна Крапивенского уезда. Крещен, веры Православной, сорока шести лет, женат, имею шестерых детей и орден Святой Анны четвертой степени, под судом не был,— с трудом сдерживая гнев, резко отвечал Толстой, буравя взглядом из-под бровей аккуратно стриженную и склонившуюся над протоколом голову следователя.

— Что вы можете рассказать по поводу забрухания быком крестьянина Афанасьева? — не реагируя на недовольный тон Толстого, задал очередной вопрос следователь.

— Я ничего не могу объяснить по этому вопросу. Это произошло в мое отсутствие,— ответил Толстой.

— Насколько мне известно, этот ваш бык ранее уже не раз бросался на людей,— то ли задал вопрос, то ли констатировал факт следователь.

— Да, молодой бык уже брухал водовоза крестьянина Ивана Афанасьева, родного брата умершего Матвея Афанасьева,— кивнул головой Лев Николаевич.— Сам я лично хозяйскими делами не занимаюсь, ими занимается мой управляющий Алексей Степанович Орехов, который должен был, если сделалось известным, что бык опасен, или сам принять какие-либо меры против него, или же доложить об этом мне.

— После того, как бык побрухал водовоза, какие применялись меры предосторожности от этого быка?

— Да, я приказывал принять против быка меры предосторожности и наказывал всячески наблюдать за ним. У меня дети часто гуляют около стада. Я думал и был уверен, что эти приказания в точности исполняются к этому быку.

— Скажите, Лев Николаевич, а где сейчас находится этот бык? — следователь оторвал взгляд от протокола и посмотрел на Толстого.

— В настоящее время он находится на привязи.

Следователь, аккуратно выводя буквы, дописал протокол допроса и дал прочесть его Льву Николаевичу, а затем протянул ему еще один документ.

— Будьте так любезны, граф, подписать и этот документ,— холодно вежливо проговорил он.

— Что это? — спросил Толстой, беря из рук следователя документ и вчитываясь в его текст.

— Это решение о возбуждении уголовного дела по факту ненадлежащего содержания животных, повлекшего смерть человека и обязательство впредь до окончания дела не покидать пределов Ясной Поляны.

— Это что, домашний арест? — удивленно спросил Лев Николаевич.

— Нет, это всего-навсего подписка о неотлучении с места жительства впредь до окончания дела,— уточнил следователь.

— А если я откажусь подписывать?

— Если не подпишете, граф, то вас могут взять под стражу,— вместо следователя ответил молчавший до этого исправник, вновь вытирая носовым платком вспотевший лоб.

Толстой внимательно посмотрел на исправника, затем перевел взгляд на следователя.

— Ну что же, коли так обстоит дело, то я подпишу,— вздохнув, проговорил он и, обмокнув в чернильницу перо, расписался.

После того как визитеры ушли, Лев Николаевич вызвал управляющего именем Орехова.

— Вот что, Алексей Степанович, вы поезжайте сейчас же в Пирогово, там нахо-

дится приехавший с Кавказа на отдых муж моей свояченицы Александр Михайлович Кузминский. Скажите ему, не соизволит ли он приехать ко мне? Скажите ему, что он мне сейчас крайне необходим.

Александр Михайлович Кузминский состоял в браке с Татьяной Андреевной Берс, родной сестрой Софьи Андреевны, уже около десяти лет. Жили Кузминские в городе Кутаиси, где Александр Михайлович занимал пост прокурора Кутаисского окружного суда и, как считал Толстой, мог бы помочь ему советом в сложившейся для него неприятной ситуации. Дело в том, что Толстому вскоре предстояло выехать в город Крапивну на выездную сессию Тульского окружного суда в качестве присяжного заседателя, но данная им подписка о невыезде юридически запрещала Толстому это делать. А потому Лев Николаевич был в замешательстве и не знал, как ему поступить. Узнав от Орехова о происшествии, случившемся в Ясной Поляне, Кузминский немедленно выехал к Толстому.

— Вы, уважаемый Александр Михайлович и представить себе не можете, до чего я рассержен и взволнован в эти дни, — возбужденно проговорил Толстой, как только Кузминский к нему приехал. — Я раздражен так, что болен физически и нравственно и не могу ни о чем думать, кроме того, как о том, за что мучают человека, который всех оставил в покое и только об одном просит, чтобы и его оставили в покое.

— Не волнуйтесь вы так, уважаемый Лев Николаевич, все образуется, — успокаивая Толстого, проговорил Кузминский.

— Да как же не волноваться?! Приезжает какой-то юноша, говорит, что он следователь, спрашивает меня: законных ли я родителей сын?! — эмоционально проговорил Толстой. — Объявляет мне, что я обвиняюсь в действии противозаконном, от которого произошла смерть, и требует, чтобы я подписал бумагу, что не буду выезжать из Ясной до окончания дела.

— Вы подписали постановление? — улыбаясь, спросил Кузминский.

— Я долго колебался подписывать или не подписывать это постановление о домашнем аресте, но следователь сказал, что если я не подпишу, то меня посадят в острог. Мне ничего не оставалось делать, как подписывать, — развел руками Лев Николаевич.

— Правильно сделали, что подписали, — проговорил Кузминский. — А по поводу заданного вам вопроса о том, законных ли вы родителей сын или не законных, не обращайтесь на это внимания. Следователь всего лишь выполнял требования уголовно-процессуального закона.

— Скажите, Александр Михайлович, а долго ли продлится это мое домашнее заточение?

— По закону товарищ прокурора в неделю срока должен закончить дело, то есть прекратить его или составить обвинение, — ответил Кузминский.

Прошло три недели, но дело по обвинению Льва Толстого из Крапивны в Тулу товарищу прокурора отправлено не было. Он по-прежнему не мог покидать пределы своей усадьбы. А тем временем пришло время для выезда в Крапивну на выездное заседание Тульского окружного суда. «Ехать ли мне на заседание или не ехать? Если я поеду, то нарушу данную мною подписку о неотлучности. Если не ехать, то получу штраф за неявку в судебное заседание», — терзался Толстой сомнениями. Наконец, не придя к какому-либо решению своего вопроса, он решил обратиться письменно за разъяснением к председателю Тульского окружного суда Николаю Ивановичу Янгу. Вскоре от Янга пришел ответ, что Толстой будет юридически прав, не езда на заседание. Граф так и поступил. Он остался в Ясной Поляне и написал в суд сообщение, что он не может приехать, так как находится под следствием. Не разобравшись в обстоятельствах дела, суд оштрафовал Толстого и официально потребовал от него лично приехать на заседание, иначе он будет предан суду.

Пройдясь напоследок остывающим красным закатом над усадьбой, крестьянскими деревенскими избами, осветив золотые купола Свято-Никольского Храма и могильные кресты Кочаковского погоста, солнце медленно закатилось за горизонт. Ночью неожиданно поднялся сильный ветер и пошел дождь, который под шквальным порывистым ветром бил своими холодными струйками в окно, стучал по подоконнику, барабанил по железной крыше флигеля, грязным ручьем бежал вниз по «прешпекту» и стекал в Большой пруд, где растворялся в недовольно бурлящей и вздувающейся пузырями темной мутной воде. Озарив на мгновение яркой вспышкой черное ночное небо, вспыхнула и погасла молния и в тот же миг, оглушая округу оглушительным раскатным грохотом из поднебесья, разразилась гроза. Льву Толстому не спалось. Он лежал на своей кровати, прикрыв глаза и не зажигая огня. «Что за дурацкие законы? Такая в них путаница, что подчас не знаешь как и поступить?! Не поеду на заседание — предадут суду, поеду — нарушу данную мною подписку о неотлучности, и тоже предадут суду. И так и эдак все одно буду виновен. Что за нелепица? Что они все от меня хотят? Кому я сделал что-то плохое? Уеду. Брошу все, продам имение и уеду куда-нибудь в Англию, куплю дом и буду жить спокойной жизнью»,— мысленно рассуждал он. Уже ближе к утру, когда яркие всполохи молний потеряли свою ослепительную силу, а гроза напоминала о себе далекими глухими раскатами, под тихий шум ослабевшего дождя, откуда-то из темного угла комнаты к Толстому подкрался и овеял своими колдовскими чарами крепкий и глубокий сон.

Утро выдалось солнечным и спокойным. Ночной дождь, порывистый ветер, изрядно прополоскавшие усадьбу, посшибали ветки и мелкие листья с деревьев, которые лежали на мокром, с комьями грязи по обочинам, «прешпекте». Толстой велел подавать извозчицью пролетку и когда лакей доложил, что она готова, он, не притронувшись к поданному ему завтраку, и махнув рукой на подписку о невыезде, отправился в Тулу в окружной суд, лично к его председателю Янгу.

— Николай Иванович, я возмущен неразберихой, нелепицей и волокитой, связанными с моей неявкой в суд присяжных,— начал он с порога, как только вошел в кабинет Янга.— Вы мне пишете, что я буду юридически прав не едзя на заседание, а суд накладывает на меня штраф и требует, чтобы я явился, иначе предаюсь суду,— с возмущением проговорил Лев Николаевич.

— Лев Николаевич, дорогой, я понимаю ваше возмущение. Но и вы войдите в наше положение. Так сложились обстоятельства, что закон в вашем случае получился двояким. Наложение на вас штрафа незаконно и оно будет отменено. Случившееся с вами — это скорее исключение из правил, нежели сами правила.

— О каких исключениях из правил вы, уважаемый Николай Иванович, ведете разговор, если на суде товарищ прокурора публично заявляет, что я не могу быть присяжным, потому, что обвиняюсь в преступлении по статье одна тысяча четыреста шестьдесят шестой, то есть в убийстве?! Вы понимаете, как это неприятно?!

— Да, я вас понимаю,— кивнул головой Янг и, встав из-за стола, подошел к Толстому.— Лев Николаевич, дорогой мой, вы же сами прекрасно понимаете, что высказывание товарища прокурора — это не что иное, как маленькие несовершенства, свойственные человечеству. Да вы не стойте, Лев Николаевич, присядьте, присядьте, я сейчас распоряжусь насчет чая,— проговорил Янг, предлагая Льву Николаевичу присесть в кресло, а затем взял со стола медный колокольчик и начал им звонить.

— Я представляю, какое доставляет удовольствие этим господам забавляться мною,— вздохнув, проговорил Толстой, усаживаясь в обитое черной кожей мягкое кресло.

— То, о чем вы поведали мне, не более, чем формальности, соблюдение закона. Я от имени окружного суда и от себя лично приношу вам, уважаемый Лев Николаевич,

свои добросердечные извинения,— проговорил Янг, слегка склонив перед Толстым голову.

— Я продам все, что имею в России, и уеду в Англию. Поселюсь сначала около Лондона, а потом выберу красивое и здоровое местечко около моря, где бы были хорошие школы и куплю дом и земли,— махнул рукой Толстой.

— Полноте вам, Лев Николаевич, вы же не сможете жить без России, без Ясной Поляны,— улыбаясь, проговорил Янг.

— Да, уважаемый Николай Иванович, без своей Ясной Поляны я не могу представить себе Россию, а без России себя,— вздохнув, проговорил Лев Николаевич и, опустив голову, замолчал.

В это время дверь открылась, и в кабинет вошел секретарь Янга, молодой лет двадцати парень с аккуратным пробором в прическе.

— Андриюшенька, голубчик, сделай нам с Львом Николаевичем чай, а потом пригласи ко мне прокурора,— распорядился Янг. Секретарь кивнул головой и вышел из кабинета.— Хороший юноша, исполнительный,— высказал Янг Льву Толстому мнение о своем секретаре, усаживаясь за обитый зеленым сукном рабочий стол.

Прокурор Тульского окружного суда сорокалетний Эдуард Яковлевич Фукс пришел спустя десять минут. Войдя он, как и секретарь, стал, словно по стойке смирно в ожидании разговора.

— Эдуард Яковлевич, любезнейший, в имении графа Толстого, в Ясной Поляне, произошел несчастный случай. Там бык забрухал до смерти крестьянина. В настоящее время судебный следователь проводит в отношении графа следственное дело и вынес ему подписание о неотлучении. Мое мнение таково, что следователь ошибся. Я прошу вас, Эдуард Яковлевич, прекратить в отношении Льва Николаевича Толстого следственное дело, а провести его по отношению к управляющему делами, потому что именно управляющий делами занимается в имении графа Толстого хозяйственными нуждами. А самого же графа я полагаю можно освободить от обязанности, не отлучаться из своего имения,— проговорил Янг и взял с небольшого серебряного подноса стоявший в подстаканнике стакан с чаем.— Ну-с, дорогой мой Лев Николаевич, надеюсь, все ваши неприятности закончены,— произнес он, обращаясь к Толстому и, взяв из вазы небольшой кусочек сахара, положил его себе в рот, затем с удовольствием отпил немного чая.— Люблю пить чай вприкуску,— по-приятельски улыбнулся он Толстому.

— Прошу учесть, господа, что мой управляющий делами Алексей Степанович Орехов человек в своем деле опытный, служит у меня не один год, и все мои указания выполнял. В том числе и по этому быку. Я сам видел, как он надел быку на рога деревянную колодку.

— Хорошо, хорошо, Лев Николаевич, мы во всем разберемся,— произнес прокурор.

Допив чай и поблагодарив Янга, Лев Толстой выехал к себе в имение, по закону, он еще продолжал находиться под домашним арестом.

Обласкав теплым сентябрьским ветерком разнотравья Калинового луга, и надев на деревья красивые желто-красные наряды, в Ясную Поляну пришла осень. В имении графа Толстого все было готово к сбору урожая.

Пройдя вниз по «прешпекту» Лев Толстой остановился и, присев на берегу Большого пруда, стал смотреть, как по покрывшейся рябью водной глади, словно кораблики ветерок гонял первые опавшие листочки. Его внимание привлек конский топот и шум голосов, раздавшийся от въездных башенок. Вскоре от башенок к Толстому в окружении его прислуги подошел пристав второго стана Крапивенской городской полиции. Поздоровавшись с графом, он извлек из портфеля лист бумаги и, кашлянув в кулак, прочел: «Сего сентября двадцатого дня одна тысяча восемьсот

семьдесят второго года распоряжением господина товарища прокурора объявляется вам, граф Лев Николаевич Толстой, что вы освобождаетесь от обстоятельства неотлучения с места жительства, взятого с вас по поводу о забрухании до смерти вашим быком крестьянина Афанасьева, так как должен сообщить вам, граф, что по опросу крестьян сельца Ясная Поляна выяснилось, что крестьянин Матвей Афанасьев двенадцатого июля одна тысяча восемьсот семьдесят второго года, в честь празднования Святых первоверховных апостолов Петра и Павла, употребил спиртное и, находясь под его воздействием, принялся дразнить быка и запустил в него палкою, тот и накинулся на него. То есть смерть Матвея Афанасьева наступила по его же собственной глупости, а посему в этих обстоятельствах товарищ прокурора заявил, что он отказывается от обвинения управляющего делами вашего имени Алексея Степановича Орехова». Уже на следующее утро Толстой выехал в Крапивну к председателю Крапивенской уездной земской управы Игнатову с прошением на имя губернатора Тульской области Арсеньева об освобождении его от должности участкового мирового судьи Крапивенского уезда.

— Я напишу представление от имени земского собрания о вашем освобождении, но вы же, Лев Николаевич, сами понимаете, что прошение о своем увольнении вы должны ходатайствовать через местный съезд мировых судей,— проговорил Игнатов, после того как внимательно изучил прошение Толстого и отложил его в сторону.— Позвольте полюбопытствовать, любезнейший Лев Николаевич, а что же послужило причиной вашей отставки?

— Нахождение меня под следствием и несостоятельность наших судов,— ответил Толстой.

— Позвольте?! — Игнатов неумело изобразил на своем лице удивление.

— Пожалуйста. Я неоднократно посещал судебные разбирательства и пришел к мнению, что наши суды выносят приговоры без учета морально-нравственных обстоятельств дела. Меня возмутил оправдательный вердикт суда присяжных по делу об убийстве девкой нечестного поведения своего мужа — старого и некрасивого вдовца, которому в упрек она ставила только то, что он был сопливый. И изумил обвинительный приговор цирюльнику, который зарубил топором свою жену — развратного поведения женщину, которая пришла домой под утро полупьяная и заявила мужу, что была у любовника. Цирюльник был обвинен в сильнейшей мере без смягчающих обстоятельств,— резко проговорил Толстой.— Наша система привлечения к уголовной ответственности, при которой по случайному обвинению и из-за проволочек судебных чиновников есть риск оказаться и сгнить в остроге,— вздохнув, подытожил он.

— Но ведь во всех странах мира существуют судебные ошибки и имеются отклонения. Покамест они не изжиты и у нас,— попытался возразить Толстому Игнатов.

— Если исполнитель закона имеет право на волос отклониться от него, то закон не есть ограждение, а бедствие. Уклонение всеми принятое, вошедшее в обычай, есть не умаление, а уничтожение закона. Вора следует наказывать, может быть, одним годом тюрьмы, а он уже просидел три. Ужасно, что легче жить в Турции, где мой револьвер мне судья, но нельзя жить в России, где нас уверяют, что мы обеспечены законом,— тихим голосом и с расстановкой слов, произнес Толстой. Игнатов молчал, и лишь изредка вздувающиеся под его бакенбардами желваки, выдавали в нем волнение.

— Хорошо, граф, мы рассмотрим ваше прошение,— произнес Игнатов сквозь зубы.— Честь имею,— кивнул он головой, давая понять Толстому, что разговор окончен.

— Честь имею, господин Игнатов,— ответил Лев Николаевич и, круто развернувшись, вышел из кабинета.

Просьба Толстого была удовлетворена лишь в октябре одна тысяча восемьсот семьдесят четвертого года. Указом Правительствующего Сената поручик граф Лев Николаевич Толстой, согласно прошению, был уволен с должности участкового мирового судьи, после чего великий писатель полностью отдался своему любимому делу — служению литературе.

От автора: выражаю огромную признательность Тульской журналистке Ирине Парамоновой за предоставление архивных материалов уголовного дела, которые и легли в основу данного рассказа.

Владимир Никитин

(г. Буэнос-Айрес, Аргентина — г. Москва)

В УСАДЬБЕ

О себе могу сказать не много. Около трех десятилетий трудился на дипломатической ниве. Дорос до посла в Аргентине. Если верить, что перемены протаптывают себе дорогу, то можно эту притчу отнести бы к смене амплуа. Выйдя на пенсию, я ускоренной пробежкой решил пройти путь писателя. Выбрал его без претензий. Что-то получилось сходу, то есть прорывным образом, но считаю, что время казней еще не пришло. Дипслужба приучила к холодному ожиданию удара. Главное, предугадать с какой стороны. Однако на Ваш суд отдаю свое произведение без кабинетного волнения.

По просторному лугу, раскинутому перед стоявшим на возвышении домом с белыми колоннами, спускались отец и сын Корины. Сын, Роман, жестикулировал, отчитывая отца, как это делают все взрослые дети. Иван Андреевич шагал молча. Они направлялись туда, где луг упирался в лес, и за невидимыми хозяйственными постройками таджики засыпали котловину, промытую дождями, которые не переставали неделю. В месиве грязи на ее дне мертво лежали вывернутые деревья, их сучья, кусты рябины, папоротника и жимолости.

Безумство природы веяло отчуждением. Поденщики вписывались в эту грустную картину. Одни сбрасывали вниз лопатами грунт, другие пилили сучья и вытаскивали на край ямы обрезки стволов. Третьи подавали им веревки и искали подходящие средства. Несмотря на то, что на луг просох, в лесу стояла сырость, резко пахло вырванными из земли кряжами. Рабочие поеживались, вытирая руки от скользкой древесины.

Отец сочувственно поприветствовал всех. Деда знали, он приходил сюда с внуком. Кто-то кивнул, кто-то продолжал работу, доверив ответить бригадиру. Подчиняясь принятому на родине уважению к пожилым людям, тот машинально поклонился, приложив ритуально к левой стороне замусоленного пиджака руку. Показывая, что выполнял завещание предков, он поклонился с пристрастием работодателю и замер. Сын очень отличался от отца.

— Дело продвигается, но возни, видать, еще много,— стараясь рассеять конфуз, от которого испытал легкое неудобство, но, хорошо понимая бригадира, крикнул Иван Андреевич.

— Да, тихо его делим,— отвечал тот обоим, держа в поле зрения главного визионера,— надо его, чтоб земля хорошо сел. Быстро плохой работа будет.

— Это верно. Тогда все насмарку пойдет, снова размочет.

— Да, слабый пробка будет.

— Не холодно вам?

— Когда работай, фуфайка снимай, легко махай,— взбодрился бригадир

— Смотри, не простудись. Это тебе не дома.

— Там тоже мороз, когда кости гремит.

— Ну, тогда тебе ничего не страшно,— рассмеялся Иван Андреевич.— Действуй.

— Закончил любезничать? — жестковато спросил сын.

— А что?

— А то, что раскланиваешься, как будто зависишь от него,— возмутился он, не церемонясь, слышат его речь или нет, однако уверенный, что сложные обороты рабочие все равно не разберут,— хочешь быть популистом, как в родной деревне. Ты бы его еще братом назвал.

— Предлагаешь их в упор, что ли, не видеть,— не понял причину злости отец.— Пожалуйста, бери слово.

— Я ничего не предлагаю. Ты думаешь, что они,— показал он подбородком,— оценят щедрую душевность? Они сделают то, что я им прикажу.

— Тогда прикажи не здороваться со мной.

— Надо не заигрывать с ними.

— Мне важно, что они делают доброе дело тебе и твоему сыну. Он взглянул на Романа, но кроме стеклянного выражения глаз, оценивающих картину, ничего не увидел.— Да будет тебе известно,— добавил он в оправдание,— что в старые времена барин всегда обращался к работнику со словами «Милостивый государь».

— Опять двадцать пять! — фыркнул сын.— Опять эта бредовая закваска. Я только что говорил тебе, чтобы ты спрятал свои кондовые взгляды. Не внушал их Артему. Его сверстники и он давно живут другими мерками. Как и твои таджики. Они не по призыву партии здесь работают, не за лозунги, а за кровные, которые я плачу им. Какие еще добрые дела...

— Они тоже люди.

— Ладно, пап. С тобой бесполезно спорить. Ахмед,— хмуро обратился он к бригадиру. Тот, стараясь показать активность, отдавал команды, чувствуя, что недовольство сына касалось соплеменников и его,— сколько еще машин тебе понадобится? Ты посчитал?

— Песка надо, хозяин, земля пока не надо. Он есть.

— Песка-то песка, я спрашиваю, сколько машин, пять, десять, двадцать. И камня, какого?

— Камень тоже. Его будет с земля хороший трамбовка делать. Потом вода поливать, потом песка сыпать и снова трамбовка. Тогда хорошо.

— Вот, блин, заладил,— в сердцах сказал сын.— Ты, хоть примерно, подсчитал, как я просил?

— Моя хочет, как следует, считал,— оправдывался бригадир, жалея, что не отпрафил сыну.— Завтра уже на точный цифра тебе бумажка дает.

— Ладно, продолжай.— Сын вздохнул и повернулся к отцу.— Ты понял, какой у них уровень образования?

— Это ты к чему?

— К тому, что ты приводишь сюда Артема? Для чего ты это делаешь? Хочешь показать ему грязную изнанку жизни? Он ее и без тебя узнает.

— Да уж точно,— многозначительно произнес Иван Андреевич.

— Учишь обниматься, как сам, с этими гражданами.

— Думаешь, я с этой целью сюда прихожу?

— Ты у нас такой.

— Твой сын не раскланивается здесь ни с кем, не бойся.

— Тогда зачем ты проповедуешь эту дружбу?

— Если ты привел меня сюда, чтобы устроить допрос, я отвечать не буду,— заявил отец, не испытывая желания продолжать разговор в оскорбительном для него духе.

— Я ушел подальше, чтобы Артем не слышал.

— А! Вот в чем дело.

— Забочусь о твоём авторитете.

— Ты лучше о своей репутации позаботься?

— За это не волнуйся, там все схвачено.

— И то, как ты прыгал на лужайке, как безумный, во время салюта? Артем уши затыкал. Ему дико было видеть тебя. А пляски с цыганами?

— Это все? — ухмыльнулся сын, что отец с взыскательной нравственностью следил за его деяниями и был не такой уж невинный постоялец. — Я saniрую, если хочешь знать, свой кусок леса. После таких дождей выжившее зверье распространяет инфекционные болезни. Ты же не будешь за меня ходить по медвежьим углам и отстреливать больных тварей.

— Американцы во Вьетнаме тоже saniровали джунгли...

— Ну, ты сразил, па! Вот в этом ты весь. Больше, что, нечего сказать?

Иван Андреевичу было неприятно втроем. Он, действительно, нашел неудачный пример. Сын выманил его из дома под предлогом посоветоваться, как остановить разрушение леса. Безо всякого стыда он распекал его в присутствии людей, которых считал второсортными. С оттенком бесправия он причислял и его к ним. Всколыхнулась горечь, с которой отец корил себя, что попал в ловушку, недооценив последствий своего приезда. Роман вызвал его посидеть с сыном, с которым у него не складывались отношения.

Артем был поздним ребенком. Над ним дрожали все: мать, приезжие тетки, ее подруги и, разумеется, челядь, защищая от отца который злился, что его напористость и буреломный дух не проявились в сыне. В воскресенье Артем испортил ему настроение. Тот вернулся с охоты. Окровавленную тушу убитого кабана охотники сбросили с джипа на траву и ушли приводить себя в порядок. А их жены сначала в состоянии шока, а потом прощения азарта и увлечения убийства животных, посудачили и удалились. Прислуга занялась подготовкой пира. За столом мальчик не притрагивался к пище, бросая вызов торжественной тризне по вепрю. Роман нетерпеливо посматривал на него, памятуя, что взял с него предварительное слово, что он будет вести себя как все. Но Артем сидел, низко наклонив голову и положив руки на колени. Осторожным, участливым шепотом мать что-то поясняла ему, но он не менял позы.

— Все! Хватит! — ударил по столу Роман, прекращая их общение, которое, если и выбивалось из ряда, то никого, кроме него, не отвлекало. — Соня, отведи этого бумажного принца в его комнату, — приказал он горничной, — и дай миску чечевицы, пусть над ней читает молитвы.

Артем отодвинул стул и вышел, а мать с опустошенной печалью и отчаянием посмотрела на отца, говоря глазами, что она ведь просила его не устраивать таких сцен.

— Думаешь, буду кусать себя за хвост, — спросил он. — Тебе надо казнить, что вырастила его блаженным. Вот иди и успокаивайся вместе с ним.

Даша вышла, провожаемая взглядом Ивана Андреевича, понимающим ее как мать. Роман, подавая пример, предложил продолжить трапезу. Раскованность публики возвратилась. Ее принимали со щедростью удельного князя. Обед уносил в то былое время, когда раздолье природы и человеческая натура составляли единое целое, а отношения между супругами складывались из походного сосуществования. Некоторым мерещилось ржание коней, звон уздечек, лязг снимаемых доспехов, гулкий топот копыт по степи. Гости сходились на том, что властность — самобытный и нужный атрибут семьи. С этой точки зрения они смотрели на то, как Роман обращался с Дашей, убежденный, что она находилась в плену верований и безжизненных условностей. Некоторые женщины считали, что она где-то сама виновата. Казуистика недомолвок и скороспелых суждений путала и поражала Ивана Андреевича. Тем более, что разговоры касались дорогого ему человека.

— Ты меня извини,— вполголоса говорила своему мужу одна дама,— но я не пойму, то ли она слишком умна, то ли ей не хватает разумности угодить мужику. Это же раз плюнуть. Что дети? Сегодня они нежные цветочки и голуби, а завтра будто сорвались с цепи. А мужик как был, так и останется при тебе. Мало ли что он тяжел на руку. Держаться за него надо.

— Ты имеешь в виду его сердечность или, что он надежный оплот? — рычал, отрывая мясо от берцовой кости, муж.

— Вот именно, плот. Не утонет, доплывет. Ты, лучше, не забывай закусывать.

— А ты тоже не растекайся мыслью по древу.

— Я говорю, что Роман неудержимый, как буря и натиск. Если надо, то горы свернет. Таким и должен быть настоящий мужик.

— Подводишь, блин, мотивацию, как банк под тарифную сетку.

Он положил кость, дожевал, вытирая губы и руки от жира, проглотил и все запил вином. Женщина переждала, прежде чем сказать, а затем уточнила, почти не обижаясь.

— Ты же сам говорил, что он с молодости был таким.

— А ты была искушенной с пеленок. Так что ли?

— Ой, да ну тебя, ерничаешь. От кабана, что ли?

— Тебя слушаешь, получается: «Подумаешь, что пес порвал грелку, купим другую. На то он и пес».

Женщина предпочла не ввязываться в спор, а Иван Андреевич подумал, хорошо, что Даша ушла. Она не вынесла бы низкопробный жаргон и бравату, которые были в ходу у людей, окружавших мужа. Хотя они и принадлежали к правящему классу. Он знал ее со времени независимой красоты, смелой и самоуверенной. Теперь видел смиренную, подавленную и одинокую женщину, которая перемещалась по дому неслышно, как тень. Что надломило ее, думал он, зная только, что она болела по-женски. Неужели сознание того, что Роман не будет бороться за нее и за ее жизнь, и чем скорее она кончится, тем свободнее он будет чувствовать себя. На что же тогда обречен Артем? Что за клубок здесь сплел его сын?

— Ты что, оглох или улетел на свою планету? — вывел его из оцепенения голос.

— Почему это оглох? — возвратился он в сырой лес с прелыми запахами, вялым шевелением листвы и покоем. Раздавался лишь свист слетающего с лопат щебня.

— Я спрашиваю, зачем ты Артема водишь сюда?

— Затем, чтобы показать, как природа сначала слепо уничтожает красоту, а затем сожалеет, что натворила бед, и восстанавливает ее,— ответил с опозданием, далеко не в лучшем виде он, надеясь, однако, что смысл до сына дойдет.— Бездумные люди поступают так же.

— Объясняешь стихию? — в голосе звучало недоверие.

— Учу, как обдумывать свои действия, чтобы потом не раскаиваться.

— Собираешься привить то, что самому не удалось? — не изменил иронической тональности Роман.— Хочешь сделать его под клише «белеет парус одинокий». Я этого ни тебе, ни себе и ни кому другому не позволю.

Иван Андреевич протяжно вздохнул. Сквозняк, веявший южным теплом, разогнал облака, пробилось солнце, и лес широко и погоже посветлел. Затрепетала крыльями и закричала в ветвях птица. Попробовал свой клюв дятел, запустив эхо вязнувшей в далеких углах леса трели. Свежий звук его долота был таким неожиданно призывным, что все вокруг начало откликаться. На ближней даче кто-то завел газонокосилку. В небе загудел самолет. Жизнь опиралась на извечные законы. Намерение подчеркнуть, кто он есть, представлялось Иван Андреевичу ничтожным и пустым. А точнее бесплодным.

— То, что я могу ему рассказать, он нигде не почерпнет,— наконец, произнес он.

— Давай по-честному, товарищ учитель. Вы приходите сюда не природу изучать, а кормить лису. Соня сказала, что вы носите сюда объедки.

— Раз сказала, отпираться не буду,— ответил Иван Андреевич, посмотрев на таджиков. Стало грустно, что прислуга доносила сыну, хотя к нему относилась учтиво. Подозрительно, что Роман словно ловил его, выманивал на признание. Будет полный провал, если и эти ребята доложат, подумал он.— Если ты отдал распоряжения, давай отойдем отсюда,— предложил он.— Зачем людям мозолить глаза.

— Мне их чувства до лампочки,— сказал Роман и стал проверять карманы куртки в поисках телефона.— Ахмед,— позвал он бригадира, проверяя, кто ему звонил,— чтобы расчеты завтра были, не сделаешь, уволю. Ладно, пошли.— Он переложил телефон в другой карман и, чуть пригнувшись под веткой, которую не стал придерживать для отца, вышел на луг.— Так вот,— отряхивался он от паутины и капель,— Артем просил ее узнать у таджиков, видели ли они щенят. Он переживает, что тут была нора, и их смыло.

— Предполагаю, как ты реагировал,— произнес отец, не понимая странного и слишком после леса светлого простора луга, а также дома на возвышении.

— Я велел ей передать Артему, что таджики не обнаружили следов.

— Но он не поверил.

— Он бы поверил, если бы ты не дезавуировал меня.

— Лиса сама приходит на лужайку.

— А ты поощряешь там представления. Дождешься, что я положу этому конец.

Действительно, Иван Андреевич просил Соню не прогонять лису, которая ходила сначала возле сараев, а затем стала смело приходиться к крыльцу. Почему-то она особенно доверяла шоферу Косте, за которым ходила как собака. Он направлялся в гараж, она шла следом, он пересекал луг, и она бежала, элегантно выбрасывая вперед длинные ноги в мешавшей ей траве. Интересно было наблюдать, как она быстро приседала, нюхала воздух, озиралась и снова двигалась за ним короткими перебежками, не отставая. Пушистый и рыжеватый, из плотного сбитого меха с ворсинками хвост существовал отдельно. Служил продолжением ее грязной, свалывшейся в норе шкурки. Чуткая Лизка прекращала вслед за Костей свое продвижение, когда тот останавливался, и хвост, сам по себе, на секунду замерев, плавно опускался. Она бежала, а хвост независимым оранжевым чулком плыл и реял за ней. Она будто хвалилась своим главным достоянием, сознавая, что во всем остальном выглядела изнуренной, жалкой и некрасивой. В ее повадках не проявлялась и отдаленная хитрость. Она была счастлива, что обрела людей.

— Ты глянь,— с начала подметила Соня, сидевшая на широкой, обрамленной балюстрадой, лестнице.— Не уходит. Значит, ей что-то надо.

— Шоколада,— говорил, получая удовольствие, Костя.— Она дрессированная.

Он выписывал зигзаги, делал ложные наклоны. Лиса внимательно следила за пируэтами, но не решалась повторять. Костя прекращай упражнения, приходя к выводу, что она его перехитрила. Он кричал Соне.

— Ее на мякине не проведешь. Не хочет плясать под мою дудку.

— Так ты ее путаешь,— сердобольно отвечала та.

Лиса стояла, задрав голову, и чутко шевелила черными кончиками ушей, прислушиваясь к звукам со стороны лесного массива, где оставила щенков. Но стоило ему просунуть руку в карман, где лежала специально припасенная для нее рыбка, как она выжидающе замирала. Со словами: «На, возьми свой заработок» Костя бросал ей рыбу. Она смотрела, как тушка шлепалась в траву, но не двигалась. На первый взгляд, будто раздумывала, не ущемляет ли она чьих-либо интересов. Но, видимо, обижалась, что Костя не по-дружески, как того она заслуживала, предлагал ей полакомиться, а делал это грубо, как одолжение.

— Ну, давай, бери, это же бесплатно,— недоумевал он.

В воздухе висела неопределенность. Соня и Артем не отрывали взгляд от лисы, которая толи боялась чего-то, толи не могла решить, как поступить. Они тоже не понимали, в чем дело. Костя наклонялся и, крутанув, подбрасывал рыбу. И вот тут, Лизка, приподнимаясь на задних лапах, делала совершенно неуловимое движение, и рыбешка оказывалась в ее пасти. Все происходило мгновенно, как фокус, искусство магии, что перехватывало дух. Не оглядываясь, она уносила ее в лес. По-видимому, прикапывала поблизости, чтобы не сразу доставлять щенкам. После чего возвращалась на лужайку. Все ожидали.

— Костя, дай ей еще, ты ей мало дал,— бежал к нему Артем, когда Лизка появлялась вновь.— Нет, дай я сам,— вырывал он рыбу. Костя не осмеливался сопротивляться, перед ним был все же молоденький барин. Мальчик покачивал тушкой перед Лизкиным носом, и даже замахивался, но лиса только отводила мордочку и смиренно сидела.— Кость, ну что она? — чуть не плача, упрасивал Артем,— ну скажи ей. Она слушается только взрослых. Она не знает, сколько мне лет. А твой рост?

— Ей нужна команда. Скажи ей.

Иван Андреевич ценил, что Соня рисковала, выделяя излишки стола для Лизки, которая опровергала обличье плутовки.

— Мне что, жалко? Всякое дыхание бога славит,— отвечала Соня,— может, в ней какая душа к нам бьется. Грех не помочь. Тем более, что у нее детки.

— Зачем ты разрешаешь Артему кормить лису,— строго спросил Роман Ивана Андреевича, когда они подошли к дому,— эта же тварь больна. Ты что, не понимаешь, что она может его цапнуть?

— Я слежу за их играми, не навинчивай себя.

— Знаешь, давай без этих штучек,— остановился сын.— Не взвинчивай, не безнадменно. Как, блин, профессор словесности. Не надо мне лепить чучело.

— Не кипятись,— сказал отец, понимая, что прозевал, как сын аккумулялировал деспотические наклонности,— мы все поправим.

— Я тебя вызвал для чего? Быть его гуру, а мне приходится глядеть за тобой. Ладно, кончим этот разговор.— Сын обернулся в сторону дома, не желая, чтобы все видели, как свысока он говорил с отцом.— Думай о своей воспитательной работе. И не води его туда.

Быть гуру, повторял Иван Андреевич, смутно понимая смысл слова. Кем надлежало быть? Духовным наставником, дядькой, советчиком? Кем, в этих запутанных и ускользающих от него обстоятельствах?

Все расставляло по местам непровержимое, хотя и печальное, по своей сути, откровение. Судьба внука, зависела не от него, а от родителей. Честно говоря, в гувернеры он совсем не подвизался. Слушая по ночам бой деревенских ходиков, оказавшихся в его комнате, и шедших укромно, но в разноразной с ними электронных часов на тумбочке, он приходил к выводу, что за отведенное судьбой время, вряд ли сможет привить внуку идеалы, которые когда-то вдохновляли его. Но отказаться от подвижничества, означало предательство или того хуже. Добрым учителем он мог стать. Было накоплено столько знаний, что хватит для целого поколения. Передай ему хотя бы частичку своего опыта, призывал он себя, научи его сообразительности, смекалке, навыкам увидеть сущность. Не важно, что он ребенок и для постижения истин нужно не раз обжечься. Жизнь еще преподнесет ему сюрпризы. От тебя не требуется одаренности воспитателя. Открывай другую сторону вещей, то, что он не видит. Проясни, в чем подлинная состоятельность, а в чем кажущаяся. Где происходит смешение добра и зла. Если уж детские сказки учат уму разуму, то почему ты не сможешь это сделать, убеждал себя Иван Андреевич. Самое сложное объяснить, что такое счастье. Состояние влюбленности, разделенная радость, спокойная совесть и милосердие? Когда-нибудь эти заповеди всплывут в его памяти,

что будет твоей заслугой и заступничеством. Ясно, что ты — не Иоанн-креститель, но раз приехал, то действуй.

Иван Андреевич встречал выдающихся людей. Он хотел, чтобы Артем был умен, как они, но не повторил их участи. Чем дальше уходило время, тем четче виделось, что они были гениями. Иван Андреевич готов был идти за ними на край света, лишь бы творить рядом. Но в круг единомышленников его не приглашали. Их яркий свет рассыпался как вещество кометы в зияющей бездне ночи. Что сидело в этих бескорыстных утопистах, задавался он вопросом, если, не задумываясь, они взошли на эшафот гонений? Неужели они видели лучше других пути человечества? Их давно уже нет, а он все жил, сознавая сей бесценный факт, но не испытывая радости.

Поставить им теперь в строку, что они действовали опрометчиво, как он предупреждал, он не мог. В свою очередь и они встать и увидеть, что он оказался все же прав, и продолжает существование, тоже не могли. Что из того, что они оставили о себе память, а он нет? Их слава будет длиться, пока живы очевидцы. Наивно полагать, что люди, умирая, гордятся сделанным. Исключения подтверждают правила. Джордано Бруно, Коперник, Александр Матросов, Гастелло были одиночками среди миллионов. Был ли Юлий Цезарь счастлив, как и длинный ряд римских императоров после него? Нет. Ленин умирал в нравственных муках, что не доведется видеть результаты дела всей его жизни. Сталин, который выиграл величайшую из всех войн, не купался в море блаженства. В бревенчатой даче он жил, как обложенный одинокий волк, и также бесславно почил. А Великий Петр, перевернувший Россию? А Лев Толстой, Бетховен, Де Голль, Онассис, Мария Калласс, Михаил Ульянов? Смерть, увы, не венценосец успехов. В такие моменты Ивану Андреевичу казалось, что он схватил самую суть жизни, и его отношения с ней были единственно правильными. Но при ближайшем рассмотрении выходило, что и это — самообман. Бессмертие во внуках, в их потомках, обрадовано открывал он. Да, но оценят ли они его. Те, кто унаследовал родство от великих предков, не считают их пресвятыми. Для них это — лишь факт. Странная все же штука жизнь, думал он. Всегда чего-то не хватает, а чего именно, никто не знает. Видимо, надо жить по совести и все. Когда сомнения заводили в тупик, он покидал свою обитель и бродил по дому. Изумлялся его богатству, заморским безделушкам, расставленным и развешанным на стенах, которых и вообразить себе не мог ранее. Трогал и поглаживал их, склоняясь к мысли, что, может, оно и хорошо, что не перепало ему в свое время царских ценностей, не справился он бы с ними. Да и потом, с собою не возьмешь.

— Кого сейчас волнует, что мы честно прошагали свой век? — говорил он Соне, когда вдвоем они оставались в столовой. Она мыла посуду, а он сидел и пил кофе.

— Мы сами виноваты, — отвечала она, — что были слишком простыми. Тот, кто сообразил вовремя, сейчас не мучается. А мы оглядывались, что подумают.

— У нас был другой склад мыслей. Вот в чем штука.

Мы слишком доверились тем, кто был наверху, а надо было жить своим умом. Может, в том и состоит тайный промысел жизни, думал, не произнося, он, что она воздает то, за что он, многожильный и скромный, заплатил в свое время. Роман и его компаньоны жаждут сиюминутного успеха. Так и нужно, подслаивал он доводы под оправдывающие его мысли. Интересно, что бы подумали, воскресни они сейчас, светлые головы, которыми он восхищался, увидев, что их идеалы развенчаны, что нет единой и могучей державы?

Ивану Андреевичу казалось странным, что нынешнее поколение не ложится и встает, как он, с заботой о стране, об урожае зерновых, удачах в освоении космоса, сибирских недр. Исчезло понятие Родины, преклонения перед теми, кто отдал за нее жизнь. Молодые люди представлялась ему каким-то разболтанным отрядом, собранным по принципу штрафного батальона, где жизнь ценилась ни в грош. У них было

все другое: общение, восклицания, песни, шутки, жизненные перипетии, чаяния. Как, в этих перевернутых понятиях, он мог влиять на внука?

Позавчера он рассказывал Артему о безалаберности, наихудшем свойстве русской природы, о том, почему оно превратилось в пресловутую, позорящую притчу. Привел пример, как в 1784 году строптивый игумен расположенного по соседству с храмом Покрова на Нерли монастыря просил свое начальство разобрать храм на строительный материал. Не хватало камня для возведения колокольни под боком. Уже тогда храм причисляли к чудесам света. Но ему выдали разрешение. Никому и в голову не пришло, что покушаются на святыню. Чудом уцелело сокровище русского зодчества, которым народ восхищался до этого более шестисот лет и восторгается сейчас.

— Для чего ты скармливаешь эту мякину? — спросил Роман. — Неужели ты думаешь, что он ее способен воспринять? Учи чему-нибудь реальному. Брось ты эти экскурсии.

— Не зная прошлого, он не разберется в настоящем, — возразил Иван Андреевич. — Екатерина Великая, была немкой, — но для своих внуков писала сказки и истории, в какой стране они живут, и как надо понимать и любить ее.

— Екатерина жила при лучине, а он приобщается к Интернету, — сказал сын. — Ему хватает и без тебя полезной информации.

А вчера он разяснял значение слова штрейкбрехер. Так обозвали одноклассника Артема, и он, Иван Андреевич, произвольно подошел к понятию солидарность. Привел в пример песню «Костры горят далекие», текст которой написал тяжело раненный и оставшийся на всю жизнь инвалидом фронтовой летчик. Рассказал, как однополчане обратились к тогда популярному композитору. Попросили сочинить к стихам летчика мелодию. Тот не отверг просьбу, сел и написал, в результате родилась известная песня.

— Лизка тоже солидарна со своими детенышами, — вывел Артем.

— Так поступает каждая мать, она делает это, подчиняясь инстинкту сохранения потомства. Природа заложила зачатки товарищества и в диких зверей. Они помогают друг другу, как люди, в беде.

Ивану Андреевичу на память пришла еще история. Как французский художник нарисовал и повесил за окном больного мальчика на ветке дерева желтый листок. Дело происходило глубокой осенью, когда почти все листья уже опали. Врач сказал его матери, что мальчик умрет, когда деревья станут голыми. Листок висел на ветру всю долгую зиму, он внушал мальчику веру в жизнь, и он выздоровел.

— А почему родители не дали ему свою кровь? — удивился Артем.

— Это — история о духовной поддержке.

— Доноры солидарны с теми, кто берет их кровь?

— В известной степени, да, — начал было говорить Иван Андреевич, но дверь распахнулась.

На пороге стоял взбешенный Роман. Он взял его за рукав и вывел в коридор, прикрыв за собой дверь.

— Неужели ты не улавливаешь, что он спрашивает про наркоманов? Чему ты наущаешь? Колоться?.. Думай, прежде чем говорить.

Нет, не способен был Иван Андреевич из достоинств выводить недостатки.

После леса он переоделся и спустился на первый этаж. Артем, склонившись над столом, сосредоточенно разрисовывал какую-то фигуру. Рабочим кабинетом служила библиотека, отделанная из красной сибирской пихты, с антресолю, где можно было стоять в полный рост, и с картинами из коллекции итальянских художников вдоль лестницы на верхний ярус. При входе на нижнюю площадку из изящной рамы, со строгой приветливостью, и не более, на вас смотрели умные глаза дожа Венеции,

работы Джованни Беллини. Открытое лицо пронизывало ощущением, что этот облеченный высоким для современников саном муж понимал свои ограниченные возможности в разрешении людских дел, что во многих случаях он мог лишь сочувствовать бедственному положению. Но те, кто к нему обращался, пребывали в абсолютной уверенности, что он способен на чудеса. Заблуждения и иллюзии неискоренимая и прощительная слабость, говорил взгляд. Люди преувеличивают помощь, которую ожидают от других, считая это обязанностью. Но когда идут к ним за помощью, не делают лишнее. Не удивляйтесь. Я жил пятьсот лет назад, но они до сих пор такие же. Иван Андреевич улавливал, что порицание относилось к холодной философии сына. Где-то был с этим стык.

Ответ на вопрос раскрывался, как только вы поднимали взгляд выше. На самой антресоли, словно безмолвные стражники висели венецианские плащи из черного шелка с крупными бело-красными геральдическими крестами. Их увенчивали играющие жутковатой бездной мистических прорезей глаз и недосказанностью выражения губ маски с фантастическими узорами. Они взирали почти как живые. Треуголки призраков были обшиты золотом. Шеи и подбородки закрыты лентами и богатой тканью. Они застыли в гордой неповторимости своей эпохи. Романтики развлечений, интриг, игры в любовь, перехватывания коварства, мести за обманутые чувства. Когда можно было, потеряв голову, гулять всю ночь, не веря, что уже наступил день, и засыпать под утро, продолжая, сладко грезить. Вас пронизывала догадка, что декорации говорили о погранных чувствах, выброшенных за ненадобностью некогда пылких признаниях. Раньше кабинет служил пристанищем матери Артема. Она все, как было, передала сыну. Иван Андреевич поражался, что ход мыслей Даши совпадал с видениями, которые приходили и к нему. Он проникался ее трагедией, но ничего не мог сделать.

Артем был слишком мал, чтобы подниматься в рассуждениях так высоко. Он не понимал смысл символики и атмосферы допущенной ошибки, которая царила в библиотеке. Когда вошел Иван Андреевич, не отрываясь от занятия, он первым делом спросил.

— Ну что, ты слышал голос щенков?

— По близости работают таджики. Они притихли. Они сейчас спят, а вечером, когда Лизка уйдет, залают. Они ее выгоняют еще до темноты за кормом. Тогда она приходит к крыльцу. И сегодня придет.

— Ты уверен?

— Она из цирка,— не обращая внимания на пришельца, сказал мальчик.— Если лиса жила с человеком, то она не сможет больше прожить без него.

— Что же делать?

— Я возьму их к себе и спрячу.

— Где?

— Под лестницей, там у меня коробка, они будут в ней жить.

— Кто-нибудь знает о твоём плане?

— Костя их принесет завтра.

— Лучше не раздражать отца. Ты знаешь его отношение к ней.

— Это мы еще посмотрим,— пропуская серьезность предупреждения ответил мальчик.

Он выдвинул ящик из стола, высыпал на колени содержимое пенала для карандашей. Не нашел то, что искал, взял попавшийся фломастер и начал затирать рисунок.

Во второй половине дня погода разгулялась. Небо расчистилось, солнце ласково и мягко блистало. Ветерок гулял по лугу, роились насекомые. Ничто, кроме переполненного водой пруда, не напоминало о ливне. В доме ощущалась духота, всех потя-

нуло на воздух. Даша уселась с вязанием на балконе правого крыла, откуда открывалась панорама лужайки, где Артем и Костя гоняли мяч. Артем с громким стоном заваливался на траву, катался по ней, разбросав руки и ноги, и замирал на спине. Мать поднималась и кричала ему, напоминая, что простудится. Он нехотя поднимался на одно колено, потом на другое и, делая вид, что ковыляет из последних сил, брел к футбольным воротам. Ими служили клумбы с цветами. Пинком бутсы он посылал мяч Косте, который разбежался и бил. Артем театрально падал в броске и излишне долго блаженно отдыхал, обняв мяч, на травке. Даша привставала, он неохотно поднимался. Они не слышали, как Соня подзывала стоявшую у нижней ступени лестницы Лизку. Та грациозно приблизилась и села напротив.

— Что, уже соскучилась? Сейчас я что-нибудь придумаю.

Лиса пристально смотрела ей в глаза.

— Костя, а Костя, иди, подивись, кто к нам наведется. Ты что-то рановато сегодня.

Лиса продолжала смотреть на нее, но, заметив, как Костя пошел, огибая пруд, скользнула между стоек балюстрады и очутилась на лужайке. Кончики ее ушей отозвались на звук на левом балконе. Она застыла, глядя туда, и продолжила на своих высоких, не соразмерных с телом ногах пересекать лужайку. Артем встал на цыпочки и открыл рот. Костя вышел на открытое место и вынул рыбку. Лизка облизнулась. Он метнул взгляд на левый балкон и отпрянул назад, как по команде. Подбросил вверх рыбку и отступил еще несколько шагов. Раздался выстрел. Лизка безжизненно опустилась на траву. Изо рта у нее потекла кровь.

Из дома испугано выскочил песик Гоша с бантиком на голове.

— А-а-а,— пронзительно вдруг закричал Артем, обхватив голову руками, и побежал, не зная куда.— А...а,— бесконечно громко кричал он, мечась по лужайке,— а-а-а...

В длинном домашнем салопе, босиком Даша бросилась за ним. Догнав, она прижала его к себе, безумно целуя и в чем-то быстро увещевая. Артем продолжал дрожать и дергаться головой и руками. Она закрыла его своим телом. Костя, растерянный и бледный, скрестил на груди руки. Иван Андреевич сокрушенно покачал головой, видя, как сын, опираясь на ружье, указывал тому жестом, куда оттащить лисицу.

— Господи, что же это делается,— причитала Соня. По ее щекам струились слезы. До смерти напуганный Гоша прядал ушами и виновато смотрел то на нее, то на застывшие фигуры на лужайке. Все произошло так молниеносно, будто в форточку ворвался смерч, разбил вазу с цветами, свалил на комод фотографии и улетел. Только задранные занавески и осколки на полу с комьями земли напоминали, что случилось.

Костя принес из сарая брезент, обернул в него Лизку и унес.

Вечером Иван Андреевич зашел в спальню Артема. Обхватив колени и прижав их к груди, он сидел на кровати, и смотрел в одну точку. Глаза у него были красные, он всхлипывал и шмыгал носом.

— Зачем он ее убил? — сказал он.— Она никому не мешала.

— Он думал, что она заражена бешенством.

— Ты же видел, что она верила нам,— повторил он слова, которые произнес дед в споре с его отцом несколько часов назад.

— Что теперь взвинчивать себя...

— Щенки умрут без нее,— все еще страдая от бессмысленной, не поддающейся объяснению жестокой выходки отца,— сказал мальчик.

— Я договорился с таджиками, они их покормят.

— Все равно они погибнут. Она их согревала.

— Они почти самостоятельные. Еще месяц и им ничего не будет страшно.

— Он и меня убьет, когда ты уедешь. Он это давно хочет.

— Во-первых, не говори глупостей,— не подал вида Иван Андреевич, что его пронзило как током.— Твой отец любит тебя. Он просто несдержан.

— Если бы любил, он не обзывал бы меня,— как о решенном деле заявил мальчик.

— А во-вторых, с чего ты взял, что я уезжаю?

— Ты сам сказал ему, когда ругался с ним.

— Мало ли, что я сказал. Никуда я не еду.

— Ты зашел, чтобы не будить меня утром.

— Считаешь меня штрейкбрехером?

Мальчик ничего не ответил, он всхлипнул, вытер ладонями глаза, а потом рукавом — нос.

Оба замолчали.

— Правда, что ты не уедешь? — желая услышать только подтверждение, наконец, неуверенно спросил Артем.

— Абсолютная, правда. Больше не бывает.

— И щенки не умрут? — с отдаленной надеждой предположил он.

— Нет. Мы сделаем с тобой все, что в наших силах.

— Таджики будут помогать нам?

— Как и до сих пор.

Иван Андреевич погладил Артема по голове и ушел. Тот, все еще всхлипывая, стал думать о завтрашнем дне, о том, как будет растить лисят, какую благородную роль сыграет в их жизни, и что ему еще предстоит в ней. Хорошо, что рядом были мать, Иван Андреевич и его друзья — таджики.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ПУСТЫНЯ (Старый директор)

*Памяти бывшего директора завода
Вадима Сергеевича Усова*

*«И крикнул капитан: «На abordаж!»
Еще не вечер, еще не вечер...»*

В. Высоцкий

Евгений Михайлович Евграфов, директор завода «Прибормаш», только что отпустивший в слезно вымоленный отпуск главного металлурга, с которым вот уже сорок лет работал рука об руку на этом заводе с разницей в полтора месяца и 70-летие с ним отметивший в заканчивающемся году, с некоторым, но уже давно привычным усилием поднялся из-за стола со старинным зеленым сукном, прошелся по старой ковровой дорожке, разминая засидевшееся тело. Хотя он и был сухощавым и высоким, но — увы, уже стариком. Этим все и сказано. На кабинетных часах, таких же старинных, тихо пробило половину седьмого вечера. Приотворилась тамбурная дверь, выжидательно в створку заглянула Надежда Георгиевна, его секретарша, также из своих пятидесяти лет ровную половину состоявшая при Евгении Михайловиче, точнее с того самого дня, чуть более четверти века назад, когда он бодрым и энергичным сорокапятилетним молодцом — спортивного телосложения, с широченными плечами, необузданного здоровья — неожиданно для всех в городе и в главке перешел из главных технологов в директорский кабинет и сел за огромный дубовый стол с зеленым сукном, как поговаривали, вывезенный из послевоенной Германии одним из предшествующих директоров, числившихся одно время по штату промышленного отдела Союзной Контрольной Комиссии. То же заводское предание гласило, что стол был репарирован из кабинета самого Бормана...

Именно неожиданно сел он за трофейный стол «оберпартай геноссе» рядом с обок стоявшим в стеклянной пирамидке заводским знаменем с пятью высшими орденами. Нужен был человек, способный разгрести авгиевы конюшни, устроенные на всегдашнем флагмане отечественной оборонной промышленности предыдущим директором, хлыщем, поставленным сверху, из Москвы, ибо был он сыном одного из индустриальных министров. Всего лишь за два года он свел гигантский завод к полному ничтожеству, сам, благо, что молодой и здоровенный, пил беспробудно и блудил, но и работяги, да и инженерный состав за это время стали преобладать в статистике городских вытрезвителей. Охрана и та стала покачиваться на своих боевых постах.

Сынка турнули только тогда, когда и папаша в Москве переменял род деятельности — был отправлен туда, где меньше всего вреда мог принести Отечеству: послом в африканский Буркина-Фасо.

Хотя завод по своему значению и важности подчинялся непосредственно Москве, но тогдашний первый секретарь обкома Иван Матвеевич, памятуя горький опыт, настоял где надо на кандидатуре Евграфова, о котором ему разные городские инстанции и спецы из Миноборонпрома дали самые положительные отзывы. И баста, назначение состоялось. С собой из отдела Евгений Михайлович привел и Надежду Георгиевну взамен прежней смазливой бабенки, которую министерский сынок использовал по прямому назначению...

По привычке заводской народ начал шептаться и в отношении 25-летней, собою видной Надежды Георгиевны, тогда еще просто Нади, но, не находя повода, скоро помолк, да и другие события забудоражили завод: за считанные месяцы новый директор навел порядок, безжалостно — это в мягчайшие-то и человеколюбивые 70-ые годы! — уволил с полсотни попавшихся на пьянке, пресек «несунов», четверть высшего и среднего начальства поменял. И уже к концу первого года директорства о заводе заговорили в главке и на коллегиях министерства с уважительными интонациями. А к концу текущей пятилетки предприятие по сумме показателей вышло на второе место в главке и на четвертое по министерству. Еще одно Красное Знамя осталось на вечное хранение в Музее заводской славы, а Евгений Михайлович добавил на своем парадном пиджаке к уже ранее полученным медалям за трудовую доблесть и «Знаку Почета» высокий орден Трудового Красного Знамени. (Это уже потом иконостас пополнят и «Октябрьская Революция», и орден Ленина, и еще один орден Ленина, но уже вместе со звездой Героя...). Главные специалисты и многие из инженеров и рабочих тоже позвякивали на торжественных собраниях наградами. Пошла стабильная премия и различные надбавки. На завод потянулись кадровые рабочие и инженеры.

* * *

Директор кивнул отпускаяще:

— Идите домой, Надежда Георгиевна, на сегодня вроде бы все.

— До свидания, Евгений Михайлович! — тамбурная дверь бесшумно притворилась. Тяжелые складчатые шторы на двух больших окнах, выходящих на заводской двор, были раздвинуты с дневного еще света, а теперь декабрьский сумрак уже переходил в плотную зимнюю ночь. Днем пополудни, когда на самую малость времени мелькнуло по-над горизонтом красное зимнее солнце, прошел тихий пушистый снежок, ровным слоем бархатно покрывший заводские проулки и огромные коробчатые крыши цехов.

Сейчас этот снеговой покров-одеяло веселил искорками-отсветами от фонарей, прожекторов, редких освещенных окон. Что-то странным показалось директору во вроде бы привычной картине; четверть века он заканчивал рабочий день в это же время, также любил постоять пять-десять минут, поднявшись из-за стола... Так что же изменилось? Он думал, напряженно перебирая все возможные зацепки памяти — и понял, сообразил наконец: с середины дня снег так и остался лежать нетронутым цельным покрывалом на земле и на крышах многочисленных зданий, уходящих в перспективе от окон директорского кабинета в дальнюю темноту, точно разрываемую только еле видимыми фонарями. А в невидимом окончании этой дальней темноты уже не слышались громкие звуки — грохот испытываемого в подземном тире ракетного двигателя, — ранее столь привычные, круглосуточные. Это-то понятно, но вот снег? Что его так задело? — Конечно же, *снег пролежал половину рабочей смены и не истоптан!* Вот что поразило его: завод-то пустой?!

Действительно, в прежние года, даже если стоял крепкий мороз, и снег, не переставая, сыпал и мел с утра до вечера, все равно, лавина рабочих, выходящих с первой смены, и чуть поменьше, но все одно густая заступающих в вечернюю, превращала этот снег в густую темно-серую массу, притоптанную местами до асфальта. А на на-

гретых рабочим теплом машин крышах цехов снег стаивал тотчас, не задерживался на них. А теперь не было ни людей, ни тепла работающих машин, ни рева стартовых ракетных двигателей. Индустриальная пустыня.

* * *

Старый директор, пристально вглядываясь в пустынную территорию завода, непроизвольно пригнул голову подбородком к груди, ссутулился в плечах, даже ноги в коленях подогнулись — чего он никогда, следя за своей осанкой, не допускал на людях. Как бы ни был крепок разумом и телом от природы, от правильного и размерного течения жизни, от ощущения своей значимости, незаменимости, пользы для людей и общества, человек преклонного возраста — все равно и тело его, оставленное без присмотра, скукоживается, съезживается и мысль уже не соколом взлетает и парит, с ходу принимая самые рискованные решения, но осторожно, тугодумно многожды перепроверяет саму себя, более всего не надеясь на собственную память, которая неохотно и скудно, медленно выдает из своего замшелого, но в то же время и бездонного хранилища нужные слова, факты, имена и образы минувшего.

Но и такой человек, если он не развалина в уже солидные годы от неумеренного сластолюбия и винопития, умственного нигилизма и эмоциональной распушенности, развращающего властолюбия и ущербного эгоцентризма, способен в критических ситуациях мобилизоваться и совершить полагаемое невозможным для человеческих сил в пожилом возрасте.

Посмотрите в свободную минуту повнимательнее за поведением (если таковой есть у вас) всеобщего любимца семьи: серого, полосатого или чернее ночи черного кота Ваську, Малыша или Мурзика, прожившего долгую — под полтора десятка и более лет — жизнь домашнего кота бок о бок со своими хозяевами. На глазах его выросли чудесным — для его восприятия — образом дети, некогда игравшие с только что принесенным котенком на равных. Уже в преклонных годах котовской жизни откуда-то начали приносить кричащих благим матом младенцев; на кота начали топтать ногами, дабы он не подходил к кроваткам-люлькам, как будто ему это надо, да его и палкой к вопящим младенцам не загонишь!

Вот лежит Васька весь вечер на сидении любимого своего, включая им же разорванного кресла, отдыхает от дневного сна, готовясь к крепкому сну ночному. Старый уже Васька, хотя на вид полный молодец: и шерсть блестит, усы вразлет, хвост трубой, глаза ясные, — но по комнатам в игривую минуту уже не носится, ступает осторожно, при любом громком крике или при шуме поджимает уши, опасливо косится. Старееет Васька, потому и полюбил отданное ему в пожизненное владение кресло. В этом бесконечном отдыхе что-то такое привиделось старому коту, приснилось, что молод он и ловок, а над его головой замерла на машущихся крыльях любопытная птичка (а это всего-то навега ожила среди зимы в натопленной квартире малая мушка и полетела по комнате). Забыл про почтенный возраст полосатый аксакал, мигом подобрался, сжался в единый мускульный комок и в единый миг взлетел почитай на два метра, ловко сцапав передними лапами малую мушку. А приземлившись, подумал: а что это я прыгал-то? Небрежно, по привычке лизнет раз-другой свой бока, свернется в клубок и снова задремлет.

* * *

Со снегом на заводском дворе и на крышах цехов все было ясно. Тоска; особо страшную тоску вызывал просматривавшийся обок слева длинный, полукилометровый главный цех сборки ракет. В добрые старые времена свет полыхал из сплошной стеклянной стены и стеклянной же коробчатой крыши всю ночь; тамошний конвейер

не останавливался ни на минуту. Раньше ему частенько приходилось летать на ближний полигон на заводском вертолете — площадка его, сейчас заваленная мусором, располагалась по другую сторону «директорского» корпуса. И возвращаясь затемно, оглябая областную центральную, раскинувшийся на предгорной уральской равнине, он еще издали отмечал в своем промышленном пригороде ярко светящуюся точку, которая по мере подлета растягивалась в сплошь горящий вытянутый прямоугольник, на фоне которого другие цеха, улицы и дома поселка казались подслеповатыми керосиновыми лампами. С яркостью сборочного цеха мог соперничать только металлургический завод в соседнем пригороде, но и то только в те минуты, когда очередная домна сливала шлак, озаряя багровым отсветом хмурое зимнее уральское небо.

Все было, все в былом. Даже металлургический, ныне с названием сплошь из аббревиатур — АК ОАО СП... и так далее,— сливает шлак как-то невесело: весь металл заберут нынешние заокеанские хозяева завода — гордости первых пятилеток, оставляя поселку только горы шлака, задымленный воздух и прокопченных металлургов, работающих почти задарма.

И химкомбинат, что по другую сторону от его завода, уже почти полностью перешел под контроль зарубежных; только пару цехов еще удерживает оборонное ведомство. А в самом городе, как чумой охвачены — остановлены почти все заводы и фабрики: почуявшие запах личной наживы, их директора с приближенными холуями с легкостью необыкновенной переписались во всевозможные АО и ЗАО. Каждый учредил при своем заводе по два десятка липовых кооперативов, через которые за два-три года подчистую распродал запасы сырья, металла, готовой продукции — все, вплоть до станочного парка (на металлолом). Рабочих выбросили на улицу, сами переселились в загородные виллы-замки о четырех этажах, поодевались в длиннополые бандитские пальто, уселись в «мерсы», а заводоуправления, что ближе к центру, сдали под частные торговые лавочки. Тьфу!

Как же мало надо, чтобы пробудить в человеке заразу наживы, индивидуального обогащения, образа жизни по принципу «человек человеку — волк»? — Надо только бросить клич: бери, что плохо лежит, отними у соседа, перережь ему глотку и завладей, а власть тебя же и охранять будет! И все, насмарку 70 лет борьбы с голодом и нищетой, разрухой и отставанием, неграмотностью и диким бескультурьем.

Вот, казалось бы, подняли страну с колен, выиграли самую свирепую войну, наконец-то накормили досыта, сделали людей и страну самой образованной и культурной в мире, загнали глубоко-глубоко в подсознание каждого инстинкты индивидуализма и наживы, а вот поди же... За считанные годы разрушили величайшую Империю мира с помощью своих «лютых друзей».

Нет и нет, размышлял медленно, но целеустремленно директор, разрушительное качество человека есть какой-то всеобщий биологический закон; стоит вожди отпустить — и вместо социального, заботящегося о своих гражданах государства получаем волчью стаю. Может, и вся сущность цивилизации, эволюции человечества состоит как раз в том, чтобы искоренять из практики общежития этот самый, первобытно трактуемый биологический закон борьбы за существование в форме «борьбы всех против всех»? — И направить его в нужное русло: борьбы *всех* против сил зла, разрушения.

Досадливо припомнился несостоявшийся его зятек. Засиделась, конечно, в девках до тридцати лет его младшая. Проворонила Светка лучшие годы за бесконечной учебой, аспирантурой и диссертацией. Теперь вот вторую строчит, а радости? — Потому и клюнула на своего несостоявшегося. С тем все понятно, подъехать к Евгению Михайловичу и «по-родственному» урвать, что можно, от завода, который, пожалуй, единственный и стоял в городе и области неприступным для торгашей и расхитителей бастионом былой мощи и государственности. Несчетно сколько раз подбиралось к нему разное жулье, свое заводское, областное и московское: дескать, приватизиро-

вать надо, выйдем на внешний рынок — сказкой жизнь заводчан сделаем! Знал он эту сказку даже не то, что по опыту других предприятий, но изначально знал, ибо обладал двумя базовыми качествами: нестяжательностью, что унаследовал от предков-старообрядцев, и мышлением государственника. И баста.

Заводских советчиков-подстрекателей безжалостно принудил к увольнению: идите и в палатки садитесь! Стройте микрокапитализм. С областными, и особенно, с московскими, было сложнее: который год держал глухую оборону, но постепенно обложили. Не мытьем, так катаньем, на измор брали.

Самым нахалом напоследок оказался несостоявшийся Светкин жених. Непонятно — а впрочем, понятно — чем он Светку прельстил, но Евгению Михайловичу достаточно было одного часового разговора с ним за домашней закуской. Для твердой убежденности даже на провокацию пошел: вкратце перечислил основные фонды завода, неликвиды, запасы сырья и металлов, где одна медь с титаном тянула на несколько сот миллионов этих самых вонючих долл^аров. Он всю жизнь свою так и выговаривал язвительно: «долл^ары» — с ударением на последнем слоге. У женишка на округлой физиономии расширились глаза, сглотнув слюну, потеряв от волнения контроль, даже сорвался на нынешний блатной язык: «Так это на несколько *арбузов* баксов* тянет?!»

Почувствовав, что выдал себя, жених загорячился и начал нести что-то возвышенное об общественной пользе предпринимательства: вот, дескать, ваш завод стоит без дела, а я кручусь круглые сутки, все своими руками и головой заработал, налоги плачу... «И копейку нищему в день воскресный подаю!» — в тон ему подтянул Евгений Михайлович, встал и, не прощаясь, ушел в свою комнату-кабинет. Больше он кандидата в зятя не видел.

* * *

Были такие моменты-затмения, в этом сам себе откровенно признавался директор, когда в голову приходила идиотская мысль: а может, и вправду это самое частное предпринимательство, бизнес окаанный, пользу приносит? Ведь худо-бедно люди чем-то заняты, а купцы-лавочники действительно «крутятся», как они выражаются.

Но в следующую же минуту он горько смеялся. Над собой: совсем к старости разум теряешь! Да, трудятся в поте лица лавочники, вся трасса от Москвы до Владивостока забита автофургонами: ядовитую «пепси» и гнилые сникерсы развозят. То, что раньше Госплан с несколькими тысячами сотрудников, горторги с сотней персонала, да группа в пяток снабженцев на двадцатитысячном заводе за сорокочасовую рабочую неделю делали, теперь полстраны населения гоношит.

Здоровенные парни по всей стране, вместо того, чтобы у станков, кульманов стоять, корабли и гидроэлектростанции строить, города в пустыне и тайге возводить, наконец, в экипажах атомных подводных лодок и авианосцев, в танковых дивизиях и авиаполках твердой рукой править подвластным нам полумиром... Вместо этого они бережно, как дитя малых, переносят из оптовок в багажники машин лавочников ящики с мерзейшим, напичканным консервантами баночным пивом.

В итоге, вовсе не изучая толстенные тома современных переводных книг с названием «Макроэкономика», Евгений Михайлович сам сформулировал два закона, в которые вся эта современная макро- и микроэкономика вмещается: «Закон авианосца» и «Закон сохранения суммарной энергии и интеллекта общества».

Первый фундаментальный закон был краток (как все гениальное) и разъяснений не требовал: в современной, глубоко интегрированной, мировой экономике господствует тот, кто получает право печатать денежные знаки в любом количестве, ничем

---

* На современном новоязе: как кусок — сотня долларов (рублей, марок...), штука или тонна — тысяча, лимон — миллион, так и «арбуз» — миллиард.

не обеспеченные и принимаемые в качестве оплаты всем миром; а это право имеет тот, у кого больше всех авианосцев.

Второй фундаментальный закон трактовался в том смысле, что для каждого социума, государства суммарная человеческая энергия и интеллект есть величина постоянная и определяется численностью населения и достигнутым уровнем развития, куда входит все: интеллект, наука, культура, промышленность, военная мощь.

Конечно, эта сумма неуклонно повышается с развитием общества, государства, но на каждый момент исторического времени («временной срез») она есть строго конкретная величина, в миг единый не может ни резко повыситься, ни резко упасть, то есть быстрым — по сравнению с эволюционным временем — может случиться только *перераспределение* внутри этой постоянной суммы по принципу: если где прибыло, то рядом убыло.

Это и есть идеология, движущий механизм навязанной нам «перестройки», то есть полного и методического разрушения государства. Действительно, если миллион-другой крепких мускулистых парней пошел в бандиты, то столько же крепких и мускулистых лишилась армия, милиция и спорт. Миллионов пять-семь по всей стране пошли лентяйничать в охранники — от обычных школ и автостоянок до банков и личных персон главбандитов, чиновников высшего ранга и вплоть до эстрадных (безголосых) «звезд» и модных столичных портняжек, — то столько же бравых дембелей лишились опустевшие цеха заводов, завершившихся на нулевом цикле строек. Полстраны ринулось в мелочную торговлю — вся промышленность и строительство в стране замерли. Ту же антипараллель можно провести и для перекачки интеллекта из сферы полезной для общества в прямо противоположную. Резюме: вроде бы жизнь и кипит вокруг нас, особенно в больших городах, энергией, кажется, сам воздух пронизан, но это уже не энергия государственного созидания, а хаотическая энергия разрушения! И никакой современный агитпроп это не опровергнет.

Еще один существенный момент. Тот же достопамятный Павлуша-жених на заре своей трудовой деятельности работал после окончания Уральского политехнического по распределению в нашем городе в оборонном НИИ. Так и Павлуша, и — по житейским наблюдениям Евгения Михайловича — другие торгаши-спекулянты, предприниматели-обиратели в голос стараются объяснить, что-де их уход в торговлю есть вещь вынужденная, а так они до скончания века трудились бы на госпредприятиях, да «государство перестало платить зарплату, а есть что-то надо, вот и ринулись в челноки, в палатки» и так далее до бандитского трудоустройства. Это переворачивание с ног на голову, очевидно, нужно им для самооправдания; все же великая вещь воспитание в течение нескольких поколений! — Уже никто и не требует этого самого оправдания, а что-то совестливое «почти что» на подсознательном уровне осталось у самых отъявленных воругов, торгашей, банкиров-кровососов.

А оправдания эти — для дурачков-простачков. Еще и работа на всех была, и зарплату исправно платили, и в «верхах» твердили вовсе еще не о капитализме, а, наоборот, о качественном улучшении социализма. «Меченый» распаялся, а народ попер валом в кооператоры, мешочники-челноки и прочие лавочники. Троянским конем, подсунили народу и государству химеру частного предпринимательства, освободив самые низменные инстинкты, в том числе накопительства и индивидуализма.

Это не в теории, на примере собственного завода директор воочию наблюдал: в отдел кадров ворохом сыпались заявления «по собственному». Работяги еще держались, а вот всякая прослоечная братия... Все-таки есть смысл (и основательный) в определении «гнилая интеллигенция»! Прежде всех, конечно, ринулись в Турцию за бараклом бабы. За ними потянулись в кооперативы мужики помоложе, поздоровее. И пошло-поехало. Так, что неча на зеркало пенять, коли рожа крива. Понятно, конечно, не мешочники-кооператоры разрушили основу государства-индустрию. Разруша-

ли — умно и целенаправленно — могущественные силы, но одними своими силами они бы этого не сделали. По крайней мере так скоро. Им нужна была армия мелких исполнителей, которые, как жуки-короеды, подточили бы своей массой основание ствола государственности. И такую армию они нашли, ловко использовав темные биологические инстинкты индивидуализма и накопительства.

А представь иную ситуацию: несмотря на зазывы и прямое (по телевидению) подстрекательство, массово бы люди не стали уходить со своих рабочих мест? — С коллективом размером с население СССР агентам влияния было бы сложно справиться, а?

* * *

Часы внушительно, но негромко пробили семь. Пора и собираться. Позвонил в гараж:

— Николай, давай заруливай. Когда подъедешь — не утруждайся, не поднимайся, звякни по внутреннему.

Минут пять-шесть в запасе еще было, а Евгений Михайлович по заведенному жизненному ритму не позволял даром проходить ни одной минуты. Опять же любил ставить точку в любом, даже мимолетном деле. Чтобы завершить малоприятные воспоминания о несостоявшемся зяте, вспомнил еще один его «тезис»: дескать, вот-вот минует дикая стадия капитализации, наступит правильная жизнь. Роль государства в его распределительной функции займет серьезный предприниматель. Ну-у, себя, конечно, обижать не будет, зато благотворительностью широкой вмиг положение простого люда исправит, культуру поднимет и на соцбыт останется... Весь мир развитый так живет и не тужит!

Это в каком же бредовом сне, Павлуша, тебе этакое приснилось? На каком-таком развитом Западе, где за цент-пфенинг удавятся, мать-отца родных продадут, увидел ты благотворительность? Действительно — директор в отличие от Павлуши, кроме турецких барахолок ничего не видевшего, объездил по делам завода полсвета, — всяких фондов там тьма-тьмущая. Но мало кто из наших павлуш задумывается: откуда они взялись, и как они «благотворят»? А взялись по той причине, что это только у нас директивно возвращают «олигархов»-миллиардеров, а на зрелом Западе сверхбогатство в личном пользовании не в почете: и на государство такой сверхбогач может поплевывать, а глядишь, как Бен Ладен, восплачет идеей и начнет американские посольства по всему миру на воздух пускать. Потому там и установлен жесточайший налог на наследство: чтобы наследник не почивал на папашинем капитале, а крутился и вертелся, работал день и ночь, укрепляя мощь государства. — Государства! Не свою... С наследства в миллион долларов налог составит львиную долю этого несчастного «лимона», а за миллиардное наследство так и сам должен станешься...

А чтобы наследник не начинал с нуля, а имел солидный стартовый капитал, и придуманы фонды, с которых налог почти не берется. Основал фонд, завещал ему капитал, а директором-распорядителем пожизненно сынок-наследник. И на безбедное житье-бытье хватает, и уставный капитал фонда не возбраняется в деловой оборот пускать. Но зато денежки эти уже не пропьешь-прое..., на дело исламской революции не отдашь, они на государство работают — опосредованно, через персону того мистера-твистера, что якобы «владелец заводов, земель, пароходов»...

Конечно, малая толика от процентов на проценты уставного капитала идет и на благотворительность, о которой с восхищением говорят гадноватые павлуши, но это вовсе не русский обычай копеечкой-рублечком оделять немощных и убогих по случаю воскресенья. Опять же за каждый выданный благотворительным фондом (Сороса, Мак-Артуров и пр. и пр.) цент он, а в его лице, в конечном счете, государство, получит прибыли на доллар; лучше на два.

Самый распространенный тип фондов — финансирование научных инициатив. Прибыль — несоизмерима с благодеянием. Другой фонд поощряет насаждение «американского идеала» в мало- и среднеразвитых странах. Всем известен фонд Сороса; тут и клейма ставить негде.

Так что, Павлуша, надо и немного думать, когда что-то хочешь сказать!

Единственно где в мире и была самая настоящая благотворительность, так это в России эпохи капитализма, то есть начиная с купцов из пьес Островского и заканчивая Третьяковыми, Мамонтовыми, Морозовыми. Да и то в силу совершенно исключительных обстоятельств, обязанных властолюбивому патриарху-мордвину Никону. Все что было сильного духом и крепкого телом на Руси, ушло в старообрядцы. Кому как ни директору было это знать, ибо сам он происходил из волжских старообрядцев-поповцев (то есть имевших свои церкви в городах, а главное — своего главу, архиепископа Новозыбковского* и Всея Руси). Последующие за Никоном патриархи, а далее Священный Синод, до самой революции жесточайше стремились искоренить древлеправославных. Кстати, потому с таким восторгом старообрядцы (не сибирские скитники, а жившие в европейской России) восприняли советскую власть. И она их не трогала.

Так вот, ревнителям древлеправославия был закрыт путь в науку, в образование, в государственную службу, даже военная карьера была закрыта. В то же самое время это были наиболее трезвые, умные, энергичные и рачительные люди России. Единственно, где они могли найти приложение этим качествам, была промышленность и торговля, как занятия малопrestижные в те эlegantные времена... А тут подошла капитализация России, а старообрядцы оказались волею судеб вершителями промышленности и экономики Империи. Именно им-то Россия обязана тем, что к концу XIX века она стала индустриальной державой, сравнявшись с кичливой Европой.

А здесь начинается, вернее продолжается, самое интересное. Воспитанные многими столетиями качества бескорыстия, отрицания сребролюбия, жажды наживы, обостренное чувство государственности вступали в явное противоречие с деятельностью, где без больших денег не обойтись. Эти деньги жгли им руки, они стыдились своих гигантских капиталов. Отсюда и их вечная душевная неустроенность, блестяще отраженная в творчестве Островского, Горького, Мамина-Сибиряка, Вяч. Шишкова. Кто-то, сломавшись, ринулся во все тяжкие, как герой «Угрюм-реки», кто-то «цивилизованно» обогащал отребье Парижа: салонных проституток, лакеев в ресторациях, третьесортных актеров. Но большинство весь свой сверхдоход употребляло на разумную, полезную людям и государству благотворительность. Так по всей России возникли тысячи храмов и сотни монастырей, опера Мамонтова и галерея Третьякова. Даже революционерам «субсидии» доставались. Тоже государственное дело... Ведь царь был исконным врагом старообрядчества, им нужно было социально ориентированное государство коллективизма, что позже назовут советской властью.

А вот представить меценатство нынешней интернациональной сволочи? — Бред!

В тишине опустевшего завода директор услышал шум машины за окном: Николай подогнал верную «волгу», полтора десятка лет верой и правдой служившую Евгению Михайловичу. Он подошел к угловому шкафчику, накинул шарф, надел пальто и совсем не новую пыжиковую шапку, ровесницу подъехавшей машины. Застегивая пальто, он усмехнулся. Совсем пообносился и в прошлом году с супругой как-то отправился на городской рынок купить зимнее пальто; жена объяснила ему, что сейчас нет понятия «ходить по магазинам», все — от колбасы до верхней одежды продается на толкучках.

Однако подобрать себе он ничего не смог: только длинные бандитские пальто на

---

* г. Новозыбков Брянской области; сейчас — архиепископ Геннадий.

рыбьем меху, да какие-то куртки, крикливо разукрашенные бесчисленными молниями, карманами, какими-то надписями латинскими буквами двухдвоймового размера. Однако выручила дражайшая его Любовь Васильевна. Была она бодрой и еще молоджаво смотрящей женщиной, которой редко кто мог дать ее истинный возраст, а была она на десять лет моложе Евгения Михайловича; а по этой причине память у нее, особенно на бытовые дела, была превосходной. Она порылась на антресолях — квартира директора располагалась в доме старой постройки — и вынесла пальто, померив которое с видимой неохотой, Евгений Михайлович пришел в полный восторг: китайское пальто, скроенное в китайском же индпошиве тридцать лет назад из добротного материала, оказалось и по фигуре, и по фактуре; покрой и фасон отвечал самой свежей моде на добротную и солидную зимнюю мужскую одежду, гармонировало и со старым пыжиком. Получив одобрение, Любовь Васильевна отнесла пальто к знакомой портнихе кое-что обновить и «подсовременить», а в первый же морозный день даже по-женски наблюдательная Надежда Георгиевна ошиблась и поздравила шефа с обновой.

— Дорогая, наверное, вещь? — поинтересовалась она на правах давней сослуживицы.

— Дорогая... как память, — усмехнулся Евгений Михайлович.

С этим пальто, привезенным директором тридцать с небольшим лет назад из полугодовой командировки в Китайскую Народную Республику, где незадолго до того, как Никита испоганил отношения с Мао, он участвовал в технологической отладке нового цеха военного завода, также связана занимательная история. Однако времени на обстоятельное воспоминание уже не оставалось, а наскоро, скомканно он не любил даже вспоминать.

Директор протянул руку к выключателю, готовясь погасить свет в кабинете, но в этот момент внутренняя тамбурная дверь медленно стала открываться, сопровождаемая легким предупредительным покашливанием. Так и в такое время к нему могли входить только немногие, с кем его связывала долгая совместная работа, переросшая не то что в дружбу, но в необходимость и постоянных ссор, и не менее постоянных примирений, словом — езды в одной упряжке.

* * *

Действительно, в полуоткрытую дверь просунулась билиардная лысина Алексея Финогеновича. По знаку хозяина он и полностью вдвинулся в кабинет. Отпущенный в отпуск главный металлург был в пальто, но в незастегнутом и без шарфа. Шарф и шапку он держал в руке. Такая форма одежды означала, что зашел он к директору не на халяву прокатиться на машине до дома, а погутарить, расслабиться. По позднему времени и одежду захватил, чтобы к себе в цех не возвращаться. Кроме шапки и шарфа в руке была матерчатая сумка с неопределенным на взгляд содержанием.

— Можно, господин директор? — поддразнил металлург. Судя по легкой испарине на лысине и клюквенному румянцу на расправившихся морщинах лица, он уже наскоро успел отметить вырванный зубами отпуск в родном коллективе.

— Заходи, заходи, Финогеныч! А я думал, что ты уже в минском поезде на всех парах мчишься.

— Полно тебе, Михалыч! Всего-то две недели и выпросил. Вот у самого правнук будет, так, небось, бросишь завод и помчишься на край света повидать. Тем паче — ха-ха! Заграница ведь, мать ее ети... Глядишь, завтра туда, как в Америку, придется ездить: визы всякие, загранпаспорта, долларов мешок на одну дорогу.

— Так вроде, наоборот, теперь у нас союз с Белоруссией?

— Хм-м, смотря какой: *союз да не Союз*: не будет никакого союза, не для того Союз разрушали!

— Ладно, ладно, проходи, скидывай архалук свой, садись, махнем по рюмахе за правнука.

Директор и сам снял уже застегнутое пальто, хотел сбросить на стул, но, не терпя неопорядка, все вновь развесил-положил в угловой шкафчик, туда же указал и металлургу. На раздавшийся по местному телефону звонок ответил, что-де ты, Николай, поезжай домой, не жди, я дежурную вызову. Дав отбой, чуть помедлил и позвонил домой:

— Васильевна! Что? А, с грибочками пирожки — отравить задумала... Шучу, шучу. А я задержусь ненадолго, надо с Финогенычем инструктаж провести, ведь аж в за-границу едет, старый!

— Я не насчет правнука тебе завидую,— плавно продолжил он прерванный разговор.— А ты меня тоже пойми: сам знаешь, что теперь нам металла для оболочек движков никто уже поставлять не будет, все металлокомбинаты ныне не на государство работают, а за чистоган. Это у нас сейчас самое узкое место. Будем, как в Китае, во время «большого скачка» все сами делать... Глядишь, и доменку свою на хоздворе сложим.

— Тебе все смеяться. Да не получится у нас и скачка; Китаю он только на пользу пошел, а у нас сам знаешь, чем закончится.

Евгений Михайлович между тем открыл дверцу холодильника, встроенного в сплошную — во всю стену — шкаф-стеллаж, нагнул, рассмотрел содержимое.

— Ты, Михалыч, свой коньяк-то не доставай, от него одна изжога. Я свой фирменной принес. И закуска у меня, не в пример твоей магазинной, полезнее для организма. Дай-ка пару рюмок, тарелки с вилками и хватит. Хлеб тоже есть.

Алексей Финогенович выложил из давешней сумки на журнальный столик в углу комнаты перед диванчиком припасы: бутылку с отсвечивающей золото-коричневым жидкостью явно немалого градуса, заранее порезанный домашний окорок, который разложил в тарелке, малую буханку «бородинского», а в другую тарелку вывалил из баночки порезанную кусочками селедку, густо отсвечивающую жирком.

— Прошу!

— Ты из чего гонишь ее, а, Финогеныч? — директор рассматривал на свет рюмку с налитой водкой, которая лучисто вспыхивала при покачивании.

— Гонят, Михалыч, самогон на продажу, а это ржаное вино тройной перегонки, настоящее на ореховой скорлупе. Сто двадцать дней цикл изготовления! В восьмидесятом году, помнишь замначальника главка Жаворонкова? — За пару презентованных бутылок этой вот водочки подписал мне у министра заявку на 105-ую машину! Знаешь ведь, до сих пор из нее железяки разливаем.

— Ну, будь здоров, Михалыч! Как вернешься — за дело, а пока на правнука съезди порадоваться.

* * *

Повторили по полрюмки, закусили домашним харчем, к которому Евгений Михайлович добавил-таки кой-чего из директорского холодильника.

— Будем о делах говорить? — прожевав кусок ветчины, поинтересовался металлург.

— Это как в анекдоте что ли: на работе о бабах, а за бутылкой о работе?

— Поздно нам уже о бабах, хотя у тебя вот и зубы почти все свои, шевелюра опять же, а в своем ново-старом китайском макинтоше и вовсе на банкира средней руки смахиваешь. А бабы сейчас, независимо от возраста, только на такой антураж и обращают внимание!

— Эк тебя понесло с выпивки. Нет, ни о бабах, ни о делах говорить не будем; баб нам своих хватит до шопеновского марша, а дела, как всегда, хреновые. Чего о них говорить?!

— Да-а-а. Как думаешь, директор, к чему готовиться? Ведь рано-поздно к акционированию принудят, либо в банкротство, в опеку опишут. Куда ни кинь — всюду клин.

— Сам знаешь, Финогеныч, стою и держу круговую оборону. Теперь понимаю панфиловцев и Матросова. Даже без преувеличения.

— Вот ты скажи мне, как старому сотоварищу: веришь, что выкрутимся, снова заработаем на полную мощность?

— Спроси, Финогеныч, что полегче. Пока твердо знаю одно — что из нас хотят сделать. Про ракеты — забыть. В лучшем случае сборку южнокорейских дешевых легковушек, но вначале — все разворовать, разрушить, разогнать остатки квалифицированных кадров: на ширпотребовском конвейере нужны дебилы с умением всю смену одну и ту же гайку завинчивать.

— Слушай, у меня давно мысль созрела, только не кричи, не верти пальцем у виска... а ведь твой кабинет наверняка с прослушиванием?

— Ты, Финогеныч, лучше книжки, классику по вечерам читай, а не в теляшник этот... смотри! Ишь, что придумал: подслушивать! Да что тут подслушивать? — Как материмся, деля тришкин кафтан, как на полный мизер хоть тыщонку-другую рабочих удержать, за топливо для котельной и электроэнергию хоть что-то заплатить? А что касается техники, то на наши изделия давно уже полные комплекты техдокументации, техпроцессов, да с действующими образцами давно проданы за тридцать три сребреника ловкачами из Москвы. Да и у органов денег нет на подслушивание, сами на бензин для оперативок экономят.

— Да я не о них, органах твоих, я о бандитах.

— А-а, это дело другое, хотя сейчас трудно разницу уловить между всеми, кто на наше добро зарится. Однако, вряд ли, у нас не банк. Так что выкладывай свой план «Б1».

— Зря, Михалыч, смеешься. Надо все предусматривать, когда сволочь лезет нахрапом. Ты войну где встретил, то есть начало ее и первый год?

— Известие встретил в пионерском лагере — вон, где химкомбинат сейчас стоит, раньше был лес, а в нем лагерь от станкостроительного, где отец работал.

— Да-да, ты говорил. Запомывал. А я вот в детдоме под Минском впервые услышал, как фугаски полутонные рвутся. И эвакуировали нас в самый последний момент. Детская память цепкая, помню, как наши войска отступали — не по книжкам и фильмам знаю. Так вот, взрывали и минировали что можно, вернее, что успевали. Чтобы врагу не досталось!

— Ты что, предлагаешь завод перед акционированием взорвать? Ну-ка, разлей остаток по рюмкам, выпьем — закусим, а потом я посмотрю: о чем речь поведешь.

Алексей Финогенович принял рюмку, закусил селедкой, от директорского суджука отказался:

— Не понимаю я вкуса в этих копченостях: твердые как камень, ни вида, ни вкуса. Резина какая-то с перцем. Так вот, я не рехнулся вовсе, а продолжу. Ты слушай и наматывай. Минировать, конечно, дело несерьезное. Во-первых, взрывчатки у нас нет, даже ракетное топливо, сам знаешь, только на опытные образцы поставляют. А в этом квартале и вовсе — фиг вам! Во-вторых, завод-то пока не совсем пустой; ковырнет где ломиком работяга — и пиши похоронку, а нам с тобой, на радость будущим хозяевам, на баланду до конца жизни. Хотя, конечно, ради правого дела лично я готов и на это. Но — малоэффективно. Только на руку кому надо сыграем.

Нет, ты опыт работяг из Выборга на вооружение бери. Надо готовиться загодя к обороне завода. Для начала из самых надежных создать штаб, человек пять-шесть, не больше. Желательно из главных специалистов, их замов. Каждый возьмет свое направление, соответственно ему будет формировать свои группы. В решающую мину-

ту — твое обращение ко всем работникам завода, жителям поселка — грудью встать на защиту...

— И баррикады из списанных станков навалим, вахтеров с револьверами на крыши посадим, ракеты из комплектующих сварганим и начнем бомбардировку банков в городе, — в тон ему продолжил директор.

— Тьфу ты! Я ему серьезно, а он... Подожди, подожди... До девяносто третьего тоже дикой фантазией считали, что кантемировцы из танков будут лупить по Дому Советов. А как обернулось? Ну, ладно, когда созреешь, может и мои слова бредом не покажутся. Что ж, водочку допили, дай-кось я тарелки-то в холодильник поставлю. Туда же, — он подмигнул директору, — и непечатую бутылочку моей ржановки, — Финогеныч достал из похудевшей сумки бутылку и поставил в холодильник.

Директор позвонил в гараж, приятели вышли из корпуса, сели в дежурный «уазик». Высадив главного металлурга — жил он в своем доме на окраине заводского поселка, — дружески пожал руку, до встречи, мол, — велел шоферу трогать. Через полчаса он уже сидел на кухне за запоздалым ужином. Любовь Васильевна уговорила-таки. Зашла за чашкой кофе дочь. Опять полночь будет сидеть за своей диссертацией.

— Светка, ты в революцию веришь? — спросил он. Все-таки в домашнем тепле хмель его разобрал, потянуло на разговоры. Однако у дочери в голове сейчас было иное:

— На данном этапе? Это под чьим же знаменем и за какие идеалы? А движущая сила, конечно же, героический пролетариат? Так пролетариат, к сожалению, папа, по ларькам ночными сторожами расселся. Знаешь новые слова старой песни: «Вот они расселись по ларькам».

Евгений Михайлович со всегдашним восхищением посмотрел на дочь: и умна, и красива, по домашним делам руки где надо приделаны, а поди же — без мужа. Может мужики ее просто боятся? Они ведь не любят, чтобы жена в чем-либо превосходила, а здесь превосходство будет полное.

Светка ушла в свою комнату, а на ее место пришли Барбос и Полосатый, явно в споре друг с другом. Полосатый, потершись дружелюбно о ноги хозяина, вспрыгнул на форточку и что-то усиленно начал рассматривать в начавшейся поземке. А беспородного — с намеком на овчарку — Барбоса уже одевшаяся Любовь Васильевна увела на вечернюю прогулку.

Потеряв собеседников, Евгений Михайлович, захватив стакан чая с лимоном, пошел в свой кабинет, который оборудовал еще двадцать лет тому назад во время капремонта старого дома, построенного в тридцатых годах при для «техэлиты». Он по-хорошему побеседовал с прорабом и архитектором, в результате чего в квартире появилась комната-фонарь, отделенная от большой комнаты портьерой и выходящая за стены дома треугольным балконом, естественно, застекленным. Обе стены были сплошь закрыты стеллажами с книгами, перед треугольным окном стоял рабочий стол, а возле портьеры уютный диванчик и большое кожаное кресло.

Директор сел за стол, включил настольную лампу, погасив верхний свет. Шторы на окне он не задвинул.

Настольные часы — подарок к 50-летию, показывали половину девятого. «Еще не вечер», — усмехнулся непонятно чему Евгений Михайлович. Подумал, включил торшер и погасил настольную лампу. Тянуло прилечь после долгого и муторного от многочисленных и бесполезных телефонных звонков в Москву и Ленинград (новое старое название он категорически не признавал) рабочего дня, от тройки рюмок крепкой «ржаной» Финогеныча, от приятного послеужинного тепла в желудке.

Еще раз усмехнулся, вспомнив разговор с главным металлургом, а раз вспомнил, то отыскал на верхних полках, в самом заброшенном уголке малоприметную книгу «Обуховская оборона», которую ему подарил давным-давно ее автор — профессор из

Ленинграда, с которым он сдружился, проводя отпуск в Гурзуфе. Профессор был военным историком и даже имел полковничий чин. Где-то он сейчас? Не совсем интересные для него, но даренные с автографом книги директор ставил на неудобные для пользования верхние полки.

Прилег на диванчик, открыл книгу. Шрифт был мелким, не хотелось вставать и идти к столу за очками, поэтому рассматривал старые фотографии; книга была богато иллюстрирована. За этим интересным делом и задремал под мягким торшерным светом.

* * *

Троекратно громко и басисто прозвучал в утреннем мареве заводской гудок; ранее он включался только во время учений по гражданской обороне, да и давно эти учения уже не проводились. Члены штаба обороны, заседавшие в кабинете директора всю ночь, встали со стульев, похватили лежавшие внавалку на диване пальто и шубы и, на ходу одеваясь, побежали по узлам обороны. Кроме хозяина в кабинете остался начштаба — Алексей Финогенович.

— Зато сейчас не до смеха,— директор с ненавистью посмотрел на названивающий без умолку телефон. Поднял и хлопнул о рычаги трубку. Телефонная игра окончилась.

— Ты давай координируй, а я на наблюдательный пункт,— директор подошел к угловому шкафчику, надел полюбившееся ему китайское пальто, на пороге внимательно оглядел кабинет, махнул рукой и вышел. В приемной строгая и сосредоточенная Надежда Георгиевна сортировала, стоя у открытого шкафа, папки с документами. Наиболее важные она складывала в большой, явно снарядного образца, ящик, принесенный работягами из тарного цеха.

Кроме секретарши, в приемной сидели несколько молодых инженеров, одетых в спортивные куртки, кроссовки и черные вязаные шапки-чеченки. Это были прикомандированные к штабу порученцы. В руках они держали мобильные телефоны, изъятые у главных специалистов завода. Евгений Михайлович молча кивнул им и вышел из приемной. Вслед ему поднялся и ушел шофер Николай, на этот раз в роли телохранителя.

Проскочив два заводских проулка, машина подрулила к зданию военизированной пожарной части; она обслуживала весь поселок, но размещалась на территории завода, ближе к выездным воротам. В сопровождении Николая и начальника ВПЧ директор поднялся на площадку пожарной вышки.

Серый декабрьский сумрак утра уже переходил в рассеянный видимый свет. Подъездная к проходным дорога была перед заводской обширной площадью перекрыта грузовиками с кузовами, заваленными битым кирпичом, стружкой и прочим тяжелым хламом. По заснеженным пустырям вправо и влево от дороги тянулись перпендикулярно ей сколоченные из сажених чурбаков «ежи», между которыми выделялись ржавчиной на белом снегу скрученные из колючей проволоки спирали Бруно диаметром с рост среднего человека. Сама заводская площадь была пустой, но за грузовиками с мусором толпились две сотни одетых в камуфляж здоровых мужиков в натянутых на головы масках с прорезями для глаз. А далее по шоссе в ряд с интервалами тянулась вереница машин, преимущественно иномарок. Около них стояли, переговаривались, переходили от машины к машине люди в длинных черных пальто и без шапок.

Директор поднес к глазам бинокль, внимательно рассмотрел штурмующих. Братва в камуфляже автоматов не имела, но правые руки держала в карманах.

— Смотри-ка,— прочитал его мысли Николай,— даже без ОМОНа обходятся. Уже и свои воинские формирования!

Евгений Михайлович перевел визир бинокля на иномарки и скоро отыскал Павлушу, назначенного председателем совета директоров новой АК ОАО СП «Карпу-

хинские метизы». Пугаясь в длинном пальто, он суетился между группками соратников-банкиров и членов директората, не отпуская при этом мобильного от уха.

Из этой же группы раздался усиленный мегафоном зычный голос: «Господа служащие и рабочие, уважаемые акционеры! Согласно постановлению № 666 от... Карпухинского районного суда на основе решения № 999 Комитета по приватизации вы обязаны в получасовой срок разблокировать подъезд к предприятию и покинуть территорию завода. О сроках возобновления работы завода будет сообщено дополнительно. В случае вашего отказа и на основании решения суда мы будем вынуждены силой занять территорию завода. Будьте разумны и подчинитесь закону!»

«Лучшая оборона — наступление, — по-суворовски громко сказал директор, — была оборона Обуховская, станет и Карпухинская! Начинай», — отдал он команду в мобильник. В наставшей после мегафона тишине заскрежетали автоматически открываемые главные въездные ворота обок центральной проходной. Наступавшие, не ожидавшие такого удивительного послушания, на миг оцепенели. В этот же миг машины-баррикады, стоявшие плотно друг к другу и кабинами к заводу медленно тронулись, въехали на заводскую площадь, разъехались вправо-влево, открыв проезд к воротам. В бинокль лиц водителей в бронированных кабинах с танковыми триплексами видно не было.

Чуть помедлив, но, видимо, получив команду от длиннополых, камуфляжники нестройно двинулись к воротам, в руках у них внезапно появились дубинки, а топорщащаяся одежда выдавала наличие бронжилетов.

Вслед за бойцами медленно тронулись и иномарки со спешно усевшимися в них длиннополыми.

Бойцы входили в ворота настороженно, жмурясь от яркого прожекторного света, бывшего им в глаза и не позволявшего видеть перед собою более чем на несколько метров. Когда вертящие головами и дубинками камуфляжники вошли в ворота, те так же медленно затворились. Прожектора погасли, раздались вопли и мат-перемат: две сотни охранников оказались в западне: сзади пятиметровые стальные ворота, слева и справа глухие торцевые стены здания проходной и склада, а впереди проход между этими постройками был перегорожен решеткой, сваренной из стальных швеллеров и обмотанных колючей проволокой. А за решеткой на расстоянии пяти метров была навалена в полтора человеческого роста вал-баррикада из легкого мусора. В левом от ворот углу стояла свежесколоченная из неоструганных досок будка сортира, на двери которой черной краской было крупно написано: «Добро пожаловать».

Тем временем снаружи ворот, прежде чем те замкнулись, иномарки уже успели въехать на площадь перед заводом, а в момент, когда ворота начали задвигаться, грузовики с бронекабинами сделали маневр с разворотом и вновь вышли на шоссе, плотно сомкнулись и замерли, но теперь уже кузовами к заводу. Из кабин вышли водилы и, посвистывая, направились в сторону поселка. Они свое дело сделали. Ключи зажигания они прихватили с собой, а для верности прокололи заранее припасенными шильями все камеры.

В течение последующего получаса гремели pistolетные выстрелы бойцов; стрелять им приходилось только через решетку в баррикаду-пулегаситель, ибо ворота и стены давали рикошет тупомордым pistolетным пулям. Павлуша орал благим матом в мегафон, грозя чуть ли не танки НАТО вызвать. Надо отметить, что мобильники нападавших перестали работать с момента открытия ворот. Только, предчувствуя победу, Павлуша успел доложить «наверх» о сдаче завода, как связь перешла в сплошной треск. Это умельцы из ЦИЛ^{*} включили направленный на площадь генератор-глушилку на частоте 915 мегагерц, на которой в их местности работали мобильники (на территорию завода излучение не попадало).

---

* Центральная измерительная лаборатория.

Когда у бойцов закончились патроны, а у Павлуши пропал голос, они впервые за все время боя задумались. Что делать? В городе, получив донесение, полагают, что их команда уже взяла под контроль завод, выгнала руководство и работяг, ведет учет материальных ценностей и прикидывает продажные суммы, а ночью закатят пьянку с бабами на отвоеванной территории. Отсутствие же связи объясняли техническими неполадками в местной сети «Инкомлайна».

Директор тем временем спустился с вышки, пешком дошел до заводоуправления, поднялся к себе.

— Сводку погоды уточнял? — спросил он первым делом у начштаба. — Хорошо. Люди по местам?

— Так точно, товарищ директор!

— Хм-м, давай-ка, пока затишье, перекусим чем бог послал.

Оставшись без связи, Павлуша, одумавшись, послал двух здоровенных шоферов из иномарок. Они, матерясь, по пояс в снегу, обогнули заслон грузовиков и резво пошли по шоссе, скоренько одолели полкилометра до въезда в поселок, вошли в него по центральной улице... и пропали.

Долгополые замерзли и расселись по машинам. Бойцы за воротами скинули промерзшие бронешилеты и мрачно, молча топтались. Некоторые согрелись куревом.

Прошло два часа. Директор послал на вышку дежурного, сам же, выключив все телефоны, проводил оперативное расширенное штабное совещание.

* * *

Осажденный коллектив поочередно обедал в заводской столовой.

Не дождавшись подмоги, Павлуша послал следующую пару. Та тоже исчезла. Под вечер, поскольку шоферов уже не оставалось, послали двух самых молодых банкиров. Таким же маршрутом они дошли до поселка, пошли два квартала по главной улице и, увидев легковушку с водителем, скоренько сторговавшись за двадцатку баксов доставить их в город. Матерый водитель газанул, но уже через двести метров мотанул в проулок («Здесь быстрее, угол срежем»), а в проулке резко свернул в открытые ворота и остановился у подъезда здания с вывеской «Баня». Тотчас набежали здоровенные мужики, вытащили банкиров, завели в предбанник, раздели и запустили в общий зал, прикрыв дверь на засов. В моечном душном зале среди шаек и мочалок сидели на мраморных лавках шофера (двое уже храпели), пили водку и закусывали солеными огурцами.

— Садись, братва! Штрафную вам! — весело приветствовали они вошедших.

* * *

К ночи мороз двинул к тридцати. Павлуша вышел из машины, размахивая большим белым носовым флажком. Евгений Михайлович, зашедший с общей проверкой на вышку, не видел пока в темноте экс-зятя, но в глаза бросилось пламя в коробке за воротами: пытаюсь хоть как-то согреться, бойцы подожгли деревянный сортир. На морозе сухие доски ярко полыхали, стреляя брызгами. Стоял непрерывный треск в замороженном воздухе, красное пламя полыхало отсветом в полнеба.

— ...Вставай же! — будила его супруга, уже одиннадцать, переходи в спальню.

Евгений Михайлович разомкнул глаза; прямо перед ним в незашторенном окне-фонаре полыхал в полнеба отсвет сливаемого на окраинном металлургическом заводе шлака. Характерный треск вываливаемого на морозную землю шлака поглощал все иные звуки города.

— Ну, проснулся?

— Еще не вечер, Васильевна, еще не вечер...

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

ДОЧЬ РЫБАКА: РАССКАЗ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА

В конце пятидесятых годов Хаапсалу был местом дислокации воинской летной части.

Я, тогда студент четвертого курса одного из московских вузов, поехал навестить свою кузину, или, говоря попросту, двоюродную сестру. Она была замужем за офицером, и кочевая жизнь военного человека забросила ее семью в Эстонию. Ее муж служил в этой воинской части.

Выйдя из поезда в Таллине, подивившись на крепость Вышгорода, нависшую над привокзальной площадью, я сел в автобус и покатил в вышеназванный эстонский городок.

Для меня, жителя большого русского города и советского человека, никогда не покидавшего пределы этого самого города, за окном автобуса все было внове. Автобус выехал из Таллина узкими европейскими улочками, мимо домов, не по-нашему увитых вьющейся зеленью, и помчался, оставляя позади хутора и земельные участки, по меже разделенные рядами валунов, кирпичи, ничуть не похожие на наши разноцветные и праздничные православные церкви.

Все было не как «у нас». В автобусе говорили на непонятном языке. Лишь изредка слышалась русская речь. Потом я узнал, что Хаапсалу был сугубо эстонский город. Русские там были только военные да родители русских детей, лечившихся в местном курорте грязями от костного туберкулеза. Впечатление иного государства, «за-границы», для человека, никогда не бывавшего в настоящей загранице, было вполне реальным.

Автобус мчался и мчался по плоской эстонской земле мимо полей, перегороженных валунами, маленьких городков и мыз, хуторов, и спустя несколько часов остановился на площади под названием Выйт в самом центре Хаапсалу.

Сестра с мужем, майором, и сыном жила в отдельном доме, тоже увитым зеленью. Зная, что еду в «Европу», имел я при себе желтой кожи чемодан, занятый у знакомых, и был одет в костюмную пару с галстуком, который только мешал мне в дороге. Ботинки были в безукоризненном порядке. В грязь лицом я не ударил. Сестра придиричиво оглядела меня и осталась довольна моим видом. Они уже два года жили в Эстонии, стали европейцами и старались «держаться марку».

Мне отвели маленькую комнату, выходившую окнами в полисадник, с кроватью и столом у окна.

Как водится, выпили «со свиданьем», и я был, за совершеннолетием, предоставлен сам себе.

Прежде всего, я отправился смотреть город. По нашим российским меркам он был невелик. Даже меньше иного райцентра. За пару часов я обошел его вдоль и поперек. Опрятен, ухожен. Но что сейчас, по прошествии многих лет ясно вспоминаю, так это обилие памятных мест и памятников. Видимо, в маленькой стране маленький

народ с особым усердием бережет память о самых даже незначительных событиях своей национальной жизни. Я насчитал с полдюжины бюстов совершенно не известных мне эстонских деятелей. Бюсты были все примерно одного размера — чугунные, выкрашенные в черный цвет на пьедесталах одинакового размера. Они стояли в многочисленных для маленького города скверах, на небольших площадях, перед общественными зданиями. Что сделали сии мужи, чьи бюсты отлиты в чугуне, для своего народа, мне было неизвестно. Деяния их вряд ли выходили по своей значимости за пределы страны или даже этого маленького городка. Но люди помнили о них и, чтобы сохранить благодарную память, поставили их чугунные бюсты. Статуй советских или партийных вождей в этом городе не было.

Мое русское сердце радостно забилося, когда я, обходя город, нашел на самом берегу моря «скамью Чайковского». Сентиментальнейший русский композитор, оказывается, бывал, или был однажды, в этом городке. Интеллигентные эстляндские граждане Российской империи в ознаменование этого события соорудили на месте, где по преданию музыкальный гений любил отдыхать, мраморную скамью. На спинке скамьи высечена нотная запись музыкальной пьесы композитора — «Воспоминания о Гапсале».

Русскому человеку свойственно испытывать нежные чувства, обнаружив следы внимания к русской культуре и искусству на чужбине.

В историческом центре городка я обнаружил самую настоящую достопримечательность. Это был средневековый замок, сложенный из серого камня, с башенками, узкими стрельчатыми окнами и бойницами. Окружал его парк со следами крепостного вала по периметру. Назывался это исторический комплекс по-эстонски «Лосси-парк», что значит — «Замковый парк».

Сейчас, спустя годы, я понимаю, почему именно в Лосси-парке произошли события, воспоминания о которых до сих пор милы мне, старому уже человеку. Место уж очень романтическое. Хотя бы потому, что замок сам по себе сооружение, относящееся к эпохе романтизма. А в юности — как же без романтики!

Все эти достопримечательности были маленькими, приятными открытиями. Самой же большой достопримечательностью, о которой я знал заранее и ради которой я решил провести летние каникулы в этом эстонском городке, было море.

До той поры я никогда не был на море и видел его только на картинах да в кинофильмах. Там оно либо ласковое и искрящееся под лучами солнца, либо волнуемое и штормовое, с перекатами водяных валов. Когда я вышел на берег эстонского моря, оно оказалось совсем иным. От плоского берега уходила вдаль плоская водная гладь какого-то неопределенного блеклого цвета, ровная, как стекло, без морщинок волн. Поскольку это был залив, справа и слева виднелись вдалеке тонкой полоской берега, и неоглядность, безбрежность, так присущая морю, угадывалась только впереди, где вода на далеком горизонте по цвету сливалась с таким же блеклым небом.

Вот собственно и все, что осталось в моей памяти о Хаапсалу спустя многие десятилетия.

Что еще я помню о том лете, помимо главного события, сделавшего этот городок столь для меня памятным?

Лето по прибалтийским меркам было хорошее. Тепло, солнечно, тихо. Море все дни оставалось ровным, как стекло, спокойным. Невысокие корявые сосны на песчаном берегу стояли неподвижно. Дождь моросил только ночью.

С книжкой в руках я уходил на весь день к морю. Купался, читал. В ту пору мода «болела» Ремарком и Хемингуэем. Я прихватил с собой в Хаапсалу по два романа каждого из них. Чтение этих авторов на берегу моря и в городке, так напоминавшем Европу, доставляло особое удовольствие.

Если Ремарк для прочтения и сопереживания требовал некоторого, и специфиче-

ского, жизненного опыта, то Хемингуэй был по-настоящему «молодежным» чтением. Тогда он кружил наши головы свободой. Свободой на яхте бороздить морские просторы, охотиться на львов в Африке, любить красивых женщин и писать романы, сидя в парижском кафе. В наши головы тогда было внедрено несколько иное понимание этого слова — свобода.

Жизнь городка меня интересовала мало. Молодость эгоистична, замкнута на себя. Это сейчас я бы с интересом рассматривал хаапсалуских горожан, как они одеты, какие продукты есть на прилавках в магазинах и сколько они стоят, как живут, развлекаются, работают, что думают они о мировых событиях, о нас, русских, и о многом другом, что называется жизнью. Я бы непременно завязал знакомство с кем-нибудь из них, в магазине или кафе, таким же пожилым и солидным, и поговорил бы «за жизнь», чтобы сравнить с нашей жизнью и понять их жизнь.

Ничто это меня не интересовало тогда. Купание, чтение прихваченных с собой книг и кофе с густыми эстонскими сливками на открытой площадке малюсенького в три стола кафе на берегу моря — таким было мое времяпровождение день за днем. Особый, ранее никогда не испытанный шик был от того, что, взяв чашечку кофе, можно сколь угодно долго сидеть за столиком и читать. В те поры такое было недоступно в большом советском городе: все куда-то бестолково спешили, и если, закончив трапезу, засидишься за столиком, услышишь в свой адрес столь нелицеприятные выражения, что больше уже никогда не рискнешь изображать из себя доморощенно-го европейца.

Хаапсалу был малолюдный городок. Пляж в будни был почти безлюден. За день появлялись несколько человек, выкупаются и уйдут. Отдыхающих, как я, не было. В Хаапсалу приезжали только к родным или знакомым. Не помню, была ли там гостиница. Оттого, что в городе стояла воинская летная часть, он считался приграничным. От него на запад были только острова и открытое Балтийское море.

Если погода была «некупальная», я шел в Лосси-парк. В будни там тоже было малоллюдно. Молодые мамы катали коляски, чопорные старушки сидели на раскладных стульчиках, да ребяшня резвилась на большой поляне перед парадным подъездом замка. Ненадолго заходили мужчины выпить кружку пива у синего ларька, чужеродным телом осквернявшего это романтическое, окруженное крепостной стеной место. Я забирался на земляной вал, усаживался под деревьями. Когда чтение надоедало, начинали утомлять бесконечные диалоги хемингуэевских героев, я поднимал глаза от книги. С возвышения и замок, и большая поляна, и люди на ней представлялись большими театральными подмостками, на которых исполнялись сцены из спектакля под названием Жизнь. Странно, но я не могу вспомнить, что видел там влюбленные парочки. Место для уединения, к которому поначалу так стремятся юные Ромео и Джульетты, лучше и не придумаешь. Но их не было днем, не было и вечером. Сцены жизни были неполными, были лишены главного.

Так прошла первая неделя.

Русские семьи, как мне помнится, мало общались с местным населением. Офицерские жены сидели дома. В гости ходили друг к другу по воскресеньям. Помнится одно такое мероприятие.

На трех военных джипах, или, как вскоре после войны их называли, «виллисы», а позднее «козлы», мы отправились за город. Ехали вдоль берега моря. Воды не было видно за высокими камышами, но запах и легкий плеск ее чувствовался на протяжении всей дороги. Потом камыши расступились. Наши джипы въехали на большую поляну и расположились по ее периметру. Когда из машин выбрались все, оказалось человек пятнадцать — мужчины, женщины и дети. Четыре семьи — три офицерских и одна гражданская. Различить их было просто — офицеры все как один были в форменных рубашках без погон, шароварах от спортивного костюма и в сандалиях на

босую ногу. Жены и дети были одеты нарядно, во все заграничное — часть, в которой служили офицеры, когда-то дислоцировалась в ГДР.

Это сейчас я бесстрастно вспоминаю детали, а тогда происходящее было мне внове, и я вместе со всеми был захвачен желанием хорошенько развлечься.

На земле расстелили большую скатерть. Появились бутылки, много бутылок, и разнообразная снедь.

Пока устраивался «стол», я с мальчишками погонял мяч. К нам присоединились трое солдат. Шофера джипов. Они сняли сапоги, размотали портянки и с азартом лупили своими большими голыми ступнями по мячу. Потом они перекусили и ушли купаться и загорать. А меня и мальчишек позвали к «столу».

Офицеры, в том числе и мой зять, мужчины с кирпичного цвета крепкими лицами, пили много. Гранеными лафитниками, наполняемыми до самых краев. Осторожно, чтобы не расплескать, держа их двумя пальцами и оттопырив мизинец, они кистевым броском выливали их в рот, рывком запрокидывая голову назад. После этого кирпичные лица их морщились, они торопливо брали кусок черного хлеба, нюхали его, а потом уже подцепляли вилкой соленый огурец и громко, жуя, хрустели. Ели они тоже много.

— Пей, студент, — говорили мне.

Я, подражая им, тоже брал полный лафитник двумя пальцами, оттопырив мизинец и опрокидывал водку в рот. У меня получалось плохо. Водка не успевала влиться в мой рот и текла по подбородку. Они снисходительно смеялись.

Единственный гражданский человек, врач стоматолог, из местных, по имени Семен, пил, как и женщины, вино и развлекал общество солеными еврейскими анекдотами. Молодой, лет тридцати с небольшим, он, тем не менее, был толст и лыс со лба. Его жена, худенькая еврейка с большими грустными глазами, не смеялась, как все, над анекдотами мужа, а лишь снисходительно улыбалась. Офицеры после каждого анекдота говорили: «Ну, Семен, ты даешь».

Не помню, сколько лафитников водки я выпил. Через час сидения за скатертью почувствовал, как голова у меня стала тяжелой и меня поташнивает. Пить больше я не мог.

— Хватит, братец, — сказала мне сестра. — Пойди покупайся.

Я встал, пошатываясь, пошел к воде. За мной увязались мальчишки. Мы купались, шумно плескаясь, перекидывая друг другу мяч. В воде мне стало легче. У ребят уже посинели губы, а мне не хотелось выходить. Они выбрались из воды. Я поплыл от берега. Вдали виднелась яхта под белым парусом. Мне показалось, что она недалеко, и я решил до нее доплыть. Я плыл и плыл, но она не становилась ближе. Мне стало холодно. Обернувшись назад, увидел, что заплыл слишком далеко, и испугался.

Из последних сил добрался до берега и вышел из воды, усталый, но совершенно трезвый.

На поляне у скатерти я застал следующую сцену. Осовелые офицеры ритмично хлопали в ладоши, а Семен, грузный и неуклюжий, отплясывал. Живот его трясся в такт подпрыгиваниям. Он хлопал себя руками по толстым ляжкам, груди и пяткам. Женщины смеялись. Его жена, Эсфирь, снисходительно улыбалась. Ребятишки прыгали вокруг пляшущего Семена.

— Студент, штрафную! — потребовали офицеры.

Я выпил. Тепло разлилось по телу. Я согрелся.

Отплясав, Семен сел на землю, тяжело дыша.

Пикник закончился, когда один из офицеров уснул, упав головой на скатерть.

Женщины стали собирать пустые бутылки, остатки еды. Мужчины, пошатываясь, направились к машинам. Вместе с солдатом-шофером мы погрузили отключившегося офицера в джип. Машины тронулись и поехали в город вдоль заросшего камышом

берега моря. Голова пьяного офицера на моем плече моталась, как арбуз на блюде. Но деваться было некуда, в машине было тесно.

Так закончился один из уикендов в маленьком эстонском городке на берегу моря в компании офицеров и врача стоматолога из местных.

После этого снова наступили будни одинокого отдыхающего: купание, чтение книг, чашечка кофе с густыми эстонскими сливками и сидение в Лосси-парке.

И вот наступил день, когда сестра сказала мне: «Сходи сегодня вечером в Лосси-парк. Там будет Вальгедам — белая женщина».

Она рассказала мне, что раз в году один только день, точнее ночь, в окошке старой крепости появляется силуэт женщины в белом одеянии. Он появляется всего на несколько минут. Чтобы зрелище состоялось, должна быть ясная ночь и полная луна.

Это все, что я знал о местном чуде, отправляясь вечером, когда уже стемнело, в Лосси-парк посмотреть на еще одну достопримечательность эстонского городка.

Вечер был ясный, что предвещало лунную ночь и явление Белой женщины.

Уже на подходе к парку ощущалось необычное для тихого городка оживление. Парам и группами туда направлялись взрослые мужчины и женщины, дети разного возраста, молодые люди.

Войдя в кольцо земляного вала, я увидел, что публика распределилась по территории парка неравномерно. Склон напротив одной из угловых башен был сплошь занят, напоминая театральные амфитеатры. Сидели на земле. Тихо переговаривались. Быстро темнело. Воздух наполнялся таинственностью и ожиданием.

Я забрался на вершину земляного вала. Места, где можно было бы сесть, я не нашел и остался стоять вместе с другими приподнявшимися. Как раз напротив меня была башня и узкое арочное окно.

— Куда надо смотреть? — спросил я стоявшую рядом девушку.

— Здесь, — сказала она и показала рукой как раз на это арочное окно.

По ее ответу я догадался, что она эстонка.

— И что там будет?

— Будете видеть, — последовал лаконичный ответ.

Юная эстонка явно не была расположена поддерживать разговор.

Стало совсем темно. Из-за вершин темных деревьев, окружавших парк, показался округлый краешек желтой луны.

Публика оживилась, кто-то даже захлопал в ладоши.

Луна стремительно поднималась все выше и выше. Чувствовалось, как напряжение массы людей нарастает. Стало совсем тихо.

Я стал смотреть туда же, куда смотрели другие — на арочное окно.

И вот раздалось общее — «ах!». И легкий шелест непонятных эстонских слов пробежал над сидящей на склоне земляного вала публикой.

В проеме окна сначала стала видна только половина белой фигуры, а потом медленно и неуклонно она явилась вся целиком. При наличии известной фантазии можно было вообразить, что она принадлежит женщине, одетой в белое, ровно ниспадающее вниз платье. Деталей лица не было видно. Это был силуэт.

В молодости впечатлительный, я с волнением смотрел на диковинное явление. Потом я понял, что это всего лишь оригинальный световой эффект, возникающий при определенном расположении друг к другу окна и луны. Поэтому и бывает он раз в году, когда ночное светило, непрменный атрибут романтических историй и ситуаций, выходит на определенную точку траектории своего движения. Но тогда я смотрел на «Белую женщину» во все глаза и разделял радость и удивление окружавших меня эстонцев.

Видимо, выражение лица столь явно обнаруживало мои чувства, что стоявшая

рядом со мной эстонская девушка, так неохотно отвечавшая сначала на мои вопросы, теперь сама спросила:

— Вам нравится очень?

— Мне очень нравится,— ответил я, делая ударение на слове «нравится» и, давая тем самым понять, что она неправильно говорит по-русски.

Она не обиделась, потому что сказано это было с дружеским передразниваем, и улыбнулась в ответ.

Между тем силуэт Белой женщины начал уходить. Он вновь стал виден только наполовину. Затем, медленно, как движется минутная стрелка часов, исчезла и вся фигура.

Публика осталась сидеть на земляном валу. Лишь мамы и папы с детьми двинулись к выходу. Я тоже не торопился уходить. Не уходила и эстонская девушка, стоявшая рядом со мной.

— Как жалко, что все так быстро закончилось,— сказал я.

— Отсень жалко,— охотно откликнулась она, и я понял, что она, как и я, желала, чтобы явление Белой женщины продолжалось как можно дольше, и мы могли бы и дальше стоять рядом.

Не знаю, почему я так решил, но последующие события показали, что я был прав.

Мы еще постояли, а потом медленно пошли.

В тот памятный вечер, вернее памятную ночь, мы ходили и ходили по земляному валу.

Я узнал, что явление, которое мы только что видели в окне замка, по-эстонски называется «вальгедам».

— Не вальгедам, а валгедам,— поправила меня она.

Что в переводе это означает вовсе не «белая женщина», а «белая дама».

— Ну, конечно же, дама! Как я сам не догадался, что в замках живут не женщины, а дамы,— охотно согласился я.

— Зенсина — это неправильно,— сказала она.

Меня забавлял ее эстонский русский язык. Я не поправлял ее, боясь обидеть.

Мы долго ходили по земляному валу, делая круг за кругом по периметру парка, развлекая друг друга русскими и эстонскими словами. Теперь я уже не боялся поправлять ее. Она же, поняв, в чем состоит наша игра словами, поправляла меня с азартом ребенка. Я уже тогда понял, что она очень молода. Мне в ту пору был двадцать один год. А ей — шестнадцать или семнадцать. Разница для таких лет весьма существенная. Вот почему она казалась мне большим ребенком. Через год я узнал, что не ошибся — в то лето ей было семнадцать.

Публика понемногу расходилась. Ночь стала светлеть.

— Я идти домой,— сказала девушка.

— Как вас зовут?

— Ильма.

Я тоже назвался.

Всю эту ночь мы ходили рядом и редко взглядывали друг на друга. Теперь мы стояли друг перед другом. Я, наконец, увидел лицо девушки совсем близко. В блеклом свете раннего эстонского утра ее лицо показалось мне прекрасным. На меня смотрели большие, синие глаза.

— Нягемисини,— сказала она.

Она торопилась уйти. Может быть, ее уже ждали дома? Может быть, она боялась решительных действий с моей стороны?

— Что это означает? — спросил я.

— По-вашему — до свидания.

— По-нашему это означает, что у нас с вами еще будет свидание. Мы увидимся?

— Завтра валгедам есе будет в Лосси-парк,— последовал ответ.

Я предложил проводить ее, но она отказалась. Я не стал настаивать. Сейчас мне кажется, что Ильма вела себя со мной как с иностранцем. Или, может быть, из-за разницы лет я казался ей взрослым человеком. Особенно чувствовалась дистанция в самом начале этого необычного вечера. Перед расставанием же дистанция между нами несколько сократилась, но все равно я еще боялся форсировать события. Честно сказать, мне не хотелось «ударить в грязь лицом», показаться эстонской девушке грубым, неотесанным русским.

Пустынными улицами, все отчетливее проступавшими в утреннем свете, я отправился домой.

Дома, улегшись в постель, я долго не мог уснуть. Перед глазами стояла Белая дама и эстонская девушка Ильма. Они были чем-то похожи друг на друга. Ильма была в белом платье, и белые волосы у нее ниспадали до плеч.

Я заснул, когда уже почти совсем рассвело. Последнее, что я помню, перед тем, как уснуть, была песня. Мимо дома проходили парни и девушки и пели. Пение было стройным, на голоса. Это была не протяжная русская мелодия, а бодрая, маршеобразная песня, никак не гармонирующая с моим мечтательным настроением. Сначала мне показалось, что где-то включили радио. Но звуки удалялись постепенно и стихли совсем. Я уснул.

Следующего вечера, вернее ночи, я ждал с нетерпением.

Днем я послонялся по городу в надежде где-нибудь увидеть девушку. Затея оказалась пустой. В этом городке вообще было мало людей молодого возраста. А те девушки, которые попадались мне на улице или в кафе, были, честно сказать, далеко не красавицами. Потом, приезжая в Эстонию не один раз, я понял, что среди молодых эстонок редкость изящная фигура и мягкое женственное лицо. Ильма была исключением. При наших последующих встречах я убедился, что, несмотря на блеклый свет эстонского утра, в которое состоялось наше знакомство, первое впечатление о ее красоте меня не обмануло.

Конечно, встретить ее на улице мне не удалось. Я отправился на пляж. Среди редких купальщиков я заметил бы ее сразу. Но ее не было. Оставалось скучное лежание на пляже и вялое, безынтересное чтение. У меня не было уверенности, что она придет. Но ответ ее — «завтра валгедам еще будет в Лосси-парке» — казался мне намеком на свидание.

Чтение было рассеянным. Хемингуэевские сюжеты никак не подходили к моей ситуации. Американцы, напористые и энергичные, на всех континентах чувствовали и вели себя как хозяева. Туземные девушки падали к их ногам, а туземных парней они поили виски и, если те становились на их пути, сокрушали мощным ударом в челюсть.

Здесь же, в Эстонии, я в то лето чувствовал себя как в гостях у малознакомых и не очень обрадовавшихся мне людей. Я имею в виду не мою сестру и ее семью. В молодости я был не самым безобразным из русских двадцатилетних парней, и эстонские, редкие в этом городке, девушки посматривали тогда на меня не без любопытства. Но стоило мне открыть рот и произнести несколько русских слов, как они сразу утрачивали ко мне интерес. Самые бойкие из них передразнивали меня, говоря непонятные мне эстонские слова. Только в кафе на пляже пожилая эстонка, официантка, через неделю стала приветливо мне улыбаться, когда я приходил выпить чашечку кофе с густыми эстонскими сливками. Она говорила мне — «тере» или «тере хоммикуст», если я приходил утром, и «тере ыхтуст» — если вечером. Я понял, что это означает «доброе утро» и «добрый вечер». Между нами наметилась даже некоторая симпатия. Мне кажется, что она стала наливать мне больше сливок, после того как я стал приветствовать ее по-эстонски. Уходя из кафе, я говорил «тянан» — спасибо, и ее красное полное лицо расплывалось в улыбке.

Наконец, наступил вечер.

Я надел свежую рубаху, попрыскался зятевым «шипром» и отправился в Лосси-парк.

Все было как накануне. Только народу было меньше. Так же сидели на склоне земляного вала напротив башни, в окне которого вчера явилась Валгедам. Свободного места было много. Я не стал садиться, а поднялся на земляной вал, туда, где прошлой ночью стоял рядом с Ильмой.

Ее не было. Настроение сразу упало. Потом мне пришла в голову спасительная мысль — Ильма появится вместе с Белой Дамой. Я успокоился и стал ждать явления чуда.

Так же, как накануне, из-за темных вершин деревьев показался округлый краешек желтой луны. Так же быстро она стала подниматься в зенит. И когда достигла зенита, в стрельчатом окошке показалась Белая дама. Но в эту ночь ее силуэт был ущербным, был меньше и тоньше. Ущербным был и диск луны. Это все я заметил потом. В тот момент, как в окне показалась Валгедам, рядом с собой я почувствовал Ильму. Я обернулся. Это была она.

— Я придти,— сказала она и смущенно улыбнулась.

— Тере ыхтуст,— сказал я.

— О! — был мне удивленный и радостный ответ на мое эстонское приветствие.

Я быстро понял, что завоевать расположение девушки можно, проявив интерес ко всему эстонскому, особенно языку. Ей нравилось выступать в роли учителя этого русского парня. Мне нравилось доставлять ей удовольствие.

Валгедам угадала в узком стрельчатом окне башне быстрее, чем вчера. Ее слабая тень всего на несколько минут явилась и растаяла. Оконный проем снова стал безжизненным и темным.

Публика стала довольно быстро расходиться. К моему удивлению Ильма тоже заторопилась. Длительной прогулки по парку вокруг замка, как в прошлую ночь, не получалось. Мне казалось, что девушка была не прочь погулять подольше, но что-то заставляло ее уйти. Мы вышли из парка. На том месте, где мы вчера расстались, она ничего не сказала, и я продолжал идти с нею рядом. Мы пересекли площадь перед крепостью и вошли в узкую улочку. Было пустынно и тихо. Редкие фонари скудно освещали тротуар вокруг столбов. Я старался идти как можно медленнее, но Ильма торопилась.

На пересечении улиц она остановилась.

— До свидания,— сказала она и протянула мне руку.

— Нягемисини,— ответил я по-эстонски.

Я до сих пор помню ее руку. Обычно молодые девушки подают для рукопожатия кончики пальцев. Холодные, жесткие, как прутья, или невыразительные и вялые, как вата.

Рука Ильмы была нежной и теплой, она вложила свою крупную ладонь в мою руку целиком, сжала ее и, показалось мне, не торопилась отпустить.

— Нягемисини,— повторил я, теперь уже в свою очередь, не отпуская ее нежную ладонь,— мы увидимся?

— Мы увидимся. Недолго. В Лосси-парк. Я идти.

Она мягко, но решительно высвободила свою руку из моей, свернула в переулок и быстро пошла. Я смотрел ей вслед. Она свернула в следующий переулок и исчезла.

Тогда, в то далеко ушедшее время, я по молодости лет был разочарован взрослой самостоятельностью эстонской девушки. Я чувствовал, что нравлюсь ей. Иначе она не пришла бы во второй раз в Лосси-парк. Не протянула мне доверчиво руку. Не обещала нового свидания. А если нравлюсь, почему надо бежать от меня. У нас девушки гуляют с парнями летом до утра, встречают рассвет, сидя, обнявшись где-

нибудь в парке или другом романтическом месте. При этом даже совсем не обязательно, чтобы была пылкая любовь. Молодость берет свое. И в ней, молодости, должно быть все: и прогулки при луне, и поздний приход домой украдкой от уставших ждать родителей, и свидания, частые, как взволнованное дыхание. А здесь эстонская девушка только и думает, как бы поскорее уйти от меня при явном ее ко мне неравнодушии.

Неужели ей не интересно хотя бы просто пообщаться с парнем, приехавшим из, наверняка, совершенно незнакомого ей мира? Примерно так думал я тогда, медленно возвращаясь в дом моей сестры по пустым, тихим улочкам маленького эстонского города.

Мои ночные гулянья не остались незамеченными моей сестрой.

— Братец, кажется, нашел себе девушку? — спросила она меня на другой день.

Я рассказал о своем знакомстве с Ильмой. Видимо, в моем рассказе сестра почувствовала недоумение, которое испытывал я от необычного поведения эстонской девушки.

— Русских здесь вообще не очень жалуют, — сказала мне сестра. — Ты, наверное, это сам почувствовал. Мы здесь живем уже третий год, а знакомых среди местных у нас почти нет. Может быть, потому, что мы — военные. К гражданским они относятся лучше. Сколько лет твоей зазнобе?

— Я думаю, лет семнадцать, может быть, шестнадцать.

— Тогда ясно, — сказала сестра. — Не знаю точно, во сколько лет, здесь девушки проходят какой-то церковный обряд. Если я не ошибаюсь, он называется конфирмация. А до этого им с парнями встречаться нельзя.

— И все девчонки придерживаются этого правила?!

Я был искренне удивлен. Чтобы такое — в советское время! Сейчас, на склоне лет я думаю иначе. Тогда же мне эта конфирмация казалась нелепицей, едва ли не средневековым бредом, которому не может быть места в современном обществе, понимаемом, конечно, весьма своеобразно. Препятствие к свиданиям с Ильмой мне казалось ничтожным. Если, конечно, причина ее стремительных уходов от меня был именно в этом.

Следующий день выдался пасмурным. Прибалтика есть Прибалтика. С утра моросило, но было тепло. К полудню распогодилось, выглянуло солнце. Не яркое и обжигающее, какое оно на юге, а тускло светившее, как через матовое стекло.

По привычке, или от нечего делать, я пошел на пляж. Он был пуст. Берегов по бокам залива видно не было, серое море сливалось с серым небом. Мое русское сердце затосковало.

Поразительно, как настроение русского человека зависит от того, ясно или пасмурно на улице. Поскольку русская погода по большей части пасмурная, серенькая, дождливая, морозящая, а яркие солнечные дни бывают редко и скоротечны, настроение у нас чаще минорное, а то и попросту вялое, а веселье наше взрывное и буйное и скоротечное тоже.

Эстонская погода мало, чем отличается от нашей. Разве что серых, дождливых дней больше. А песни здесь бодрые, веселые. Правда, без удали и бесшабашности некоторых наших. Зато грустных, а тем более тоскливых песен мне в Эстонии слышать не приходилось. Отчего это? Даже в ясную лунную ночь первого явления Белой Дамы в окне замка песня, слышанная мною на улице этого эстонского городка, была не мягкая и лирическая, а, хоть и мелодичная, однако же, бодрая, почти маршеобразная.

Может быть только сейчас, пожилым человеком, я задаюсь этими вопросами. Наверняка тогда, в тот пасмурный день мои мысли были о другом. Я с тревогой поглядывал на небо. Если пасмурная погода продлится до вечера, до ночи, Белая

Дама не явится в замке, и, следовательно, Ильма не придет. Это тревожило меня больше всего.

На пляже делать было нечего. Вода была теплая, но лезть в нее не хотелось. Я ушел с пляжа.

В городке тоже было пустынно. Дома, по преимуществу одноэтажные и деревянные, были какие-то странные. Казалось, что они без фундамента, окна располагались довольно низко над тротуаром. Входные двери почти без крыльца, максимум две-три ступеньки. Открывай и входи с улицы, как из одной комнаты в другую. Окна большие. Не как у наших деревенских изб.

Я брел и брел бесцельно по чистым улицам эстонского городка и вышел на небольшую площадь. Главным зданием на ней была церковь. Я не сразу догадался, что это церковь. Особыми архитектурными деталями оно не отличалось от других зданий на этой площади. Только лаконичный западный крест над фронтоном. Никаких нищих перед входом, как у наших церквей, не было. Никто не входил и не выходил. Дверь была открыта, из глубины доносилось стройное пение. Я вошел.

Играл орган. Люди стояли и, держа в руках книжки, пели. Когда пение закончилось, они сели. Я тоже сел на лавку. На меня строго и вопросительно посмотрела сидевшая рядом пожилая женщина с короткими прямыми седыми волосами. Взгляд ее бледно-синих глаз был неприветлив.

Служба шла на эстонском языке.

Когда моя соседка по лавке отвела от меня взгляд своих строгих бледно-синих глаз, я стал рассматривать публику. Опрятно одетые пожилые женщины и мужчины составляли большинство. Их сухие лица были сосредоточены. Больше всего меня интересовало, есть ли молодые люди. Они были. Немного, но были. Я стал искать глазами Ильму. Она вполне могла быть здесь. Сидевшие со мной в одном ряду были видны мне только с затылка. Среди них с белыми, распущенными по плечам волосами, как у нее, не было. Сидевшие в другом ряду через проход посередине были видны мне лучше. Я видел их в профиль. Мне показалось, что я нашел Ильму. Такие же крупные руки, спокойно лежащие на коленях, волосы, спадающие до плеч. Видимо, мой пристальный взгляд обеспокоил девушку. Она повернула ко мне лицо. Это была не Ильма.

Дождавшись, когда прихожане, производя легкий шум, поднялись для пения, я, стараясь не быть замеченным, вышел из церкви.

К вечеру не распогодилось. Оправдались мои опасения — ночь наступала пасмурная и безлунная. Никакого оживления перед Лосси-парком не было. Площадь перед входом в него была пустынна. Ждать явления Белой Дамы, пусть даже в еще более ущербном виде, чем накануне, было бесполезно. А, значит, Ильма не придет.

Подождав, сам не зная чего, я хотел было идти домой, но почему-то пошел в ту улицу, по которой накануне провожал Ильму. Я шел медленно. Голова моя была апатично пуста. Заморосил мелкий дождь. Я уже собирался повернуть обратно, как впереди увидел торопливо идущую девушку в белом плаще. Белые волосы ее ниспадали до плеч. Это была Ильма.

— Хорошо, что ты идти ко мне. Валгедам не будет.

Не знаю, как получилось, я обнял ее. Она ответила мне объятием.

До сих пор помню это первое объятие. Оно длилось мгновение. Через мгновение Ильма отстранилась от меня так решительно, что я не успел задержать ее в своих руках.

— Я больше не придти,— сказала она грустно.

— Почему?

— Нельзя.

— Почему?! — в это свое второе «почему» я вложил все свое возмущение и про-

тест, потому что был уверен, что «нельзя» это следствие того самого религиозного обряда, какого-то нелепого пережитка, которым можно и нужно пренебречь, если есть, а оно уже, несомненно, есть, взаимное влечение друг к другу.

Мы стояли в свете уличного фонаря. Мне хорошо было видно лицо Ильмы. Она смотрела на меня, как смотрит взрослый человек на чего-то не понимающего ребенка.

— Хорошо. Дай мне, пожалуйста, свой адрес. Я буду писать тебе. Или это тоже нельзя? — Я был по-детски груб.

— Нельзя, — грустно сказала Ильма.

Мы стояли и смотрели друг другу в глаза. Вглядываясь в большие синие глаза девушки, я все отчетливее понимал, что чтобы я ни говорил, чтобы ни делал, ничто не изменит ее решение. Что она сама не может изменить это решение. А может быть, даже не хочет изменить.

Поняв это, я сник.

— Ладно. Я оставлю тебе свой адрес? Может, напишешь когда...

Я достал из кармана пиджака записную книжку, написал свой адрес, вырвал листок и протянул его Ильме.

Она взяла его.

— Я иди, — сказала она.

Я думал, что на прощание она обнимет меня или хотя бы позволит обнять себя. Ведь расстанемся, судя по всему, навсегда. Нет, она протянула мне только свою нежную крупную ладонь.

Потом повернулась и быстро пошла в темноту улицы. Затем свернула в переулок.

Я тоже повернулся и пошел в другом направлении.

Неожиданно распогодилось. Дождь перестал накрапывать. Выглянула луна. Лик ее не был полным, но на улице стало светлее.

Я вышел на площадь перед Лосси-парком. Не знаю почему, решил зайти. В парке никого не было. Поднялся на земляной вал перед угловой башней. Взглянул на арочное окно. Белой Дамы, конечно, не было. Вместо нее в окне была тонкая светлая полоска, как свеча. Все, что осталось от Белой дамы. Луна переместилась, и через мгновение белая полоска исчезла.

На другой день я засобирався домой.

Сестра не удерживала меня. Погода испортилась, и она сказала, что это надолго. Кажется, к тому же она поняла, что мое знакомство с эстонской девушкой «потерпело фиаско» и отговаривать меня от скоропалительного отъезда тем более нет смысла.

Я собрал свой желтый кожаный чемодан, начистил ботинки, но галстук надевать не стал. Распростившись с сестрой и ее домочадцами, на площади Выйт я сел в автобус и мимо странных домов без фундамента, чугунных бюстов эстонских деятелей городского масштаба и церкви, непохожей на церковь, выехал из маленького эстонского городка Хаапсалу.

* * *

Прошел год.

По мере удаления от Хаапсалу, потом от Таллина и по выезде из Эстонии на поезде мысли об Ильме, маленьком эстонском городке и загадочной Белой даме, являющейся ночью в старинном замке, постепенно вытеснялись делами и другими мыслями.

В течение года я все реже и реже вспоминал о неудачном летнем приключении. В продолжение знакомства с девушкой мне не верилось. Я даже не знал ее адреса.

Оставалось только ощущение странности происшедшего. Оно не было похоже на то, что я знал об отношениях со своими сокурсницами в институте или другими девушками.

Но должен признаться, что по мере отдаления во времени этого эстонского лета мое недоумение и даже раздражение постепенно уходило. В те редкие моменты, когда я вспоминал Ильму, я вспоминал ее со все более светлым чувством. Мы не ходили в обнимку, не целовались на улице, не сидели на лавочке при луне, не ходили на танцы или в кино. Может быть, это, как раз, скорее забылось бы. Из-за своей обыденности и привычности. С Ильмой же было связано ощущение чего-то подлинного, натурально-го — и препятствия, ставшего между нами, которое мы не смогли преодолеть. Это напряжение не реализованного чувства и было самым сильным переживанием той поры.

Это сейчас, умудренный житейским опытом, я могу словами как-то выразить то, что чувствовал тогда. А сорок лет назад, именно столько прошло времени, я вспоминал Ильму, Хаапсалу все реже, но с необъяснимым удовольствием.

Год прошел. Закончился пятый год обучения в институте.

Я собирался в туристский поход. В конце пятидесятых это был популярный у студентов вид отдыха. Он был дешев и демократичен. Сколачивали группу человек в десять. Намечали маршрут. Запасались нехитрой провизией — банки тушенки, сгущенки, непрменная манка — манная крупа, из которой за пять минут можно приготовить кашу. Что еще? Палатка, «спальник» — спальный мешок, телогрейка, кирзовые сапоги. В поезде, в общем вагоне занимали третью, самую верхнюю полку — и к исходному пункту маршрута.

В тот год мы собирались идти на Валдай.

Я не знаю, ходит ли сейчас современная молодежь в походы, но тогда для нас это был самый доступный способ поехать по стране, повидать интересные места. Костер. Песни под гитару. Эдакая мужественность в преодолении тягот походной жизни, и девчонки, так же, как и мы, в телогрейках и кирзовых сапогах — верные и надежные подруги. Легкое любовное увлечение, украшенное романтикой похода. Романтики — подлинной и придуманной — хоть отбавляй.

До похода оставалось десять дней, и я решил съездить в Ленинград. Меня звал мой друг. В этом городе я никогда до этого не был. Эрмитаж, Царское село, Петергоф, Исакий — для меня это были тогда только звучные слова, неосозаемые символы истории. В общем, я сразу согласился, собрался и поехал в Ленинград.

Что и говорить, я был потрясен красотой и величием города. Потом я многократно бывал в Ленинграде. И каждый раз, не скрою, хотя, может быть, это и весьма банальное чувство, был горд за свою страну и народ, создавший такой город. Теперь ему вернули прежнее имя — Санкт-Петербург. От этого он не стал краше или лучше, но от этого он стал «стариннее», дороже сердцу, как антикварная вещь, пусть и с поблекшей позолотой.

Прошло всего пять дней моих восторгов от созерцания Ленинграда, как я получил из дома письмо. В конверте было два листка. В одном моя мама писала, что получила какое-то странное письмо на мое имя, ничего не поняла и посылает его мне.

Второй листок был от Ильмы.

На хорошей бумаге аккуратным — европейским — почерком было написано:

«Скоро обратно будет Белая Дама. Хотите посмотреть? Ильма».

И больше ничего. Ни обратного адреса, ни фамилии, ни даты.

Я бросился звонить домой. Мама сказала, что письмо пришло на другой день после моего отъезда, а конверт она выбросила, и адрес не запомнила.

Все равно я решил ехать в Хаапсалу.

Друг, зная, как мне понравился Ленинград, был удивлен моему раннему отъезду.

От Ленинграда до Таллина близко, несколько часов езды на поезде.

Снова, как год назад, нависающий над привокзальной площадью Вышгород, автобус, мчащийся мимо хуторов и полей, перегороженных валунами, плоская эстонская земля и площадь Выйт в маленьком Хаапсалу.

Сестра была премного удивлена моему неожиданному появлению, так как я даже не догадался послать вперед себя телеграмму. Поняла все с полслова.

— Братец, кажется, не на шутку влюбился,— сказала она.

Я не стал возражать.

«С чего начать?»,— думал я, выйдя из дома после перекуса и краткого отдыха с дороги.

Ни адреса, ни фамилии я не знал. Наверное, Ильма не единственная девушка в городе с таким именем.

Побродив по городу, я пришел на пляж к знакомому, в три столика кафе.

— Тере,— сказал я толстой, с красным лицом эстонке, стоявшей за стойкой.

— Тере,— сказала она без всякого выражения, но, взглянув на меня, и, видимо, узнав во мне прошлогоднего «завсегдатая» своего заведения, расплылась в улыбке и, как короткая пулеметная очередь, приветливо сказала: «Тере-тере».

Мое знание эстонского ограничивалось приветствиями. Знание русского моей доброй эстонской подругой, скорее всего, ограничивалось несколькими фразами, необходимыми для обслуживания редких русских посетителей. Разговор состояться не мог. Да и о чем было спрашивать? Где живет девушка по имени Ильма? Сколько их в городе!

Выпив две чашечки кофе с густыми эстонскими сливками, я сказал: «Тянан. Ня-гемисени», чем заслужил еще одну улыбку толстой краснолицей эстонки, и покинул кафе.

На пляже были редкие купальщики. Купаться не хотелось, да и плавок у меня не было, так как в Ленинград я ехал посмотреть город, а не купаться.

«Ничего себе — ситуация»,— думал я.

Вечером, дома, улегшись на кровать одетый и с обутыми ногами, я взял в руки письмо Ильмы и еще раз прочел: «Скоро обратно будет Белая Дама. Хотите посмотреть?»

Я тупо перечитал эту строчку несколько раз. И тут меня осенило.

Я даже вскочил с кровати.

«Конечно же! Я увижу ее в Лосси-парке».

Наше свидание состоялось у Белой Дамы.

Так же, как и год назад, с наступлением темноты к парку и замку стал стекаться эстонский люд. Так же на земляном валу напротив угловой башни с арочным окном амфитеатром расположилась публика, ожидая появления привычного чуда. Так же, как и год назад, ночь была ясная и лунная,

Я был весь нетерпение. Больше всего я боялся, что моя догадка неверна. Что письмо Ильмы не приглашение к свиданию, а просто так — письмо скучающей девушки, не знающей, чем себя развлечь. Может быть, она стоит сейчас с подругами поодаль, невидимая мне, и развлекается созерцанием русского недотепы, клонувшего доверчиво на ловкую шутку.

Нет. Ильма пришла, не таясь. В том же белом платье, с волосами, ниспадающими на плечи.

— Тере,— сказала она и вложила в мою руку свою нежную крупную ладонь.

Мы не стали дожидаться явления Валгедам и сразу ушли из парка.

В ту ночь мы расстались под утро.

Не стану рассказывать подробно, как пролетела эта неделя. Именно пролетела. Как один, но счастливый день.

За прошедший год Ильма повзрослела и стала еще красивее. Прошлым летом это была рано развившаяся девочка, хоть и осознававшая свою красоту, но еще робкая, неуверенная в себе, как подросток, боящийся сделать что-то не так. Теперь это была взрослая девушка.

Когда мы оказались в темноте улицы, я привлек ее к себе и обнял, она, несколько не смутившись, ответила крепким объятием. Она призналась, что ждала этой встречи и была уверена, что я приеду. Во всем ее облике и поведении была теперь уверенность, сознание своей привлекательности. Мало того, в ней не чувствовалось никакой провинциальности, заискивания перед «мальчиком из столицы». Любопытство, да, было. Как если бы я приехал из другой страны.

Мы с жадностью расспрашивали друг о друге и охотно рассказывали друг другу о себе самих. Я узнал, что ее отец рыбак. «Ты дочь рыбака?» — сказал я, удивленный литературной романтичности ее происхождения. «Да, — просто ответила она, — по-эстонски «калюри тюттар». Ей очень хотелось, чтобы я знал как можно больше эстонских слов.

«У меня есть сестра, Розильда, — сказала она и добавила, — тоже отсень красивая». Милая Ильма! Она знала о своей красоте, редкой у эстонских девушек. Я сейчас даже думаю, что осознание этого своего качества делало ее не только уверенной в своих отношениях с русским парнем, но наделяло ее некоей избранностью и правом на необычную для эстонских девушек дружбу. И в этой дружбе она хотела быть равной своему русскому другу.

С детской непосредственностью Ильма искала, в чем бы превосходить меня. Она прекрасно плавала. Я был посредственный пловец. В соревновании я уступал ей. Я отставал, она обгоняла меня и была этому очень рада. Когда я доплывал до нее, то, признавая ее «победу», целовал ее в соленые от морской воды губы, а она говорила — «я тсемпион».

Я в молодости был худ и нескладен. Ее тело было прекрасно. Все в плавных линиях, словно созданное для плаванья. На пляже я размещал свою костлявую фигуру поближе к ней, касался ее плеча, стройной ноги, и она не отодвигалась от меня, создавая, наверное, привлекательность для меня своего тела и ту радость, которое это прикосновение мне давало.

Я не преминул спросить ее о подтверждениях. «Да, это так», — просто и лаконично сказала она. Прошедшей зимой ей исполнилось восемнадцать. Мне стала понятна ее робость прошлогодним летом и спокойная уверенность в себе летом теперешним.

Мы виделись каждый день.

И все же она была еще ребенок. И как ребенок, ни в чем не хотела уступать мне, русскому. Ни на минуту, в разговоре, поведении она не забывала, что она эстонка. Через несколько дней, когда мы узнали друг о друге все, что могут рассказать о себе еще совсем недолго прожившие на свете молодые люди, между нами стали разгораться дискуссии о достоинствах наших двух народов — эстонского и русского.

Я с удовольствием вспоминаю теперь эти милые дискуссии, как с удовольствием вспоминаю все, что было тогда между мною и этой необычной эстонской девушкой. Когда у меня не хватало аргументов защищать недостатки русского национального характера, наш неряшливый быт и беспорядочное воспитание, я охотно «сдавался» на милость моего прелестного «победителя», привлекал ее к себе и длительным поцелуем останавливал перечисления достоинств эстонского народа. А когда поцелуй оканчивался, я шептал ей на ухо: «А зато у нас есть Толстой и Чайковский». Тогда в свою очередь она останавливала мои аргументы, закрывая мой рот своей нежной крупной ладонью.

Маленький эстонский городок мало давал возможности для развлечения молодым людям. По вечерам улицы были пустынно и темны. Кинофильмы шли только в курзале и единственном кинотеатре. Насладившись вдоволь уединением в темных улицах и на берегу моря, мы шли в кинотеатр. Кажется, за ту единственную «нашу» неделю удалось посмотреть только один фильм. Но зато какой! В те годы нам мало показывали заграничных фильмов. «Серенада солнечных долин», а второй, из загра-

ничных, был «Большой вальс». Именно его мы смотрели с Ильмой в то лето. По-эстонски он назывался «Суур ваалс». Фильм был дублирован на русский, а субтитры были эстонские.

Красивый фильм. Красивая жизнь. Красивые актеры. Ильма смотрела на экран широко открытыми глазами. Чтобы напомнить ей о своем присутствии, я брал ее руку в свою, но она никак не реагировала на прикосновение. Наверняка, она, красивая молодая девушка, мечтала о красивой и яркой жизни впереди. Достаточно быть красивой, чтобы быть счастливой. Так думается в молодости. Чтобы напомнить о себе, я клал ей руку на плечо, но привлечь к себе ее внимание удавалось только, когда в сюжете фильма был спад. Когда герои фильма катили в карете по прекрасному Венскому лесу и целовались, или кружились в вальсе, или объяснялись в любви перед расставанием — Ильма, оставив свою руку в моей, подавалась вперед и оторвать ее от экрана было невозможно.

Когда фильм закончился, мы вышли в фойе. Оно было убогим, как во всех тогдашних наших кинотеатрах — какие-то выцветшие плакаты с призывами «выполнить и перевыполнить», черно-белые фотографии популярных советских актеров, потрескавшиеся и пожелтевшие.

— Ты был за границей? — спросила Ильма, когда мы вышли в темноту улицы.

— Я не был за границей, — ответил я и пожалел, что не мог ответить иначе. Впрочем, чего было стесняться: кто в те времена, да еще в моем возрасте мог бывать за границей.

Мой ответ не удивил ее.

— Мой дядя живет в Америка, — сказала Ильма. — Я то же хочу жить в Флорида.

Мое настроение упало. Я сразу почувствовал большую разницу между мной и этой эстонской девушкой. Я и раньше ее чувствовал. Мы были не только из разных народов, но и из разных миров. Теперь эта разница стала огромных размеров. Ильма может быть и жить *там*. Я же быть и жить *там* не смогу никогда. Это невозможно даже представить себе.

Видимо, почувствовав перемену в моем настроении, Ильма сказала:

— Ты видел Таллин?

— Почти не видел. Из поезда в автобус, из автобуса в поезд. Видел только Вышегород. Снизу вверх.

— Красивый? — спросила она.

— Да, понравился, — сказал я, понимая, какого ответа ждет Ильма.

— Мы пойдем в Таллин. Я буду показывать тебе город.

Мы шли по темным улицам маленького эстонского городка, и я больше всего на свете боялся потерять девушку, которая шла рядом со мной. То, что она может оказаться за тридевять земель, и что это вполне реально, я понял сразу, после того, как узнал, что у нее есть дядя в Америке, и что она хочет жить во Флориде.

Стало прохладно. Я снял свой плащ и накинул его на плечи Ильме. Мы шли от фонаря к фонарю, и когда оказывались в полосе света, я смотрел на Ильму. Ее лицо было одновременно мечтательным и грустным. Может быть, мое настроение передалось и ей. Но скоро это прошло. Она снова оживилась.

— Таллин тебе понравится. Он отсень красивый. Большой.

Мы договорились, что через день я уеду в Таллин. На другой день туда приедет она. Мы встретимся у Балтийского вокзала, перед входом в вокзал, на лестнице. На привокзальную площадь приходит автобус из Хаапсалу. Предстоящее свидание в Таллине оживило и меня. Настроение мое поправилось.

Сзади нас раздали шаги. Какой-то мужчина догнал нас и что-то сказал по-эстонски.

— Что она сказал? — спросил я.

— Он сказал, что надо поднять пояс.

Пояс моего плаща, накинутого на плечи Ильмы, волочился по земле.

— Он плохой тселовек,— сказала Ильма.

Этот «плохой» человек пошел себе дальше, не оборачиваясь. Почему он плохой, я спрашивать не стал.

Я поправил пояс плаща.

Мы шли и шли по темной улице от фонаря к фонарю, слабо освещавшим тротуар. Наконец мы остановились.

— Это мой дом,— сказала Ильма.

Теперь я узнал, где она живет. Это был дом без фундамента с большими окнами и двумя ступеньками перед дверью.

На другой день я ждал Ильму в маленьком кафе на пляже, где мы условились встретиться, но она не пришла. Целый день я не знал, куда себя деть. Вечером пошел по знакомой улице и отыскал дом, который видел накануне вечером, после кино.

Стоять перед домом долго было неудобно. Ильма не появлялась. Я поднялся на ступеньки и позвонил.

Открылась дверь. На пороге стоял невысокого роста плотный мужчина лет сорока с лишним. Лицо крепкое, очень мужское, но чем-то неуловимым похожее на лицо Ильмы. Он смотрел на меня и молчал.

Я не знал, как говорить.

— Ильма,— сказал я, и с расстановкой, отдельно и отчетливо произнося слова,— я хочу видеть Ильму.

Он постоял, молча, повернулся и ушел, закрыв за собой дверь.

Что было делать дальше, я не знал.

Через некоторое время я позвонил снова.

Долго не открывали. Потом дверь открылась. На пороге стояла Ильма.

— Я не могу гулять,— сказала она тихо.— Я быть дома.

Она слабо улыбнулась и закрыла дверь.

Сейчас я вспоминаю эту сцену на пороге Ильминого дома, и мне кажется, что лицо девушки было тогда неуловимо чужим. Не таким, какое оно было в те пять-шесть дней, которые мы провели вместе, видясь каждый день.

Наверное, у себя дома, то есть в России, я, как любой молодой человек, доказывая свою любовь, звонил бы и звонил в дверь, стучал кулаками и добился, чтобы ко мне вышла любимая девушка и стал бы уговаривать, и уговорил бы, о свидании. Но здесь — все было не так. Дом был глух и неприветлив, как крепость. Девушка, которая нравилась мне, и которой нравился я, я уже в этом не сомневался, вдруг сделалась чужой.

Я спустился с крыльца и ушел.

Самым нелепым в этой ситуации было то, что я не знал, как мне быть дальше. Ехать на другой день в Таллин и ждать там Ильму или нет.

Поразмыслив, я, кажется, верно, решил, что делать мне в Хаапсалу нечего. Ильму я здесь не увижу.

Вечером я посидел с сестрой и ее семьей за прощальным столом. Сестра и ее муж, видя мое упавшее настроение, пытались рассеять его разными разговорами о здешнем житье-бытье, о неприветливости эстонцев. Но эти разговоры то и дело переходили к тому, что они соскучились по родне, живущей в России, что служить здесь осталось еще год и что, скорее всего, их часть переведут либо снова в ГДР, либо за Урал.

Мы с Колей, так звали мужа моей сестры, время от времени, оттопырив мизинец, опрокидывали лафитники с водкой, нюхали черный хлеб и закусывали солеными огурчиками. Мне стало уютно и хорошо в кругу своих близких. Под конец сидения за столом мы так расчувствовались, что спели «Подмосковные вечера», потом еще ка-

кие-то песни, какие, уже не помню, и поздно вечером, отяжелевший и оглушенный, я ушел в свою комнату и уснул крепким, без сновидений, сном.

Утром, простившись с сестрой и моим племянником, ее сыном (Коля был уже на работе) я сел в автобус на площади Выйт и уехал из Хаапсалу.

Ильма в Таллин не приехала.

Я ждал ее на привокзальной площади. На той самой, над которой неприступной крепостью нависает Вышгород. Пришел единственный автобус из Хаапсалу. Пассажиры выходили один за другим, автобус опустел. Ильмы не было.

Я был готов — и не готов — к этому.

Думать, что все кончилось, не хотелось. Вдруг она придет на машине. Вдруг она придет на поезде. Между Хаапсалу и Таллином раз в день, как и автобус, ходил поезд. Я болтался на привокзальной площади полдня. Пришел поезд из Хаапсалу. Чуда не совершилось.

И все равно из Таллина уезжать мне не хотелось. Отъезд означал бы конец всего, что было связано для меня с Ильмой.

Я позвонил в Москву маме, сказал, что застрял в Таллине, что в туристский поход не пойду, что деньги у меня на исходе. Мама дала мне телефон и адрес своей подружки в Таллине. Я подпрыгнул от радости.

«Мало ли,— думал я, хватаясь, как утопающий за соломинку, за последнюю надежду,— что-то помешало Ильме приехать сегодня. Может быть, она придет завтра».

Мамина подружка, русская, Людмила Ивановна, была замужем за эстонцем, журналистом, корреспондентом ЭТА — эстонского телеграфного агентства. Они жили как раз на привокзальной площади, напротив Балтийского вокзала. Это была удача.

Толстая, по-русски приветливая, Людмила Ивановна приняла меня с распростертыми объятиями. Усадила за стол кормить, и пока я ел, расспрашивала меня о маме, Москве, не дожидаясь моих ответов сама рассказывала, как давным-давно познакомилась с моей мамой, как они дружили, пока не вышла замуж за эстонца, своего Лео Койтметса, который увез ее сюда, в Эстонию, из которой она не выезжает уже тридцать лет. Я жевал, слушал ее и чувствовал себя, как дома.

Вечером пришел Лео Койтметс, плотный, небольшого роста пожилой человек, с зачесанными назад прямыми серыми волосами и чем-то неуловимо похожий на отца Ильмы, так неприветливо обошедшегося со мной на пороге своего дома.

Людмила Ивановна представила меня.

Лео Антонович оказался словоохотливым человеком. Видимо, сказывалась его журналистская профессия. Вечером, за чаем, узнав, что я студент, он пустился в воспоминания молодых своих лет, рассказывал, как учился на журфаке МГУ, как влюбился в русскую девушку Люду, что любит русскую еду и русскую водку. Вспоминая смешные истории из своей студенческой жизни и журналистской работы, хохотал так, что стекла звенели в их маленькой квартире, выходившей окнами на привокзальную площадь. Русский язык его был безукоризненным.

Мое настроение улучшалось с каждой минутой пребывания в этой русско-эстонской семье. Лео Антонович за полчаса разрушил мое мнение об эстонцах, сложившееся о них в Хаапсалу.

— Завтра я свободен, молодой человек,— сказал Лео Антонович, вставая из стола и энергично хлопая меня по плечу,— покажу тебе наш маленький Ревель. Теперь он называется Таллин.

Он разбудил меня рано утром.

— Вставать надо рано, если хочешь успеть в жизни что-то сделать,— сказал он и захохотал.

Людмила Ивановна напоила нас черным кофе с бутербродами, и мы отправились смотреть «маленький Ревель».

Теперь, спустя много лет, я знаю Таллин лучше, чем успел узнать тогда, с Лео Антоновичем. Многочисленные советские фильмы, в которых должна была быть «европейская граница», нещадно «эксплуатировали» улицы этого города, как «натуру». Чаще всего показывали экзотические Пик яльг и Люхике яльг, узенькие улочки, круто взмывающие вверх, на Вышегород. По-эстонски название этих улиц означает — Длинная нога и Короткая нога. Какое название какую «ногу» означает, я уже не помню. Часто показывали черепичные красные крыши города, которые хорошо видны с Вышгорода, если смотреть на восток, Ратушную площадь и Ратушу.

Что там маленький Хаапсалу, к которому постоянно возвращались мои мысли! Таллин во всей своей красе давал особенно сильно почувствовать, насколько «не наш» город — столица маленькой Эстонии, насколько к совершенно другой цивилизации и культуре он принадлежит.

Лео Антонович хорошо знал историю своей страны и города. Лучшего гида нельзя было придумать. Корреспондентское удостоверение открывало ему все двери. Кроме того, в городе его, кажется, знали все. Мы пришли с ним к старинной церкви Нигулисте, что стоит в нижней части города.

— Сейчас мы поднимемся с тобой наверх, — сказал он и постучал в железную дверь, больше похожую на врата замка.

Дверь тяжело и медленно, с металлическим скрежетом приоткрылась. В приоткрытом пространстве показалась маленькая, тщедушная старушка, сморщенная, как сушеный гриб. Между нею и Лео Антоновичем состоялся короткий разговор по-эстонски, который закончился словом «палун».

Если бы не мы, старушка вряд ли смогла бы сама открыть дверь шире, чтобы впустить нас с Лео Антоновичем.

В огромном пустом пространстве церкви шаги отдавались гулким утробным эхом. Смотреть было нечего, никакой росписи на стенках или икон не было.

— Здесь неинтересно, пойдём наверх, — сказал Лео Антонович и захохотал.

Многократное эхо усилило его хохот. Хохот был веселый. Он особенно светло звучал в этом мрачноватом интерьере, разрушая настороженность и торжественность, невольно возникающих при посещении таких мест.

— Понимаешь, здесь действует закон масштаба, — говорил Лео Антонович, когда мы поднимались по тесной винтовой лестнице куда-то вверх. Он шел впереди, и моя голова почти касалась его ног, настолько крута была эта винтовая лестница. — В маленькой квартире легче навести порядок. А в большой всегда окажется угол, где завалялся всякий хлам, до которого руки не дошли.

Продолжался затеянный мною разговор о высокой культуре эстонского народа, о чистоте улиц эстонских городов и вежливости и опрятности людей на этих улицах, который оборвался перед чугунными дверями церкви Нигулисте.

— Мы, эстонцы, принадлежим западной культуре. У нас высока бытовая культура. Но мы маленький народ. В маленькой семье меньше уродов. Ты понимаешь, о чем я говорю? — и Лео Антонович опять захохотал. Странно, но его хохот, веселый и добродушный, никогда не казался неуместным, хотя расхохотаться он мог в разговоре при любой фразе, при любом слове.

Лестница кончилась, и мы через небольшой люк вышли на площадку, огороженную чугунной решеткой, у самого основания шпиля. Внизу был город.

И море, с северной стороны. С высоты оно казалось стоящим почти вертикально, стеной.

— Мы маленький народ. Мы должны себя сохранить, не раствориться в другом, большом народе. Это я, грешный, не нашел себе эстонскую жену.

И Лео Антонович снова расхохотался.

Мы спустились вниз.

Я вслед за Лео Антоновичем сказал старушке «тянан тейд» и помог ей закрыть тяжелую чугунную дверь церкви.

Я посмотрел на часы. Мне надо было быть на привокзальной площади.

Лео Антонович знал, или догадывался, о причине моей остановке в Таллине.

— В молодости хорошо жить или учиться в чужом городе,— сказал он и добавил,— но при этом хорошо иметь небольшой кошелечек.

Он протянул мне десять рублей. Тогда это были большие деньги. Жест был дружественным и необходимым. Я взял.

На привокзальной площади было многолюдно. Был разгар летнего сезона. Начало июля. Советские люди начали осваивать эстонский курортный город Пярну. Я тоже побываю там, и неоднократно. Но это будет потом. Тогда я даже не подозревал о его существовании. Привокзальная площадь была полна русских слов.

Пришел автобус из Хаапсалу. Потом поезд.

Ильма не приехала.

Я метался по привокзальной площади, всматривался во всех девушек, маломальски похожих на мою Ильму, белую девушку, в белом платье и с распущенными по плечам белыми волосами. Мне так хотелось, чтобы одна из них оказалась ею. Но ни одна из них не оказалась ею. Ильма не приехала.

Я побродил по городу. Вечер был бесконечный. Долго не темнело. Когда стемнело, зажглись неоновые огни вывесок на магазинах, отелях, кафе, ресторанах. Вывески были из чужих, не русских букв. Кругом была непонятная речь. Люди, занятые собою. Чужой город.

Утром я пошел в кассу. Билетов на Москву было сколько угодно. В тот же день я уехал.

— Не горюй, студиозус. Жизнь только начинается,— сказал Лео Антонович, хлопнул меня по плечу и расхохотался. — Передавай привет Москве от маленькой Эстонии.

Людмила Ивановна просила передавать привет своей московской подруге, моей маме, расцеловала меня, сказала, что очень я похож на нее, просила писать, не забывать.

Я с теплым чувством простился с ними.

Поезд был не скорый, пассажирский. Останавливался на каждом полустанке.

Словно нехотя, медленно он выезжал из Эстонии.

Может быть, это или, не знаю, что еще, повлияло на мое неожиданное для самого решение, но в Тарту я взял свой саквояж и сошел с поезда. Это, конечно, была блажь. Но я так был травмирован постигшим меня фиаско, что плохо соображал. Зачем я тогда сошел с поезда, я до сих пор не могу толком объяснить. Я спросил у прохожего, где «вырастемая». Он охотно показал. Гостиница оказалась рядом с вокзалом.

Я вошел и спросил одноместный номер.

Услышал в ответ привычное уже — «палун», заплатил полтора рубля за сутки постоя и получил ключ с фанерной биркой. Я никогда раньше не поселялся в гостинице. Из художественной литературы знал, что в Европе, да и у нас раньше, в номер можно было спросить еду. Полагая, что я в Европе, я попросил чай и бутерброды в номер.

Молодая улыбчивая женщина за стойкой весело мне отказала:

— Нельзя. Мы этого не делаем.

Я почувствовал себя идиотом.

День, проведенный в Тарту, постепенно привел меня в чувство. Уютный город на холмах, русские по архитектуре дома, университетский парк с бюстами Пирогова, Карла Бэра с надписями по-русски на постаментах, тихая медленная, как наша Пахра,

речка с белыми, бесшумно скользящими по ней яхтами под парусами. Не помню сейчас ее название. Все это подействовало на меня умиротворяюще. Мелькнула шальная мысль — «вот бы перевестись сюда учиться». Мелькнула и угасла. Я смирился со своим поражением.

Утром, позавтракав двумя пирожками с повидлом за десять копеек, я сел в поезд и до Москвы из него уже не выходил.

* * *

Ильма медленно уходила из моей памяти.

Я окончил институт. Женился. У меня родилась дочь.

Через два года я получил письмо от *нее*. Не помню его дословно. Она писала, что была в Москве, на соревновании по «гребению», что учится в институте в Таллине на «химика», что «твой город мне нравился».

Письмо не взволновало меня. Оно даже не всколыхнуло воспоминаний. Это была не обида. Это было осознание невозвратности прошлого.

Когда дочь подросла, и моя семья окрепла в финансовом отношении, мы стали ездить в отпуск в Эстонию, в Пярну. В те годы он был очень популярен среди столичной интеллигенции. Чистота улиц, обилие кафе и ресторанов, хорошая еда. «Ах, какая сметана!», «Ах, какие сливки!» — можно было слышать в очереди в кафе на завтрак от милых, аккуратно одетых старушек и старичков. Молодые семьи, как наша, приезжали с малыми детьми ради мелкого моря, ради этих «ах!» сметаны и сливок, ради чистых, ухоженных комнат, сдаваемых приезжим. Хозяева этих комнат были приветливы, ненавязчивы и трезвы. Отдых был комфортным и... европейским. По вечерам в парке у курзала играл духовой оркестр, своими русскими музыкальными номерами преображая эстонский край в теплое и родное место отдохновения. На кортах стучали теннисные мячи, и зрелого возраста мужчины и женщины, одетые в белые шорты и белые «тенниски», красиво двигались по площадке, усиливая впечатление культурного города в культурной стране.

Однажды, гуляя, мы с дочерью, пришли к кортам и через высокий сетчатый забор, огораживающий их, стали смотреть на игру. Странно, приезжая в Пярну на отдых, я никогда не вспоминал Ильму. Тогда же, стоя за сетчатым забором кортов, я стал всматриваться в одну из игравших женщин. Она показалась мне похожей на *нее*. Ее непрерывные движения в игре мешали рассмотреть ее, как следует. Дочери стало скучно, она потянула меня за руку, я не стал сопротивляться.

Я знал, что от Пярну до Хаапсалу часа два езды на автобусе. Но желания поехать туда у меня не возникало. Возможно, это все-таки была обида.

Прошло еще десять лет. Вдруг я получаю письмо. Из заграницы. Незнакомый почерк. Имя и фамилия мои. В самом начале адреса. Потом номер дома, улица, город, страна.

Раскрываю конверт. Письма в нем нет. В нем только фотография. Цветная. С нее на меня смотрела Ильма. Большие синие глаза. Белые волосы до плеч. Она старше, чем тогда, в Хаапсалу. Но еще прекраснее. Молодая женщина в расцвете женской красоты.

На оборотной стороне фотографии надпись. По эстонски. Узнаю только слова «Тере». «Ильма». «Флорида».

Так постепенно уходила из моей жизни эстонская девушка Ильма, Валгедам, Белая дама. Как тот призрак, что является летними ночами в стрельчатом окне замке в городке Хаапсалу — в первую лунную ночь целиком вся белая фигура, на вторую ночь — фигура уменьшается на половину, а на третью — превращается в узкую белую полоску, похожую на свечу.

Что написано на фотографии, я не знаю до сих пор. Обратного адреса на конверте нет.

Прошло много лет. Целая жизнь. Пришла житейская мудрость. Или смирение перед судьбой. Когда я вспоминаю Хаапсалу, семью моей сестры, попавшую нежданно в этот эстонский городок, прекрасную Ильму, ее приземистого неприветливого отца, я начинаю думать, что все, что произошло со мной и Ильмой тогда, произошло правильно. Слишком трудносовместимыми были наши миры и мироощущения. Удалось ли бы нам их совместить, обернись все по-другому? Не знаю.

Сейчас я охотно поехал бы в Эстонию, Хаапсалу. Посмотреть на Белую Даму. На дом «калюри тюттар». Наверняка он сохранился: на Западе чтут недвижимость. Может быть, увидеть Ильму. Ведь во Флориду она могла поехать в гости к дяде, а не насовсем. Уверен, что она прекрасна и в старости.

Но теперь «наши миры и мироощущения» разделены настоящей границей, пересечь которую трудно. Теперь там все по-другому. И уж конечно, нет места любви между русским парнем и эстонской девушкой.

Но на излете жизни маленький эстонский городок Хаапсалу становится все милее.

Людмила Алтунина
(г. Тула)

ИЗ ЦИКЛА «НЕ ОТ МИРА СЕГО»

Примеч. сост. — Людмила Алтунина родилась и выросла в Сибири, в Горном Алтае, в семье землеустроителя-геолога, охотника и рыбака, закончила факультет журналистики Казанского государственного университета, журналист, член Союза журналистов РФ. Работала в областных и городских газетах, на радио. Более двадцати лет — в вузовской газете Тульского государственного университета, редактором которой была 17 лет, и сейчас продолжает трудиться там же. Награждена нагрудным знаком «За заслуги перед университетом». Публикуется в местных и центральных СМИ. Финалист IV Всероссийского кинофестиваля короткометражных фильмов «Семья России» (проза) — 2007 г.; победитель первого этапа Всероссийского конкурса «Растим патриотов России». Патриотическая, военная тематика, как и тема малой Родины, занимают особое место в ее творчестве. Автор нескольких книг, активный участник творческих проектов продюсерского арт-центра «Странник»; соавтор (проза — рассказы, новеллы, очерки и повести) литературно-творческого проекта «Новые имена России. Тульский регион», семь книг-антологий которого вышли в 2005—2008 годах, а также избранного в трех книгах «Гриф и Странник...», вышедших и готовящихся к выходу в этом же издательстве.

КОЛЯН — ЭХО

Вечерело. Пурпурный диск солнца, нещадно жарившего землю днем, медленно скользил, опускаясь все ниже к вершинам отделенных гор, разбрасывая по иссиня-бирюзовому краешку неба разноликий веер лучей, похожий на павлиний хвост. С гор, с лесистых островов и от реки потянуло свежестью. Вдоль деревенских улиц, поднимая пыль и распространяя запах парного молока с разноголосым мычанием, оповещающим ожидающих хозяек о своем приходе с пастбища, прошествовало красно-пегое стадо коров, едва не волочащих налитое за день молоком вымя по земле. В стадо затесались козы, овцы, телята. Оно, облаянное изо всех дворов собаками, разбрелось по своим пригонам, наполняющимся разного тембра звуками-ударами первых струек молока о подойники. Затихал лай собак. Деревня, погружаясь в предсмеречную грустную прохладцу с ее неповторимыми звуками и запахами, угоманивалась.

— Э-э-э-эх-ге-го, — донеслось с берега реки. Деревенские жители давно уже привыкли к этому звуку и не обращали на него внимания. Лишь кто-нибудь скажет вскользь, улыбнувшись не в осуду: «Коля с эхом перекликается». За то к парню с детства и кличка приросла «Колян — Эхо». Чудной он немного, Колька-то. Рослый, плечистый, упитанный, но наивный и доверчивый как ребенок, хотя и с хитринкой. Круглолицый и курносый со светло-русскими волосами и коричневыми с серо-

голубыми прожилками глазами, он, когда выдавал эту самую, свою «хитринку», прищуривал один глаз, и выражение лица делалось лукавым и нетерпеливым: «Эта, слыш, чо скажу, ноне невод я через всю реку перекину, до того самого берегу — вся рыба будет моя. Вот увидишь — во-о-о-т такую рыбину поймаю, — и он широко разводил руки в разные стороны, — а эта-то, што у берега-то, — мелюзга, чо с ей пачкаться-то»...

Рыбалка — с измальства любимое Колькино занятие, как и для многих здешних деревенских пацанов. На утренней и вечерней зорьке — он всегда уже на берегу с удочками, на излюбленных своих местах — у него их было несколько: одно прямо напротив спуска с горочки от деревни; другое чуть поодаль, у коряг — мощных корневищ поваленных когда-то давным-давно тополей; третье — подалее, в заводи, под склоненными к речке ветвями прибрежных ив. Еще несколько местечек было у Кольки по мелким островкам, образованным многочисленными рукавами и рукавчиками Катуня, ее протоками. Любил Колька не только рыбу удить, но еще, как сам он говорил, «реку слушать и с эхом перекликаться». По первой причине он и выбирал места уединенные для рыбалки и «слушания реки», по второй причине, рядом с ним усесться рыбачить мог только тот, кто не знал Кольку. Местные же недалеко от Коли не пристраивались с удочками, знали — всю рыбу распугает: чуть смеркаться начнет, и река затихнет, начнет он перекличку с эхом. Встанет во весь рост, а то забредет в воду в глубоких резиновых галошах, одетых на босу ногу, сложит ладони у рта рупором, и заорет, обратившись лицом в сторону острова и гор по ту сторону реки: «Э-э-э-эх!» Или короткими и резкими как удары бича вскриками: «А-а-а! А-а-а!». Во дворах, что ближе к берегу, всполошатся и разноголосо забрешут собаки, встревожено кудахнут на насестах в стайках куры, взгоготнут гуси, кинутся в глубину реки из-под ног Коли косяки мальков, егозя серыми спинками на мели, меж камешков, по которым играет, нежно перешептываясь, вода.

А из далекого далека донесется чистое, прозрачное, четкое и многозвучное, как бы смеющееся эхо, повторяя Колькины возгласы трижды: в ближних островах и протоках, на самом дальнем, за этими островами, русле Катуня и в отдаленных, синееющих в сумерках вершинах гор и долин.

— Э-э-э-э-э-э-эх-эх-эх-хе, — вторит смеющееся, ясное, таинственное эхо. А Колька идет вдоль берега реки, то спускаясь в нее, то, наоборот, поднимаясь на пригорочки и, зная себе, самозабвенно перекликается с эхом. И вторит оно ему всякий раз по-разному, но озорно, со смешком, в многоголосицу.

— Слыште, как откликается? — спросит Коля, если кто-то из деревенских ребят окажется рядом и зачарованно будет наблюдать за Колиной игрой с эхом. — Я это эхо сам видал, — уверяет Коля.

— Да ну! Врешь, поди. Какое оно? — испуганно и вопросительно уставятся пацаны на Колю, — где видал-то? — сгорая от любопытства и непонятного страха перед чудом таким, почти шепотом спросит кто-нибудь из ребят.

— Ей-бо, видал, вон там вон, над лесом, — и Коля покажет рукой в сторону островов за ближней протокой. — На пар или туман похожа, подымается так над вершинками-то, подымается, с головой, руками и поплыло, поплыло туда вон, к горе, к Петушку-то, а само смеется и мне откликается. Меня, знашь, аж оторопь взяла, но бежать я не кинулся. Потом еще его видал. Оно завсегда со мной доброе, баловливое. Мож, счас ишо покажется. Сами и увидите.

Пацаны затихали и во все глаза, до слез напрягая зрение, смотрели за протоку, на острова, в ту сторону, куда указывал Коля, сияясь рассмотреть таинственное эхо, если вдруг оно покажется.

— Я и домового, и лесного лешего видал, — искренне наподдаст жару и без того замершим в ожидании и оторопи пацанам Коля. — Тут вот, на бережку, у тех вон кус-

кустов-то, у реки. Костер-то зажег, сижу. Вдруг сзади, за спиной кто-то по тальнику-то шась туды-сюды, да быстро так мелькат, хорошенько-то не рассмотрел. Ага. Но, зуб даю, лешак то был. Он огонек-то любит, вот и метался вокругом.

И все замрут от услышанного и дышать стараются бесшумно, боясь потревожить наступающую темноту и кого-то в ней неведомого.

— Шибко страшно?

— Чо страшновато-то?

— Ну када он, этот-то, в кустах бегал? — с заговорщицким полупшепотом спросит кто-нибудь из ребят.

— Пряма. Нисколечка. Они хошь огонь и любят, но сами подойти к нему боят-ся — это я, сто пудов, знаю. Да я вообще не боюсь ни эхи, ни лешаков, ни домовых и суседки...

— Пошто так-то?

— А чо их пужаться-то? Они же завсегда с нами. Их обижать не надо, и оне не обидят — точняк,— спокойно ответил Коля, как будто речь шла о вещах, вполне обычных, не стоящих особого внимания и скомандовал:

— Да тише вы! Слыш, река зашепталась, слыш как — тихо, с лаской по камешкам — это к ведру, пекчи завтра будет боле, чем седня, вот увидити.

— Как это ты реку-то слышишь? Чудно.

— Она — тоже живая, как мы. Разговаривает. Када ворчит — к ненастью и ветру. Када плачет и шибко шумит, злится, значит утоп кто-то...

— Да ну! Откудава ты это знашь?

— Ды так, само. Слушаю, да понимаю, чо к чему — вот и вся недолга: ничево тут такова, е мое...

ЯКОРЬ

— Батя! Знашь, какова талменя седня дядя Проня поймал!? — возбуженно крикнул Коля прямо от калитки, которая захлопнулась за ним с резким, громким стуком, будто выстрелила, но он на это не обратил никакого внимания, как и на слова выбежавшей на его голос из летней кухни матери: «Ты че так воротчиками-то хлопаешь, сломаются ведь». Резко бросил у крылечка удочки, рывком поставил рядом помятый, закопченный на костре алюминиевый трехлитровый бидончик с плещущими в нем пескарями и быстро вбежал по ступенькам на крылечко, где, потягивая папироску из самосада, отец плел сеть, ловко и шустро мелькая тонким, длинным, отполировавшимся до блеска деревянным челноком. Он, не выпуская папиросы изо рта, прищурив один глаз от ее едкого дыма, вопросительно посмотрел на сына, кивнув подбородком снизу вверх: че, мол, случилось-то?

Коля с размаху плюхнулся у его ног на теплые, прогретые за день солнышком, крашенные под охру доски крылечка и, обернувшись через плечо к отцу, очумело покрутил головой.

— Ну, е мое! Слыш, батя, грю, я такой рыбины сроду не видал! Прямо поллодки — с метр или боле — блестит, аж горит вся! Втору уж таку выудил.

— Втору? — удивленно переспросила подошедшая мать с веселкой в руке, которой она мешала варево свиньям у летней печки под дощатым навесом, в ограде. Присаживаясь на ступеньку, без всякой зависти добавила со вздохом усталости: «Дает же Бог людям».

— Дык и я лавливал не таких ишо, помниш же, мать: и талменей, и нельму, Колька ишо маленький был, наверно, не помнит...

— Я-то не помню!? Помню! У ей ишо хвост со стола свешивался и икру солили, правда, мама?

— Правда, правда, сынок! Ишь, отец, какой памятливый — помнит. Так он уж большенький был тада,— обрадованно закивала мать, заправляя выбившиеся, тронутые сединой, волосы под беленький, ситцевый платок в мелкий синий цветочек. Ее ласковые, серые глаза так и засветились материнской любовью.

— А знаете, почему дядя Проня крупняк ловит? Потому што он купил этот... как ево, ну в кине на параходах-то показывают... А! Вспомнил — якорь! Из железа, черный такой, с тремя загнутыми вверх зубцами. Он в лодке-то на середину, на быстринку, заплывет, за дальний остров, кинет якорь-то и полавливает. Его никуда течением не сносит — во как!

— На спиннинг? — без видимого интереса спросил отец.

— Ага, на спиннинг, на блесну. У нево в лодке-то ишо рыбы полно было: не такой уж здоровой, как та, но и не то, што эта — мелочь,— Коля пренебрежительно и обиженно кивнул на бидончик с пескарями.

— Ничо, сынок, пескарь — тоже рыбка хорошая, мякотькая, некостистая. Уж ты-то нас, Колюша, слава Богу, рыбкой кормишь.

— Да разе это рыба! Так — тьфу. Да разе, е мое, у берега-то большу поймашь? Вот мне бы такой якорь-то, я бы тож поймал таку бы, а мож, и поболе,— Коля огорченно призадумался, опершись руками в колени и опустив голову. Потом вдруг оживленно встрепенулся и, переводя загоревшийся взгляд с отца на мать, захлебываясь от нетерпения, предложил: «Батя, ма! А давайте и мы купим якорь-то! Вот увидите, каку я рыбину, талмешка, а мож, даже нельму поймаю! Купим, а?»,— он остановил вопросительный взгляд на отце.

Отец, не прерывая плетения сети, не спешно, со знанием дела, беззлобно пердразнил: «Купим, купим! Купить-то все можно, но все денег стоит. Я, когда у Татьяны был,— Татьяна — дочь жила с семьей, мужем и двумя детьми, в райцентре,— заходил в скобяной, видел; якорь-то этот — двадцать пять рубликов стоит, язви его...

— Двадцать пять! — пораженно повторила мать,— это ж куль муки высшего сорта — на зиму хватит.

— То-то и оно,— резонно поддержал отец.

— Дык я сам заработаю, зарплату получу — и купим,— не унимался Коля.

— Дак железяка-то та стоит ползарплаты твоей, подумай, Коля. Горбатиться будешь на каку-то железяку,— урезонивала мать.

— Да, дороговато будет,— подытожил отец.

— Ды дело ж вам говорю — купить надо,— чуть не плача стоял на своем Коля.

Помолчали.

— Оно, может, и надо, кто ее знат, ек-макарек. Оно, конешно, для дела, не для баловства,— вслух неспешно размышлял отец.— Если рыбу отвезти на продажу, тра-ты, пожалуй, себя вскорости окупят, а, мать, как думашь?

— Даже и не знаю, отец, давайте решать...

Порешили купить. Взяли в совхозе лошадь с телегой, поехали всей семьей в райцентр за двадцать километров, еще и с тем, чтобы с дочкой, зятем и внуками повида-ться. Коля сиял, суетился и много говорил. У телеги крутились мальчишки — вся деревня уже знала, что Кучеренковы едут за якорем, и Коля собирается крупную ры-бу ловить. И первую же,— пустили слух, толи сами, толи с его слов,— подарит Розе Сергеевне, молоденькой учительнице-литераторше, прибывшей в село в прошлом году, по распределению, которую он безответно любит и называет своей невестой.

...Встречало Кучеренковых из райцентра полсела: не только ребятня, но подошли и мужики, и парни — ровесники Колины, помогли разгрузиться. Вынули из соломы мешок с якорем, бережно его достали, будто он не железный и может сломаться, и положили в ограде на брезент. И вот он — Колина мечта, черный, блестящий, как воронье крыло с заостренными на концах загнутыми вверх тремя зубцами, на вер-

шинках которых играют солнечные лучики, лежит, красив и неправдоподобен, в столь не вяжущимся с ним сухопутным окружением: телегой с поднятыми оглоблями, поленицей колотых дров, граблями, вилами и таяками, дружно, ручка к ручке, прижавшимися в углу дома, в тенечке. Даже толстые, пестрые куры с хохолками на головах с любопытством и испугом посматривают на диковинку. С достоинством, но нерешительно, высоко поднимая ноги, окольцованные пестрым пушком, и, важно их переставляя, настороженно и резко поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, отчего его гребешок вздрагивал, озираясь и каждую секунду находясь на стороже, подошел и остановился не вдалеке от якоря щеголь-петух. Его разноцветное, словно атласное оперенье играло на ярком, жарком солнце всеми цветами радуги. Не теряя бдительности, он с явной тревогой и любопытством пробормотал скороговоркой на своем, петушином, языке: «А это еще что такое? Зачем оно здесь?» И также важно отошел в дальний, тенистый от веток черемухи угол ограды, уводя за собой призывным клекотом кур. Подошли и осторожно обнюхали якорь трехшерстная кошка Фимка и рыжая хозяйская собака Дора. И, не найдя в нем ничего для себя опасного, спокойно, лениво позевывая, удалились.

Зато любопытствующего народу прибавилось. Мальчишки в основном. Они трогали якорь, нюхали его и даже лизали, говорили, что пахнет железом и краской, а восьмилетний Миша даже сказал: «Морем», хотя море видел только в кино. Взрослые мужики степенно рассуждали о рыбалке с якорем, о том, где его лучше забросить и сходились во мнении, что с якорем куда удобнее рыбачить: на любой стремнинке лодку можно поставить. Правда, говорили, тяжеловато, мол, одному-то его забрасывать и поднимать, хорошо бы какую-нибудь лебедку в лодку придумать. Ну, ничего, поначалу и так сойдет, а там, авось, всей деревней что-нибудь сообразят. Больше всех, конечно, суетился вокруг якоря Коля. Он его то пытался приподнять: «Чижол, е мое», то смахивал только ему одному видимые пылинки: «В дороге запылится», то прикладывая к нему ладонь: «Холодный, как лед, е мое» и улыбался, улыбался во весь рот, а то и громко захохотал на чью-то шутку. Утомонились поздно вечером, когда уж солнце упало за горы и от реки, от островов потянуло прохладной сыростью и донесся голос ночной птицы. Коля даже забыл сходить на вечернюю переключку с эхом. Никогда он еще не ложился спать с такой детской радостью в сердце, с нетерпеливым желанием поскорей и пораньше проснуться. На рассвете он наметил рыбную ловлю на лодке с якорем и спиннингом, к которому с вечера приделал медную блесну, вырезанную из старого жарового самовара, взяв ее у отца и начистив до сияющего золотом блеска. Отец отговаривал его плыть одного. Говорил, мол, подожди денек-два, освобожусь немного с работой в совхозе и вместе махнем. Коля не мог так долго ждать: «Ничо, батя, я один управлюсь, а потом, как сможешь, — вместе».

...На берегу всем миром затащили якорь в лодку, для верности погромыхали длинной, толстой цепью, прикрепленной к нему, проверяя ее на прочность и надежность. Когда сталкивали лодку на воду, пацаны наперебой просились: «Колян, возьми меня с собой», «А меня возьми?»

— Не, — в другой раз, счас сам хочу, — возбужденно-радостно отвечал Коля, суется в лодку. Оттолкнулся веслом на отмели и направил корму лодки на середину широкой в том месте реки, где, огибая длинный остров с острым мысом, сливаются основное русло Катуня и один из ее рукавов, на быстринку, туда, где водились хариусы, таймени и даже нельма.

Оставшиеся на берегу мальчишки с интересом и сожалением, что их не взяли, наблюдали за быстро удалявшейся лодкой, подставив ладони ко лбу, чтобы яркое солнце не било в глаза. Они, сгорая от любопытства и напряжения, изготобились наблюдать, как Колян подсечет крупную рыбину, как будет ее подводить к лодке, а потом и затаскивать в нее. Каждый представлял, как на солнце сверкнет серебром

рыба-гомадина и, тяжело плюхнувшись на дно лодки, начнет биться и подпрыгивать, угрожая, того и гляди, выскочить за борт — и поминай, как звали. Предвкушали, как довольный Колян, забросив рыбину на плечо, понесет ее домой, а они, возбужденно обсуждая улов, будут крутиться около, стараясь чем-нибудь помочь, норовя хотя бы дотронуться до чудо-рыбы. Есть что-то необыкновенно чарующе притягательное в большой выловленной рыбине, сколько бы раз это ни случалось. «Не упустил бы ее Колян», — внутренне беспокоились пацаны. Коля нетерпеливо налегал на весла. С берега видели, как выплыв на середину-стремнину, он, закрепив в уключинах весла и оставив их на плаву, чтобы лодку меньше сносило по течению, возился с якорем, с трудом его поднял и выкинул за борт. Видели, как от плюхнувшего в воду якоря высоко взлетели брызги. А потом произошло что-то непонятное. Коля не закинул спиннинг, не стал зачарованно удить рыбу, а заметался в лодке, сильно ее раскачивая, размахивал руками, что-то кричал. Но река шумела, да и было далековато, слов нельзя было разобрать. Потом Коля перевалился через борт лодки и что-то долго рассматривал в воде. Выдернул весло и погрузил его в воду с той стороны, куда бросил якорь. «Глубину мерит, — комментировали на берегу. — Чо он мельтешится-то?» «А лодку-то че сносит течением? Якорь что ли не держит?»...

Когда Коля быстро погреб к берегу, удивление на берегу еще больше возросло: «Чего это он?» «Случилось чего-то...»

— Ты че, Колян?

— Пошто рыбачить не стал? А якорь где? — наперебой закидывали парня вопросами мальчишки, едва его лодка приблизилась к берегу. Лодка со скрежетом ткнулась носом в прибрежную гальку. Коля шустро выпрыгнул из нее и, ошарашено крутя головой, ошеломленно выдохнул: «Утоп якорь, е мое...» Пацаны молча испуганно уставились на него, как, мол, так — утоп?

— А вот так. Не сдагадался, е мое, к лодке-то привязать. Надо было еще тут, на берегу, закрепить его, е мое... Вот и наловил рыбы! Теперь не достать — глубоко там и несет шибко... Хотел нырнуть — да че толку-то, не достать, е мое, точняк — не вытащить теперь — все, баста!..

Пораженные, мальчишки слушали, открыв от неожиданности рты. А потом, будто прорвало, загалдели, предлагая свои варианты:

— Водолазов надо! Они достанут, — вскричал шупленький Саня, — я видел, как они тогда ныряли, чтобы тросы к трактору подцепить... Ну, когда Васькин «Беларусь» под лед-то ушел...

— То трактор совхозный, а то якорь чей-то... Поедут они тебе из города из-за этого, — с сомнением протянул худой и длинный четырнадцатилетний Пашка, который уже подрабатывал летом в совхозе, на конной сенокосилке. — Да им платить надо, совхоз тогда платил им за трактор-то... Это уж я точно знаю...

Ему поверили, что уж он-то точно знает, что за водолазов платить надо, ведь Пашкина мать работала в совхозе бухгалтером.

— Я лучше другой якорь куплю, — поразмыслив, с твердой яростью заключил Коля, — заработаю лишних денег за лето и куплю! На то зло, е мое, вот увидите...

Валерий Румянцев
(г. Сочи — г. Волгоград)

РАССКАЗЫ

Зорькин Борис Иванович родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Среднюю школу окончил с золотой медалью. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, три года работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Из органов ФСБ РФ уволился в звании полковника. Женат, имеет двоих детей и троих внуков. В настоящее время проживает в Сочи, работает директором санатория «Известия» в Адлере. На фото — Борис Зорькин.

С 1988 года выступает в печати в соавторстве с волгоградским писателем Гребенюком Валерием Владимировичем (литературный псевдоним двух авторов — Валерий Румянцев). Лирические и юмористические стихи, басни, эпиграммы, литературные пародии, лаконизмы, реалистические, сатирические и фантастические рассказы Валерия Румянцева печатались в различных газетах России и многих журналах («Чаян», «Капкан», «Окрошка», «Оса», «Новый крокодил», «Нахаленок», «Юный техник», «Нижегородская провинция», «Луч», «Русское эхо», «Литературный Башкортостан», «Литературные незнакомцы», «Золотое перо», «Южная звезда» и других). Вышло в свет десять книг Валерия Румянцева.

ОХОТА

У каждого человека есть небольшой круг людей, с которыми, в общем-то, и проживается жизнь. Вокруг сотни и тысячи, с которыми ты связан тем или иным образом, но они не являются участниками твоей жизни; они могут быть, а могут и не быть. Но есть единицы, в крайнем случае, десятки, без которых не было бы и твоей жизни в том виде, в котором она состоялась и еще будет продолжаться.

Для бывшего колхозного механика Григория Свиридова одинокая бабка Авдотья, живущая по соседству, — человек из его жизни. А свою жизнь не любить и не ценить нельзя. Ибо любить себя — это не право, а почетная обязанность. Хотя теперешнюю жизнь Свиридов и не ценил, и не любил, но у этой нелюбви уже другой смысл. Когда-то он был в колхозе механиком, и все машины и трактора были его гордостью. Их железное здоровье зависело от него, — и поэтому он с утра до вечера крутился, как белка в колесе. Потом пришли другие времена, и не стало в их селе ни колхоза, ни автомашин, ни тракторов. Да и сам Свиридов стал никому не нужен.

Вот и вчера, в новоявленный праздник — День единения России — никакого единения Григорий не почувствовал. И это несмотря на то, что СМИ и чиновники

самых разных рангов наперебой уговаривали его почувствовать это самое единение с Гайдаром, который бесцеремонно залез в его карман и вытащил деньги, собранные на ремонт дома; с Чубайсом, который отдал нефть будущим олигархам, а ему дал фантик и сказал, что это и есть его собственность; с Ельциным, который пропил Союз и расстрелял Конституцию и Верховный Совет; с Ходорковским, который хотя и пребывал ныне в тюрьме, но почему-то совершенно не вызывал у Григория сочувствия. Даже в своем селе Свиридов ни с кем не чувствовал единения; жил, так сказать, анахоретом. Он был бы рад осязаемо, грубо, зримо ощутить единение и поднять стопку с хорошей водкой или хотя бы плохого самогона с друзьями юных и поздних лет, но все они, увы, так далеко, что ни доехать, ни, тем более, долететь нет никакой возможности. Сейчас бы Минин не смог собрать ополчение, потому что кони остались только в конюшне Лужкова, а проезд на других видах транспорта оказался бы не по карману ополченцам. Приехал бы один Пожарский, князь все-таки...

Примерно так второй день размышлял Григорий, перебирая в памяти беды последних пятнадцати лет, которые сыпались на головы его односельчан. Очередной день уходил, оставляя призрачную надежду на утро.

А утро принесло новую беду. Ночью волки снова задрали теленка, теперь уже у бабки Авдотьи; того самого теленка, которого она собиралась за лето вырастить и осенью продать, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Одна надежда была у нее — на теленка, и того лишилась. Свиридов, увидев зареванную соседку, твердо решил поквитаться с хищником. Бабку Авдотью Григорий знал с детства, много добра она сделала для него, хотя, если разобраться, чужой человек. Впрочем, раньше отношения между людьми были намного добрее, не то, что теперь. Сейчас насаждается совсем другая философия: все только для себя, человек человеку — волк. «Вот и посчитаемся с волками», — усмехнулся про себя Свиридов.

Он взял свою старенькую «ижевку» и вышел из дома. Проходя мимо полуразрушенного строения, которое в советские времена было детским садом, Свиридов отметил, что летом еще были целы двери и окна. Сердце непроизвольно сжалось от мысли, что доламывают свои же, сельские. Возле территории тракторного отряда грустно подумал о том, что уже много лет там не слышно веселящего душу рокота моторов; вспомнил, как летом цыгане вывозили отсюда на прицепе металлолом. Повернул на окраину села к бывшей ферме, от которой остались одни стены. Прошел мимо, осматривая эти стены, и, еще более озлобленный, зашагал к лесу.

Пройдя через луг, схваченный первым морозцем, он бегом пересек еще укутанный туманными клочьями овраг, миновал песчаный пригорок и очутился в дубовой роще. В прозе жизни всегда найдется поэтическая строка. Лес встретил его свежестью и ничем не нарушаемой тишиной. Стояло ясное утро. Солнце еще только чуть-чуть поднималось над лесом, и приятно было ощущать на лице прикосновение его мягких лучей. Озлобленность стала притупляться, наверное, потому, что самые лучшие соседи — это лес, река и поле, граничащее с горизонтом. Двигаясь вдоль узкого ерика, Свиридов подошел к Волчьему броду. Здесь он остановился, поудобнее укрепил на спине рюкзак и уже осторожнее, держа «ижевку» наизготовку, направился к зарослям камыша и тальника. Он долго пробирался сквозь эти заросли, перемешивая ногами тонкий ледок с поблескивающей среди кочек водой. Когда, наконец, он вышел на остров, то уже порядком устал и почти жалел, что потащился в такую даль. Немного отдохнув, он осторожно пополз вдоль кустов ивняка к старой горелой иве, туда, где, по уверениям опытного охотника Семеныча, находилось волчье логово.

«Ты уж, Гриша, смотри, не оплошай. Постарайся, — говорил Семеныч Свиридову, когда узнал, что тот собирается на волков. — Я бы сам пошел, да занемог чтой-то. Значит, как пройдешь на остров, так и дуй вдоль ивняка, не сумлевайся. Как раз на логово и выйдешь».

Логово было под старым поваленным деревом, недалеко от берега. Его обитателей не оказалось, и Свиридов решил подождать их тут же. Он старательно замаскировался в кустарнике, положил ружье в развилку и стал ждать. Время как будто застыло на месте. Хотелось закурить. Пошарив рукой в кармане, убедился, что пачка «Примы» и спички на месте. Однако курить никак нельзя: волки почуют. От резиновых сапог заныли пальцы на левой ноге. Снять бы, но и этого делать нельзя: портяночный дух тоже может отпугнуть хищников. Придется терпеть. Вспомнил безутешные глаза бабки Авдотьи. Чем же ей помочь? А чем поможешь, если сам на мели? Просидев так больше часа, Григорий задремал.

Проснулся он от какого-то беспокойного чувства: было такое ощущение, что он не один на этой полянке. Свиридов осторожно выглянул из куста и сразу же увидел волков. Их было двое: стройные и ловкие, они весело гонялись друг за другом и издавали какое-то неуклюжее, до смешного непохожее на собачье, тьяканье. Звери настолько увлеклись игрой, что не замечали ничего вокруг.

Стараясь не дышать, Свиридов осторожно взвел курок. Прицелился в более крупного зверя и, услышав стук своего сердца, выстрелил. Оглушительный звук оборвал веселую игру. Крупный поджарый волк на бегу вздрогнул всем телом и медленно повалился набок. Он был убит наповал. Второй волк в первое мгновение кинулся бежать, но, оглянувшись и увидев, что его товарищ остался неподвижен, нерешительно остановился. Он пережил уже не одну зиму, не раз слышал звук выстрела и прекрасно понимал, что этот звук означает. Слепой страх и сознание своей слабости, своего бессилия перед людьми и их оружием гнали его вперед, дальше отсюда, призывали укрыться от этого ужасного грома, забиться куда-нибудь в чашу и замереть. Но, видно, было в его неискушенном зверином мозгу еще что-то, что не давало волку послушаться своего инстинкта. Это необъяснимое чувство толкало его к неподвижно лежавшему товарищу, навстречу смерти.

И оно победило. Зверь медленно подошел к телу убитого и, даже не взглянув на кусты, в которых притаился охотник, стал подталкивать лежащего волка мордой, словно призывая его подняться. Он все еще на что-то надеялся. Хотя откуда он мог знать, что мертвые не возвращаются? Его товарищ продолжал неподвижно лежать на земле. Тогда волк медленно поднял голову и завыл протяжно и отчаянно.

Свиридов вновь прицелился, но не смог выстрелить. Этот ужасный вой проник ему в душу, и охотник не выдержал. Он опустил ружье и, не оглядываясь, не думая об опасности, зашагал прочь. Он шел напрямик, спотыкаясь и не обращая внимания на хлещущие по лицу ветви кустов. Сердце колотилось почти у самого горла, а Свиридов хотел только одного: оказаться как можно дальше от этого места. И долго, долго вслед ему несся горестный волчий вой.

СУХАРИ

Жизнь устроена так, что у каждого молодого поколения есть свой враг. Поколению, к которому принадлежал Василий Черкашин, противник достался сильный, одно время даже казавшийся неодолимым. И звали этого врага немецкий фашизм. Черкашину немного повезло. На фронт он попал не в трагическом сорок первом, а в октябре сорок второго, когда и немцы начали выдыхаться, и наши солдаты многому научились, да и генералы тоже.

Прошел месяц, как Черкашин носил шинель, но ему казалось, что минуло уже полгода. Когда идет война, восприятие времени иное. Правда, до фронта они пока не добрались, хотя до него осталось рукой подать. Где-то там, за горизонтом, рвутся бомбы и снаряды, и ветер приносит только отголоски этих разрывов. Вчера утром их

колонну тормознули, и все они чего-то ждут. Никто не знает чего. Дали команду сдвинуться на обочину и стоять. Вот они и стоят. А мимо идут солдаты, идут и идут туда, где каждый день тысячами убивают и калечат. О чем думает каждый из этих солдат? Спросить бы их... А кто спросит? Не до расспросов сейчас.

Черкашин, как и другие ребята из его взвода, спасаясь от холода у костра, томился в ожидании. Сухари, которые каждому из них выдали как суточный сухой паек, уже давно перекочевали в их молодые желудки, и от этих сухарей остались одни воспоминания. Как часто бывает, в такие минуты разговор заходит о еде. Каждый вспоминал, какие блюда готовили дома, каков вкус этих блюд. Армянин Ашот нахваливал хаш, который часто варила его мать, при этом он причмокивал, закрывая глаза. Казах Самет спорил с ним и доказывал, что лучше бешбармака ничего нет. Вспоминали и русские щи, и хашламу, и пельмени, и шашлык, и манты, и много еще чего. А москвич, по фамилии Берг, рассказал, как он до войны бывал с отцом в ресторанах, и называл блюда, о которых никто не слышал.

Когда мимо них проходили грузовики, покрытые брезентом, всем было ясно, что везут или боеприпасы, или продукты. Об этом стали говорить все громче, но пока была махорка, крамольных мыслей вслух никто не высказывал. Когда же козью ножку из последней махорки по очереди докурили, стало совсем паршиво. Махорка и кипятик еще как-то отвлекали от голода, но когда стемнело и остался один кипятик, раздался нерешительный голос Берга:

— Можно было бы разведать, что там везут в машинах, но нельзя. Мы же комсомольцы. Я правильно говорю, Черкашин? Ты же у нас комсорг.

Черкашин поежился толи от холода, толи от провокационного вопроса и ничего не ответил.

— Разведать-то можно,— продолжил тему Ашот,— только после этого и в штрафбат загреметь можно.

— Быстрее бы на фронт. Там-то, говорят, кормят нормально...

В разговор о том, какие же продукты везут в грузовиках на фронт, втянулись уже почти все. Не участвовали в этом разговоре только Черкашин и малоразговорчивый сибиряк Чуев. Василий как комсорг не имел права подрывать дух комсомольцев подобной болтовней. И он отмалчивался. Хотя в душе он соглашался с намерением своих завтрашних боевых товарищей. Только бы хлебных продуктов и махорки! На большее они не претендуют. Когда стемнело, Берг в шутку предложил провести комсомольское собрание на тему «Роль комсорга в обеспечении личного состава сухим пайком». Василий молча встал и отошел от костра.

— Наш комсорг так наелся, что пошел до ветру,— пошутил Берг, и взрыв хохота заглушил его следующую фразу.

Черкашин не случайно удалился от своих сослуживцев. Он услышал, как вдалеке послышался шум мотора. Машина шла в сторону фронта. В голове комсорга молниеносно созрел план. В двухстах метрах от него поворот дороги, значит, водитель снизит скорость. Там же, на повороте, ложбинка, в которой можно спрятаться, иначе свет фар машины зацепит его фигуру; тогда и шофер и сопровождающий груз будут настороже. Черкашин быстро добежал до ложбинки, снял шинель, кинул ее на землю, лег сам и, расстегнув несколько пуговиц на гимнастерке, превратился в охотника, который хочет убить голод. «Что я делаю? — растерянно мелькнуло у него в голове.— Ведь если узнают... Но ведь там же голодные ребята. Эх, была не была!» Когда полторка поравнялась с Василием и начала тормозить, он метнулся к машине, в мгновение ока зацепился за задний борт, подтянулся, нащупал ногой какую-то опору и правой рукой юркнул под брезент. Рука легла на картонный ящик, отодвинула какое-то препятствие и нащупала сухари. Почти машинально рука схватила добычу и отправила ее за пазуху. Несколько таких движений — и Черкашин спрыгнул на доро-

гу. Бегом он вернулся к шинели, быстро надел ее, растолкал добычу по карманам и, скрывая возбуждение, вернулся к костру.

— Черкашин! Еще один ужин проехал мимо... — не унимался Берг и кивнул на дорогу.

— Ну хватит тебе приставать к комсоргу, — прервал москвича Чуев. — Смотри, а то доболтаешься.

— Я так понимаю, что пора доставать «НЗ», — объявил Василий и начал раздавать сухари товарищам.

Все восхищенно загалдели, а Берг кинулся обнимать Черкашина, приговаривая:

— Ну, ты молодчина, настоящий комсорг. Всю жизнь помнить буду...

Когда ели сухари, все понимали, как эти сухари попали в карманы к Черкашину, но вслух никто не проронил ни слова. Костер, кипяток, да еще и сухари — уже можно было жить. После непредвиденной трапезы Чуев махнул рукой и к изумлению всех выпалил:

— Раз пошла такая пьянка!..

При этом он достал три щепотки махорки: все, что у него оставалось на черный день.

Вкус тех сухарей и той махорки Черкашин запомнит на всю жизнь. А жизнь у него была еще впереди. Два года, проведенные в окопах, завершились тяжелым ранением. Орден Славы на груди говорил о том, что те сухари ему можно было простить. Черкашин вернулся с фронта и пошел дальше по дороге жизни. Звезд с неба не хватал, работал токарем в вагонном депо и так дожил до пенсии.

Прошло много лет. Очень много. Ушли годы — и ни слуху, ни духу... Василий Степанович Черкашин только что перешагнул семидесятилетний рубеж. Возраст, которого он достиг, — это было одно из его достижений. Однако радости от этого он не испытал. Пришли другие времена, когда борцы с привилегиями перешли на сторону противника, когда в гонке за богатством победителей уже не судили, когда торжество лжи широко освещалось через средства массовой информации, когда опьянение свободой пока еще не вызвало похмелье заднего ума, когда из двух зол стали выбирать тайным голосованием. А выборы в Думу? Они показали, что только очень богатые люди могут позволить себе думать о родине. Ветер перемен поднял пыль, за которой Черкашину трудно было рассмотреть происходящее. Вокруг него бурлила совершенно иная, чуждая для него жизнь. То, ради чего он проливал свою кровь, за что в меру своих сил боролся всю свою жизнь, новая власть, не задумываясь, перечеркнула. Получалось, что свою жизнь он прожил зря. Черкашин так же, как и миллионы других его соотечественников, растерялся в этой новой жизни. Он не понимал и не хотел понимать, как это всего за три-четыре года одни россияне умудрились заработать миллионы долларов, а несколько человек — миллиарды. Сам Черкашин относился к той категории, кого судьба бросила в потребительскую корзину, а попала в мусорную. Пришло время, когда будущее уже не таило в себе надежду. Видимо, поэтому он достал бумажный портрет Иосифа Сталина, который бережно хранил много лет, и кнопками прикрепил его у себя дома на видное место.

Однако и в новой жизни у Василия Степановича иногда бывало что-то хорошее. Поздней осенью, когда пожаловали первые морозы, ему неожиданно дали путевку в санаторий. Подавляющее большинство отдыхающих сочинского санатория «Волна», куда прибыл Черкашин, составляли так называемые «социальники», то есть те, кому государство выделило бесплатную путевку и оплатило дорогу до здравницы и обратно домой. В основном это были пожилые люди, которых жизнь особо не баловала. Стояла уже середина ноября, но солнце не до конца растеряло свой задор. С деревьев тихо и безропотно сыпались листья. Василий Степанович сидел на лавочке и смотрел на листок, который только что упал к его ногам. Еще немного лет, подумал он, и он

также, как этот листок, упадет и исчезнет с лица земли. Хотя обед в столовой санатория уже начался, Черкашин не спешил. Он вошел в столовую специально позже всех, кушал не спеша, чтобы уйти последним. Это он делал для того, чтобы в обезлюдевшем зале взять с десятка кусочков хлеба. После этого он сразу же направился в свою палату и бережно разложил принесенные кусочки на теплую батарею.

И так происходило изо дня в день.

За два дня до отъезда Черкашина из санатория, погода закапризничала: резко похолодало и пошел нудный мелкий дождь. Генеральный директор санатория сидел у себя в кабинете в плохом настроении, но не по причине паршивой погоды. Он погружен был в раздумья о том, как дополнительно выкупить акции санатория, чтобы контрольный пакет был у него в руках. А как известно, пока цель не достигнута, она господствует над нами. Его размышления прервал стук в дверь. Вошла заведующая корпусом и, не успев отдышаться, негодуящим тоном стала докладывать:

— Николай Алексеевич, у нас ЧП. Только что горничная сообщила, что при уборке сто четырнадцатой палаты она обнаружила рюкзак с сухарями. Как выяснилось, рюкзак принадлежит отдыхающему Черкашину...

— Ну это разве ЧП,— равнодушноотреагировал руководитель здравницы. Потом он встал из-за стола, подошел к окну, на мгновение задумался.— Наверно, этот Черкашин — человек пожилой?

— Да, Николай Алексеевич, вы прямо в точку попали. Черкашин — участник Великой Отечественной войны. Зовут Василий Степанович,— уже спокойнее продолжала докладывать заведующая корпусом.

— Пригласите его сейчас ко мне,— сказал хозяин кабинета и снова стал смотреть в окно, дав понять, что разговор окончен.

Вскоре в дверь кабинета генерального директора нерешительно постучали и на пороге показался сухощавый старичок среднего роста. Он неуверенно закрыл за собой дверь и в нерешительности застыл на месте. Костюм на нем был потертый, старого фасона, в руках он сжимал выгоревшую фуражку. Видавшие виды ботинки красноречиво свидетельствовали о том, что их хозяин сушит сухари не от хорошей жизни. От спального корпуса до административного здания старик шел без зонта — и его обремененное глубокими морщинами лицо было влажным.

— Проходите, присаживайтесь,— спокойно предложил хозяин кабинета и указал жестом на приставной стол, облепленный с двух сторон стульями.

Старик сел, положил фуражку себе на колени и опустил голову. Он знал, о чем пойдет речь.

— Пожалуйста, дайте вашу санаторно-курортную книжку.

Черкашин вынул из внутреннего кармана книжку и молча протянул ее генеральному директору. Николай Алексеевич не спеша полистал страницы, убедился, что отдыхающий принял йодобромные ванны, гидромассаж и другие процедуры.

— Василий Степанович, а скажите мне, зачем вы сушите сухари? Только честно.

Лицо у старика дрогнуло, и на глазах выступили слезы. Он наклонил седую голову и стал рукой вытирать глаза. После затянувшейся паузы он хотел что-то сказать, но горло не слушалось, и он смог только проглотить слюну.

— Я прошу прощения, но я хочу получить ответ на свой вопрос.

Черкашин тяжело вздохнул и стал объяснять:

— Понимаете, мне уже восемь месяцев не платят пенсию. То задерживали на три-четыре месяца, а в этом году стало еще хуже... Мне-то пенсии хватало. Я ведь один. Жену похоронил. Сын с семьей в Приморском крае. Живу на станции под Ленинградом. Все бы ничего, если бы пенсию давали... А без хлеба как? Вот, думаю, сухарей хоть привезу и дотяну. У меня ведь огородик, куры... Деньги-то у меня были на книжке, были деньги. Да Ельцин все отобрал... — кулаки у старого солдата невольно сжались.

— Ну, понятно. Да вы не расстраивайтесь, Василий Степанович. Время сейчас тяжелое, я вас ни в чем не виню.

Они поговорили еще минут пять. Выяснилось, что Черкашин уезжает на два дня раньше срока: хочет быть дома к годовщине смерти жены. В заключение беседы Николай Алексеевич проводил ветерана до двери, пожал руку и добродушно сказал:

— Если будут еще раз давать путевку в наш санаторий, приезжайте.

Оставшись один, руководитель санатория вернулся в свое кресло и набрал номер телефона своего заместителя по питанию.

— Полина Георгиевна, есть такой отдыхающий Черкашин Василий Степанович — участник войны. Он уезжает на два дня раньше срока. Хоть это против наших правил, организуйте ему сухой паек на дорогу. Путь до Санкт-Петербурга неблизкий, а до Ленинграда еще более далекий...

Через два дня Черкашин уезжал домой. На перроне он купил газету и сел в поезд. Когда вагон вздрогнул и покатился, он достал очки, развернул газету и стал знакомиться с последней страницей. В колонке под названием «Фразы» он прочитал: «Мимо нас прошла целая эпоха, а мы остались невозмутимы и загадочны, как сфинксы». Василий Степанович отложил в сторону газету и, глядя в окно, долго думал над этой фразой.

ВСЕГО ОДИН ДЕНЬ

— Построиться во дворе! — раздалась команда, и омовенец Михаил Воропаев отложил журнал в сторону, сожалея, что не успел прочесть только что начатый рассказ.

Во дворе двухминутный инструктаж командира и — вперед.

На улице пахло весной. Ветви деревьев и кустарников ожили, почки уже готовы были взорваться зеленью, но Михаил не обращал на это внимания. С утра стало ясно, что сегодняшний день у него будет тяжелым. В городе готовилась несанкционированная массовая демонстрация протеста. И вот их подразделение уже вывели к началу одной из центральных улиц и поставили задачу не допустить прорыва демонстрантов на площадь. В голове у Воропаева еще мельтешили фразы, вылетевшие из уст командира во время инструктажа: «Экстремисты... подорвать авторитет президента... пытаются дестабилизировать... враги Отечества... наш святой долг...» В милиции Михаил служил всего третий год. Высокий, крепкий он перешел в ОМОН только по той причине, чтобы быстрее поступить в юридический институт МВД. И он поступил. Получить высшее образование другим путем для него было делом проблематичным. Теперь за обучение надо платить, а он из семьи бедняков. Еще в школе он мечтал стать юристом. Мечта — это надежда в объятьях воображения. Воропаев жил надеждой, что окончит институт, получит офицерское звание. А его воображение рисовало ему картины, когда он станет руководителем с погонами полковника милиции. Однако наступлению звездного часа мешают тучи жизни. За спиной надежды всегда стоит разочарование и ждет своего часа. Чем дольше он служил, тем больше видел разноликой мерзости в стенах своего ведомства. Руководители всех уровней и рядовые омовенцы не только переступают закон, но и вытирают о него ноги. Михаил знал, что воруют давно, но увидел, что прятать перестали недавно. В результате покупались иномарки, строились особняки. Воропаев видел, что граница порядочности осталась без охраны. И его матери, и его девушке, в которую он влюбился с первого взгляда, не нравилась его работа. У Михаила возникал вопрос: неужели цель его жизни оказалась учебной? Появились сомнения, правильно ли он выбрал профессию. На червя сомнения часто клонит пессимизм, и улыбка на его лице стала появляться

все реже и реже. Он не пытался выкручиваться перед лицом своей совести. Он хотел разобраться. Если уж быть орудием в чьих-то руках, то не слепым, а зрячим. Заочная учеба в институте, самообразование, служба в милиции раскрыли Воропаеву глаза на жизнь так, что временами хотелось зажмуриться, потому что он смотрел глазами, но видел сердцем. Картины, которые рисовала жизнь, не утешали: кругом нищие, бомжи, наркоманы, малолетние проститутки, повальное пьянство... Идеалы рушились, а где рушатся идеалы, суется мародеры. В мутном потоке жизни видимость ухудшается, но Воропаев видел это. Народ болен, а у больного поколения врачи кумирами не бывают. Да и кто они — врачи? На душе все чаще становилось противно. Ведь погода в душе зависит от климата в голове, а из головы труднее всего выбрасывать тяжелые мысли. Он хотел переворачивать страницы своей жизни чистыми руками. Налицо было напряжение в обществе, а брожение в обществе вызывает опьянение масс. Одни подались в религию, другие — в политику, третьи кинулись обогащаться... Одни стали белыми, другие — красными. Пропасть между богатыми и бедными растет бешеными темпами, увлекая за собой слабых и с той, и с другой стороны. Набирает обороты ненависть, а классовая ненависть — продукт длительного хранения. В стране царит двоевластие общественного мнения. Понятно, что рано или поздно Ельцин уйдет, но будет ли его преемник лучше? Борьба за свои убеждения преимущественно ведется с самим собой. Воропаев никак не мог понять, кто прав: коммунисты или демократы. С одной стороны, в той жизни не все было так, как хотелось; с другой стороны — в целом для людей стало еще хуже. Воропаев видел, что большинство историков страдают умышленным склерозом, чувствовал, что так называемая историческая правда — это всего лишь отретушированная ложь. Неужели революция — это болезнь, которая лечится только народными средствами? Много вопросов в последние месяцы задал себе Воропаев. Очень много. Но ответов не находил. Труднее всего искать, когда потерял душевное равновесие. В какой-то момент он почувствовал, что его совесть не чиста. Как много людей, ощущая муки совести, ничем не могут ей помочь! Михаил был одним из них. Приходилось жить в одной упряжке с теми, кто рядом. Когда он однажды попытался заговорить на волнующие его темы с сослуживцами, над ним грубо посмеялись и посоветовали помалкивать. Есть правда, о которой можно только молчать. И он помалкивал. Кто там, в той толпе? Да те, у кого нагло отняли настоящее, а скорее всего, и будущее. Да он и сам на своей шкуре испытал, что такое инфляция, повышение тарифов за квартплату, скачок цен в аптеках... Иной раз он тратил ползарплаты, чтобы купить своей матери лекарства. У тех, кто идет на него в толпе, тоже есть близкие. Но демонстранты нарушают закон! Так что же им делать? И вот совсем скоро они подойдут, а он вместе со своими сослуживцами должен будет колотить их дубинками. Если он откажется это делать, то прощай юридический институт и карьера в милиции. А ведь ему как-то надо устраивать свою жизнь. Отца нет, мать тяжело больна, надеяться не на кого, а хочется быть уверенным в завтрашнем дне. Впрочем, у кого сегодня есть уверенность в завтрашнем дне, кроме кладбищенских работников?..

В конце улицы послышался шум. Идут! Им нечего терять, потому что в новой жизни они еще ничего не нашли. Показались красные флаги и транспаранты. Из мегафона не совсем четко вырывались призывы, в которых преобладало слово «долой!». Над толпой витал ореол ненависти, которая имела массу оттенков, но она была лишена светлых тонов. Чем ближе подходила толпа, тем виднее становилось, что она напоминает организованную колонну.

— Остановить! Любой ценой!.. — истерично кричал командир, обходя быстрым шагом шеренгу своих подчиненных.

Через несколько минут толи толпа, толи колонна, не замедляя шага, приблизилась к омонцам. Уже отчетливо были видны фигуры. Михаил поправил на голове

свой шлем. А вот уже просматриваются и лица. Решительность на лицах говорила о том, что столкновение неизбежно. Еще через мгновение Воропаев выхватил свою резиновую дубинку, замахнулся и ударил первого человека, потом второго, третьего... Началась потасовка. Мелькали чьи-то глаза, плененные злобой. Перекошенные рты плевались нецензурной бранью. Становилось ясно, что демонстранты не сомнут омовцев, хотя и существенно потеснили их. Когда кипят страсти, пар опасен для окружающих. Удара по голове Михаил не почувствовал. Что было в тот день дальше, не помнил.

Через месяц Михаил выписался из больницы и подал рапорт на увольнение. Дорога жизни хороша тем, что можно пойти на все четыре стороны. За год он сменил несколько профессий, похоронил мать. Со своей девушкой он расстался — любовь с первого взгляда нередко заканчивается со второго. Его дорога жизни больше напоминала бездорожье. Он никак не мог поймать птицу счастья. Может быть, потому, что она из числа перелетных.

Роза Нарышкина
(г. Алексин)

ВАЛЕНТИН И ВАЛЕНТИНА

Она действительно пришла, эта жестокая война, разлучившая многие сердца и поправшая нашу родную землю. Юлия, будучи врачом, ушла на фронт, оставив маленькую дочь Валентинку на попечение матери, увезшей лопотунью в Сибирь — оставаться на Украине опасно: немцы наседали. Павлик, как любовно звала Юлия мужа, ушел по призыву на фронт воевать с немцами, определившись в пехотные войска. Юлия начала свой боевой путь с санбатом в Белоруссии. Страна отчаянно защищала свои земли, изгоняя фашистскую нечисть; освобожденные территории засеивались и строились, — в тылу люди трудились, как волю, помогая фронту.

Павел Рябоконт служил, воюя на украинском фронте. Среднего роста, с лукавинкой в карих глазах, он был любимцем среди солдат: уважали за доброту сердца и неиссякаемый юмор. Писем от Юлии не было, и он стал тревожиться за семью. Особенно тяжело было по ночам или в часы передышки — мысли, как тараканы, лезли и мучили до сердечной боли. Сколько треугольничков отправил — ни ответа, ни привет. Одним словом, растерялись с женой на дорогах войны. Потом — окружение, немецкий плен, и вовсе пропала надежда и выжить, и встретиться с семьей. Лежа на нарах, он старался не думать о жене, о малышке, и однажды довел себя до слез. Еще одни воспоминания теребили душу солдата...

* * *

Проходя с войсками через город Ржищев, что недалеко от Киева, он решил проведать родителей, живших на хуторе, вблизи города. Отец и мать встретили с большой радостью и горькими слезами: его старший брат Тимофей погиб в немецком плену, младший — пропал без вести. А Григорий воевал где-то, старики весточки не имели и надеялись, что живой.

По распоряжению начальства распределились по хатам, чтобы после изгнания немцев упрочить позиции, потом пойти дальше, освобождая родную Украину. Павел обосновался в одной хатке, утопающей в цветущем саду. Хозяйка Катерина встретила солдата приветливо.

— Проходите, будь ласка! Боже, який худий, — воскликнула она, и в глазах ее, синих и ласковых, появились слезинки.

— О тож, коли було їсти — війна, — улыбаясь, отвечал Павел.

— Зараз поїдаєте, у мене борщ.

Катерина привлекла внимание Павла приветливой улыбкой и синевою глаз. «Словно васильки...» — подумал он, глядя на нее. Это была Любовь с первого взгляда. Павел, истосковавшийся по женской ласке, всей душой привязался к ней, да и она, тоскующая в своем одиночестве, влюбилась в постояльца, как девчонка. «Любий мій Павліку!» — горячо шептала молодая женщина, страстно целуя солдата. Впервые она познала счастье любви, не думая о том, что вот-вот он уедет (идет же проклятая война!), и она снова одна, теперь уже без ласковых мужских рук и сияния влюбленных карих глаз. Катерина знала о затерявшейся семье Павла и, совсем не ревнуя, ждала его.

Приятные воспоминания, перемешанные с чувством горькой разлуки, теребили душу солдата. «Бедная Катя...» — думал о ней Павел, вспоминая милую и доверчивую улыбку синеглазой женщины. «Если выживу, семью не найду, вернусь к ней», — подумал он, потом, уже на рассвете, сомкнул глаза и сон навалился всей своей тяжестью. И только слышны были капли воды, падавшей со стен отсыревшего барака.

* * *

Победа, долгожданная, наконец, пришла. Народ и ликовал, и плакал, — многие не вернулись, оставшись на полях сражений навечно. Павел был освобожден из плена советскими войсками и занялся поисками семьи; куда ни обращался, куда ни писал, никто ничего не знал — семья пропала. И тогда он решил вернуться в белую хатку, утопающую в вишневом саду. Да и родители рядом.

Сколько радости и счастья в синих глазах Катерины увидел Павел, взбежав на знакомое и ставшее родным крыльцо. «Ждала все годы войны, ждала, моя хорошая!» — думал он, крепко обнимая женщину. Но счастье оказалось недолгим.

Еще до войны Павел закончил сельскохозяйственную академию и вернулся после победы над Германией в эту сферу деятельности. Его ценили как хорошего специалиста, поначалу не доверяя, — сидел все же в плену, со временем простили. Павел обосновался в Винницкой области, но до этого... произошла нечаянная и долгожданная встреча. На конференции работников сельского хозяйства в Киеве ему выпала честь выступить перед коллегами, поделиться своим опытом работы, поучиться у других. Потом был поход в театр, где он с большим волнением слушал знакомые мелодии «Наталки-Полтавки». На выходе из театра он вдруг заметил знакомую фигурку женщины, — сердце как-то сжалось, встрепенулось и заныло. Еще раз посмотрел и... узнал — это шла Юля, его дорогая жена.

— Юля, милая, это ты? — кинулся к ней Павел.

— Павлик! Боже мой! Я думала, ты погиб!

— Родная моя, я искал вас, но напрасно, и вот где довелось встретиться...

— Ты изменился. Красавец мой, наконец-то мы будем вместе, — взволнованно сказала Юлия.

У Павла перехватило дыхание. «Как сказать ей, что у меня давно другая женщина?»

— Нам надо поговорить. Я долго был в немецком плену, — тихо сказал Павел.

— Боже мой! Как же ты выжил? Не иначе, как моими слезами и молитвами.

— Есть еще женщина... Она тоже ждала. Нам надо серьезно поговорить, Юля, — повторил Павел.

— Хорошо, Павлик, поговорим. Женщина ждала? — с удивлением спросила жена.

— Как наша дочурка? Выросла за годы войны?

— Она уже в школу ходит, учится хорошо. Вся в тебя!

Встреча с женой решила судьбу сложившегося треугольника. Павлу пришлось объясниться с Катериной, рассказать о встрече с женой, и она не протестовала. «Бедная моя голубка, опять будет одна, не совсем, конечно, у нее теперь есть сын, хороший, здоровый мальчуган. Мой сын!» — с грустью и гордостью думал Павел.

Юля тоже все поняла и не упрекала мужа, видно годы войны изменили и обострили чувства.

— Павлик, дорогой мой! Как ты решишь сам, так и будет, — сказала тихо она и заплакала.

— Я все решил: мы с тобой не расстанемся никогда. Я не забыл тебя и нашу Валентинку.

* * *

Прошли годы. Дочь стала почти взрослой, заканчивала среднюю школу, и надо думать, куда ее определять: в техникум или институт — куда получится. Дочь Валентина вышла вся в отца: большие карие глаза с той же лукавинкой, крепкая и спор-

тивная девушка, она привлекала молодостью и здоровьем. Как-то решили Павел с Юлей навестить стариков (отца и мать Павла), у Юли родителей не было, давно умерли. Юлия знала, что увидит и Катерину, проживающую в городе Ржищеве, что стоит на берегу Днепра. Павел любил этот город, он не забыл свою «голубку» и сына, выросшего без него.

— Доченька, сходим в Ржищев, там и пляж хороший, искупаемся? — спросил Павел с надеждой в голосе.

— А что, до города пять километров, выйдем утром пораньше, сходим на базар...

— И еще в гости зайдем, ты узнаешь хозяйку, где я в войну квартировал, недолго.

— Как интересно! Конечно, зайдем, — обрадовалась дочка.

Погода выдалась теплая. Солнце еще только всходило. На траве лежало холодное серебро росы. Утро только начиналось. За разговорами идти было весело. А вот и знакомая, чисто выбеленная хатка, утонувшая в саду. Катерина встретила с ласковой улыбкой, давно ожидала своего Павла, о его приезде люди сказали.

— Здравствуй, Катя! Вот пришли к тебе с дочкой Валентиной. А где сын?

— Скоро будет, послала на рынок. Проходите в хату, — сказала Катерина (на удивление Павла) на русском языке, правда, с легким акцентом украинского.

— Ты работаешь все там же? — спросил Павел.

— Да, на почте, — сказала женщина, глядя на девочку и отметив про себя: а дети похожи.

Валентине интересно было все. На стене фотографии родственников, женщины в украинских одеждах привлекли ее внимание. В центре, среди фотографий, висела одна — на ней изображены отец с хозяйкой дома.

— Идите за стол, будем сидеть, — пригласила Катерина, и Валя с аппетитом начала уплетать вареники с творогом, макая их в густую сметану. Потом пили взвар, густой, настоянный на сухих фруктах.

А вот стук калитки.

— Валечка пришел, — спокойно сказала Катерина и посмотрела на взволнованное лицо Павла. — Сынку, Павел Петрович приехал в гости с дочкой.

Подал руку мужчине, он с любопытством посмотрел на симпатичную девушку и сказал:

— Я Валентин. А ты?

— Меня тоже зовут Валентиной. Интересно, родители будто сговорились.

— Меня мама, наверно, назвала в честь тебя, она ведь знала, что ты есть у Павла Петровича.

Павел наблюдал за сыном и тихо сказал Катерине:

— Хорошего хлопца вырастила, Катя! Спасибо!

— О чем это вы? — спросила Валентина.

— О том, что взрослые вы у нас, станете друзьями, — сказал Павел, улыбаясь.

Он давно приметил, что сын пошел в его породу, глаза только материнские — словно васильки. Крепкий, в плечах раздался, и не удивительно — парень занимался спортом. Улыбка добрая, мягкая, как у матери.

Прощались дружески, сын подал руку дочери и, задержав ее, сказал:

— На днях уезжаете? Напишешь, я тебе отвечу.

— Хорошо. Ты добрый хлопец, мне такие нравятся.

— Какие такие?

— Простые, искренние. С тобой легко говорить, не то, что наши в классе — задаваки, — засмеялась девушка.

Сердце Катерины почувствовало неладное. Молодые люди начали встречаться, пока ничего страшного, но мать заметила, как сын менялся, когда, надев чистую рубашку, бежал на хутор к подруге. Юлия принимала его по-доброму, надеясь, что скоро они уедут и эти встречи забудутся.

Катерина решила поговорить с Павлом, связавшись с ним через ржищевского друга:

— Паша, что делать с детьми? По-моему, они влюбились...

— Этого нельзя допускать, Катя! Поговори с сыном...

— Вы должны немедленно уехать, свидания детей прекратятся сами собой.

— Не думай, что они легко уступят. Там, в Бершади, я поговорю с дочкой,— пообещал Павел. — Но ты тоже должна сказать сыну правду.

На том и порешили. По приезде домой Павел затеял разговор с дочкой, не откладывая его надолго.

— Как тебе, Валя, сын Катерины?

— Добрый хлопец! Мы подружились, обещали друг другу писать.

— Он тебе нравится? — с тревогой в голосе спросил Павел.

— Да, он хороший.

— Доченька, ты можешь любить Валю, как брата, как друга, — начал Павел.

— Я в будущем могу и замуж пойти за него!

— Никогда этого не будет! — взволновался Павел.

— Это мы еще посмотрим! Свою судьбу я буду решать сама, — парировала дочка.

Вошла с работы Юлия и услышала обрывки разговора отца с дочкой.

— Что случилось, Павлик?

— Наша дочь собралась замуж за сына Катерины.

— Вот как? А как же учеба? И ему надо учиться в военном училище.

— Да нет, мама! Замуж потом, а сейчас мы просто дружим, — взволновалась Валентина.

— Говори с дочкой сам, — спокойно сказала Юлия и вышла.

— Доченька, боюсь, ты меня не сумеешь понять... — грустно проговорил Павел.

— Рассказывай! Что вы натворили, я взрослая, пойму.

— Валентин — мой сын. Катерина родила его от меня,— тихо сказал Павел, понурившись.

Наступила тишина. Он даже испугался, потом раздался надрывный голос:

— Что ты натворил? Как ты мог? А как же мы с мамой?

— Прости меня, родная! В жизни все бывает. Я долго искал вас, но напрасно, и думал, что уже никогда вас не увижу. Война многих разлучила. Я считал вас погибшими.

Валентина долго и горько плакала — Павел не знал, что делать. Потом, успокоившись, она сказала:

— Я тебе, папа, не судья. Но ты разбил мое сердце! — сказала убийственно отрешенным голосом дочь, и ему стало не по себе.

Валентина никогда не встретится с избранником сердца, — об этом позаботятся родители, но в этой драматической встрече скрыты жизненные неудачи в личной жизни героев. Выйдя замуж после окончания торгового техникума и родив девочку, Валентина прожила в браке недолго, — муж заболел и вскоре умер. Молодой вдовой, с ребенком на руках, она едет в Армению с новым мужем — его армянская родня изгоняет ее. В третьем браке она имела мужчину-музыканта, изменявшего ей с девицами и потом уехавшего на Север. От него рос у нее сын. «Где это счастье? Бывает ли оно?» — сказала себе Валентина и навсегда отказалась от замужества.

Однажды пришло письмо из Сан-Франциско на родном украинском языке. Писал вдовец, желавший с ней познакомиться для совместной жизни, и фото ее имел (не без помощи друзей). Посмотрев на фото, богач сказал: «О, ця жинка буде моею».

Но Валентина сказала матери: «Родину не предаю, родную землю не оставлю». Слово сдержала — не поехала.

О брате Валентине не вспоминала — больно сердцу. После окончания военного училища Валентин обосновался где-то в Белоруссии, но это уже другая история.

ПОЭЗИЯ

Александр Хадарцев
(г. Тула)

PERSONALIA

Хмельнуло дымом по-осеннему
под желтый хруст опавших листьев...
Перед дорогою присели мы,
чтоб помолчать в дымах смолистых...

И, будто листья эти — инеем,
нас сединой пообметало...
Под перекрестием осиновым
светились души вполнакала...

Взбелив покой дорог сугробостью,
пурга костры припорошила,
сдавалась осень с женской робостью
на милость зимнего ветрила.

Пускай близка победа зимности,
но безусловно утверждение,
что в человеческой взаимности
победа — это поражение.

Вот почему, прощаясь с дымностью,
присядем перед дальним странствием.
Приметы с их большой наивностью
распространяются в пространстве.

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЛЮБВИ

Болезнь — не дефицит здоровья,
а недостаточность любви,

которую у изголовья
один оставшись,— не лови!

Нахлынет боль волной цунами,
слизнув заботы естества,
разрушит все, что между нами,
и будет, видимо, права.

Она впивается в живое,
терзает в клочья белый свет,
предвосхищая ночь покоя,
ту, за которой слово: «Нет!»

Вкусив отраву лицемерья,
съев безразличия плоды,
вступаем в полосу безверья
и ожидания беды.

Но грешникам — одна награда:
не слышать хора алиллуй.
Сильней лекарства нам не надо,
чем жарко-нежный поцелуй!

Презрев опасность малокровья —
врача на помощь не зови!
Болезнь — не дефицит здоровья,
а недостаточность любви!

* * *

В детстве зарождается наследие
и оно всегда по жизни с нами:
юность — с совращенными миледями,
старость с развращенными б..дями.

Жили мы с отвагой Д'артаньяновой,
честности Атосовой верны,
по Портоски были в стельку пьяные,
Арамисской нежностью полны.

Наши немудреные Констанции
(королевам вовсе не родня)
завлекали верностью и танцами,
в обрученье дальнее маня.

Ну, а мы — сражались Дон-кихотами
с ветряками самых разных дел,
лезли в горы, парились субботами,
пробивались с боем в запредел.

Но вершины бело-недоступные
на закате — так же далеки...
Как пути в небытие запутаны
тропы на большие ледники.

Детством порожденное наследие
нашими исправится руками.
Жизнь — она Констанция-миледева,
главное самим не быть б..дями.

ВЕЗУВИЙ

Небо застелили тучи пепла...
гул басовый над Землей повис.
Красно-черным полыхнуло пекло,
жаром опаляя верх и низ...
Рухнула великая Помпея,
отпечатав в лаве облака.
Изверженьем сплавлена каменя
предостереженья на века.
Не тревожьте заспанный Везувий!
Не будите чувств его накал!
Видите — он бровь опять насупил!
Слышите — опять загрохотал!
Кратер не наполнится слезами,
потому что будет новый взрыв.
Люди в бедах виноваты сами,
устремляясь к небу на прорыв.
Смесь воды с огнем взбелится паром,
превратится в уголь нежность тел,
и вселенским гибельным пожаром
озарится новый беспредел...
Не найти потухшего вулкана!
Таковым он может только слыть.
Ветеранство — участь великана,
но не суждено ему — не быть!
Пики мыслей приукрыты ленью,
а под ними — дел солнцеворот,
и страстей кипящему бурленью
пламенный готовится проход.
Океана бесполезна сила
в обузданьи мощности огня.
Просто лава временно застыла,
изверженья под собой храня.
Мы с тобой везувие-вулканны,
огнесловьем вечности полны,
в этом мире отношений странных
затухать, ей-Богу, не должны!

ЖИЗНЬ

Детство пахло молоком топленным,
свежестью арбуза и реки,
хвойным лесом солнцем озаренным,
теплым светом маминой руки.

Юность пахла потом стадионов,
снегом покорившихся вершин,
жаркой ночью, лаской первых стонов,
скоростью несущихся машин.

Зрелость пахла каждодневной схваткой,
болью многокоечных палат,
книжками, любвишками украдкой,
звонами бессмысленных наград.

Старость — вроде и ничем не пахнет,
разве только хвойностью венков,
ожиданьем, что вот-вот — шарахнет
черной рамкой некроложьких слов.

Но у внуков — свой молочный запах,
юность начинается опять.
Три медведя держат в крепких лапах
вечности скрипящую кровать.

ПРО «ЕЩЕ» И «УЖЕ»

Про «**еще**» и «**уже**» — понаписано много,
Только думаю, как ни крути,
что **еще** — не закончена наша дорога,
что **уже** — середина пути!

Есть четыре отрезка по жизни астральной,
в каждом — есть и вопрос и ответ.
Называется первый период — нормально,
в ожидании дел: «**Еще нет!**»

Нет ни горя, ни славы, ни низкой зарплаты,
ни предательства бывших друзей...
И **еще** не проставлены круглые даты,
потому что далек юбилей.

У второго периода — имя простое,
словно «родина», «хлеб» и «вода».
Это — время отсутствия в жизни покоя,
а название ему — «**Уже — да!**»

Есть любимые девушки, крепкие руки,
есть работы любимой размах!
Ты **уже** различаешь волшебные звуки,
видишь скрытую тайну в глазах.

Ты **уже** познакомился с сексом и модой,
знаешь дружбы надежной плечо,
упиваешься ярко-желанной свободой,
светишь людям, сгорая свечой...

Ну, а третий период — приходит на взлете,
неизбежно, как дней череда,
где по-прежнему ты — в каждодневной работе.
И название ему — «**Еще да!**»

Есть **еще** те, кто любит, но стало их мало,
пусть **еще** не погашен задор.
Пресыщения жизнью **еще** не настало,
и не слышен от женщин укор...

Но в четвертый период — не стоит ломиться —
под названием тупым: «**Уже — нет!**»
Нет ни стойкости в членах, и ночью не спится,
есть — протертость еды на обед...

Так что третий период — пусть будет подольше!
Пусть мерцает надежды звезда!
Нам — ни много, ни мало, но только — побольше!
И пускай говорят: «**Еще да!**»

* * *

Поредели волосы,
побелели бороды,
поистерлась кожистость
черных пиджаков.
Но своими мыслями
мы, как прежде, молоды
и, как прежде, тянемся
к искренности слов.
Где-то в прошлом гульбища
в девочках и дамочках,
пьянки до беспульсия,
ресторанный гам.
В траурных каемочках —
много наших в рамочках
удалились в вечности
всеприимный храм.
Только обучаемость
с возрастом снижается,
марши похоронные
нас не устрашат!

Потому, как в юности,
    кое-кто влюбляется.
Позабыв про семьдесят,
    как про шестьдесят!
До войны рожденные,
    и в войну зачатые,
возрастом равняемся,
    но — на молодых!
Вспоминаем армию,
    как шаги печатали,
в сапогах кирзовейших,
    на плацах пустых.
Танцплощадки круглые,
    в горсадах из прошлого.
Это — не теперешний
    сполох дискотек!
И, пускай не видится
    ничего хорошего,
мы всегда уверены
    в бесконечьи рек.
Первый тост — за будущность!
    Тост второй — за здравие!
Третий тост — за молодость
    и прекрасных дам!
За друзей доверие!
    За простое правило:
где в тебе нуждаются,
    быть, конечно, там!

ДАМСКИЙ КОЗЫРНОЙ ПРАЗДНИК

Длиннеют дни и коротеют ночи,
весна стремится в хлопающий март...
коты перед сраженьем когти точат,
весенним нюхом чувствуя азарт.

Не знаю, что хотела Клара Цеткин,
о чем мечтала Роза Люксембург,
восьмого марта выпустив из клетки
международность пламенных подруг?!

Быть может, меж собой свои проблемы
им было невозможно разрешить,
и захотелось безысходность темы
на плечи женщин мира возложить?

Случайных нет последствий сотворенья!
И даже политический проект —
вдруг сам собой меняет назначенье,
рождая неожиданный аспект!

Так и случилось с днем восьмого марта,
поскольку должен был случиться день,
в котором Дама — козырная карта!
Да и Король — не просто дребедень!

Ведь женщина всегда сильна мужчиной,
который рядом в снах и наяву!
С ним — кризисы не могут стать причиной,
чтобы не удержаться наплаву!

И Женский день — всегда Мужской немножко!
Инь-Янского единства результат!
Кот мартовский и мартовская кошка —
всегда в друзьях, как много лет назад!

Но верховодит, явно, праздник — женский,
весна в нем гулеванит и бурлит.
Цветочный дух гламурно-деревенский —
мимозовость на улицах желтит...

Толпятся за подарками мужчины,
пытаясь чем-то женщин удивить!
Но точно знают: нет такой вершины,
которой можно даме угодить!

Поэтому дарю я им подснежники,
как знаки возрождения весны,
слова простые и упруго-нежные,
а ночью — эротические сны!

Дарю своих друзей воспоминанья!
Здоровья всеобъемлющий флакон!
Желая им всеобщего признанья
и красоты со всех своих сторон!

Надежда Ма Динь
(г. Кемерово)

БОЖЕ, КАК ТЫ ХОРОША

*Живет в г. Кемерово. Окончила Кемеровский госуниверситет, ф-т РГФ. Печата-
лась в областных газетах, альманахе «Огни Кузбасса», антологии «Русская сибирская
поэзия»; лауреат в номинации «поэзия» 2008 г. журнала «Московский Парнас».
Ма Динь — фамилия восемь столетий правившей династии императоров Вьетнама.
Но... это уже история и страницы в учебнике, как пишет Надежда Прокофьевна.*

Боже, как ты хороша,
Жизнь на вздохе и на взлете...
Все еще не знаю,— кто ты,
Но хочу тебя прижать
Льдом — к виску и к сердцу — счастьем,
Ливнем жарким за спиной,
Нам еще делить с тобой
Все взыскующие власти
Шагом, окликом, молчаньем
В этом круге тишины...
Это мы с тобой — больны
Сумасшедшим расставаньем.
Слезных просек вдоль сердец
С каждой ночью — больше, больше,
Стали дни совсем — короче,
Хорошо, что есть конец.
Без него-то, как же, боже:
Весь пчелиный сладкий мед
Я кому отдам, прощаясь,
Ничему — не удивляясь,
Уходя за горизонт?

* * *

И поднял Ангел руку и сказал:
«Вам места нет на этом свете,
Поднимет вас дыханьем ветра
И разобьет о гребни скал.
Рассыплет по полу листвой,
В игольное ушко протащит,
А души праведников свяжут
Кошунство и земной разбой.
Но здесь, как раньше,— нет чудес,

Ни бога, свергнутого вами,
По ветру — вспыхнете слезами
Сквозь пепел выстраданных мест.
Окрест — лишь голая тоска,
Меняющая ваши души,
Разбитые осколки суши,
Качающиеся берега
Рек, полных горестных ночей
И дней, растраченных впустую,
Молитв, произнесенных всуе
Всех сыновей и дочерей,
Всех, кто счастливых врачевал,
Ждал милости, как наказанья...
На этом свете расставанья
Я лишь из жалости — украл»

* * *

Сна ли воды голубые,
Зимы — вдаль, вся осень в дверь,
Стали мы совсем другие,
Хочешь, верь или не верь.
Хочешь — плачь, как плакал раньше,
Вырви сердце. И — молчи.
Только небо, боже, дальше,
Только праздные ключи
Все гремят, не отворяя
Ни сердец, ни черных зим,
Только осень золотая —
Снами с выцветших витрин.
Лист кленовый в ноги бросит,
Изморозью — опалит,
Здесь не счастья утром просят
У холодных мертвых плит:
По глотку — вчерашней жизни,
Жаркой, жадной, стуком в дверь...
Не в чести — былые тризны,
Как и рубища потерь.
Как холодный серый ливень
Сквозь потемки до утра,
Только небо, боже,— сине,
Говорит, что жить пора.
Брат сухой, каленый воздух,
Ночь июльскую во мгле,
Звезды собирая в гроздь,—
Тлеть на угольной золе,
Раздвигая все туманы,
Сны — в далеком голубом,
Даже если нас — не станет,
Даже если ясный гром
Лист кленовый, ключ небесный
Без утайки в руки даст,
Здесь и раньше было тесно,

Здесь другая благодать:
Всех кропит бесслезной мукой,
Немо трогает висок,
Сердца золотые звуки
Цедит мертвенно в песок.
Тонким корнем прорастает
В бессловесный шепот сна,
Здесь друг друга все — не знают,
Здесь такие времена,
От которых муки — злее,
От которых зверь — молчит,
Может, солнце здесь теплее,
Сердце больше не болит?
И не спрашивает больше,
Из каких таких времен
Дни былые стали горше,
Стал длиннее старый сон,—
Узнаваем в узкий профиль
Нарисованных дождей,
Здесь с меня однажды спросят
Беспощадностью своей.

* * *

Там, где время в плену одиночества,
Где холодного света лишь — чуть,
Где последнее в мире пророчество
Отпускают, безгрешное, в путь
Белым голубем с крыши на улицу
Выпить воздуха, выпить вина...
Не оно ли в потемках сутулится
И не с ним ли мои времена?
Те, что сцежены каплей за каплею,
Те, что травлены ядом-свинцом,
Те, что, боже, никак не раскаются,
Но стыдливо стоят под венцом,
Словно дева,— окутаны ладаном,
В белом шлейфе — все ночи подряд,
Времена, вы сегодня оправданы,
Не на суд, а в пылающий сад
Отведут, чтобы солнце пунцовое,
Разморенное, зрело в ветвях,
Времена, где все старое — новое
В перечеркнутых черновиках.
Через край уже пенятся веснами,
Вербным пухом ложатся на грудь,
Невесомыми птичьими веслами
Метят небо и солнечный круг.

* * *

Пухом вербы серебрится
Ночь на краешке стола.
Мне сегодня эхом длиться,

Уходя за зеркала,
Уводя в полон зеркальный
Детский лепет, сладкий сон,
Башмачок с ноги хрустальный
Обронить, не слыша звон
Всех земных часов — в двенадцать,
Вспомнить — я еще жива...
Только с кем же целоваться
И кому дарить слова:
Легче пуха на ладони,
Молчаливее луны,
В по ветру летящих кронах
Граммы лунной тишины
По песчинке сыпать в блюде,
Вить серебряную нить...
Зеркала на счастье бьются,
Чтобы сердцу дальше — жить.
Длиться эхом, счастьем немо
В ветвях вербы серебрясь,
Голубиной легкой тенью
Целоваться с ночью всласть.
Отпускать на волю время,
Слушать, как звучат шаги,
Как в ночи взрастает семя
Серебристое с руки.

* * *

Брать горстями тишину,
Окуная в лед и в пламень,
Сонно рыбой в глубину
Уходить легко и плавно,
Слушать, как звенит она
Каплею за каплей с крыши...
Из открытого окна
Голуби взлетают выше
Синей кромки голубой,
Весь апрель переиначив,
В дреме тающий покой
Тишиной дают на сдачу
Так обманчиво легко,
Беззастенчиво и сладко —
Будто в небе высоко
Все сбылось своим порядком
Жадно, сонно в глубине
Отраженных вод небесных,
Словно этой тишине
Стало вдруг внезапно тесно
Там, у бога под рукой
Серебристой юркой рыбкой
Ждать, тревожа синевою
Золотые неба слитки.

Олеся Маматкулова
(г. Алексин)

НОЧЬ

Родилась в городе Щекине Тульской области в 1980 году. Окончила Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. С 2002 года живет в городе Алексине и работает учителем биологии в сельской школе.

НОЧЬ

Распахнула ночь-торговка
Свой заманчивый ларец,
В небесах рассыпав ловко
Мириады звезд-колец.

Драгоценные витрины,
Подсветила ночь луной,
О, алмазы и рубины,
Вы пленяете собой!

Янтари и изумруды,
Каждый их достать бы рад!
Дорогих камнейев груда
Завораживает взгляд.

* * *

Убегу в лучезарное поле,
Где волнуется спелая рожь.
Ах, ты волюшка, вольная воля!
Без тебя жизнь не стоит и грош!

Упаду я в колосья златые,
Их вдохну колдовской аромат.
Ах, вы годы мои молодые,
Словно вишен коралловый сад!

Пригублю я янтарные зерна,
Красотою земли подивлюсь.
До чего ж хороша и просторна
Моя милая матушка Русь!

ИЮНЬ 1941 ГОДА

В то утро также пели птицы,
Шептались травы на полях,
Катилась зорьки колесница,
Дышала свежестью земля.

Горели также ярко росы,
И шли влюбленные домой,
И белоствольные березы
Им шелестели вслед листвою.

Все также реченька журчала,
Ласкали волны валуны.
И ничего не предвещало
Все искалечившей войны...

ТУЛЬСКИЙ КРАЙ

В самом центре России огромной
Уголочек, похожий на рай,
Притаился в величии скромном
Милый сердцу зеленый мой край.
Твои реки, поля и дубравы,
Перелески, закаты огни...
Ах, как вятчи были правы,
Когда здесь поселились они!
Как нигде твои дали просторны.
В том особая прелесть твоя!
И как вешние воды проворны,
Как заливица трель соловья!
И ни раз было в песнях воспето
Благолепие, что есть в тебе.
И за то, что я вижу все это
Благодарна на веки судьбе!
Это ты вдохновлял на творенья.
Репин, Шишкин, Тургенев, Толстой
На века для других поколений
Воссоздали твой облик благой.
Твои пряники и самовары,
И оружие, и слава людей...
Ты опора Российской державы!
Наша гордость! Ты всех нам милей!
И всем сердцем к тебе я прильнула,
И не нужен мне берег иной.
Тульский край, моя милая Тула —
Уголочек земли родной!

ЛУНА

Когда совет ночь тьмы узор
Из серых сумрачных ветвей,
Луна свой белоликий взор
Направит в царствие теней.

Заглянет в замок — тьмы создание,
Войдет в огромный чудный зал.
И темноты ночной преданья
Развеет, лишь начнется бал.

Разрушит призрачные своды,
И растворятся тени вмиг,
Так торжество ночной природы
Украсит лунный золотник.

По всей округе размечает
Цветных камней дивный свет.
И только лишь к утру растает,
Когда луну сожжет рассвет.

Геннадий Азанов
(г. Екатеринбург)

РЕКА ПАМЯТИ

Родился в 1938 г. в д. Красногорка Уинского района Пермской области. В 1957 г. окончил Молотовский горный техникум и трудовую деятельность начал в г. Щекине электрослесарем в шахтостроительном управлении № 1 треста «Тулауглестрой». Затем четыре года отслужил на Северном флоте на крейсере «Октябрьская революция» и после службы поступил в Нижнетагильский педагогический институт на художественно-графический факультет. Но пристрастие к общественной деятельности увело с педагогической стези на комсомольскую, а затем и партийную работу. В 1977 году закончил ВПШ при ЦК КПСС. Спустя несколько лет защитил кандидатскую диссертацию по истории. Преподавал в Уральской академии госслужбы, работал на различных должностях в органах государственного управления Свердловской области. Творческий потенциал, не реализованный в изобразительной деятельности, в какой-то мере проявился в стихосложении. Издал четыре сборника стихов: «Бессонница» (1998 г.), «Прохлада осени» (2003), «Встреча друзей» (2006), «Возвращение к родникам» (2008). Стихи печатаются в альманахах «Московский Парнас», «Поэтический марафон» (Екатеринбург), журнале «Приокские зори».

РЕКА ПАМЯТИ

Какая сила нас влечет
К тем далям временем поросшим,
Где по лугам и через рощи
Речушка малая течет?

Где избы старых деревень,
Вспоивших нас медяным соком,
Глядят глазами грустных окон
В сегодняшний неясный день.

Деревня, милая, прости.
Сюда я приезжаю редко,
Чтоб поклониться праху предков
Иль просто душу отвести.

А здесь — как много лет назад:
У речки берег невысокий,
Тропа, заросшая осокой,
И еле слышный водопад.

И эти старые корни,
Речной омытые волной,
Как странные мои сомненья:
Со мной то было, не со мной?

Встают из времени былого
Одна картина за другой:
Вот здесь когда-то из ночного
Вели коней на водопой.

За той излучиной у ивы
Весной вязали мы плоты...
Бежит река неторопливо,
А сколько ж утекло воды.

Где те стремительные кони?
Где босоногие друзья?
Вспоминанья — не погоня:
Здесь можно все, одно нельзя —

Нельзя умчавшееся время
Догнать. Вернуть. И вновь прожить.
Несовершенное свершить
И роковых ошибок бремя

Отринуть прочь, увы, нельзя...
В пространстве жизни, словно речка,
Уже прочерчена навечно
Судьбы неровная стезя.

ХВАЛА БЕСПЕЧНЫМ

При смене вех лишиться головы немудрено,
Хоть гильотины век — забавы бессердечных —
Казалось бы, прошел уже давно,
Но снятие голов — занятие из вечных.

Да, в наши дни оно отменено,
Поскольку в череде событий быстротечных
Быть обезглавленным судьбой отведено
Всем гражданам из племени беспечных.

А нас, беспечных, ох, какая рать,
И головы чтоб всем не отрубить,
Различных средств придумано немало:

Промыть мозги иль враз повышибать —
Пустоголовыми все легче управлять.
А их, коль посчитать, довольно много стало.

АЛЕШКА

*«Мамка родненькая!
Как я соскучился по тебе — ужасно...
Моя миленькая мамка. Я так часто
вспоминаю тебя. И дворик наш...»*
(Из солдатских писем. 14 января 2000 г.,
Парламентская газета)

Называют войну зачисткой,
А от этого горше стократ —
Там, в Чечне, от Урала неблизкой,
Был убит молодой солдат.
А солдатские к матери письма
Шли и шли еще день за днем.
Мать вздыхала, их перелистывая,
Об Алешке, сыночке своем.
А Алешка писал о встрече,
Да о том, чтоб Наташка ждала...
Но взорвал все проклятый вечер,
Когда скорбная весть пришла.

Почернело все, почернело.
Провалилась земля из-под ног.
Потеряла мать все, что имела.
— Провинился ты в чем, сынок?
Перед Богом ли, если тот
Где-то есть — и святой, и правый?
Перед миром ли, или вот
Перед теми, кто миром правит?
Не по ним та рванула мина,
Не позор для них — страшный конфуз:
Провожала мать в армию сына,
А вернули ей «цинковый груз».

В путь последний... «цинк» провожали:
Не смогла мать на сына взглянуть,
Над могилой речи держали,
Словно в вечность торили путь.
Грустно высились сосны окрест.
Эхом ухала залпов дробь,
И военный играл оркестр,
Разливая медную скорбь.

Боевые друзья, стерпев,
Боль в сердцах своих унесли.
Лишь стояла мать, онемев,
Над пригорком мерзлой земли.
Что ей вечность? Ее-то век
Закопали здесь, в черный снег.
Нет Алешки. И в сорок лет
Нет для матери жизни. Нет.

Президентов слова пусты.
Генеральские звезды слепят.
И встают рядами кресты
На могилах российских ребят.

СЛУШАЙ ЖЕ, ВЕТЕР

Все уже спят, только ветер беспутный
То в проводах загудит, то в окно постучит бестолково.
Мне собеседника на ночь такого
Хватит, чтоб с ним до утра по душам говорить.
В спальне моей по-ночному уютной
Стрелки минутной мы бег не заметим во мгле,
Лишь перламутром в оконном стекле
Звезд мишура будет в танце вселенском кружить.

«Что,— скажет ветер,— вы сделали с вашей страной,
Буря над ней пронеслась, только я не повинен —
В этой разрухе злой умысел виден —
Я же в России зла не творил никогда.
Я беспощаден бываю и это не скрою,
Шлю на другие народы и страны цунами,
Вы же, как Трою, разрушили сами,
Сбросив державу с вершины свою в никуда».

Я размышляю, что ветру ответить — не знаю,
Сам я страдаю от этой шальной катастрофы,
Боль моя ляжет в ночные неровные строфы,
Чем же России еще я сумею помочь?
Кто ж олигархов надменную, алчную стаю —
Бог ли в отместку иль дьявол в награду
Нам ниспослал, и страна уподобилась аду,
Тихо сползая в вульгарную, пошлую ночь.

— Слушай же, ветер, ты вездесущ, и всезнающ,
Жить будешь вечно и, значит, увидишь
Русский язык, иль китайский, иль идиш
Правнуки наши по азбуке будут учить.
Я же хочу, чтобы слово «товарищ»
Вновь зазвучало по-русски, как прежде,
Дай же хоть малую долю надежде,
Ты ж понимаешь,— с надеждою легче бороться и жить.

МОСТЫ

Мосты сжигают те, кто отступает,
А я еще к отходу не готов.
А потому я снова воздвигаю
Опоры уводящих в даль мостов.

А там, вдали, я вижу, ярко светят
Огни еще неведомых миров,
Пусть меня не хлебом-солью встретят,
Но только бы не звоном топоров.

Я не хочу в грядущем новой сечи.
Я не хочу раздоров и утрат.
Пусть каждый встречный руки мне на плечи
Положит доверительно, как брат.

Я вдаль стремлюсь не ради новой славы,
И старой славе не был я сродни.
Но навожу я снова переправы
Туда, где светят яркие огни.

Там царствует любовь и путь закрыт
Предательству, невежеству и лести.
Там стол всегда по-дружески накрыт
Для рыцарей достоинства и чести.

Там вновь Россия братьев соберет.
Отступят боль и зависть, и укоры.
Но, чтобы дальше двигаться вперед,
Нам надо вместе возводить опоры —

Опоры для согласия, счастья, мира.
Законы братства ясны и просты:
Не надо никого «мочить в сортирах»,
Не надо разрушать мосты.

Татьяна Леонова
(г. Щекино)

МОЛЬБА

Татьяна Леонова (Абинякина) родилась в г. Ставрополе. Стихи пишет с раннего детства. Издано одиннадцать сборников стихов. На многие стихотворения как самой, так и другими композиторами, написаны песни. Член Союза российских писателей, Союза журналистов России, Союза песенников России. Имеет сайт в Интернете: «Поэзия Татьяны Леоновой»: <http://leo.genmir.ru>. В настоящее время живет в городе Щекине, Тульской области, вблизи Ясной Поляны.

МОЛЬБА

Господи, петь научи о России,
О православной России святой,
Той, что небесно-лазурные сини
На купола пролила красотой,

Той, что светильники-храмы восставила
И приготовилась трепетно ждать
Духа Святого, что прежде оставила,
Божию милость и благодать!

Господи, дай мне любовью проникнуться,
Тою, что память о Небе хранит!
Дай мне с Твоею лишь волею свыкнуться,
Дай мне терпенья, как скалам гранит!

Господи, дай моей ласковой Родине,
Где родники — как от Неба ключи!
Дай распрощаться со всеми невзгодами,
Сердце подставив под Божьи лучи!

Господи, дай мне пропеть о России,
Милой России дубрав и берез,
Той, что проявится в Славе и Силе
В нас покаяньем исторгнутых слез!

* * *

Давно такой от счастья пьяной
Я не была!
Мы шли — и Ясная Поляна
Вокруг цвела.

Купалась в облаках сиреней
Небесна хлябь,
И ветки кленов отсырели,
По речке рябь.

Дождем с небес и даже градом
Шла благодать!
Вот так же близко, вместе, рядом
Века б шагать...

Давно такой от счастья пьяной
Я не была.
Мы шли — и Ясная Поляна
В душе цвела...

* * *

Из несвободы — на простор,
Где мокрый луг и запах пашни,
Где по оврагам снег вчерашний,
И птиц счастливый разговор.

Где зелень свежая манит,
Стремясь на свет и воскресая,
Где аромат земли, касаясь,
И будоражит, и пьянит.

Где я счастливая сольюсь
С ручьем, былинкой, клейкой почкой,
Родившимся вчера листочком,
К Творцу молитвенно склонюсь!

Там, где воспрянув ото сна,
Все к жизни пробудилось снова,
И мокрой веткою ивовой
Приходит новая весна.

* * *

Когда проснувшись ранним утром
Я выбегу навстречу солнцу,
Своим лучом золотомудрым
Оно души моей коснется.

И звонким эхом голосистым
Ему природа отзовется,
Сияя отсветом лучистым,
В росинке каждой разольется.

Когда в росистую прохладу
Ступни босые окунутся,
Земной наполнюсь я отрадой,
Дав каждой клеточке проснуться!

И отражаясь единеньем,
Земли и неба, звезд и солнца,
Постигнув радости мгновенья,
Я вечность счастья пью до донца.

ФЕВРАЛЬ

Розовые пряники — дома,
Утопают в сахарных сугробах,
На дороге галок кутерьма —
Сладко, как за пазухой у Бога.
Оставляю на снегу свой след,
Наслаждаюсь ветром и свободой
Вместо тени прошлой — нынче свет
Радует надеждой и погодой!
Я живу предчувствием весны,
Кровь по жилам снова колобродит!
Шустрый зяблик на ветвях сосны
В такт моей мелодию выводит.

* * *

В период тягостных невзгод
Судьба мне подарила встречу...
И мнился мне рассветом вечер,
Закат сменивший на восход.

Клубился пожелтевший лес
Березовыми облаками...
И мы с сомкнутыми руками
Купались в синеве небес...

А над зеркальностью пруда,
Как паутины, проплывали
Багряной осени вуали
Из ниоткуда — в никуда...

Обрушась водопадом слов,
В стихи переплавлялась проза,
И проступали счастья слезы
От постижения основ!..

* * *

На фоне увядающего сада,
Средь бурых листьев и продрогших веток
Рябина как последняя услада
Светила в небо нежным рдяным светом.

И что-то запредельное мечталось
В ее переплетеньях и изгибах,
Как будто чья-то здесь душа металась
И вдруг, похолодевшая, застыла.

Но сквозь скульптурное отображенье
Ее смиренья, бунта и страданий
Пульсирует в ветвях огня движенье,
Как вечная основа мирозданья.

На фоне увядающего сада,
Средь бурых листьев и продрогших веток
Рябина как последняя услада
Светила в небо нежным рдяным светом.

Геннадий Мирошниченко
(г. Щекино)

Геннадий Мирошниченко (Геннадий Мир) — автор 30 книг. Предложил объединительное для всех видов человеческой деятельности знание на основе открытия всеобщей критериальности природы и ввел новую, критериальную форму сознания. Его поэма «Начало» в 1978 году в поэтическом конкурсе Центрального телевидения СССР заняла первое место. Некоторые песни, написанные им и другими композиторами на его стихи стали лауреатами музыкальных фестивалей и конкурсов. Свои произведения публикует в Интернете в своем портале: <http://genmir.ru>. В настоящее время живет в городе Щекине, Тульской области.

РОССИЯ

Я прохожу Поляной Ясной.
Хочу, чтоб жизнь была прекрасной,
Хочу сиянья голубого
Над полем с запахом весны.
Хочу, чтобы и наши дети
Встречали Солнце на рассвете,
И чтоб они — страны солдаты —
Не знали ужаса войны.

Непокоренная Россия!
Я утром сказочным, росистым
По травам с красной земляникой
Благою вестью пролечу.
И со щеки смахну украдкой
Слезу — от муки сердца сладкой,
И в Храме утреннем во зравье
Затеплю тонкую свечу.

Мне бы стихи слагать поныне,
А я печалюсь, как иные.
И в сумерках весенней тишью,
Опять внимая соловью,
Я вспоминаю тех, кто пели —
Не победили, не успели.
Пред ними в память о прошедшем
Покорно голову склоню.

Я прохожу Поляной Ясной,
Где жизнь не кажется напрасной —
Ведь там за каждым поворотом
Великий чудится старик.
И мир таинственный, летящий,
Нам о величье говорящий,
К окошкам нашего безмолвья
В любви и нежности приник.

Эх, взять бы в рай вот эту траву,
Вот эту речку и дубраву!
И жить бы в этом рае просто
И каждый день встречать зарю!
Да только, кто за нас ответит?
Кто Будущего свет засветит?
Кто за Россию и за Бога
Отдаст себя и жизнь свою?

ВОЗДВИГНИ ХРАМ

Воздвигни храм и сам войди в него.
Там святость пусть из всех углов струится.
Великих старцев выплывают лица,
И — Бог, и — тишь, а кроме, — ничего.

Воздвигни храм. Остаться можешь в нем.
Под сень его сойдут родные души,
Кто помогал тебе по жизни быть все лучше,
Терпенье дал преодолеть подъем.

Построй свой храм. Земля и Небо — он.
И будь всегда готов зайти под крышу.
Настрой себя, чтоб Голос Бога слышать,
Не говори, что это только сон.

Придет болезнь, а с нею — и покой.
Исчезнут навсегда пустые гонки,
Чтоб насладиться жизни эхом звонким,
До бесконечности дотронуться рукой.

Воздвигни храм и сам войди в него.
Там святость пусть из всех углов струится.
Великих старцев выплывают лица,
И — Бог, и — тишь, а кроме, — ничего.

ПОЛЕНОВО

Ты помнишь даль? — Ока дугою,
И с косогора над рекой,

Над этой лентой голубою
Мы, как две ласточки, с тобой.

Ты помнишь? — Лист багряно-желтый
И кленов сказочный парад,
И свой, восторга полный, шепот,
И свой же благодарный взгляд.

Мы, как бродяги-пилигримы,
Переносили не без слез
Мир песни, гением творимый,
Под сень раскидистых берез.

Я каждой ночью вижу тени,
Где средь просторов и Земли
На сказку Жизни мы глядели
И надышаться не могли.

Мы выбираем средь живущих,
Пока живем, свой Небосвод,
Где — шум берез и счастье льющий
Поток Любви — Небесных Вод.

Ты помнишь даль? — Ока дугою,
И с косогора над рекой,
Над этой лентой голубою
Мы, как две ласточки, с тобой.

КРЕСТ

Кричат таким, как мы, со всех сторон:
«Пророки не нужны, мы их засудим!».
Мы — «Лже-Христы», такие же, как Он,
И так же на Кресте распяты будем.

Нам кажется, что вот — пришла пора,
И в счастье захлебнемся — только верьте!
Ну что с того, что Он хотел добра?!
Две тыщи лет Его хотели смерти!

Толь в Небе, толь в себе карает Бог. —
Здесь, на Земле, спасает кодекс чести.
Любить врагов еще никто не смог,
И отказаться не смогли от мести.

Как Он, я бит, и так, как Он, гоним
И с теми, кто любим, Крест на Голгофе врую.
Я собираю камни вместе с Ним —
И чувствую себя несчастным втрое...

* * *

Я существую номинально,
Я только — в списке поминальном,
И в бесконечности Реки
Всего-то в качестве строки.

Уже не телом, а мечтою —
Я в церкви восковой свечою
Всего на час и оживаю
И, загораясь, доживаю.

Но где-то в сладостном пространстве
И в том бескрайнем постоянстве
Блаженством душ опять лечу
Навстречу Белому лучу.

Я знаю: там соединенье,
Всех наших душ и воля стремленье.
И там — Хозяин и Мудрец
В Любви — Небесный наш Отец.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

ЛЕГКОЙ МУЗЫКОЙ ЛЕТА

Легкой музыкой лета
Навевало чью-то любовь,
Ароматом цветов,
Трав душистых цветеньем,
Дымкой утренних снов
И простором бескрайних лугов,
И души запоздалым прозреньем,
И желаньем себя по-другому понять,
Сбросив суетность будней,
Как путы, сдавившие сердце.
Захотелось любовью, как воздухом, снова дышать.
И гореть ею. И, не сгорая, согреться.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ЗАРЕЗЦОВКИ С УСМЕШКОЙ

СВЕЧЕЧКИ

Сделаны задания,
Рюкзаки уложены.
Мамы, до свидания!
Сколько троп — нехожены!
И стучат сердечечки,
Что часы вокзальные:
Ждут мальчишек речечки
И дороги дальние...

Роз букеты яркие.
Пылкое признание.
Ласк объятья жаркие —
Счастья обещание.
В знак любви — колечечки,
Кольца обручальные.
Зажигайтесь, свечечки,
Свечечки венчальные!..

...Годы, тем не менее...
Все, как полагается:
Прыгает давление,
Сердце спотыкается.
Что теперь колечечки?
Что дороги дальние?
Покупайте свечечки
Геморроидальные...

ВОТ ТАК ЕЛКА!

*«Воспитанный и трезвый дед Мороз и Снегурочка...
Специальное новогоднее предложение...»
(Обрывок объявления)*

1

Воспитанный и трезвый дед Мороз
С Снегурочкой (анализы в порядке)
Подарков новогодних целый воз
Доставят тридцать первого, ребята!
За свой визит недорого возьмут,
С детишками покружат в хороводе.
Родители по маленькой нальют
За Новый год и что-то в этом роде.

2

...Игривый и лукавый дед Мороз;
Снегурочка — само очарованье!
Они хозяев рассмешат до слез
И сбациают «Семь-сорок» на баяне.
Еще хозяйка с дедом по чуть-чуть.
Хозяин со Снегуркой — в страстном танго.
И то, что лихо принято на грудь,
Уже не запивают соком манго.

3

...Давно не вяжет лыка дед Мороз.
Снегурочке давно не до морали.
Они пошли с хозяином вразнос:
Хозяйку — к теще с детками услали!
Вот это да! Вот это Новый год!
Такого не увидишь и в «Плейбое»!
За стенкой содрогается народ
От этих визгов, топота и воя.

4

Вот вам Снегурка! Вот вам дед Мороз!
Вот вам и поздравленье с Новым годом!
Год Старый мало радости принес,
А Новый начинается разводом.
Мораль проста. Ее уразумей —
И накрепко, а то не будет толку:
Воистину, не можешь пить — не пей,
Чтоб не заполнить такую елку!

* * *

Мерещится с утра вам черт-те что:
Мол, вас толкнули, словом оскорбили.
В руках ножа, по счастью, нет, а то
Меня б вы тут же зверски и убили.

Вселился в вас какой-то крокодил.
Такой несносной были вы едва ли.
Хотел бы знать я, где вы ночевали,
Кто тот нахал, что вам не угодил...

* * *

Полно парить юноше мозги!
Говори поменьше, вполноги:
Он без назиданий — перебьется,—
Это же не мед, не пироги!

Оседлал мустанга, и невмочь
Не трандеть тебе и день, и ночь
Про дела Аники-полководца...
Хватит воду в ступе-то толочь!

Что известно Богу одному,
Не постичь убогому уму.
Ну, а ты ж — мудрец, большая птица,—
Ты нам растолкуешь, что к чему...

Сам-то будто понимаешь, что ль,
В чем твоих нравочений соль?..
Так хлопнись и, как говорится,
Водку пьешь — закусывать изволь!

ПРО ПОЭТА

Успехом и вниманьем обогрет
(И может быть, не слишком трезвый где-то),
Поэт вороной каркнул: «Я — ПОЭТ!»
И все. Привет. То был конец поэта.

ПРОБА ПЕРА

Людмила Плотникова
(г. Тула)

РЕВАНШ

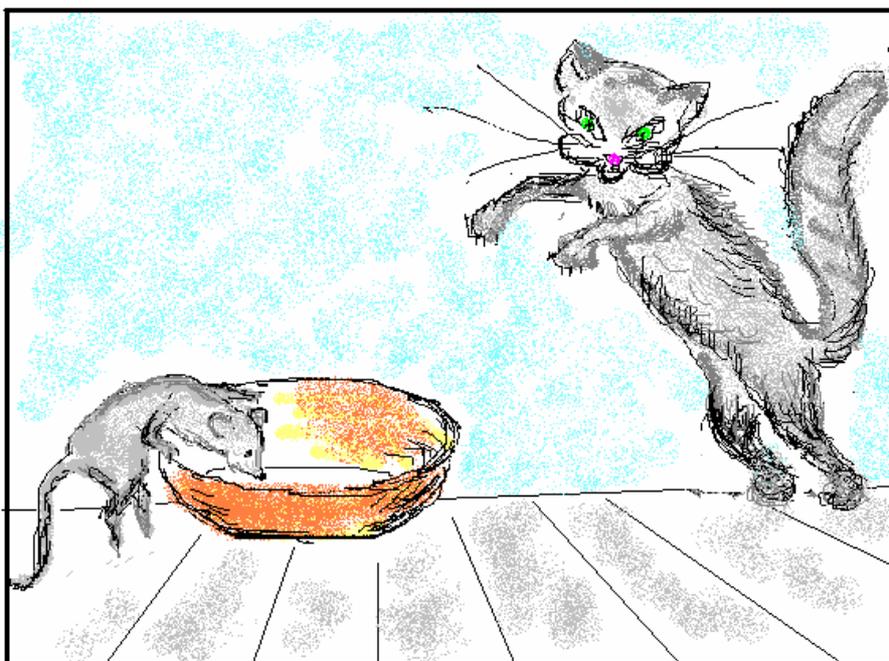

*Родилась в Туле. Окончила Тульский политехнический институт, работает в одном из КБ г. Тулы. Любит читать, гулять по лесу, попутно собирая грибы. Обо-
жает животных. На досуге с удовольствием висит в Интернете и рисует мышкой.
Печатается впервые, не считая публикаций в научно-технических сборниках.*

Одна очень милая женщина привезла в мае в деревню котенка и оставила его на попечение брата-алкоголика. Брат же просыпается только для того, чтобы пройтись по деревне, сшибить на выпивку, напиться и опять забыться. Котенок оказался очень смышленным и ласковым, благодаря чему окармливается во всех окрестных домах. Стоит мне приехать в деревню и открыть дверь на терраску, он мчит со всех ног к моему дому, и его пушистый рыжий хвост развевается по ветру. Он умильно выписывает восьмерки вокруг моих ног, пока я подхожу к холодильнику, заинтересованно заглядывает в холодильник и, получив котлетку или куриную грудку, деликатно все съедает, запивая двумя-тремя плосками молока. Потом он укладывается спать, довольно мурча, бывает, что и заночует у меня — непременно на подушке, обнимая меня лапой. В ночь на субботу он, насытившись, ушел по каким-то своим делам. Утром, выйдя в сени, я увидела, что на его плоске сидит мышка и упоенно высасывает недопитое с вечера Рыжиком молоко. На мое появление она не отреагировала, продолжая блаженствовать. Я ею даже залюбовалась. Через некоторое время, увидев открытую дверь, прибежал Рыжик и начал тереться у моих ног. «Смотри, как мышка оскверняет твою посуду»,— сказала я ему, но он продолжал ластиться, намекая, что не прочь перекусить. Я вынуждена была повернуть его носом к плоске. Мышка все это время, стоя в уморительной позе на задних лапках, опершись передними о край плоски и опустив мордочку в молоко, пребывала в экстазе и ни на что не реагировала. Рыжик, наконец, увидел ее, моментальным броском схватил ее за шкурку, оторвал от увлекательного занятия и начал с ней играть на дорожке в сенях. Мышка легла на спину, изображая труп. Кот ее слегка погонял лапкой, она не реагировала. Потом вдруг вскочила на задние лапки и, пискнув, воинственно потрясла передними перед носом у Рыжика, который от неожиданности тоже привстал на задние лапы.

Она же — не будь душой,— шмыгнула под холодильник. И как бедолага не извивался, засовывая лапы под холодильник, плутовка его перехитрила и была такова.

Настроение у котенка испортилось, он нервно пожевал кусок котлеты, не доел, вновь налитое молоко понюхал, пить не стал, все время вздрагивал, виновато поглядывая на меня. Потом встрепенулся и опрометью ринулся в огород, наверное, ловить других мышей. Тут приехала сестра, и мы пошли с ней в лес по грибы. Когда же мы вернулись, Рыжик примчался через некоторое время с мышью в зубах и минут пятнадцать играл с ней на садовой дорожке, демонстрируя чудеса ловкости: отпускал и прихлопывал, перекидывал с лапы на лапу, при этом совершая сальто-мортале, носился по всему огороду, возвращался на дорожку... Пока не пришел тот момент, что ему надоело все эти кульбиты. Он мышку съел и снова куда-то умчался. Рыжик мстил за свою неудачу весь оставшийся день, исчезал и появлялся с очередной жертвой. Один раз притащил ящерицу, но сестра успела отнять ее, хотя без хвоста и слегка помятую... На наших глазах он уничтожил четырех мышей, а сколько их было съедено пока мы уходили в лес, нам неизвестно. Реванш был взят!

(Иллюстрация автора)

Юрий Лапин
(г. Донской)

СТОИТ БЕРЕЗА ОДИНОКАЯ

Самодельный поэт Лапин Юрий Петрович родился в 1946 году и живет в шахтерском городке Донском Тульской области. Он является представителем нашего народа — настоящий человек, честный труженик, счастливый семьянин — такой, как большинство. А еще его жизнь украшают стихи — как дыхание...

Стоит береза одинокая
Среди рябин, среди кустов;
Стоит большая, крутобокая,
И я воспеть ее готов.

Она уже не та — состарилась,
И косы ей не распускать,
И нет того, кому так нравилась
Ее девическая стать...

А он, родимый, где-то рядышком,
Среди травы — уж не видать,
Стоит пенек убогим пятнышком.
Где ж дуб-красавец? Не сыскать...

Была любовь у них могучая.
Корнями встретились они,
И поцелуи были жгучие,—
Любви исполненные дни.

И веткой нежно прикасалась,
Он говорил ей: «Я люблю!»
Она в ответ к нему ласкалась:
«И я люблю! Люблю! Люблю!»

Она цвела любовью сладостной,
А он мужал любовью той,
Их жизнь была счастливой, радостной,
Любовь — высокою такой.

Но вот пришла пора суровая:
Была война, и голод был,
И жизнь была такая строгая,
Что поприбавилось могил.

Но есть всему предел конечный,
Конец войне! Ее венец —
Страданье, горе, стон сердечный,
Но все же радость, что конец.

А дуб с березой не заметили
Невзгод людей — им все равно,
Осколки мин их не отметили,
Не тронув ветки ни одной.

Не суждено им было вместе
Прожить до старости всю жизнь,
Сплетясь ветвями, ветром-песней
Под синим небом пронестись.

Ведь дуб тот был могучим, крепким
И видным — что и говорить...
Его спилили — даже ветки
С собою взяли — печь топить.

Одна теперь стоит береза
Среди кустов, в кругу рябин,
А по весне по ранней — слезы
По том, что до сих пор любим.

Настанет время — и береза
Уйдет, как дуб, в небытие.
Такая вот судьба, и слезы
Не облегчат печаль ее.

Виктор Бек
(г. Тула)

ВСЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Он очень долго находился на высоте своего положения и твердо верил, что это навсегда.

Внизу суетились люди, росли деревья, строились дома. Сверху открывался красивый вид. Он любовался им и наблюдал за всем происходящим, считая, что именно в этом заключается его предназначение.

Но вот однажды случилось землетрясение. Сверху полетели камни, и он вместе с другими такими же камнями полетел вниз. Не успел он опомниться, как уже лежал у подножия горы у самой дороги.

Здесь было совсем плохо. Со своего нового положения мало, что было видно, кроме дороги и нескольких домов. Правда, по дороге проезжали машины и ходили люди, но это разнообразие никак нельзя было сравнивать с прежним видом.

Не успел он привыкнуть к своей новой жизни, как пришли строители и из камней, лежащих у дороги, построили стену. Здесь было темно, тихо и ничего не видно.

Он лежал, вспоминал жизнь и размышлял о превратностях судьбы. Но в этом спокойствии одна тревожная мысль не давала ему покоя: неужели может быть еще хуже!?

И ТАК БЫВАЕТ!

Я, конечно, не самая толстая, но и не тощая, как некоторые.

Зато я очень серьезная. На моих страницах много формул: причем таких сложных, которые не каждый может понять.

Да и тема у меня очень важная.

Я очень достойно выгляжу!

Мне есть, чем гордиться!

Одно только плохо: никто меня не читает.

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

Я его не ждал,

а он пришел!

Только я не знаю:

хорошо это или плохо.

С одной стороны — хорошо:

не помнишь все то плохое, что было.

А с другой стороны — плохо:

возможно, что-то и хорошее было.

Что делать — не знаю.

Говорят, склероз лечить надо!

А нужно ли!?

ЖИЗНЬ В ГОРАХ

Далеко в горах жили-были старик со старухой. Они много лет не спускались с гор: жили отдельно от остального мира. Поэтому достижения цивилизации никак не коснулись их быта. У них не было электричества, бытовых приборов, электроники. Они не смотрели телевизор, не слушали радио и не знали, что происходит в мире: кто с кем воюет и кто как живет.

Они пасли скот, на склоне гор выращивали виноград, сажали овощи, ходили в лес. Жили скромно, но еды у них всегда было с избытком.

Отдыхая от работы, они любовались природой, а ночью — звездами, которые, как им казалось, были рядом.

И вот однажды к ним забрели заплутавшие туристы. Они долго и обстоятельно рассказывали о цивилизованной жизни. Показывали электронику: приемник, часы и даже сотовый телефон, по которому они безуспешно пытались связаться с друзьями.

Старик со старухой внимательно слушали их рассказ. Они даже послушали радиоприемник.

Однако туристам показалось, что старик со старухой равнодушно оценивают цивилизованную жизнь. И стали туристы выяснять у них, почему они удаленно живут и не хотят перемен в своей жизни.

Старик не стал объяснять. Он поинтересовался у них: как часто болеют люди там, в цивилизованной жизни и в каком возрасте умирают. И, узнав возраст старика и старухи, туристы поняли смысл заданного им вопроса.

Уходя, туристы еще долго любовались природой и фотографировали ее.

СТРАННАЯ БАБУШКА

Жила на свете странная бабушка. Она называла себя женой дедушки и просила всех своих знакомых и близких не называть ее бабушкой.

Она убедила себя и твердо верила, что если не признавать старение, то всегда останешься молодой.

И действительно: шли годы, а она не старилась. У нее не было и намека на морщины. Кожа ее выглядела всегда свежей и гладкой. Яркий румянец всегда украшал ее красивое лицо.

Незнакомые люди считали ее молодой. Мужчины часто оказывали ей знаки внимания, и это во многом укрепляло ее веру.

Правда, с годами она стала все больше и больше уставать. Ее близкие стали замечать старческие привычки. Изменилась твердость походки. Стал нетвердым голос. Она старалась не сдаваться и не отставать от своих молодых подруг и знакомых.

И вот однажды, отказываясь по причине усталости от очередного мероприятия, она непроизвольно сослалась на свой возраст. После этого она быстро состарилась и внешне стала соответствовать своему возрасту.

ШЛЯПУ НАДО УМЕТЬ НОСИТЬ!

— Ты, моя милая, неправильно шляпу носишь!

— Почему? Разве я неправильно ее одела?

— Одела правильно, а носишь неправильно!

— Тогда я не поняла, что ты имеешь в виду.

— Надо нести шляпу, а не ходить в шляпе.

— Опять не поняла.

— Как ты не поймешь!? Надо с достоинством идти под шляпой!

— А если сумку с продуктами надо нести?

— Нельзя! Не следует ходить с сумками!

— А если спешишь?

— Нельзя! Не нужно никуда спешить!

— А как же тогда жить!?

— Обычно едешь по делам!

— Что же получается, мне надо шляпу выгуливать?

— А вот это, моя милочка, правильно!

К 270-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ, УЧЕНОГО И ПРОСВЕТИТЕЛЯ АНДРЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА БОЛОТОВА

От редакции: *С некоторым опозданием (лучше поздно, чем никогда) наш журнал отмечает на своих страницах 270-летие со дня рождения одного из самых выдающихся своих земляков XVIII—XIX вв. Андрея Тимофеевича Болотова, тульского дворянина, первого русского агронома, ученого, писателя и просветителя. И по сей час на тульской земле сохранились плоды его ума и рук: Богородицкий дворцово-парковый ансамбль, парк села Дворянинова — на полпути между Тулой и Серпуховым, его родовой усадьбы, куда он вернулся в 1762 году после службы в армии и участия в Семилетней войне, и развил невиданную для здешних краев парковую и земледельческую, агрономическую деятельность.*

...Впрочем, о Болóтове (ударение на втором слоге) излишне много говорить. Он был прекрасным бытописателем, выдающимся не только для своего времени, поэтому его надо читать. Тем более, что еще не является раритетом его двухтомник*, изданный сотысячным тиражом в Туле в 1988 году — к 250-летию «тульского энциклопедиста», как его назвал в одноименной книге Валерий Ганичев, отрывки из которой мы публикуем ниже.

Юбилею Болотова посвящена и последующая рубрика «Журнал в журнале: «Мосбасс» из Сокольников» (см. также фотографии в конце этого раздела и на второй странице обложки).

Валерий Ганичев
(г. Москва)

ТУЛЬСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИСТ**

КТО ОН?

В московской квартире, где часто собирались на вечерний чай, именуемый литературными средами, было шумно и весело. Сидели по обыкновению без выпивки, за самоваром и морсами, но азарт споров достигал высшего градуса. Да и есть о чем поспорить русскому интеллигенту, ведь в сферу его интересов попадает и история, и новейшие космологические теории, и биологические последствия поворота север-

---

* Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737—1796: В 2-х тт. / Предисл. В. Н. Ганичева.— Тула: Приок. кн. изд-во, 1988; Т. 1.— 526 с.; Т. 2.— 527 с. (Серия «Отчий край»).

** Из книги: Ганичев В. Н. Тульский энциклопедист: Историческое повествование.— Тула: Приок. кн. изд-во, 1986.— 159 с.

ных рек, и манера письма художника Васильева, и тот необычайный общественный интерес, что вызвала «Память» Владимира Чивилихина.

Сегодня для разговора был выставлен портрет Льва Толстого, написанный художником Силверстовым.

Портрет был необычный. Великий мудрец как бы выростал из земли, из борозд пашни, протянувшейся от левого угла картины. В то же время он как бы ниспадал с небес, изливался потоками из туч, сбившихся на горизонте. Порождение природы и высшее божество, возвращающееся на землю. Тревожно кружатся над пахотой черные птицы, а он — второй, силуэтный, — стоит согнувшись над черной землей, и напряженная его спина говорит, что рождается беспокойная и глыбистая мысль. В его глазах не было снисхождения, но не было и беспощадности. Они много видели и поэтому таким колючим взором упирались в мир. Кажется, художнику удалось воплотить великую мудрость и слабость человеческую, напряженную мысль и согбенность перед судьбой, бунтарство и примирение с жизненными невзгодами, глубинное прозрение и трагические иллюзии.

Юрий Буйрузов, молодой писатель, приехавший из Благовещенска со своим другом Володей Кузьменко на семинар, что проходил в Москве, с удивлением и некоторым неудовольствием стоял у портрета, потом отошел в угол и снова, не отрываясь, глядел в глаза мятежного старца.

— Да, тревога, но не такая всеобъемлющая и болезненная. Да, мысль, но не такая всепоглощающая. Да, великий человек, но не столь недоступный обычному восприятию.

Художник Милов и сотрудник «толстого» литературного журнала Королев спорили возле портрета.

Нет, нет. Он вершинен здесь, да и во всем творчестве. А коль вершинен, то отстранен от людей, возвышается над ними.

Этого не было. Он всегда тянулся к людям. Недаром ведь сам признавался Боткину: «Мне только одного хочется, когда я пишу, чтобы другой человек, и близкий мне по сердцу человек, порадовался бы тому, что меня радует, позлился бы тому, что меня злит, или заплакал бы теми же слезами, которыми я плачу». И художник понял его, но не отстранил от людей.

— Мда-а. Может быть...

Вечер заканчивался, споры утихли, Юрий Буйрузов тяжело вздохнул и тихо сказал сидевшему рядом Сергею Петровичу, хозяину квартиры и редактору издательства:

— Рукопись я у вас свою забираю, подумать надо.

— Что вы, Юра, нельзя же так поддаваться настроению. Нельзя на все реагировать сразу. У вас свой путь, свои раздумья, свой опыт.

— Ну, Сергей Петрович, я ведь и не сравниваю, просто хотелось отложить, подумать, посмотреть, почитать, послушать еще людей.

— Ладно, — сокрушенно развел руками хозяин, — это ведь ваша повесть, — и чтобы не досаждать смущающемуся Буйрузову, обратился ко всем:

— Однако что мы в следующий раз будем обсуждать, друзья?

Экспансивный и энергичный редактор научно-технического журнала, от которого все ожидали космических вариантов вечеров, неожиданно предложил поехать на Бежин луг. Выразительно жестикулируя, он стал пояснять, почему это надо сделать, хотя никто, собственно, не возражал.

— Бежин луг — наша национальная святыня. Несколько лет назад там кто-то попытался разворотить окружающие холмы, растащить на щебенку, сейчас их надо облагородить, засадить, превратить это место в наш национальный парк-заповедник. Можно помочь. Есть там замечательные люди-энтузиасты, и они ежегодно проводят праздник. «Тургеневское лето». Поют хоры, читают стихи, слуша-

ют Тургенева. Я там за один день услышал больше русских народных песен, чем за весь год на телевидении.

Решили, что на Бежин луг поедут обязательно, но позднее, в июне, к празднику.

— Я бы предложил, — немного застенчиво начал Александр Дмитриевич, аспирант биологического факультета МГУ, — съездить в Богородицк. Там создал в XVIII веке свой знаменитый парк Андрей Тимофеевич Болотов. Мало что осталось, но есть дворец. Можно почитать о нем — ведь он основоположник русской селекции, ученый-земледелец.

Особого отклика это не встретило. «Хотелось бы что-нибудь всеобщее, интересное для всех», — деликатно сказала красивая, пользующаяся повышенным вниманием студентка института культуры Катя, что часто пела здесь на вечерах народные песни.

— Однако, — начал горячиться Александр Дмитриевич, — Болотов и есть всеобщее. У него труды по истории, по медицине, по садоводству. По-моему, он достоин, чтобы мы о нем побольше узнали.

— Извините, Сергей Петрович, но я действительно ничего не знаю и не читала о Болотове, — чистосердечно призналась Катя.

— Ну, в этом грехе виноваты не только вы. Хотя нельзя сказать, что о Болотове не писали. Нет. Было несколько книжечек. Но тем не менее Болотов как-то полузабыт, отодвинут в нашей культурной истории на задворки. А ведь он большой русский писатель и историк.

— Ну насчет большого писателя, это вы, пожалуй, напрасно. Ведь в учебниках литературы вы не найдете его фамилии, да и современникам навряд ли его имя было известно по литературным журналам, — напористо и резко перебил язвительный критик и эссеист Анатолий Андреевич Кожуров, не любивший недоговоренностей и компромиссов.

— А я допускаю, что Пушкин знал Болотова, — вдруг стряхнул с себя дремоту прикорнувший на угловом диване известный всей Москве книголюб и библиофил Евгений Судаков. — Послушайте фразу Болотова, сколь упруга и конкретна она. Сколь вещно его слово, как привязано оно к предмету, осязаемо. Ведь так писать стали только в XIX веке. Так писать стал Пушкин.

— Полноте, Евгений Каллистратович! Болотов сидел себе в глуши Тульской губернии, писал впрок, и никто его не знал, кроме близживущих помещиков.

— Ошибаетесь, дружок, — грассируя и окончательно лишаясь дремотного состояния, зачастил Судаков. — Президент Российской Академии и председатель Вольно-Экономического общества Андрей Андреевич Портов и замечательный наш издатель, критик и писатель Николай Иванович Новиков высоко ценили Болотова. Допустим, Пушкин — это гипотеза. Но известно ли вам, что Александр Блок посвятил свою диссертацию Болотову. Нет, я бы отнес Болотова, — Евгений Каллистратович с почтением наклонил голову, — к разряду выдающихся писателей российских.

— И все-таки, — тихо и непреклонно, как бы продолжая сказанное вначале, добавил Александр Дмитриевич. — Я бы обратил прежде всего внимание на Болотова-естествоиспытателя. Ведь он отец русской помологии, то есть науки о яблоках и яблонях. Он вывел и распространил новые сорта груш, вишен, смородины. Он колдовал вокруг злаков, первый внедрил в центре России помидоры, распространял картошку, которая существовала в его время в основном на барских клумбах. Ну, а уж если воссоединить природу и поэзию, то его парк в Богородицке — одно из лучших сочетаний архитектуры, природы и человеческих способностей. Кстати, если попадется — почитайте книгу Бердышева «Андрей Тимофеевич Болотов — первый русский ученый-агроном», выпущенную в сорок девятом году в серии «Деятели русской агрономии».

Евгений Каллистратович, не возражая, подбрасывал в костер любопытства новые факты.

— А вы знаете, что Болотов писал любопытные стихи? Готовил все материалы для двух известных русских журналов? Где-то хранятся его нравоучительные пьесы? А его трактат «Детская философия»? — это откровение не только для людей его века. Ну, а еще он был медик, художник, экономист. Чем вам не представитель просвещенческого Возрождения в русской провинции XVIII века?

Участники вечера заволновались: многие действительно ничего не знали об этом человеке, другие знали понаслышке, третьи — односторонне. Хозяин был доволен, кажется, наметилась новая, интересующая всех тема будущего вечера.

— Вот и прекрасно! Друзья, давайте почитаем, поищем все об Андрее Тимофеевиче, порассуждаем о его месте в нашей культуре. Поспорим, ибо и сегодня он не обозначен в учебниках литературы, многих изданиях, сообщающих нам сведения о замечательных, наших предках, о великих людях страны. А я убежден, что он человек особенный, подлинный энциклопедист, не претендовавший при жизни на широкую известность и тем паче на славу, но она все больше приходит к нему с годами. Итак, читаем, изучаем, советуемся и встречаемся через месяц.

Все как-то одновременно встали, пошли одеваться.

В ЛЮБЕЗНОЕ СВОЕ ДВОРЯНИНОВО...

Путник выскочил из остановившейся кибитки и, вернувшись к исчезающему городу, долго всматривался в силуэт царственной и горделивой столицы российской. Сюда, на берега Невы, устремлялись те, кто хотел возвыситься в чинах, хотел быть представленным царствующим особам, от которых во всех землях зависели судьбы человеческие, кто хотел весело и пышно пожить, увидеть блеск двора, отсветы от которого будут и в старости согревать российского дворянина...

В северную столицу стремились жаждущие славы, почестей, удовольствий молодые люди. Уезжали же из нее только те, кто лишился денег, связей и молодости.

Путник же наш был молод, правда, судя по его кибитке, небогат и не родовит. И ехал он не в столицу, а стремился как можно быстрее покинуть ее пределы, умчаться за полосатые шлагбаумы застав и последнюю караульную будку. Отставной капитан Андрей Тимофеевич Болотов, служивший последние три месяца флигель-адъютантом у генерал-полицмейстера столицы Корфа, покидал Петербург. Шел 1762 год...

Что лишило его покоя здесь, на столь почетном и видном месте? Почему отказывался он от столь милых его сверстникам забав и увеселений? Куда и зачем устремлялся он из столицы?..

* * *

До рези в глазах всматривался Андрей Тимофеевич в отдалившийся Петербург. А тот растворялся, расплывался в слезах, из которых являлись неясные очертания других городов и селений, что посетил он за свою недолгую жизнь.

Где-то там, за пределами сознания, его милое, любезное сердцу Дворяниново, что в Тульской губернии. Откуда и начал он свое длительное путешествие, вначале с отцом, полковником Архангелогородского пехотного полка по Эстляндии, Псковской провинции. Затем и сам, будучи определенным в полк, проехал он по Курляндии, Пруссии, побывал в Петербурге, Риге, Ревеле и Кенигсберге. Здесь, в последнем, был он переводчиком при губернаторе Корфе. В этой завоеванной провинции жители были приведены к присяге на верность русской императрице после победы русских войск в Семилетней войне.

Все позади. Нынче, он, воспользовавшись указом «О вольности дворянской»,

мчится в отставку, домой, «на собственное пропитание». Тревожные предчувствия гнали Болотова из столицы, но пуще натура его, тяготеющая к мирному созиданию, к любованию природой и чтению книг. Книги, которые покупал он у кенигсбергских букинистов, петербургских купцов и рижских торговцев, стали его друзьями, он стремился к ним, наслаждаясь тихим общением, радуясь их мудрости. А сейчас: «Прощай, Петербург! Ах, что-то произойдет в тебе милый и любезный город? Не обогришься ли ты вскоре кровью граждан твоих и не текли бы целые потоки оной по твоим сточным и мостовым. Обстоятельства очень дурны, в каких я покинул тебя! Наготове все к их великому в тебе возмущению...»*

Знал, знал и чувствовал бывший флигель-адъютант, что в салонах вельмож, немецких пивных, офицерских собраниях кипит возмущение, как в котле под голыштинской крышкой Петра III. Вот-вот должен был разразиться взрыв под напором недовольства и негодования дворянских верхов. Нутром чуял это отставной ныне капитан, и не чувствовал облеченный всей неограниченной властью монарх великой империи.

«Слава Богу, что я упелся от тебя в благовремении,— думал о нынешнем Петербурге Болотов.— Но я-то, я-то! зачем... приведен был в недра твои? Не получил я в тебе в сей раз ни малейшей себе пользы, кроме того, что отставлен от службы; но сие не мог ли я при нынешних обстоятельствах и везде получить? Но не для того ли сие было, чтоб, во-первых, избавить меня через то от езды из Кенигсберга к полку бывшему моему, тогда в землях цесарских...»

Андрей Тимофеевич еще раз взглянул на Петербург. Казалось, лучи высоко вознесенного солнца взялись позолотить не только великое множество церквей, их куполов и колоколен, но и гордо возносящихся адмиралтейских и крепостных шпилей, крыши вельможных дворцов, листву успевших достигнуть со времен Петра изрядных высот деревьев. Город весь оплывал золотом, казался сказочным и богатейшим обиталищем богов. Болотов махнул головой, отгоняя наваждение, и продолжал тянуть нить своего немного грустного и трезвого размышления. «Во-вторых, чтобы я, находясь в тебе, имел случай видеть большой свет, видеть двор, и все происходящее в нем, насмотреться жизни знатных и больших бояр и насмотреться до того, чтобы получить к ней и ко всему виденному омерзение совершенное».

Андрей Тимофеевич вспомнил наушничество, лизоблюдство, разврат постельный, бесчестие, что окружало его часто, и перекрестился.

«Сие может быть и надобно было еще к тому, чтобы не мог впредь и ею никогда прельщаться, и тем спокойнее и счастливее жить в деревне, куда теперь ведет меня судьба моя!»

— Барин. Поправка сделана. Прикажете ехать?

Болотов соскочил с большого пня, куда он взобрался, чтобы яснее увидеть город, промолвил: «Прости, любезный град! Велит ли Бог мне когда опять тебя видеть?», и проворно вскочил в кибитку.

— Погоняй быстрее! Мочи нет, как хочу в Дворяниново!

ЗЕМЛЯ РОДНАЯ

Сентябрьский день был светел и торжествен. Казалось, природа хотела устроить праздник возвращения блудного сына к полям, лугам, рощам и садам своим. С Андреем Тимофеевичем же творилось что-то необычное. Сердце его после Серпухова запрыгало, как птица в клетке, глаза увлажнились слезами, а душа распахнулась навстречу несущейся дороге. Не хватало груди, чтобы вдохнуть весь этот, немножко горьковатый, наполненный запахом скошенной ржи, увядающих трав воздух.

Вот и Городню проехали, Дурнево, Трешня остались позади, стали узнаваться

---

* В цитатах и выдержках сохранены авторские стиль и орфография. (Прим. ред.)

знакомые рощи, а затем и отдельные деревья. Соскочил тогда с повозки, поклонился белой хороводной роще берез, крикнул елям, что помнит их. И уже недалеко от усадьбы прижался щекой к крепкому и развесистому дубу. «Здравствуй, друг детства моего! Как я рад видеть тебя! И теперь уж до скончания дней своих будем мы вместе на земле этой дни проводить. Ты будешь шелестом листьев своих улаживать слух обитателей лесов этих, зеленью ваять красоту земли сей, а я землю эту беречь буду и украшать хочу вкупе с мужиками моими».

Дуб согласно кивал всей кроной, легким шумом листвы приветствуя друга молодости. Кучер, что спешил к жене своей, нетерпеливо поглядывал на молодого пассажира, и не успевал тот сесть на повозку, как он издавал такой молодецкий свист, что кони с места взвизывались и неслись, будто молнии небесные.

Но не все силы вешние хотели, видимо, чтобы припал он скорее к земле родимой. Загорела и задымилась ось, дым обозначил путь к дому. Хоть и снимали несколько раз колесо, тушили тлевшую ось, заливали ее водой, залепливали грязью, подмазывали — не помогало. Так и ехали в Дворяниново, как олимпийские боги, скоро и в клубах дыма.

Старинные большие ворота с широкой кровлей над ними и узорчатыми веревями недоверчиво взирали на приезжих. Но те быстро соскочили с повозки, распахнули две их скрипучие половины, и кони, как будто понимая, что то последний их рывок, сиганули через весь двор, замерев перед крыльцом в клубах дыма и пыли. А дальше были лобзанья, узнавание молодого барина и приговоры: «Вот и хорошо, что приехал, голубчик! Вот прирадостно нам, батюшко, тебя видеть!»

Болотов шагнул в дом. И здесь его радость, ожидание необыкновенного стали оседать, укладываться в ровный слой и даже испаряться. То, что казалось ему раньше красивым, большим и единственным, вдруг виделось дурным, малым и заброшенным. Потолок и стены дома предстали почерневшими, закопченными, окошки малюсенькими и тусклыми, а над всем этим господствовал какой-то пустынный, мертвенный запах нежилого, порожнего дома. Когда потом обходил он владения свои, то заметил, что сам дом почти врос в землю и стал столь низким, что из иных окон можно было и рукой достать до земли. Крыша дома его покрыта была мхом и даже травой. Небольшая временем разрушенная труба, уже была не проводником для дыма, а гнездом для галок, что с удивлением взирали на нового для себя человека.

Все Болотову представилось вдруг каким-то малюсеньким, мизерным и даже убогим. Он подумал: «Все вещи в малолетстве кажутся нам как-то крупнее и величавее, нежели каковы они в самом деле! Прежние пруды показались сущими лужицами, сады ничего не значащими и заросшими всякой дичью, строение все обветшалым, слишком бедным, малым и похожим более на крестьянское, нежели на господское, и расположение всему самым глупым и безрассудным». Да в довершение ночью, когда улегся он в постель, где спала прежде любимая мать, посетила его ночная гостья. Нет, не госпожа местная, не женщина приبلудшая какая-либо, а громаднейшая и препротивная тварь — крыса. Так ткнула она за палец, что выхватила порядочный кусок мяса, но тут же поплатилась за сие своей жизнью. Рану же, по обыкновению, пришлось залепить грязью и завернуть в тряпицу. Не в сражениях увечье было получено, а на родной земле, где пришлось с первого дня, а скорее ночи, рану сию претерпеть. Но не она терзала Андрея Тимофеевича, а убогость и обветшалость имения отчего, запустение земель окружающих. С первых взглядов на них думалось ему постоянно, как преодолеть оные, как превратить все окрест в сад цветущий. И когда упал он в передней комнате, где заполнили образа все полки и стены, то возблагодарил небо перед сими святынями, идущими от прадедов и предков, за благополучное возвращение в место, где родился и впервые познал радость окружающего мира. И в обращении толи к богу, толи к сердцу своему клялся: «Силы свои, разум и

руки отдам сей земле, сделаю ее еще краше, чем в детстве видывал. Денно и ночью трудиться буду и, клянусь тебе, Господь, что уйду из этой жизни, оставив здесь красоту, благополучие и землю, полную изобильных плодов и богатств».

ПЕРВАЯ ВЕСНА

Она запомнилась ему на всю жизнь... Ранним утром загремело, бахнуло, словно тогда пушки под Гросс-Эгерсдорфом в 1757 году.

Андрей Тимофеевич вскочил и стал спешно одеваться: уж не случилось ли что?

— Половод начинается,— позевывая, успокоил слуга Абрам. — Ныне рано. Поди, на десять ден раньше обычного. Ложитесь. Он, чать, всю неделю будет идти. А то и боле.

Болотов не стал слушать, сунул ноги в валенки, набросил полушубок и почти побежал на верхушку своей горы, дабы все окинуть единым взором. А с ребра горы открывался отменный вид. Вдали на полях лежал синевато-серый снег, пропускающий из-под себя земляные бугорочки. Зеленовато-серым ожерельем протянулись рощи и леса. Солнце разливало золотистые свои лучи по горизонту. А тихая их река Скнига вдруг вспучилась, затрещала ее холодная одежда и разлезлась ледяными ключьями на все стороны. Лыдины, почувствовав, что они не связаны друг с другом, кинулись вперед, налезая друг на дружку. Все ложе реки пришло в движение, тронулось и верхнее покрывало его, поплыло со скрежетом и треском.

Почти весь день простоял на горе Андрей Тимофеевич, никогда не видевший такого резкого «просыпания» природы. Виделось далеко, охват взором был широкий. Решил здесь на горе йотом поставить беседку, дабы всегда можно было любоваться этими далями, лесами, красавицей Скнигой. В душе все пело, вдруг понял, что раскрылась наконец она для любованья красотами натуры, то есть природы. И с той первой весны этот мир природы сделался для него так же необходим, как книги. Глядел он на поля, наполненные разнотравьем, и думал; глядел на рощи, шелестящие своей листвой, и советовался; глядел на цвет яблони, распустившейся по весне, и наслаждался красотой. Природа становилась для него другом, советчиком, сокровищницей знания, хранильницей красоты вселенской...

А лыдины неслись мимо Дворянинова еще несколько дней, царапаясь друг о друга, поднимая хрустальные фонтанчики брызг и нередко застревая на мелководе. Мужики баграми отталкивали их от лодок и то и дело выхватывали из воды больших рыб. Мальчишки носились вдоль берега, сталкивая лыдины ногами с песка, собирая рыбу, что бросали их отцы. Собаки лаяли, забегая сзади и спереди своих хозяев, подпрыгивали, норовя схватить рыбу или по крайней мере лизнуть краснощекого маленького мужичонку. Все сверкало, блестело серебрилось, кружилось в весеннем хороводе.

Андрей Тимофеевич не удержался и побежал вниз, в эту веселую и разноцветную кутерьму. Ух ты, как хорошо!

Но не знал он еще и не ведал, какое счастье ожидает его, когда зацветет его молодой сад. Ведь это было первое его рукотворное дело. Его и мужиков дворяниновских. С осени еще посадил он сотни молодых яблонек и тысячи маленьких липок. И вот молодая и нежная зелень коснулась их. А потом полыхнули цветы по бархатным коврам лугов. Записал: «Все они были прекрасны, все мне милы, все утешали зрение и услаждали чувствование сердца». Но понял, что сад предприятие хлопотное и непростое. Не одни сильфиды порхают над яблоневыми садами, а человеческая неразумность и темнота. Дело в том, что сад заложил Андрей Тимофеевич на старом коноплянике. А старый конопляник извести — то считалось у людей великим законопреступлением. Дворовые мужики угрюмо слушали его указания: вырывать корневища конопли и копать ямки. Никто не стронулся с места: страшно.

— Эх вы! Все боитесь. Да от излишнего уважения и почтения к старине старики наши так мало и оставили нам после себя вещей, могущих нам припомнить оные.

Расчертил тогда план, наметил, где яблони посадить, где липы, поставил колышки. Подвел мужиков к каждой метке и велел копать ямки. Мужики молча, с опаской ставили в них липки из соседнего леса и закупленные саженцы яблонь. Болотов носился то в лес, то на конопляник. Протягивал веревку, держал линейкой, мерил расстояния — все должно быть ровно и симметрично: сад-то должен быть регулярным. Вставал с ранним утром, ложился в темноте. Мужикам хотя было и не по душе, что барин рушит традицию, но дюже нравилось, что он с ними безвыходно от зари до зари трудится. Да еще спрашивает, как корни подрезать, на какую глубину садить, надо ли поливать осенью. Те пожимали плечами, садов своих не имели, да даже и соседние помещики были почти все без оных. Советами и желанием все сделать аккуратно и в точности, как говорил хозяин, выделялся Сергей Косой. Мужик бывалый, с покойным отцом побывавший и в Курляндии и на Украине и везде примечавший, какие деревья, как растут, как за ними ухаживают. Болотов и стал с ним советоваться более других. Сажал напротив и читал книгу иностранную по садоводству. Переводил сразу с листа и спрашивал: «Скажи, дядя Серега, а нам сие подходит?» Тот нередко в затылке почешет, головой покачает: «Неведомо сие пока. Попробовать надо». Андрей Тимофеевич, чтобы достоинство тоже не уронить, говорил: «Так будем садить по немецкому обычаю».

Сии книжные знания его много помогали, но немало и вреда принесли, ибо писаны были, как признался он сам себе «не на наш климат и не по нашим обстоятельствам».

Но как бы то ни было, вся осень и вся весна прошли в возведении сада и украшении его. Протянулись длинные прямые дорожки, вытянулись вверх тоненькие яблоньки, круглой кроной обрадовали липки. В центре сада посадил он островок елочек и уже взрослую липу, выкопанную в старом саду. А сбоку от сада заложил такой цветник, что слава о нем пошла по всему уезду. Правда, многие цветы доставила ему соседка Трусова, большая любительница этого украшения.

...Да, та весна была незабываема. Андрей Тимофеевич стоял в волнах яблоневого цвета, ветерок шевелил его волосы, пчелы, облетая голову, сноровисто заползали в цветы, а он всматривался в лепестки, завязь и «начатки плодов» будущих и дивился сложному и простому миру, его окружающему. Прошептал: «Какое множество приятных и неоцененных минут в жизни доставила мне уже и первая весна в деревне... Благодарю тебя, судьба моя, что доставила мне наконец то, что желало сердце мое: то есть свободную и мирную деревенскую жизнь».

ДЕНЬ В ТРУДАХ

Андрей Тимофеевич порешил для себя всегда вставать с восходом солнца. Распахивал окно в сад, вдыхал утренний прохладный воздух и несколько минут прислушивался к тишине, что заполнялась постепенно пением птиц, шелестом утренних ветерков, жужжанием пчел. Правда, дворяниновский маэстро-соловей поражал своими руладами лишь по вечерам, но и тут в утренней дымке звучала полноголосая и торжественная музыка. Цветы перед окном стряхивали с лепестков капельки росы и, омытые и свежие, приветливо поворачивали свои головки к солнечным лучам. Все было свежо, полно светом и радостью. Болотов чувствовал, как он сам оживал, наполнялся силой и энергией, жаждой творить, действовать, восхищаться. Этому правилу, вставать рано, он уже не изменял всю последующую жизнь.

...Утро начиналось. Тут и Абрам поспевал с чаем. Правда, чай тот был особенный, из травы буквицы, подслащенный медом и сливками. Сей напиток укреплял грудь и желудок, очищал голову и придавал бодрости. Натягивал затем простой де-

ревенский кафтан и опорки от сапог, сунув в карман какую-нибудь книжку, спешил встретиться со своим садом. Кланялся прежде всего яблоням, держал их ветки в руках, гладил липы; склонялся перед цветником и, присев в уединенном месте, читал. Была то всегда философская или богословская книга, с помощью которой воспарял он к небесам, к обладателю мира или к мыслям высоким и отвлеченным.

Но так как мыслям сим возвышенным, как и потехе, час, а делу — время, то поднимался он и начинал подвязывать ветки, стягивать их, обсекать серпом снизу кустарник, обрезать ножницами молодые деревья. Любил придать им какую-нибудь причудливую форму. Находил здесь же встававшего еще раньше садовника, кричал:

— Здравствуй, обитатель кущей райских! Начнем мы с тобой, дядя Серега, подчищать верхнюю терраску, там много дряни и негоди накопилось. Тут и полить надо, присохли на склонах деревца.

Появлялись мужики, прочищали дорожки, делали земляные лавочки и сиделки для отдохновения. Особой любовью были цветы. Он не мог отказать себе в удовольствии каждый день повозиться с ними. С радостью рассказывал приехавшим соседям и родственникам об этом чуде. «И боже мой! сколько невинных радостей и удовольствий произвели мне сии любимицы природы, украшающие собой первые зелени вешняя! Как любовался я разнообразностью и разной зеленью листьев и травы их! С какой нетерпеливостью дожидался распускалок цветочных и самого того пункта времени, когда они развертывались и расцветали! И самая простейшие и обыкновеннейшие из них как, например, орлики, боярская спесь и гвоздички турецкие, увеселяли меня столько, сколько иных не увеселяют и самые редкия американского произрастания, и более от того, что все они были мне незнакомы. А о нарциссах, тюльпанах, ирисах, лилеях, пионах и розах... и говорить уже не для чего. Сии приводили меня нередко даже в восхищение самое, и сделали мне маленький мой цветничок столь милым и приятным, что я не мог на него довольно насмотреться и налюбоваться. И... сделался до цветов превеликим и таким охотником, что не проходило дня, в который бы не посещал я его и по несколько раз не умывал рук своих, замаранных землею при оправливании и опалывании цветов своих».

После этих садово-цветочных трудов возвращался в свою комнату на завтрак. Тот был незатейлив и состоял из гречишной каши-размазеньки, приправленной хорошим чухонским маслом. Тут же делал записи о том, что было, и выписывал мысли достойные из книг. И опять в сад или в поле, где на коне объезжал все закоулки и участки. Давал распоряжения, надсматривал, примерял, задумывал переделки и улучшения. Обед был простой, деревенский, но вкусный, с овощами и зеленью. До него или после садился за рисунки, иногда так увлекался, что забывал все. Записал позднее одну такую картинку: «В сей работе упражнялся я обыкновенно днем и с таким рвением и прилежностью, что не могу и поныне еще позабыть, как я однажды так заработался, что позабыл даже об обеде и удивился сам себе, как личарда мой, Бабай, уже перед самыми сумерками подступил ко мне и стал спрашивать: не прикажу ли я на стол накрывать?»

— Как, удивясь, спросил я его: разве я еще не обедал?

Да нет еще, сказал он.

Ну, брат, хороши же мы с тобою, сказал я, захохотав. Я заработался, а ты так хорош, что мне и не напомнил.

Да я, сударь, все ждал приказания вашего.

— Ну, ну — хорошо. Собирай же скорее, а то нам и куры будут смеяться, что мы про обед забыли».

Перед ужином снова уезжал в поля и сад. Когда солнце клонилось к закату и люди возвращались с работы, удалялся Андрей Тимофеевич обычно в нижний свой сад, где облюбовал себе такое местечко, откуда виден был изгиб любимой им Скниги. То были

минуты созерцания и углубления. Последнее стадо покидало луга, почти застывала в движении река, солнце садилось в загоризонтный лес, а вместе с этим подводилась и черта дневным заботам. И тут, как бы сшивая светлую и серую ткань дня и вечера, пронизывал тишину соловей. То был волшебный кудесник и великий мастер, что заставлял замереть все кругом, прислушаться к красоте, забиться в нетерпенье сердце человеческое. Слеза катилась по лицу Андрея Тимофеевича, грудь теснили рыдания, хотелось обнять все кругом. Ветки раздвинулись и Бабай, тихо присвистнув, сказал:

— Ужин готов, барин!

СОСЕДИ

В то время начали многие дворяне возвращаться в свои имения. Благодарили Петра III, преставившегося в бозе, бывшего императора. Как писали в манифесте по сему случаю: умер от геморроидальных колик. Новую императрицу Екатерину II тоже благодарили. Не остановила указ о вольности дворянской, не отклонила, не запретила дворянам самим себе выбирать дело: или служить по линии военной, или в гражданских местах продвигаться, или оставаться в имениях своих, занимаясь домоводством.

Чувствовалось, что императрица основной и становой класс империи — дворянство будет блюсти и заботиться о нем. И немецким духом не давит, все по русским обычаям править собирается... Андрей Тимофеевич своей свободой упивался безмерно, каждодневные визиты наносил к своим яблоням и липам, но понял, что навещать надо соседей, а то подумают, что бирюк бирюком. Сильно, правда, тратиться во времени не хотелось: дни на визиты свои уходят, а толку мало, хорошо бы, как Корф: вместо себя его тогда в Петербурге посылал наносить визиты. И честь оказывал посланником личным, и не тратил время на бездельные светские разговоры. Но был Болотов не генерал-полциммейстер, послать вместо себя никого не мог. Поэтому первый свой самочинный визит направил к ближайшему своему соседу и дяде Никите Матвеевичу Болотову.

Тот сидел на веранде, в одной белой нижней рубашке и держал в левой руке подзорную трубу, разглядывая окрестности. Правая же рука лежала в черном тафтяном мешочке. Когда он встал, то оказался высок, но не стройностью своей, а сутулостью высота его означилась. Весь он был какой-то поломанный, лицо кривое, и только взор прямой, острый, заставивший Андрея Тимофеевича опустить глаза долу. Взгляд сей исходил из одного глаза, который столь пристально и внимательно смотрел на собеседника, что тот чувствовал какую-то неловкость и начинал искать в своей одежде огрехи. Андрей Тимофеевич почувствовал себя, как на вертеле, потом только понял, что Никита Матвеевич буравит его одним глазом.

Генерал махнул рукой и крикнул:

— Софья Ивановна! Неси мундир, юноша приятственный к нам явился. Здравствуй, здравствуй, капитан отставной! Я уже прослышан, что ты от службы военной сиганул в свои деревенские омуты.

Из дверей вышла молодая пышная и круглолицая женщина. Станом и одеждой похожа была более на купчиху, чем на превосходительную генеральшу. Она заворковала, запела, зажурчала и все бросала незаметные взгляды на своего хозяина, как бы советуясь и испрашивая разрешение на изъявление чувств своих. Никита Матвеевич, облачившись в мундир, отвечал решительно, и сурово:

— Готовь обед, мать! Сей гость у нас остается.

Андрей Тимофеевич попытался отказаться, ну да кто генералам в провинции перечить может?

— Я тебя, голубчик, уже знаю. Знаю, что домоводством и экономией хочешь заниматься по немецким образцам. А мы их били в Пруссии. Все свои расчеты и подсчеты мне противны, и я в назем не возиться не буду. Я дворянин и генерал, а не жук навозный.

Андрей Тимофеевич опустил глаза. Никита Матвеевич уловил, что тот изменился в настроении, и уже миролюбиво закончил:

— Да нет, порядок я тоже признаю,— затем, склонившись к плечу гостя, тихо сказал: — Я хоть и генерал, а беден. Посему разносолами тебя не накормлю, но жив будешь.

Он раскатисто захохотал, хлопнул в ладоши и крикнул появившемуся лакею:

— Две трубки и две рюмки! А ты рассказывай, что там в столицах? А впрочем, то дело пустое. — Глаз его хищно завращался, забуравил: — Ты, я вижу, на мою жену вперился и, поди, вопросом мучаешься, почему она столь сильно моложе меня. Скажу, скажу, дружочек!

Андрей Тимофеевич и не просил его об этом, ему хотелось в сад к своим яблоням и липам. Генерал, не приглашая, выпил рюмку.

— Так вот, дорогой, моя первая жена была гулящей бабенкой и спуталась со священником вашим Илларионом.

Андрей Тимофеевич сию историю уже слышал, как слышал уже несколько раз о том, что генерал был изрядный ревнивец и довел первую свою жену до гибели. Илларион же был человек дряхлый и навряд ли женскими красотами прельстившийся. Генералу же он, однако, не возражал, а тот, хлопнув еще раз в ладоши, продолжал доверительно:

— Та жена моя, первая, недавно умерла, а я вот снова женился. Изволь, братец, я тебе расскажу, как я ее атаковал.

Гость не знал, что и говорить. Был он хоть и жаден до знания всякого, но излишних тайн не желал ведать, ибо те, кто их доверяет, потом требуют взамен таковых же.

— Так вот, случилось некогда сей госпоже ехать сквозь нашу деревню, в село Кошкино, где имела она родственников. Лишь только начала въезжать в наше селение и в околицу против самых ворот моих, как зацепил вереву от ворот ее кучер, и так неловко, что изломались от того ось и колесо. Разослала она людей своих, чтобы искать колесо и дерево для подделания оси. Слуга ее и обратился ко мне с унизительнейшею просьбою о воспоможении госпоже его в ея нужде. Я, конечно, согласился, не зная еще, есть ли в доме тому способное, а слугу заставил рассказать о его госпоже и обо всем, до нее относящемся. И сей шельмец рассказывает, что его госпожа нестарая вдова, что имела намерения выйти вторично замуж, и что у ней есть хорошие степные деревни и достаток изрядный. Мне же одиночество тоже наскучило, и я перед этим положил неотменно жениться на другой жене, как скоро найду себе невесту по своим мыслям. Я ее и пригласил у себя переждать починку. И пока она переходила мой двор, то сразу мне и понравилась статью и походкой. Я ее угостил отменно и без обиняков, и... что ты думаешь? — Никита Матвеевич опять хлопнул в ладоши и опорожнил рюмку.— Я ей сразу без дальних околичностей предложил свою руку. Мою госпожу Миткову сие предложение поразило и очаровало.

Генерал встал и прошелся по веранде, вспоминая, видать, одно из славных его батальных дел. Погладил усы.

— Да ить кто не хочет быть превосходительною дамою! Посему мое предложение ей вовсе не противно, а напротив того, приятно было. Ну я железо сковал, пока оно горячим было, и в тот же день ударили по рукам и повенчались в церкви. Вот и живем в мире, согласии и счастья!

Однако же Андрей Тимофеевич сразу увидел, что жена его не столь была счастлива, как тот об сем говорил, и в своих поступках столь связана по рукам и по ногам, что было видно: все ласки и любовь являются только для гостей и посторонних, а на самом деле жизнь их не так была блаженна и хороша, как снаружи казалось.

Таков был первый сосед, коего он посетил. Заехал он потом и к другим, что тоже своими нравами, заботами и причудами запомнились. Многие и вошли потом и историю этими своими реальными приметам, что легли на зоркую и впечатлительную память Болотова.

ВИДЫ ДВОРЯНИНОВА (Фото Галины Плотниковой)

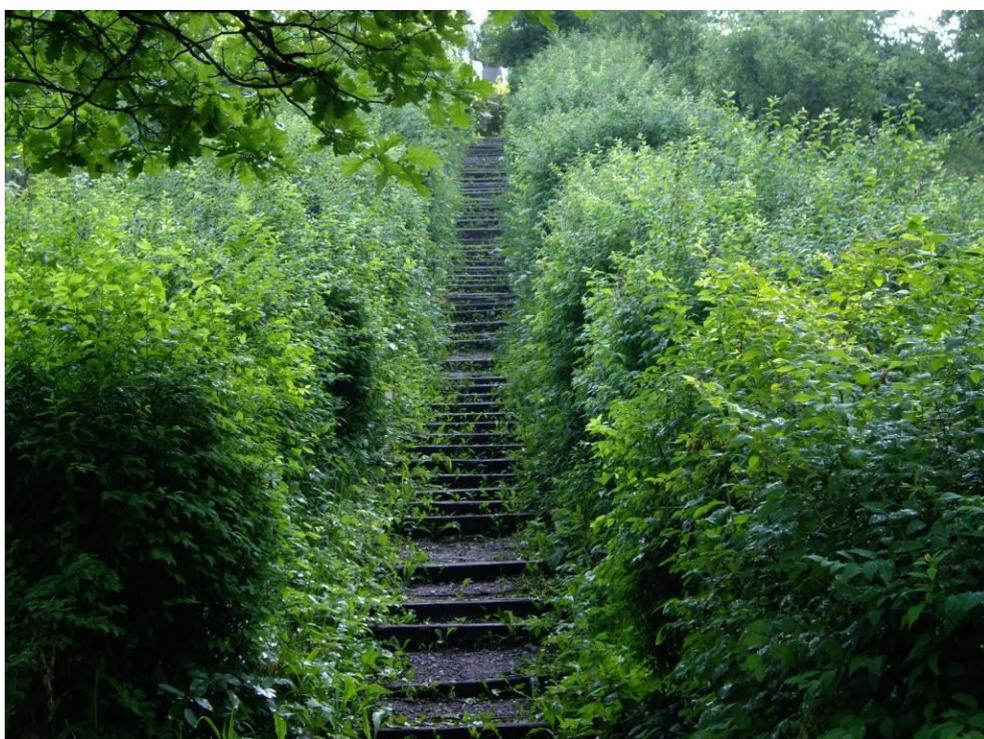
Один из каскадных прудов

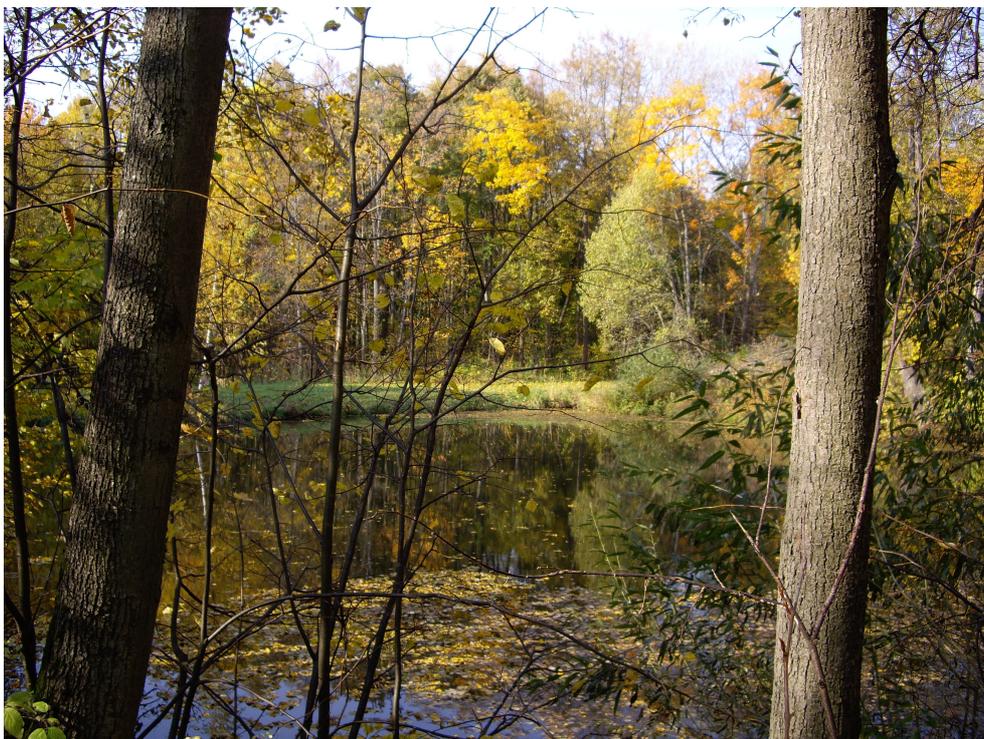
Аллея в болотовском парке

Подвесной мост к музею через реку Скнигу

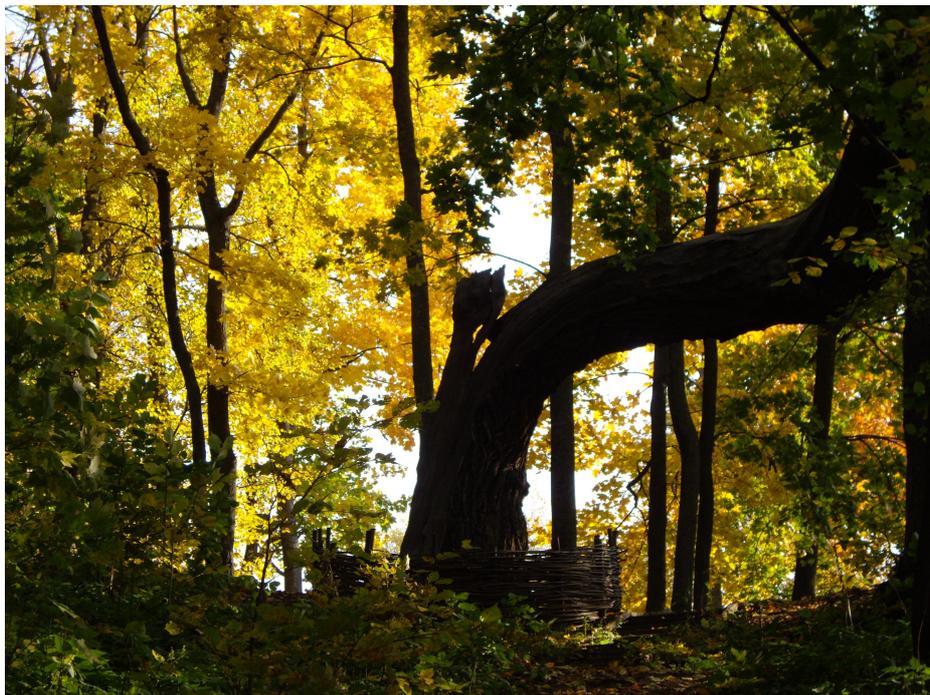
Лестница к музею от реки Скниги

Пруды в усадьбе А. Т. Болотова

Плотина нижних прудов

Это дерево — современник А. Т. Болотова

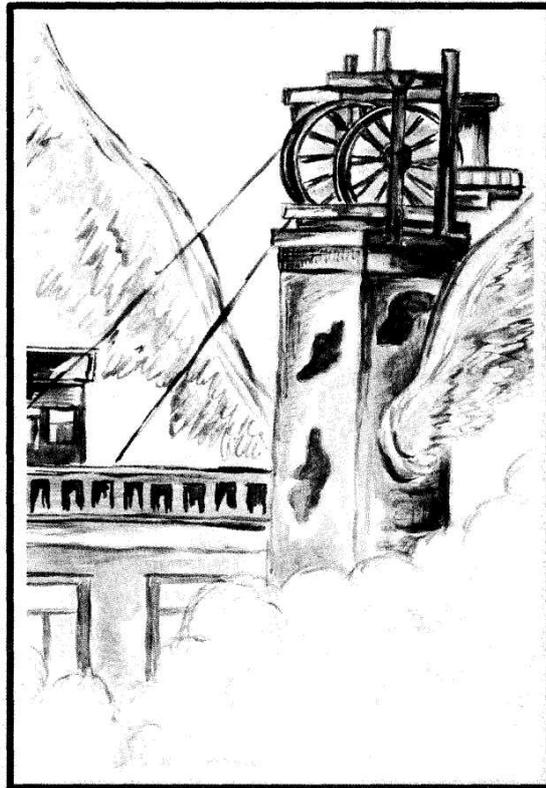

Ежегодный концерт в музее: со своей ученицей поет летний житель Дворянинова, солист оперы Большого театра (бас) Николай Филиппович Низиенко, недавно издавший в «Библиотеке журнала «Приокские зори» свою книгу: «Маленькие истории артиста Большого театра» (Тула, 2009)

О, Русь, взмахни крылами!...
Сергей Есенин

МОСБАСС

*Литературно-краеведческий
народный журнал*

г.Сокольники Тульской области

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Алексей Логунов
(г. Новомосковск)

АГРОНОМ ВСЕЯ РУСИ: СКАЗАНИЯ

От редакции: В настоящем выпуске «Журнал в журнале: «Мосбасс» из Сокольников» публикуем цикл рассказов нашего постоянного автора из Новомосковска Алексея Логунова, посвященных нашему же выдающемуся земляку, ученому-энциклопедисту, «первому агроному Всея Руси» Андрею Тимофеевичу Болотову (1738—1833), имея в виду недавнее 270-летие со дня рождения славного сына нашего Отечества.

СУДАРЫНЯ КНИГА

Невелико сельцо Дворяниново, да зато изобильно на затеи и причуды. У каждой бабки свои ухватки, возле каждого деда — своя беседа. Живут дворяниновцы тесно, у них даже лошади стоя спят. А ляжет конь, так хвост на соседском поле окажется. И все-таки не комочком сельцо сидит, есть здесь свои слободы, или концы. Старики в веселый час даже присказку-загадку сложили:

— Три конца, два крыльца, посередке речка!

Один конец сельца называется Гонцовский, другой Норманнский, а третий, расположенный в речной излучине, похожей на букву С, просто Слободка. Кроме трех слобод было в сельце Дворянинове еще несколько дворянских (или боярских, как здесь говорят) усадеб, которые все стояли на правом берегу речки. А главными из них считались две: одна на горе, другая в долине. И оба этих боярских дома были с большими крыльцами.

Три конца, два крыльца, посередке речка...

Вот речка-то всех соединяла — и крестьян, и бояр. Ребятишки с той и с другой стороны, сойдясь на речке, сообща купались, дурачились, ловили раков и пекли их в костре. Ах, до чего вкусны печеные раковые шейки!

Здесь, на зеленом берегу речки Скниги, собиралось по праздникам и взрослое население сельца, особенно на Вознесение Христово и на Троицын день, когда весь луг пестрел от цветов, кокошиков и приветливых лиц дворяниновских жителей, приходивших сюда прямо из церкви, после обедни. Качели, хороводы, игра в килку (а по современному — хоккей на траве), в лапту, в городки, в стряколки-бряколки, в двенадцать палочек, в ладушки и во все и вся! Забав было много.

Но самым ярким событием праздника была встреча двух соломенных коней, которых изготавливали в главных боярских усадьбах. Внутри каждого коня, под попонами, прятались два молодых мужика. Что только эти «кони» не выделывали! Ржали, скакали, брыкались, бегали на перегонки, катали на спине малышню, прыгали через костер... У одного все четыре ноги в лапти обуты, у другого — в старых подшитых валенках. А как разойдутся, раззадорятся — и лапти долой, и валенки, и пойдут босиком плясать да притопывать, аж земля гудит, и народ, окруживший их, стоном стонет от восхищения: «Ох, ох, ох, ох, эхма!»

А степенные старики в этот день всегда рассказывают такую историю. В очень давние времена, еще на заре христианства, речка Скнига называлась Сударыня Книга. И вот почему. Однажды увидели люди, живущие на ее берегах: плывет книга с осьмиконечным крестом. Хотели ее выловить и так, и эдак, да не дается книга никому в руки. А взять ее смог только один человек: апостол Андрей Первозванный, ученик Иисуса Христа, который в это время шел от Черного моря к Белому, проповедуя Слово Вожие. Он и прочитал в той чудесной книге о судьбе Русской земли, о смутах и тяжких испытаниях, которые ей предстоят, но, в конце концов, Русь станет домом самой Божьей Матери. И еще прочитал, что «болото родит хлеб, и где был один колос, будет два и три, а сделает это человек, который родится через семь веков, и будет зваться его именем — Андрей».

И такой человек родился в боярском доме на горе — Андреюшко, Андрей Тимофеевич Болотов. О нем — эта книга.

Автор

ПЕРВАЯ ШКОЛА

Первая школа... Она у каждого из нас в памяти, в сердце. И занимает там место ничуть не меньше, чем родительский дом! Вот как вспоминает в «Записках» о начале своего учения Андрей Тимофеевич Болотов: «Мне уже шел тогда шестой год, следовательно, был я мальчик на смысле и мог уже понимать буквы. 17 числа июня помянутого 1744 года был тот день, в который меня учить начали, и я должен был ходить в дом к одному старику малороссиянину и учиться со многими другими...»

Чему же учил мальчишек старик малороссиянин? Букварей в то время еще не было, учились по священным книгам — Евангелию, Псалтири.

«Помню я в особенности то, — пишет Андрей Тимофеевич, — что первое обрадование родителям моим произвел я выучением почти наизусть одного Апостола из послания к коринфянам, начинающегося словами: «Облечитесь убо яко избрании Божия...»

За давностью лет память немного подвела Болотова. Это было послание Апостола Павла не к коринфянам, а к колоссянам (гл. 3, 12—23). В первой своей школе маленький Андруша Болотов, боярский сынок, постигал науку главнейшую — как жить. Давайте вчитаемся, вдумаемся и мы в слова Апостола Павла, выученные мальчуганом наизусть. Привожу их по Библии в русском переводе (Болотов учил их на старославянском):

«...Облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг к другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства; и да властвует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле; и будьте дружелюбны.

Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати

воспевая в сердцах ваших Господу. И все, что вы делаете словом и делом, делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца.

Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы. Дети, будьте послушны родителям (вашим) во всем, ибо это благоугодно Господу. Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали... И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков...»

Не правда ли, в этом отрывке из послания Апостола Павла целая программа жизни? И как было не радоваться родителям, слушая мудрые слова из уст своего шестилетнего огольца? Пусть пока он произносил их механически, читал наизусть... но доброе семя в детскую душу было посеяно. А детская душа — почва самая подходящая, благодатная.

Болотовы в это время жили в старинном русском городе Пскове, по месту службы батюшки. В те годы Псков был почти сплошь деревянный, хотя было в нем немало и каменных домов. Но полковнику Тимофею Болотову деревянные нравились больше, в них легче дышалось, да и стоили они дешевле. Так что жили они в уютном, крепко сколоченном из сосновых бревен доме из нескольких комнат. Между бревен пазы были проконопачены сухим мхом, его запах мешался с запахом смолы и слегка кружил голову.

Дом старика малороссиянина, эта первая школа Андрюши Болотова, находился на той же улице, только на другом конце ее.

У Болотовых была дочь невеста (Авдотья, старшая сестра Андрюши) и в доме часто собирались гости, молодые люди. Как-то отец решил похвастаться перед гостями успехами сына и попросил его рассказать послание Апостола. Мальчика уговаривать было не надо. Читал он бойко.

— Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе! — при этих словах он поклонился сестре, возле которой стоял ее жених, Неклюдов. Все улыгнулись, а девушка вспыхнула, отчего стала еще красивее, порывисто обняла братишку, чмокнула в нос и убежала.

Старик малороссиянин, узнав про этот случай, посадил Андрюшу во время урока рядом с собой — в знак поощрения. На круглой голове учителя, остриженной под горшок, господствовали усы, седые и длинные. Сейчас они добродушно шевелились, точно хотели обнять маленького школяра за его прилежание.

ПСКОВСКИЕ РУКОДЕЛЬНИКИ

*«Дом зятя моего сделался для меня
таким же училищем рукоделий и художеств,
каким был Петербург для наук»*

А. Т. Болотов

В неполных четырнадцать лет Андрей Болотов остался круглым сиротой: умерла матушка. (Отец отошел ко Господу еще раньше). В это переломное, трудное для подростка время и приютила его псковская земля, а если точнее — деревня Опанкино, где жила его старшая сестра Авдотья с мужем.

Тульская земля или псковская — все земля русская, родная. Хотя есть и отличие, своеобразие. Например, туляки, как заметил юный Болотов, народ более скрытный, себе на уме, этакие хитрецы, которые не прочь облапошить иного простака. А псковские жители более простодушны, доверчивы. Но и тех и других отличала страсть ко всякого рода выдумкам, мастерству и умельству.

В Опанкино Андрей Болотов приехал 12 октября и поспел как раз к именинам хозяйки, сестры своей. Торжества, съезды соседей-дворян и увеселения по сему слу-

чаю длились недели две. А там намечалась через несколько дней «звериная охота тенетами», и зять с сестрой уговорили Андрюшу остаться.

До самой зимы, до снега охотились на зайцев. Болотов тоже принимал участие в этом действе: ставил тенета, был загонщиком. Во время одной из охот случилось с ним странное происшествие. Дело было на Горелом Болоте. Андрея вместе с другими подростками и дворовыми людьми поставили сзади тенет — кричать и трещать трещоткой, загонять зайцев в ловушку.

Стоит Андрей, притаился за молодой елкой и вдруг слышит голос зятя, Василия Савиновича:

— Андрей, Андрей, беги на левый край!

Побежал Андрей. В охоте он новичок, значит, так надо. Вот и спина Василия Савиновича впереди мелькнула, и вдруг оборачивается, а это старый пень. Перекрестился Андрей со страху:

— Господи, помилуй!

Пошел назад... да еле-еле выбрался, уже в потемках, когда охота закончилась, и все уезжать собрались. Зайцев в этот раз накидали целую телегу, и Андрей был рад, что никто не заметил его отсутствия.

Про этот случай он рассказал только зимой, на святках, когда все рассказывали какие-либо забавные или страшные истории.

— Ну, боярин, не тебя первого он там водит, батюшка,— понизив голос до шепота, объяснил балагур-столяр, молодой еще мужик.— Он всех новеньких так-то облапошивает.

— Да кто же это, о ком речь?

— А-а, ты еще не знаешь. Хмырь болотный, вот кто. Он у нас как раз на Горелом Болоте и живет.

— Леший, что ли?

— Леший сам по себе. А это хмырь болотный, бесенок.

В усадьбе у Неклюдовых на святки собирались вместе и бояре, и дворовые люди: гадали, играли в разные святочные игры, загадывали загадки, пели песни. Балагур столяр умел бречать на самодельных гусях и петь речитативом былины, подражая древним сказителям. И тут он пропел сочиненную им былинку, шутивную, которая начиналась так:

Как Андреюшко Болотов по болоту хаживал.

Ой, как его там хмырь болотный

До потемок важивал...

Все смеялись и Андрей тоже: святки же!

Наигравшись дома, молодежь уходила на заснеженную деревенскую улицу, поглазеть на «маленькие зрелища, обыкновенные в тамошних пределах. Наряжаются люди иные журавлями, другие козою с разными украшениями и погремушками,— вспоминал в своих «Записках» А. Т. Болотов,— таковую козу с превеликою свитою водят по всем дворам, заставляют ее прыгать и скакать и припевают песни: зрелище, хотя самое вздорное и глупое, но для тамошних деревенских жителей довольно смешное и приятное».

Конечно, как еще мог оценить этот простонародный театр четырнадцатилетний дворянин, только что приехавший из столичного Петербурга, где обучался всяким наукам, от французского языка и бальных танцев до геометрии? Но не здесь ли, не на этих ли деревенских игрищах были посеяны в его душе семена, которые дали всходы в Богородицке, где Болотов стал основателем первого детского театра в России?

Но пока он был совсем еще юный, зеленый, как говорят в народе, и жадно впитывал в себя любое знание, как распускающееся растение впитывает и дождь, и росу, и брызги дорожной воды из-под лошадиного копыта...

Во время святок столяр научил его бренчать на гусях. За три вечера научил. А когда Болотов освоил игру лучше учителя, тот смастерил ему в подарок новые гусяльки, звонкие и изрядно украшенные. К великой радости столяра, молодой боярин игру на гусях сопровождал пением его шуточной былины:

Как Андреюшко Болотов по болоту хаживал.

Ой, как его там хмырь болотный

До потемок важивал...

* * *

Закончились святки, но не закончились зимние посиделки с рукодельем-умельством. У Василия Савиновича, большого охотника до ремесел и художеств, были в усадьбе свои «столяры и токари, был изрядный резчик, кузнец, слесарь, седельник, несколько человек ткачей, портных, сапожников и других... мастеровых и рукодельных людей». Да и сам хозяин вечно в чем-нибудь упражнялся; особенно он был мастак делать рыболовные крючки с зазубринами, поскольку был заядлым рыболовом.

Юный Болотов тоже перепробовал своими руками то, что умели усадебные мастера-художники. И научился за зиму делать многие хорошие вещи. Особенно же полюбилось ему токарное ремесло и резьба по дереву. В ту зиму в доме Неклюдова свои и приглашенные из Пскова мастера делали большой иконостас для местной церкви, богато украшенный затейливой резьбой. Вот возле этих мастеров молодой боярин и околачивался целыми днями. Возьмет долото и на какой-нибудь негодной дощечке тоже старается подражать их искусству. А сколько он здесь наслушался всевозможных рассказов и историй! Записать их, так целая библиотека составит.

Больше же всего подружился Андрей Болотов со старичком Макарычем, бродячим мастером, который прожил у Неклюдова всю зиму, делая из простой бересты (еще летом заготовленной) всякое «узорчье»: табакерки, шкатулки, стаканчики, кружечки... При этом украшал их особого рода чеканкой, прокалывая верхний слой бересты тремя связанными иглами, что и придавало сим вещицам неповторимую прелесть.

Делал Макарыч и берестяные туеса самых разных размеров. Они употреблялись в здешних местах в качестве посуды. В больших туесах (до двух пудов) засаливали и хранили рыбу, которую лавливали по первому льду великое множество, возами. Съели к весне рыбку, туесок промыли с песочком — и чистый. А деревянный бочонок после до-олго рыбой пахнет.

Это делился своими знаниями с молодым боярином Макарыч, найдя в нем и внимательного слушателя, и способного ученика.

— Берестовый туесок — он как древний термос. Солнце не пропекает. Квас, воду на покос берут в туесах. Ягоды год лежат и не киснут, все как свежие. А молоко, сметана, творог, мед? Все это у хорошей хозяйки тоже в берестовых туесах хранится.

С чего все начинается, говоришь? Прежде всего, берестовый мастер идет в лес, ищет подходящую березу, ровную, высокую, чистую, чтоб кора была толстая, без трещин. Пилить в груди, чтоб на земле не лежала, она падает вниз вершиной.— А делать заготовки надо, когда лист на березе распухнет в полный рост, но еще не заматерееет, и обязательно в жаркий день.

Из одной березы десять-двенадцать чурбаков напилишь. Теперь надо бересту снимать. Не сдирать, а снимать, цельною трубкою. Обычно это делают выколачиванием.

— Вот как! Потому и берестовая трубка называется сколотень?

— Правильно, Андреюшко,— радовался старый мастер сообразительности ученика.— А я тебе свой секрет открою, как сколотень снимать. Берешь березовый чурбачок, только что отпиленный, свежий, и рябиновым клином по окружности оттискаешь бересту, делаешь щель. И с другого конца так-то. Затем крепко-накрепко

обвязываю чурбачок ременным чересседельником, резко поверну вокруг ствола, с усилием, и сколотень сам с березы снимается.

— А-а!.. Это вот как свистульки деревенские ребята весной делают. Из ивовой коры.

— Именно так, Андреюшко. Ребятчи свистульки меня и надоумили березовый сколотень ремнем стягивать. Выколачивать дело трудоемкое, не всякому под силу, а мне, тщедушному старичишке, особенно. Ну вот и придумываешь... голь на выдумки хитра!

Слушай дальше. Сколотень мы с тобой сняли. Сняли со всех чурбачков и привезли в усадьбу, сложили в погреб, чтобы не высохли, не покоробились. Теперь начинаем делать тусок. Всякая посудинка делается толщиной в три бересты. Для внутренней используют целиковый сколотень, без трещин, чтоб жидкость из туса не вытекла. Второй слой кладут стоямя, чтоб стенки туска не коробились. А верхний, третий слой — самый гладкий и чистый выбираем. На нем будем делать всякие узоры, кайму, украшения.

Как делать узоры? Выдавливает. Для этого у меня, видишь, целый ящик палочек из жимолости. На конце каждой палочки разные фигурки, вот смотри: треугольники, звездочки, полукружия, кресты... Берешь палочку, надавил да молоточком пристукнул, вот она, фигурка, на бересте и появилась, довольно возвышенная. Палочки из жимолости и поменьше, и потолще, ими и кайму у туска сделаешь, вверху да внизу, и целые сюжеты можно рисовать.

(Кстати, Андрей Болотов впоследствии так и делал. Кроме треугольников и полукружий изображал на жимолостных палочках-штампах птиц, листики да ягодки. Целые косяки журавлей летели на его тусах! А растительный орнамент приводил в восторг самого Макарыча, берестового мастера!)

— Бересты мы приготовили, сложили все три вместе, теперь их надо сшивать,— продолжал Макарыч посвящать в свою науку молодого боярина.— Нитки али жилы тут не годятся, нужны тонкие сосновые корешки, хорошо оскобленные, а иные и расколотые. Можно и прутиком черемухи, ровным, без сучка-задоринки, или черемуховым же корешком, также хорошо оскобленным. Обрезы и края берест обшиваются сплошь, так, чтобы оных и не видно было. Таким же макаром и крышки делаются. А донышки вырезают из тонких липовых дощечек и вставляют в бересту, в кипятке размоченную. Высохнет — обожмет, точно срастется... Ну вот и начинай, Андреюшко. С Богом!

Через несколько дней, видя успехи и старание молодого боярина, берестовый мастер подарил ему все свои инструменты и жимолостные чеканы. Теперь Андрей занимался полубившимся искусством всякую минуту, да так и прожил в Опанкино до самой весны.

КАК БОЛОТОВ ПОЧИНИЛ ОРДЕН СУВОРОВУ

В Кенигсберге, что означает Королевская Гора, жили королевские мастера. Во время Семилетней войны город заняла русская армия. К тому времени, о котором у нас речь, а именно в 1760 году генерал-губернатором был здесь Василий Иванович Суворов. Да, да, отец великого полководца, Александра Васильевича Суворова.

Королевских мастеров особенно не удивишь, они сами с усами... А генерал-губернатору Суворову хотелось их именно удивить, чем-нибудь именно русским. А поскольку человек он был православный, то и обратил свои взоры на ближайший православный праздник, который решил отметить, как это делалось у него дома, на Святой Руси.

Вот что записал очевидец тех событий.

«Новый наш губернатор начал правление свое представлением всем кенигсберг-

ским жителям такого зрелища, какого они до того еще не видывали, и которое их всех удивило; ибо как на другой день принятия его должности случилось быть празднику Богоявления Господня, то восхотел он показать бываемые у нас в сей день водоосвящения подворные, со всеми обрядами и процессиею, введенные притом в обыкновение. И так, выбрано было посреди города, на реке Прегеле наилучшее и такое место, которое могло быть окружено и видимо быть множайшим количеством народа, и сделана обыкновенная и сколько вскорости можно было украшенная иордань.

По всем берегам реки и острова поставлены были все случившиеся тогда в городе ... и батальоны с распущенными их знаменами в наилучшем убранстве, а в близости и подле иордани поставлено было несколько пушек.

Все сии приготовления привлекли туда несметное множество зрителей. Не только все улицы и берега реки и рукавов ее, но все окна, и даже самые кровли ближних домов и хлебных пиклеров унизаны были людьми обоего пола... Желание видеть нового губернатора привлекло туда еще более народа. Поелику же при погружении креста в воду производилась как из поставленных на берегу пушек, так и с фридрихсбургской крепости пушечная пальба, а потом и троекратный беглый огонь из мелкого ружья всеми войсками, то и сие сделало в народе еще более впечатления, и все кенигсбергские жители смотрели на сие с особливым удовольствием. Губернатор же не преминул в сей день угостить всех лучших людей обедом. Но многим из народа не полюбился только он наружным своим видом и простотою одежды...»

Вот ведь — «не полюбился». А уж как старался накануне, сколько хлопот было только с одним орденом Святой Анны! В суете походной жизни у генерала повредился крест названного ордена. Да так повредился, «что необходимо надобно было сделать оный совсем вновь». Суворов «приискал уже к тому и мастеров, но как в середине креста был написанный на финифти и в миниатюре маленький образок, изображавший св. Анну, и во всем Кенигсберге не смогли отыскать мастера, умеющего писать на финифти, (то) и не оставалось другого средства, как послать в Берлин...»

Легко сказать — послать в Берлин. Праздник-то уже на носу! А без ордена Святой Анны, которым генерал Суворов очень дорожил, показываться перед кенигсбергскими жителями ему не хотелось. Если бывала у генерала Суворова забота, то его офицеры из-под земли достанут, что требуется. Откопали и в Кенигсберге мастера, очень древнего старичка, умеющего писать на финифти... Но он заломил Суворову такую цену, что тот прогнал его с глаз долой.

Тут кто-то вспомнил про Андрея-умельца.

— Да чего мы горюем? Надо Андрея-умельца позвать.

— А кто таков?

— Поручик русской армии, ваше превосходительство!

— Да где ж его искать?

— Здесь, в Кенигсберге.

— Так послать за ним вестового!

— Зачем посылать? Он вот туточки, в соседней комнате, немецкие книги переводит.

— О-о! — удивился Суворов.— Он еще и переводчик, этот Андрей-умелец?

И все наперебой кинулись расхваливать генералу Андрея-умельца. У королевских мастеров он обучился слесарному, столярному, кузнечному, шлифовальному и другим ремеслам. Но продолжает учиться, ходит в здешний университет (урвав часок-другой от службы), где ведет дискуссии с самим профессором философии, господином Кантом!

— А уж какой шутник! — встрял в разговор один совсем юный писарек.— Фонтанец у себя дома изобрел, в дорожном сундучке. Вода из него струей струится, и веером, и мелким дождичком.

— Фонта-анец?

— Да, ваше превосходительство!

И писарек, захлебываясь от восторга, что с ним разговаривает сам Суворов, давай рассказывать напропалую, как Андрей-умелец установил на подоконнике своей квартиры сундучек с фонтанцем. И когда мимо проходят кенигсбергские дамы, которые даже в солнечную погоду ходят с зонтиками, Андрей-умелец нажимает рычажок, и вода из фонтанца дождем сыплется на дам. Тут-то они, подхватив юбки, и скачут домой, удивляясь: откуда дождик? Вот смех-то, вот потеха!

Но генералу Суворову, по всему видно, подобные шутки не показались смешными, и писарек ступешался за спины товарищей.

— Да где же этот ваш Андрей-умелец?

— Я здесь, ваше превосходительство!

Перед Суворовым стоял рослый красавец-поручик лет 23-х, лицо которого показалось генералу знакомым.

— Как тебя звать, молодец?

— Андрей Тимофеев сын Болотов! — четко отвечал тот.

— Уж не сынок ли ты полковника Болотова, Тимофея Петровича?

— Точно так, ваше превосходительство.

— Прекрасной души человек был. И друг мой хороший. А у меня, брат, до тебя нуждица... — по-свойски обняв за плечи поручика, продолжал генерал, показав изломанный орден. — Сумеешь починить?

Пройдут годы, и генерал Суворов будет не раз вспоминать, как Андрей-умелец починил ему орден Святой Анны. Все королевские мастера Кенигсберга не смогли — а он починил! По сути, сделал заново, но такой, что не отличишь от прежнего. Да что орден! Он, по высочайшему приказу, изготовил штампы, чтобы русские деньги печатать. Не возить же их мешками из Петербурга в Кенигсберг.

— Вот, Саша, какого человека наша армия породила, — говорил Суворов-отец приехавшему на побывку Суворову-сыну.

— Да где же он сейчас, Андрей-умелец? Служит?

— Нет, ушел в отставку... Сейчас он известен, как экономический писатель и чудодей-земледелец. Твоих солдатушек хлебом снабжает.

— Да, тем и славна Святая Русь, что в нужный час здесь всяк отыщется: умелец и земледелец, солдат и полководец.

И отец с сыном, помолвившись, сели обедать.

АНДРЕЙ СЕЯТЕЛЬ

Осенью 1762 года двадцатичетырехлетний капитан Андрей Болотов возвращался с царской службы домой. Был он по-юношески румян, порывист в движениях, в темно-карих глазах светилось любопытство. И трудно было поверить, что за плечами его семилетняя война, баталии и схватки на просторах просвещенной Европы. Оттуда вез он с собой бесценные «трофеи» — тюки с книгами, которые приобретал за собственные деньги. И намеревался в своем имении заняться экономией, то есть научным ведением домашнего хозяйства, домостроительством. «Эко» — в переводе с греческого означает «дом».

— Ну что, Абрам! Рад, что домой возвращаемся? — сказал он своему слуге, малому лет двадцати.

— Да как же не рад... все косточки рады: так и прыгают!

— То-то, я гляжу, ты все головой по сторонам вертишь.

Но Абрам все вертел головой совсем по другой причине. Он заметил, что рядом с задним колесом брички вот уже верст пятнадцать бежал, не отставая, неведомый зверь. Сказать боярину или обождать? Может отстанет... Зверь не отставал, и Абрам громко стал читать молитву:

Да воскреснет Бог,
И расточатся врази Его,
И да бежат от лица Его
Ненависящие Его. Яко исчезает дым,
Да исчезнут;
Яко тает воск от лица огня,
Тако да погибнут беси...

При последних словах Абрам согнулся, изловчился и резко хлестнул по спине неведомого зверя. Хрустнул, переламываясь, звериный хребет, колючая голова сунулась на дорогу...

— Кого это ты, Абрам?

— Зеленого волка! Батюшка боярин, он за нами уже верст двадцать бежит!

Болотов засмеялся:

— Да ты придорожный татарник ссек бичом.

А лошади все надавали ходу, с блестящих удил падала желтая пена. Так они мчатся всякий раз, коли топчут зверя. А может почуяли, что дом родной близко?

Про зеленого волка Болотов еще в детстве наслушался от дядьки Артамона всякой всячины. Но видеть его самому не приходилось. И сейчас с детским интересом слушал он рассказ очевидца, своего слуги. По словам Абрама, вся шкура зеленого волка от носа до кончика хвоста обросла колючками, шипами, созревшими травами, а над разинутой пастью светились два ярко-красных репья. Когда зверь подпрыгивал, или встряхивал головой, от него летели во все стороны, точно клубы комаров и мух, крылатые семена.

— Попадись он мне еще раз! — потряс бичом Абрам.

(Пройдет лет двести, и газеты запестрят сообщениями очевидцев, которые будут вот так же уверять, что видели «летающие тарелки», «зеленых человечков» и других «пришельцев из космоса», не догадываясь, что рассказывают о живущих рядом с нами, грешными, бесах и демонах, слугах дьявола. Видимо, из числа этих слуг был и зеленый волк).

Чтобы сократить путь, Абрам свернул с большой Тульской дороги на полевою, едва видную тропу. И тут из втулки заднего колеса повалил дым: загорелась ось... Несколько раз кучер тушил и подмазывал дегтем. Но ось продолжала дымить, причем, дым за повозкой тянулся клубами, напоминая лохматого зверя. Так и бежал за ними до самого сельца Дворяниново, родового поместья капитана.

«Я перекрестился и благодарил из глубины сердца моего Бога за благополучное доставление меня до дома,— запишет впоследствии А. Т. Болотов,— и не мог довольно насытить зренья своего, смотря на ближние наши поля и все знакомые еще мне рощи и деревья. Мне казалось, что все они приветствовали меня, разговаривали со мною и радовались моему приезду...»

— Боярин приеха-а-ал! — разнеслось по сельцу.

И мигом едва остановившийся возок окружили бабы, девки, мужики, ребятишки. Весь двор оживотворился. Все изъявляли радость свою, что Бог вынес боярина на Святую Русь, и все говорили, что они его не чаяли и видеть... так долго он пропадал в походах по чужим землям.

Люди не могли налюбоваться на своего молодого боярина: стройный, как тополек, походка живая, разговаривая, смотрит человеку в лицо, а взгляд родной, радостный. И руками при разговоре не машет, как мельница, что в обычае у дядюшки-генерала, живущего по соседству.

Всем нашел доброе слово, старикам поклонился, ребятишек по вихрам погладил, красным девицам улыбнулся. А своего верного слугу, домоправителя Григория Усача, обнял принародно и расцеловал.

Пока разгружали возок, капитан Болотов отправился осматривать свои хоромы. «Передняя моя комната, по множеству образов, в кивотах и без них, которыми уставлены были все полки и стены в угле переднем, походила более на старинную какую-нибудь большую часовню, нежели на зал господского дома... Со всем тем, первейшим делом повергнув себя ниц пред святынями, которым поклонялись еще самые прадеды и предки мои, принес я Господу благодарения мои за благополучное возвращение в тот дом, в котором я родился и впервые стал дышать воздухом» (Из «Записок» А. Т. Болотова).

Быстро сочинили ужин, и капитан Болотов с удовольствием скинул походный мундир, облачившись в простой деревенский кафтан. После дальней дороги и сытной домашней еды потянуло его тотчас в сон... и уснул он молодецки на своей походной кровати, поставленной в матушкином покойце.

Проснулся Болотов от свиста вражеской пули, куснувшей его за палец. Потекла теплая кровь. Да нет, не пуля-дура... это снова был неведомый зверь, возившийся у него в головах! Изловчившись, капитан схватил его всей пятерней за шкуру, приподнял над головой и так шмякнул об пол, что зверь еще раз пискнул да и испустил дух.

И капитан снова уснул.

Утром он очнулся от боли в пальце, обнаружил, что из пальца выдран кусок мяса с крупную горошину... и стал вспоминать, как в полусне шмякнул об пол неведомого зверя. Кажется он убил его... Расспросил слуг и узнал, что ночью на него напала преогромная крыса.

— Да где ж эта враговка?

Оказалось, домоправитель еще на рассвете подцепил ее на деревянную лопату и сжег на костре.

— Ах, он пролаза, бирюк, сатана...— ворчал Григорий Усач.— Сколь вреда от него, боярин. Бродит по нашим полям который год, и на шкуре семена сорных трав разносит. Спаси, Господи! Вот и в хоромы забрался...

— Неужто зеленый волк? — сдерживая улыбку, спросил Болотов.

— Кому ж и быть. Оттого и урожай на убыль пошел.

Капитан Болотов подумал, что не хочет ли его домоправитель свалить вину за свое нерадение на сказочного зеленого волка, но тут же устыдился сей несправедливой мысли. Григорий Усач был человек честнейший, расторопнейший, еще батюшке его служил верой-правдой. Ну а что домоправитель искренне верит в зеленого волка, врага всех земледельцев, то ведь и сам он почти поверил в его существование. Зеленый волк...

Пусть это будет аллегория, олицетворяющая сорные травы, всякую дичь и негодь, произрастающую на хлебных полях. Но с ними-то и предстоит ему биться, коли он всерьез решил посвятить себя земледелию и сельскому домоводству.

И битвы потом случались немалые. Весной зовет домоправитель своего боярина на пшеничное поле:

— Горе-то какое...

И впрямь горе: на всем поле семенная пшеница переродилась в сорняк костер! Натура, то есть природа-матушка, преподносит загадки. Старик-домоправитель на этот раз про зеленого волка не заговаривал, хотя твердо знал: его дела!

С грустью шагал Андрей Болотов по пшеничному полю. На войне хоть врага видишь, инда схватишься грудь на грудь: или ты его, или он тебя... А как одолеть сего зеленого врага?

Болотов выдернул куст костеря, с отвращением отбросил, выдернул другой. Глядит, а это пшеничный куст, трубку выметывает. Лицо его слегка прояснилось. Стал смотреть дальше, пристальней. И оказалось, что метелки костеря вымахали выше пшеницы, закрыв оную собой. Что же делать, что же делать?... В раннем возрасте Андрей играл с деревенскими ребятами в «петушка» и «курочку». Сожмут в ладошке

стебель костеря и обшмыгивают: если метелка его соберется в ровный пучок, это «курочка», а если над пучком зеленый хвостик торчит, то «петушок». То же самое проделал он и сейчас. Да вдруг как закричит:

— Григорий! Веди сюда баб и девок, да поболее!

Домоправитель приказание исполнил живо-два. И любо было глядеть земледелу Болотову на свое поле, по которому рядами шли молодые бабы и девки в цветастых платках. Шли босые, на расстоянии вытянутой руки друг от друга, как боярин их расставил, и обшмыгивали метелки костеря, бросая под ноги его незрелые зеленые семена.

— Пашеничку, пашеничку поменьше топчите! — страдал домоправитель.

А бабы сию новую работу исполняли играючи, кто-то из них затянул песню, которую тут же подхватили:

Уродись, жито, кустисто-зернисто,

Старым бабам на пирог.

Девкам на монисто...

К обеду пропололи все поле. Озорницы-девки сделали из костеря и других сорных трав чучело зеленого волка, воткнули ему в брюхо вилы и со смехами-потехами понесли в селцо: мы-де не охотники! Вон какого зверя изловили: зеленого беса!

А Болотов все стоял на меже, глядел на прополотое поле, истерзанное и взлохмаченное. Костерь сообща одолели. А вот что будет с семенной пшеницей, поднимется ли? Пришел он сюда через два дня и ахнул: пшеница была так ровна, так чиста и густа, как лучше не можно было и желать! Это была первая победа агронома-самородка, Андрея Сеятеля, как прозовут его в народе.

* * *

«Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад не благонадежен для Царствия Божия». — сказано в Евангелии от Луки (гл. 9,62). Андрей Сеятель назад не озирался. Возложив руку свою на плуг, он шел и шел по отчей земле, распахивая холмы и овраги, выкорчевывая пни и камни-валуны... А потом заседал отчую землю и зерном, и словом, и добрым примером. Заседал с молитвой ко Господу и Господь даровал ему успехи по вере его.

БРАКИ СОВЕРШАЮТСЯ НА НЕБЕСАХ

Никак Андрей Болотов не мог жениться. Ехать в Москву «на ярмарку невест», то есть мотаться всю зиму по балам, ему не позволяли средства. А живя в деревне, подыскать невесту молодому боярину было и вовсе непросто. Нет, невесты в округе были, но... «Руби дерево по себе», — говорил Андрею двоюродный дедушка, старый генерал, с которым они однажды ездили свататься. И зря проездили. Невеста оказалась, попросту говоря, вертихвосткой, у которой на уме одни наряды да столичная жизнь. Немногим лучше были и другие невесты и в намечавшиеся спутницы жизни явно не годились.

Болотов стал уже беспокоиться и нервничать. Дело в том, что жил он истинным девственником, за свою холостяцкую жизнь и часу не провел наедине с девицей или молодой женщиной. Правда, был один случай, еще во время его военной службы в Риге, когда Болотов квартировал у латышского дворянина Розенштрауха. Как-то после обеда Болотов остался в комнате наедине с хозяйской дочерью Элеонорой, девушкой красивой и на выданье.

«Она, подошедши ко мне, стала подле окошка и, разговаривая со мной не помню о чем, стала колоть булавкой бумажку, которой случилось залеплена быть разбитая за день перед тем окончина, — запишет он впоследствии в дневнике. — Меня догадало спросить ее, что это она делает и на что прокалывает окончину? «А вот, господин

подпоручик,— сказала она мне,— извольте-ка посмотреть, что это такое и хорошо ли?». Я встал посмотреть, но в какое удивление пришел, увидев, что она наколола связанное вензелем мое имя и фамилию. Я застыдился тогда и, притворяясь, сказал, что я не разберу, что это такое... Вот сколь стыдливость моя была велика!»

Выручила девятнадцатилетнего подпоручика хозяйка, которая вошла в комнату с какими-то новостями, и флирт прекратился.

Случай, можно сказать, совсем пустяшный, но почему-то именно он вспоминался Андрею сейчас, во дни неудачного сватовства. «Прямо беда...— размышлял сам с собою Болотов,— Без хорошей свахи мне никак не обойтись!» И такая сваха вскоре сама появилась у него в усадьбе, точно Бог ее послал. Это была простодушная старушка, из заводских немцев, проживавших в соседнем селе Ченцове. По-русски сваха говорила не совсем чисто, например, известное выражение «на мое счастье» произносила так: «по моим счасткам». И тем не менее все окружающие звали ее Ивановной! Значит, прижилась она на нашей земле, стала здесь своим человеком.

Вот эта-то Ивановна и подыскала Болотову невесту, будущую жену его Александру Михайловну Каверину, с которой он в мире и согласии прожил семь десятков лет, до самой смерти своей. Жила Сашенька в соседнем уезде, верстах в сорока от сельца Дворянинова, в небогатой дворянской усадьбе и была еще, как нераспустившийся цветок.

Но подыскать невесту одно дело, а жениться совсем другое! Непреодолимым препятствием казалась Болотову (да и не только ему) юность, даже детскость будущей жены: она была ровно вдвое моложе самого Болотова, которому шел 26-ой год. Родные Сашеньки просили хотя бы годок повременить со сватовством. Андрей согласился, но совсем приуныл: за год много воды утечет, многое переменится... Поэтому, когда сваха Ивановна произнесла свою знаменитую фразу: «По моим счасткам, Господь благословит ваш союз»,— Андрей не знал, что и думать. После разговора с Ивановной он, ложась спать, горячо молился своему святому Андрею Первозванному.

— Моли Бога о мне, святой угодниче Божий Андрей, яко аз усердно к тебе прибегаю, скорому заступнику и молитвеннику о душе моей... Помоги мне, батюшка, найти спутницу жизни!

И приснился молодому боярину удивительный, вещий сон. Я не беру на себя смелость пересказывать его, пусть это сделает сам Андрей Болотов, написавший в своих «Записках» следующее:

«В одну ночь ни думано ни гадано приснилась она мне во сне... будто находился я с нею в какой-то компании и что некто из бывших тут гостей, указывая на нее («уж не сам ли св. Андрей Первозванный?» — ред.), говорил мне точно сими словами:

— Ну, вот твоя невеста, смотри ее себе, пожалуй...

Далее памятно мне было, что я хотя и не говорил с нею ни одного слова, но рассматривал все черты лица ее и весь рост и вид ее наивнимательнейшим образом...»

Когда Болотов рассказал о своем сне Ивановне и описал до мельчайших подробностей внешность девушки, с которой наяву ни разу не встречался, сваха вытаращила на него глаза:

— Ах, ба-атюшки... да это же Сашенька! Тут не иначе, как Промысел Божий. И дура же я буду, если дело это не совершится. Помяните меня тогда.

После вещего сна (в чем Болотов убедился и сам, когда впервые увидел свою будущую жену на смотринах), ждать стало легче. Он с головой окунулся в работу, в свое деревенское хозяйство и домостроительство. Добрая старушка немка не забывала Болотова, навещала его в усадьбе, и он с удовольствием отрывался от своих дел, чтобы поговорить о невесте.

— Пусть ей четырнадцатый год, а ростом она вон какая великая,— рассуждала взопревшая от чая и «сахаров» Ивановна.— Погляжу, погляжу, а сарафан-то титечки так и распирают. Точно две репы!

— Да? А мне показалось: две луковики... — в рассеянности обронил Андрей Болотов и вдруг так смутился, так густо и жарко покраснел, что румянец его перекинулся на сваху, и та смутилась:

— Ну, батюшка, загостились я у тебя... Пора домой. Через недельку поеду на Вепрею к своим немцам, ты уж пришли лошадей. А с Вепрей-то и до Кавериных недалеко, доскачу до Марьи Абрамовны: надо уже и день сватовства назначить.

Разговор этот происходил зимой, а летом того же 1764 года было и сватовство, и вскоре свадьба. Свадебка, по словам самого Болотова, «была самая простая дворянская, и не с пышной руки, и не мотовская». Но многим памятная. Во время венчания в светлых окнах сельской церквушки вдруг ярко сверкнула молния, а за ней еще и еще (всего пять раз). И громыхнул добродушный голос грома, точно сами Силы Небесные благословляли молодых жить долго и счастливо.

Так оно и получилось. Болотовы вырастили пятерых детей, четырех дочерей и сына. Александра Михайловна пережила мужа всего на год и покоится рядом с ним на сельском кладбище, заросшем крупными деревьями. А все невесты, за которых Болотов неудачно сватался, умерли куда раньше его, в чем он опять же видел Промысел Божий: не для него они предназначались.

Истинно говорят Божьи люди: браки совершаются на небесах.

МАЛЬЧИК БАБАЙ И ЛУГОВУШКА

«День не без диковинки...»

Поговорка Болотова

Сколько на Руси рек, больших и малых! И в каждой, говорят, свой водяной живет. А вот в речке Скниге живет не водяной, а водянуха, по имени Мокрида. Был и здесь свой водяной, да не ужился с Мокридой и ушел в реку Оку. Там вон какой простор! В иной год, во время половодья, Мокрида отправляется к старому водяному в гости. В это время ее видят люди. Сидит на льдине голая девка и, кое-как прикрыв наготу распущенными волосами, всем встречным мужикам «изъявляет ласки пантомимой» — завлекает.

По словам стариков, в это время надо обязательно прочесть молитву «Отче наш». Или хотя бы три раза перекреститься, иначе быть беде. Дворяниновские мужики так и делали. А мальчуган один дворовый, Бабай, впервые такое диво увидал, Мокриду на льдине, вот и пошел за ней... Идет и идет, глаза таращит. Уже в воду зашел по пояса сам точно и не чувствует. И вдруг как ухнет в бучило!

Андрей Тимофеевич всю эту картину с горы наблюдал, из своей беседки в саду. Он нарочно эту беседку сделал, чтоб весной на ледоход любоваться. Красивое зрелище! И жутковатое. И вот, когда Бабай-то ухнул, сорвался боярин с места да скачками под гору, к реке! По пути жердь из садовой ограды выдернул. Прибежал, прыг на льдину — поплыл. Отталкивается жердью, на стремнину выбирается. Увидал Бабая, как тот барахтается (рубаха на спине пузырем), протянул ему жердь, втащил к себе на льдину. Так и спас малого.

Потом оба, переодевшись в сухое платье, отогрелись в боярских хоромах горячим чаем, заваренным целебными травами. У этого чая было мудреное название, звучавшее на иноземный лад-декокт.

— Какими травами, говоришь? — переспросил боярин мальчика и принес свой гербарий, разложил на столе. — Вот, посмотри-ка.

— Ух, трав-то, цветов-то! — восхитился Бабай. — Прямо как на нашем лугу.

Андрей Тимофеевич решил испытать малого.

— Что ж, все их ты на лугу видал?

— Нет, не все...

— А какие?

— Вот эту да эту. И еще эту (ромашку, шалфей и буквицу). А вот эта в поле растет (полевой хвощ). А вот этих на болоте много (лютики, брусничник).

И когда пришел май-травень, Бабай стал носить боярину травы целыми картузами — так бумажные мешки раньше назывались. Отыскивал он для него и незнакомые травки-цветочки. Андрей Тимофеевич не мог надивиться сообразительности мальчугана. Но это будет в мае, а сейчас еще всю гудела, громыхала льдинами, плескалась речка Скнига, вышедшая из берегов от полоной воды. И водянуха Мокрида все плыла и плыла на льдине, посылая встречным рыболовам воздушные поцелуи.

И так доплыла она до деревни Дятлово, где мужики, изловчившись, набросили на нее невод и вытянули на берег. Но Мокрида, по словам тех же мужиков, обернулась водяной крысой и уплыла, а вместо себя оставила в неводе деревянного истукана: раскрашенную девку с распущенными волосами из конского хвоста. Потом выяснилось, что деревянную Мокриду ради потехи сделал и установил на льдине один мастеровой мужичок с Норманнской слободы, по прозвищу Завитушка. Узнав, что из-за его проказы чуть не утонул мальчишка, которого спас сам боярин, он пришел в усадьбу и бухнулся в ноги:

— Виноват, батюшка боярин! Бес попутал...

Андрей Тимофеевич любил всякое рукоделье-умельство, и отчитав Завитушку, чтоб впредь думал о последствиях своих затей, стал расспрашивать его о плотницком ремесле. Причем, проявлял такое тонкое понятие во всем, что беседу вели они на равных, как два бывалых мастера.

* * *

Пришел май-травень, а за ним июнь-разноцвет: самая пора для сбора лекарственных трав. В этом тонком деле мальчик Бабай сделался у Болотова незаменимым помощником. Андрей Тимофеевич попросил мальчика приносить ему новые, еще никому неизвестные цветы и травы, и он приносил.

— Как ты их отыскиваешь? — удивился боярин.

— Это не я... это моя подружка.

— А она откуда знает?

— Да она живет в траве.

— Что ж она, така маленька?

— Да! Чуть поменьше валенка.

И боярин засмеялся нехитрой мальчишеской шутке. Но Бабай и не думал шутить. Подружка его, живущая среди трав, действительно ростом была чуть поменьше валенка, причем, не большого, а детского! Звали ее Луговушка.

— Да какая она из себя?

— Красивая! И веселая. Только вместо ног у нее утиные лапки.

Видя, что Бабай напропалую фантазирует, боярин дал ему бумагу и карандаш:

— Ну-ка. Нарисуй свою Луговушку.

И Бабай стал рисовать. Рисовал долго. Но у него ничего не получилось. Вернее, получилась, как сказал боярин, «каракатица». Тогда на другой день Бабай принес боярину куклу. Это был пучок травы с двумя глазастыми ромашками, которые с любопытством поглядывали вокруг и, казалось, вот-вот заморгают, захлопают белыми ресничками-лепестками.

Бабай поставил куклу на подоконник.

— Вот, боярин, какая Луговушка. Точь-в-точь она, не выше и не ниже.

— Правда, красивая,— разглядывая куклу, сказал боярин, дивясь умельству мальчугана.

Но он еще больше удивился, когда присмотрелся к куколке поближе. Вся она

была собрана из луговых трав, которые были для боярина новыми или едва-едва знакомыми. Потом оказалось, что все они росли по берегам Скниги. Порой мелькали перед взором, а разглядеть, тем более изучить и описать, не было времени. А тут — пожалуйста. Бесценная находка для его гербария. Болотову не терпелось разобрать травы, разложить на столе и поразглядывать, пополнить гербарий... но уж больно хороша была Луговушка, и он решил: пусть пока постоит на подоконнике, немножко люди на нее полюбуются.

Ночью Андрея Тимофеевича разбудил сверчок. Он так трезвонил, так заливался, будто спешил поведать миру удивительную и радостную весть. Но его, видимо, никто не слышал — такая была тишина вокруг. Андрей Тимофеевич глянул в открытое окно, похожее на книжную страницу, усеянную золотыми буквами-звездами с серебряной запятой месяца. В уголке чернела, точно иллюстрация, кукла Луговушка.

И вдруг ему показалось, что Луговушек было две! Или, действительно, лишь показалось? Боярин проморгался, даже потер один глаз согнутым пальцем. Точно, две. Видать, Бабай смастерил вторую и вечером поставил с улицы на подоконник. Может, пока все спят, зажечь свечу и заняться гербарием? Но тут на голос неугомонного сверчка откликнулся чей-то то-оненький голосок. Похоже, птичий. Или нет... вот так же у них в столовой поет вечерами самовар. Андрей Тимофеевич прислушался и стал отчетливо разбирать слова этой «птичьей» песенки:

Я девчонка Луговушка,

Я Бабаева подружка,

У меня коса травяная.

На косе роса медвяная...

«Неправильно слово произносит,— подумал боярин.— Но поет замечательно! Не хуже моего ученого скворца». И пока он так размышлял, на подоконнике произошло какое-то движение, тоненько засмеялись, кто-то спрыгнул вниз и топ-топ-топ! — маленькие шаги по тропинке. Вот так ежик по ночам топает.

Боярин быстро вскочил с постели, шагнул к окну — всюду было тихо. И кукла Луговушка на подоконнике была одна. Значит, вторая ему просто померещилась. Постой, а откуда же мокрые следы на подоконнике? Точно маленькие утиные лапки... Ночь была светлой, и следы виднелись отчетливо.

Утром, когда взошло солнышко, никаких следов уже не было. Зато лежали на подоконнике два свежих, в росинках, цветка — лесные ирисы. Как не допытывался боярин у Бабая, тот на все про все отвечал — «не знаю». И где растут такие красавцы — тоже «не знаю». А Андрею Тимофеевичу уж больно захотелось иметь их у себя в цветнике. И он при всяком удобном случае стал приглядываться, не растут ли где в окрестностях? И нашел в Каширском лесу, когда ехал из Москвы, и остановился на лесной полянке покормить коней. Тогда же выкопал их и перенес к себе в сад.

А куклу Луговушку с подоконника боярин поместил рядом с гербарием целиком, не разбирая на отдельные травки. И она стояла у него много лет, развлекавая гостей и радуя хозяина.

Чуден мир Твой, Господи!

КАРТОФЕЛЬНЫЙ БАТЬКА

Как-то Павлуша, сынок Андрея Тимофеевича Болотова, убежал от няньки и забрался в отцовский кабинет. Вытащил из аптечного шкапа пакеты, пузырьки, деревянные точеные стаканчики, баночки-скляночки с сушеными и толчеными травами, которыми отец лечил своих домашних и слуг, а также и окрестных крестьян. Разложил на полу — играет.

Отец пришел так и ахнул:

— Ты что это делаешь?

— Я лекарь, папенька! Я больных лечу.

А «больные» рядышком стоят — тряпичная кукла, глиняный петушок-свистулька, два деревянных солдатика... Как тут на него сердиться?

— Ну и чем же ты их лечишь?

— Декоктом!

Декокт — целебный чай из трав, который придумал Болотов. Отцу было приятно, что сынок оценил его изобретение. Мальчик даже знал, из каких трав заваривают целебный напиток. Отца Павлуша любил. Жаль только, что папенька был постоянно занят. То в саду или в поле, то в кабинете, то верхом куда-то ускачет. А как интересно бывать с ним вместе! Как-то отец взял его с собой в огород, где садовник дядя Серега и девки с бабами собирали урожай картофеля. Уже лет десять прошло, как был издан указ сената о «заведении» картофелеводства в русском государстве. Медицинской комиссией было составлено и разослано по губерниям «Постановление о разведении земляных яблок», к которому прилагались закупленные у иноземцев эти самые яблоки — клубни. Каждому помещику выдавалось по несколько штук. И те сажали диковинные растения на садовых клумбах, рядом с цветами.

Болотову тоже вручили со всякими строгостями семь земляных яблок. И он, в отличие от других, взял их охотно, поскольку знаком был с ними еще со времен Семилетней войны. Там, в Восточной Пруссии, в 1760 году, он впервые попробовал их у солдатского костра.

«Во всех близлежащих деревнях,— напишет в своих воспоминаниях поручик Андрей Болотов, будущий агроном всяя Руси,— были картофельные огороды. К тому времени он начал созревать и годился уже к употреблению в пищу. Солдаты о нем разузнали, и в один миг очутился он во всех котлах, уже кипящий. Со всем тем по необычности сей пищи не прошло без того, чтобы не сделаться от нее болезней, и армия наша за узнание сего плода принуждена была заплатить несколько стами человек, умерших от сих болезней».

— Добро бы в сражении погибли, а то невесть от чего! — горевали солдаты, хороня умерших товарищей.— От каких-то «земляных яблок» живота лишились.

— Плоды оные не «земляными яблоками» именовать надобно, а «дьявольского силою!» то есть, картофелем,— заметил поручик Болотов, горевавший о погибших не меньше солдат.

И пошло новое словечко гулять по всей армии, да и немцам пришлось по душе. Болотов сложил это словечко из двух немецких слов, «крафт» и «тойфель» («сила» и «дьявол»). В этом была великая ошибка будущего великого ученого. Имя дьявола, зашифрованное в слове «картофель», воздействовало на людские умы чисто подьявольски — желанием грешить, протестовать. Не потому ли в православной России то тут, то там вспыхивали «картофельные бунты», люди отказывались сеять этот незнакомый овощ? А вот в Белоруссии народ прозвал его «бульбой» — и никаких бунтов! Да и урожай высокие собирали белорусские крестьяне. Так дьявол был посрамлен. Но враг рода человеческого от своих козней не отступился. Надо думать, при его непременно содействии люди сами завезли вместе с картофелем еще одну напасть — колорадского жука, который начисто сжирает на молодых растениях картошки и листья, и цветы. Остаются одни обгрызанные стебельки...

Но все это будет потом, много времени спустя. А сейчас земляные яблоки уже занимали у Болотова приличный огородец. Урожались они в земле целыми семьями или гнездами. В некоторых гнездах насчитывалось их до ста штук! Клубни были круглые и продолговатые, но попадались среди них довольно причудливые, похожие на головастую птицу, на неведомую зверушку. Этих по приказанию боярина садовник складывал в отдельный ворошок. Павлуша присел у ворошка, стал играть замы-

словатыми земляными яблоками. Отец был тут же, измерял их линейкой, взвешивал на безмене и все записывал в свою записную книжку.

— Смотри, боярин, кого мы выкопали! — принес садовник картофельный клубень, похожий на серьезного пузатого человечка.

— Ой, боюсь, боюсь, — спрятался Павлуша за отца.

— Да чего ж его бояться, — растягивая слова, говорил Андрей Тимофеевич, — ведь это... это же Картофельный Батька!

— Ну-у? — удивился садовник. — И впрямь похож.

— Да, да. Картофельный Батька! — сочинял Андрей Тимофеевич, поглядывая на сына. — Очень доброе существо, из рода Ангелов-хранителей. Живет и на земле, и под землей. Послушным и некапризным детям Картофельный Батька приносит подарки — земляные яблоки. Но сначала он их печет в костре. Так ведь, дядя Серега?

— Вестимо, так! — отозвался сообразительный садовник.

В этот день для Павлуши был настоящий праздник. Папенька разрешил ему вместе с садовником разжигать костер, печь в нем земляные яблоки. Вкус у них был удивительный и ни с чем несравнимый. Пока Болотов с сыном и садовником ели горячие «печенки» (бабы от них наотрез отказались), куда-то пропал Картофельный Батька.

— Наверное, под землю ушел, — догадался Павлуша.

Мальчик даже отыскал рядом с тропинкой норку, а рядом бугорок свеженакопанной земли и окончательно уверился, что именно тут ход под землю пузатого картофеля человека.

* * *

Пройдут два века, и еще двадцать лет, а сказочный Картофельный Батька с легкой руки Болотова будет жить и здравствовать на крестьянских огородах сельца Дворянинова. Говорят, деревенские ребятишки встречают его там и по сей день. Особенно любит он посидеть у мальчишеских костерков.

— А какой он из себя, ребята?

— Да какой... Ма-аленький мужичок-толстячок, весь землей перепачканный. Нос клубеньком, глаза с прищуром. И фуфаечка на нем новая, светлая. Подойдет к костру, молча присядет на корточки, руки к огню протянет и сидит, греется...

Мир тебе, Картофельный Батька! Тебе и дому твоему — деревенскому огороду.

СЕМИПОЛЬЕ

Научные труды А. Т. Болотова по земледелию, опубликованные в его собственном журнале «Сельский житель», писались еще в Дворянинове, а затем продолжились в селе Киясовка, где он два года служил царским управляющим. Именно там, в Киясовке, у него оформилась мысль о семиполье. В то время в России, да и во всей Европе, применялась трехпольная система севооборота.

«Бог за шесть дней сотворил землю, а в седьмой отдыхал, — размышлял Андрей Тимофеевич. — Хороший пример для нас. Вот и мы всю землю в Киясовке разделим на семь полей. Каждое поле будет три года рожать хлеб, три лежать в перелог, а в седьмой год унавоживаться, отдыхать даже от лошадок и коровок, то есть, от пастьбы скота. Чем лучше земля, тем меньше семян требует...»

Болотов присел на корточки стал расставлять прямо на тропинке чурбачки, сосновые шишки, большой камень посередине. А на самом краю положил два продолговатых камня-голыща. Здесь и нашел его Павлуша, стал приглядываться: чего это папенька строит?

— Это же деревня! — воскликнул мальчик.

— Да, сынок.

А Павлуша продолжал разгадывать отцовские загадки.

— Камень в середине — это боярский дом. Сосновая шишка — церковка, а еловая — колокольня. А вот избушки мужицкие,— показал мальчик на деревянные чурочки, расположенные в два ряда.— А это, это...— мальчик не мог определить, что же обозначают два продолговатых гольша.

— Скотный двор и конюшня,— подсказал отец.— Ну у тебя и глаз! Сразу всю мою деревню разглядел.

— Папенька, а как она называется? — деловито осведомился мальчик.

— Ну, скажем так: Семиполье,— раздумчиво произнес Андрей Тимофеевич,— Потому что вся пахотная земля вокруг деревни поделена на семь полей. Видишь?

Мальчик стал считать поля вокруг деревни и насчитал не семь, а девять.

— А-а... это ты и луг, и лес в поля записал. Давай-ка деревья с тобой сажать, чтоб сразу видно было: это лес.

И отец с сыном принялись сажать лес. Мальчик собирал и приносил отцу мелкие ветки, нападшие с деревьев, а тот втыкал их в землю. В их игрушечном лесу были и вековые дубы, и частый ельничек-березничек, и кусты...

— Как настоящий! — одобрил Павлуша.

— Да, хороший лес,— согласился отец.— Теперь нам надо как-то луг обозначить.

— Может травой закидать?

— Можно и травой закидать. Даже стожки сена поставим по углам.

Для одного дальнего угла сена не хватило, и мальчик воткнул туда лучок травы с двумя глазастыми ромашками — Луговушку, луговую хозяйку.

— А рядом с Луговушкой Житного Дедку ставь, старичка соломенного. Потому что далее его владения пошли — поля. Семь полей...

Между лугом и полями мальчик проложил проселочную дорогу и на ней возок с лошадкой.

— Это мы с тобой едем,— сказал он отцу.

А теперь и друг от друга поля надо как-то отграничить. Вот здесь ложбинка, ручей бежит. Вот здесь будет живая изгородь, акатник (акацию) насажаем. А дальше что?

Мальчик задумался.

— Водороина...

— Не хотелось бы,— вздохнул отец.

— А мы ее дерном обкладем и плетнями загородим! Как у нас в Дворянинове делали, помнишь?

— Ну, если так... тогда пусть отграничивает.

— А вот между этими полями три березки на холме!

Болотов с сыном обернулись и увидели бабушку Марью — Большую Боярыню. Она, оказывается, подошла незаметно и давно наблюдала за их игрой. И сразу поняла, что тут не игра, тут зреет целая революция в сельском хозяйстве Руси.

— Значит, Андрей Тимофеевич, все семь полей одной стороной выходят к усадьбе, к деревне, к скотному двору, я так понимаю?

— Да, матушка! — обрадовался Болотов, получив живой отклик на свою мысль.

— А для какой же цели? — продолжала интересоваться Большая Боярыня.

— А вот для какой.

И Болотов стал рассказывать о своей задумке.

— Если мы будем хорошо кормить пашню, удобрять ее навозом, она даст богатый урожай хлебов. Богатый урожай, в свою очередь, даст нам возможность содержать много скота, коней и коров. А чем больше стадо и табун, тем больше навоза. А навоз нужен полям...

— Замкнутый круг? — улыбнулась Большая Боярыня.

— Нет, замкнутый цикл! Ничто не пропадает, все идет в дело, на благо человеку-труженику, человеку-умельцу. Даже Ангелам Господь не дал таких способностей,

как человеку. Потому и сказано в Писании, что человек создан «по образу и подобию Божию»...

* * *

Деревня Семиполье на садовой дорожке прожила недолго. Налетел ветер и разбросал все крестьянские избышки, а заодно и стожки сена вместе с глазастой Луговушкой и Житным Дедушкой. А тут дворовый пес Барбос подскочил, разыгрался и повалил сосновые шишки, изображавшие церковь с колокольней, вытащил зубами зеленые ветки — три березки на холме, которые воткнула Большая Боярыня.

— Вот судьба вашей мысли, Андрей Тимофеевич,— грустно улынулась Большая Боярыня,— что ветром разметет, а что доконает собака какая-нибудь.

— Бог не выдаст, свинья не съест, матушка,— отвечал Болотов.— Будем работать! У Бога каждый наш волос на счету, а уж мысли-то на счету особом. Не пропадут!

Болотову очень скоро пришлось убедиться, что Большая Боярыня была права. Налетел ветер перемен и унес его на жительство в другую волость — Богородицкую. И все его нововведения по устройству семиполья царские чиновники предали забвению. Для них они были не более, как игрушки ученого чудака.

* * *

Из Лейпцига — диплом, а в Богородицке — гром! Гром аплодисментов, похвал, поздравительных речей, восхищения...

— Эх куда хватил Андрей-то Тимофеевич!

— От Европы ему почет!

— Высоко, высоко залетел наш сокол!

Факт избрания А. Т. Болотова Почетным Членом Королевского Лейпцигского Экономического Общества естественно венчал его научные занятия и труды. Сам же Андрей Тимофеевич к известию из Лейпцига отнесся спокойно, слава не вскружила ему голову. Он работал привычно, от зари до зари. И горячо благодарил Господа и ранним утром, и поздним вечером:

— Слава Богу за все!

ЖНИВНЫЙ ПЕТУХ

Андрей Тимофеевич Болотов бережно хранил один старинный документ, так, безделку, по его словам, но дорогую ему, как память об отце. Это был ордер с личной подписью Петра Первого, предписывавший поручику Тимофею Болотову исполнить дело государственной важности. По приказу Государя он сопровождал в Тамбовскую губернию группу крестьян, трех немцев и шестерых русских из Лифляндии — изрядных косцов хлеба, дабы они могли научить этому мастерству тамбовских мужиков.

Впоследствии Андрей Тимофеевич, побывавшей в Тамбовской губернии для межевания купленной земли, встретил там стариков, еще помнивших его батюшку. По их словам, Тимофей Петрович, хорошо говоривший по-немецки, привозил к ним дюжего немца, Вольдемара Носа (правильно Мооса) с двумя такими же дюжими сыновьями. Работники они были отменные, жили по пословице «делу время, потехе час», и тамбовские мужики хорошо запомнили и то, и другое. Одна из потех была связана как раз с уборкой урожая и называлась «Жнивный петух».

Немецких косцов поселили на краю Стрелецкой слободы, в деревянном флигельке пустующей боярской усадьбы, неподалеку от монастыря, именуемого в народе Казачьей обителью. По соседству жил мужичонка, по прозвищу Казачок, уже седой дедушка, и рассказывал Болотову о его батюшке и о немецких косцах.

— Косой-то косить не то, что серпом. Глядь, была нивка, а стала жнивка. Ну, я попробовал раз-другой, и дело пошло. «Гут, гут! — немец меня по плечу хлопает.—

Майстер!». А я в то время уже всю гору сено косил, отец Вапила из Казачьей обители меня приучил. Горуша коса старинная, русская. Она и покороче, и косье у нее кривое, как лебяжья шея. В лесу да по кочкам косить милое дело. Отец Вапила ее из Новгорода привез.

Ну так вот, через неделю я косил пшеницу плечо в плечо с самим Носом, а потом и вперед стал уходить. Научились и другие мужики. Наш брат, русский человек, переимчив. И вот жатва подходит к концу. Я на своей делянке первым закончил косьбу, оставил, по обычаю, пучок несжатых колосьев и завязал их узлом. Нос подошел, смотрит;

«Ты что это делаешь?»

«Житному дедушке бороду завиваю».

«А-а! У нас это по-другому называется: поймать Живного Петуха».

И тоже пучок несжатых колосьев оставил на своей полосе. Связал их каким-то особым способом и получился этакий соломенный петушок на краю поля. Потом Нос и говорит:

«Продай мне. Казачок, живого петуха».

«Зачем?»

«Праздновать будем. Праздник урожая справлять, пиво пить».

А пиво у них, у немцев, было забористое. Зачем, говорю, продавать, я и так принесу, у меня их в курятнике целых три. Один, рябка, по всей деревне шастает. А два другие краснобокие красавцы, эти домоседы.

Одного из домоседов я и приволок к немцу. В мешке. Нос выпустил его среди поля и вот носится за ним с сыновьями, ловят. Наши мужики тоже давай помогать. Вот потеха-то была! Сначала думал и, упустил немец петуха. А потом узнали: это обычай у них такой — петуха после жатвы в поле ловить. Кто поймает тому на празднике и подают этого жареного петуха на деревянном блюде.

— Ну и кто же поймал? — заинтересовался Андрей Тимофеевич.

— Да кто... батюшка ваш, Тимофей Петрович. Он ведь со всеми вместе хлеб убирал, сам заохотился. Молодой был, горячий... гренадер! Ну и немецкая потеха с петухом припала ему по душе. Говорит, сам государь Петр Алексеевич всякие потехи любит и народу велит не унывать, а веселиться.

КРЕСТЦЫ НА ХЛЕБНЫХ ПОЛЯХ

Пришла коса и на дворяниновские поля. Андрей Болотов (как когда-то его батюшка у приезжих немцев) учился косить рожь, а затем учил своих мужиков. Вернее, учились они вместе. Просто Болотов, привыкший ко всякому рукоделью, быстрее освоил косьбу хлеба.

Дворяниновские женщины-жницы, воткнув на меже серпы в землю, с любопытством наблюдали за косцами. И сразу поняли, что коса — это великое облегчение для бабьих рук. Но бабьи руки разве могут быть праздными? Они тут же взялись вязать снопы.

Самый первый сноп перевязали, кроме соломенного свясла, еще и красной лентой, расправили усы-колосья, воткнули два глазастых василька... И встал Житный Дедушка рядом сброшенными серпами, на краю хлебного поля.

А тут заглянул на боярское поле батюшка из соседней церкви, прочитал молитву, окропил святой водой и разгоряченных косцов, и женщин-вязальщиц, и вертевшихся тут же ребятишек, и первые ржаные снопы.

— А это что за языческий идол? — с напускной строгостью кивнул батюшка на Житного Деда. — Сжечь нехристя!

— Батюшка, он крестьянин! — кинулась защищать своего любимца Дунечка, бояринова крестница. — Смотрите, у него крест!

Поглядел священник, а у Житного Деда и правда на красной ленте крест-хлебный, такое особое печенье: кто-то из женщин прицепил.

— Ну, если хрии-сти-а-анин,— протянул, улыбаясь, священник и покропил Житного Деда святой водой,— тогда другое дело. Помогай, Житный Дедушка, народу урожай собирать! До зернышка, слышишь?

Затем батюшка поздравил всех с зажинками — началом жатвы, а Болотов пригласил его в боярскую усадьбу, на общий обед.

И пошел по деревням гулять слух, как на боярском поле окрестили Житного Деда.

— А крестная мать у него Дунечка, Маврина дочка, а крестный отец — сам боярин. Народу на крестинах было... у-ууу! Все поле усеяно. А потом в усадьбе пир был. Всякого встречного поперечного угощали. И еще с собой давали по каравайцу.

Слух этот был так устойчив, что вспоминался из года в год, чуть ли не на каждых деревенских посиделках, обрастая новыми подробностями. Говорили, что именно в этот раз на дворяниновских полях (да и вообще на Руси) снопы стали складывать в крестцы. Раньше-то как было? Свяжет жница сноп и лежит он в поле, пока не отвезут его в овин, просушиваться и дозревать. У иного хозяина снопы до того долежатся, что и дождь не раз промочит, и к земле прильнет, и зерна уже в колосьях прорастать начнут... А сколько их осыпалось!

В крестцах же снопы могут стоять хоть до самого снега. Делают их так. Кладут на землю крестом четыре снопа, головой к голове, то есть колосьями друг к другу, да поплотнее. Затем на них еще четыре снопа... А девятым сверху завершают, вместо крыши, чтоб дождем колосья не проливалось. Ветерком такой крестец со всех сторон продувает, подсушивает... и овин не нужен. Вези прямо на ток и обмолачивай.

Снопы в крестцах — мудрая народная придумка. Вот люди и связали воедино эти два события: «крещение» Житного Дедушки и появление крестцов на хлебных полях.

* * *

Как-то на святки собрались в избе Мавры парни с девками, молодайки — и опять вспомнили, как отец Илларион из Ченцовской церкви крестил Житного Дедушку.

— Да вы что,— возразила Мавра,— отец Илларион вон какой толстый. Мы с бабами весной его по пашне катали — не столкнешь!* А тот батюшка совсем другой был.

Стали вспоминать, кто его видел поближе, кто с ним разговаривал. Видели многие, а разговаривали двое: боярин да вот Дунечка. Ну и пристали к девчонке:

— Рассказывай, какой из себя батюшка был?

— Батюшка как батюшка... хрест у него деревянный.

— Какой, какой хрест?

— Ну, деревянный. Две березовые палки лычкой перевязаны, крест-накрест. Держит его батюшка, точно посох, видать, издавека-а-а пришел. А сам седой-преседой, и борода большая.

Вспоминает Дунечка, оглядывает широкими синими глазами притихших слушателей... и вдруг остановилась взглядом на маленькой иконке, стоявшей рядом с другими в самодельном киоте:

— Да вот же он, вот!

— Свят, свят, свят...— выдохнула Мавра и перекрестилась, а за ней и все сидящие за столом.— Как же мы его не признали?

Это была икона святого апостола Андрея Первозванного.

ПОМЕРАНСКИЕ ГРАБЛИ

Болотов любил запах соломы. У него даже начинали трепетать ноздри, когда он подходил осенью к соломенному скирду. Скирд был по-летнему свеж, золотист, хру-

---

* Старинный обычай, помогающий по народному поверью, росту хлебов.

стящ, и Андрей Тимофеевич заставлял Абрама набить матрас соломой, как делали мужики. Абрам приказание выполнял, хотя считал эту затею боярской причудой: то ли дело на перине поспать!

Болотов на воркотню слуги не обращал внимания. И ночью, лежа на соломенном матрасе, покрытом домотканой дерюжкой и полотняной простынью, ему легко думалось и легко дышалось, он перебирал в памяти события дня, до краев заполненного любезными сердцу трудами, тихо улыбался... Вот и сегодня Андрей Тимофеевич припомнил встречу со своей крестницей, деревенской девочкой Дунечкой. Было это еще в конце августа, когда на господских полях заканчивалась жатва.

Дунечка принесла матери, одной из лучших дворяниновских жниц, в поле полдник: кувшин с хлебом и вареную репу. Мавра (так звали жницу) попотчевала квасом оказавшегося рядом боярина, тот с удовольствием сделал несколько глотков, вернул кувшин:

— Хорош квасок у тебя. Мавра... шибает в носок!

— И-и, боярин, до квасу ли бабе в рабочую пору. Это вот Дунечка такой сварила.

— Ну? Вот мастерица! Поучила бы, крестница, наших дворовых девок такой квас варить. Придешь?

— Приду... — зарумянилась девочка от похвалы.

Так же зарумянилась и мать ее, Мавра, будто боярин сказал доброе слово не о ее дочке-семилетке, а о ней самой. Жница мельком взглянула на солнце, уже клонившееся к западу, взялась за серп, а Болотов с крестницей отправились домой. Идут по свежубранному хлебному полю, разговаривают. Дунечка приседает время от времени, подбирает оброненные колоски.

— После матушки и колосочков не насобираешь, — делится девочка. — Вот за тетушкой хорошо ходить, она часто колоски пропускает.

— А зачем тебе колоски?

— Житного Дедушку сделаю. Вот так да вот эдак скрутим жгут, а теперь два василечка вместо глаз, а эти длинные колосья на усы пойдут... вот он. Житный Дедушка!

— Ну ты и рукодельница! — снова похвалил Болотов.

— А-а, это так, забава. Я всегда с поля Житного Дедку приношу. Брошу курам во дворе, они любят в соломе копаться, все зернышки выберут.

И Болотов подумал, что хорошая хозяйка вырастет из его крестницы. Экономная. И мысль его заработала, закрутилась. Почему бы не подбирать колоски после жатвы на каждом поле? Это же бросовое зерно, а вон сколько, им не только кур можно накормить... Руками, конечно, как его крестница, много не насобираешь. А вот если граблями? Да не нашими, обыкновенными, какими девки сено ворошат, а большими, которые видел он во время Семилетней войны, будучи в Померании. Он тогда даже зарисовал эти померанские грабли. Шириной они в косую сажень, а ручка чуть потоньше оглобли, и к ней лямки приделаны. Надевают два мужика эти лямки на плечо и поволокли...

Сказано — сделано. Испытать новшество боярин доверил двум молодым мужикам, которые ему же и смастерили эти грабли, Дунечкиным старшим братьям, Фоме да Ереме. Впряглись Фома с Еремой, прошли ряд, прошли два и три... Колосков набралось изрядно, но и вспотели же!

— Ерема, как боярин назвал грабли-то?

— Померанские.

— Вот уж точно... померанские. Если мы с тобой до вечера потаскаем, то непременно померем. Померанские и есть! — ворчал Фома. — Их в пору коню возить...

Хотел он о том сказать боярину, да не осмелился. А Болотов будто прочитал у мужика мысли и говорит:

— Стоп, ребята! Такое для нас терпеть невозможно. Ну-ка, Фома, бери пилу, спили-

вай оглоблю-то. Так, так, под самый корень! А теперь найдите еще такую же оглоблю и врежьте в брус, вот здесь и здесь...

— Лошадь впрягать будем?

— Да, Фома! Какую-нибудь старую клячу, чтобы доброго коня от дела не отрывать. А оглобли пропустите на четверть через брус, это ручки будут. Поднял за ручки грабли, освободил колосья и дальше поехал.

Так «померанские» грабли Андрей Тимофеевич превратил в конные. И работали на них ветхие старики да малые дети. Труд невелик, а хлебу прибавка.

БОЛОТОВ И ПУГАЧЕВ

Емельян Пугачев был участником Семилетней войны и, говорят, даже служил в роте Андрея Болотова! По другим утверждениям, Пугачев под началом Болотова не служил, а находился в отряде донских казаков. Но встречаться во время войны они встречались.

Когда русская армия вступила в Пруссию, Болотов не позволял своим солдатам грабить местное население. А некоторые командиры смотрели на это сквозь пальцы, и прусские крестьяне стали устраивать на русских солдат засады, по сути, вели партизанскую войну. Особенно были несдержанны вольнолюбивые казаки, привыкшие ходить в чужие земли «за зипунами», то есть грабить. Это считалось законной военной добычей.

Однажды, зайдя в прусскую деревеньку, поручик Болотов увидел, как молодой чернобородый казак волок из крайнего домика одной рукой козу за рога, а в другой тащил мешок с круглыми сырами и хлебом.

— Ты что это делаешь, негодник? — остановил его Болотов.

— Запасаюсь провиантом за счет вражеского населения! — бойко отвечал казак, ничуть не смутившись.

Выбежал плачущий старик немец, и Болотов приказал казаку вернуть козу. А мешок с сырами тот так и не отдал.

— Со стариками воюешь?

— С вражеской страной. Не я эту войну выдумал, боярин...

Болотов рассказал о сем случае своим солдатам в роте, и те сказали:

— А, это Пугач! Этого казака мы знаем. Такой ухверт!

Но говорили сие, как заметил Болотов, не с осуждением, а почти с восхищением.

От солдат поручик узнал, что Пугач был изрядным умельцем: и сапожничал, и шорничал, и с кузнечным инструментом управлялся не худо. Какие славные уздечки, украшенные медными и серебряными бляхами, шил он по заказу молодых щеголей-офицеров! Конь в такой уздечке был не только красив, гордо держал голову, но и резвее, прытче становился.

Но бесшабашен был Пугач и с людьми особо не считался. Как-то сшил сапоги одному армейскому капитану, да сам же в них три дня и щеголял. Капитан узнал, взбеленился: «Засеку!» А Пугач и тут проявил смекалку: сказал, что специально сапоги разношил, чтоб они, значит, на капитанской ноге сидели удобно и ловко. Так и вывернулся, бес! Вот за эту находчивость солдатский люд его и любил.

Пройдут годы, и Болотов, когда разгорится крестьянское восстание Пугачева, не раз вспомнит того казака Пугача. Если этот такой же ухверт, то добра от него ждать нечего... Народное восстание — это стихия! Его можно сравнить с бурей, с половодьем. Но точнее всего, пожалуй, — с пожаром. Еще не скоро пепелище зарастет зеленой травой, цветами, еще не скоро вновь обстроятся люди и зазвучат в домах детские голоса!

* * *

Болотов, присутствуя при казни Емельяна Пугачева в Москве, узнал в нем того казака-уховерта, Пугача. Но ни говорить, ни писать об этом не стал. Зачем? Время смутное, и стоит ли гордиться таким знакомством? Но рисунок казни Пугачева сделал. Потом он, этот рисунок, обойдет все школьные учебники истории, которые в разное время по разному будут называть предводителя восстания: одни вором и разбойником, другие народным героем.

Какая непомерная сатанинская гордость — выдавать себя за самого Царя-Батюшку! Вот так однажды восстал против Отца Небесного самый светлый Ангел — Денница, возомнивший себя равным Богу. И стал сатаной, был низринут в хляби подземные. Теперь он князь мира сего, но царство его не вечно.

«Нет мира на земле, Господи! — думал Болотов, торопливо заканчивая рисунок.— И будет ли? А так хочется тишины и покоя, так хочется творить и работать...»

Пугачев, по свидетельству Болотова, «стоял в длинном нагольном овчинном тулупе, почти в онемении, и сам вне себя, и только что крестился и молился». Другие очевидцы тоже утверждают, что он крестился, кланялся на все четыре стороны и повторял: — Прости, народ православный!

АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ ГОВАРИВАЛ...

Четырехтомный труд «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» — неиссякаемый кладезь образного русского языка XVIII века. В приближении письменного языка к разговорному, народному Болотов является предтечей Пушкина. Вот некоторые поговорки, изречения, словечки, взятые из этой книги.

Когда Бог пристанет, так и пастыря приставит.

Удастся — квас, не удастся — кислые щи.

Полюбится иногда и сатана лучше ясного сокола.

Я не хотел пить и не хотел никак из ума тоже выпиться, как они.

Эти собаки одну сметану лижут! (то-есть, воруют вместе).

Дело стану мешать с бездельем...

Он решил посмотреть не одними телесными, а умственными очами.

Монумент глупости.

Театр дурачеств.

Разнобоярщина (разнообразие).

Денежная молитва (взятка).

Порядка тут и в завете не раживалось.

Смаленьку был к Богу прилежен.

Андрей Тимофеевич никогда не ругался черным словом. У Болотова самое сердитое ругательство было такое:

— Прах бы вас побрал!

«ГЛАЗКИ» ДЛЯ ПРИВИВКИ

Четырехтомная эпопея «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» оказала благотворное влияние на всю русскую классическую литературу XIX столетия. Этот удивительный литературный труд я сравнил бы с яблоней, от которой охотно брали почки («глазки») для прививки на другие деревья. И они прекрасно приживались, давали чудесные плоды!

Читаешь описание уездных чиновников Богородицка и вспоминаешь гоголевского «Ревизора». Сюжет о болотовском прапрадеде Еремее, который со своим товари-

щем бежал из татарской неволи, удивительно напоминает «Кавказского пленника» Толстого. А когда Болотов описывает, как татары русскому пленнику «взрезали пяты, насыпали рубленых лошадиных волос и заростили их там, чтоб не мог далеко ходить...», то невольно вспоминаешь «Очарованного странника» Лескова.

Писатели девятнадцатого века, конечно, были хорошо знакомы с литературными трудами своего предшественника. А мы только открываем для себя писателя Болотова. (Или Болотова, как называют его некоторые ученые). Открываем — и удивляемся.

* * *

Мой сосед-восьмиклассник Валера, прочитав пьесу А. Т. Болотова «Несчастные сироты», сказал мне:

— Такой знакомый Митрофанушка! Прямо как у Фонвизина в «Недоросле».

— Просто и Болотов, создавший образ Митрофанушки на два года раньше, и Фонвизин очень точно отобрали свое время. Тогда таких Митрофанушек было, как говорится, хоть пруд пруди. (Кстати, и сейчас тоже)

Но на слово мне Валера не поверил, пришлось показать ему статью критика А. Демиховского, опубликованную в книге «Болотов А. Т. Избранное» (Псков, 1993 г.). Вот что мы прочитали:

«В имении помещика Агафона Злосердова живут сироты — молодая девушка Серафима и ее младший брат Ераст. Чтоб завладеть их имением, он хочет женить на Серафиме сына Митрофана, а Ераста отравить, накормив грибным пирогом с ядовитыми мухоморами...

Уже было сказано, что драма «Несчастные сироты» тематически и сюжетно перекликается с комедией Фонвизина «Недоросль», написанной два года спустя. Указывалось на некоторое совпадение характеров главных персонажей, на родственные черты в проявлениях их душевной жизни, в поведении, в манере выражать мысли. Митрофан Злосердов и Митрофан Простаков одинаково проявляют себя в ситуации, в которой находятся: оба намерены жениться насильно на состоятельной сироте».

И далее:

«Своеобразие Болотова не только и не столько в осмеянии порока, как у Фонвизина и других современников, но в изображении крупным планом и в сильной эмоциональной окраске страдающих обманутых жертв, рядом с которыми носители порока (например, чудища Злосердовы) делаются не смешными, а страшными».

— Вот расскажу на уроке про второго Митрофанушку, Нина Васильевна мне пятерку поставит, — размечтался мой восьмиклассник. — А может, двойку...

— Двойку-то почему? — удивился я.

— Не поверит. Скажет, сам выдумал. Ведь в библиотеках пьес нету, я весь город обегал. Чем докажешь?

Что правда, то правда, литературное творчество Андрея Болотова (особенно его пьесы) еще доступно даже не всем учителям. Так и родилась идея пьесу «Несчастные сироты» включить в книгу о Болотове, над которой я сейчас работаю.

ПРОЗОРЛИВЕЦ

Был у меня в Богородицком районе знакомый старичок — Алеша Капитоныч. Не Алексей Капитоныч, как следовало бы величать его соответственно возрасту, а именно — Алеша Капитоныч. Так называли его в деревне, так и я.

Изда Алеша Капитоныча стояла рядом с правлением колхоза, окнами на дорогу, и он, не выходя на улицу, знал все деревенские новости. К нему обычно приводил председатель и постояльцев на ночлег. Мне он по дороге доверительно сообщил, что хозяин верит в Бога и нам будет о чем поговорить.

— Библию читает! — шепнул председатель, уже ступив на порог избышки. Позже выяснилось, что «Библией» он называл потемневший от времени молитвенник, еще дореволюционного издания.

— Алеша Капитоныч, ты дома? Вот писателя тебе привел.

— Здравствуйте. А я вас с утра жду. Чайник уже три раза кипятил.

— А вдруг бы мы не пришли?

— Куды вы мимо моей избышки... она всех привечает.

— Вот человек,— обернулся ко мне председатель с детской улыбкой на залубевшем лице,— из избы не выходит, а все знает. Недавно говорит: «Этот длинный, в темных очках, что к тебе на работу проситься приехать, долго в деревне не задержится». И правда: получил наш новый скотник аванс, поехал на базар — и не вернулся. А ведь Алеша Капитоныч его видел только один раз, через окно, когда тот из автобуса выходил...

Так я познакомился с Алешей Капитонычем. Кривобокий после паралича, с костыликом, брови над карими глазами, точно козырьки... Узнав, что я собираю в Богородицких деревнях материал для книги про Андрея Сеятеля, он шевельнул туда-сюда бровями, сказал:

— Давно, давно пора. Только книгу-то надо написать правдивую, не утаивать ничего. Андрей Сеятель и сам был мастак книги писать. Много написал! Да не все они до народа доходят. Утаивает их начальство.

— Но почему же утаивает? — спросил я.

— А потому, что в его книгах — правда. А правду кто любит? Когда кривда у власти, правду по углам прячут. Но она вы-ыйдет на свет, выйдет! Вот смотри-ко, что ко мне в палисадник ветром занесло.

И Алеша Капитоныч достал из деревянного сундука, который служил ему кроватью, скамейкой, несколько пожелтевших, испачканных землей и дождем книжных листочков. Без начала и конца.

— Да что ж это такое?

— Письмо Андрея Сеятеля. Другу одному пишет; богородицкому помещику. На-ко, читай сам, ты поглазастей.

Я взял листки, подивился на них, рассматривая, стал читать вслух:

«А относительно всяких нововведений ты умен и смекнул сам, что не только следует придерживаться всего старого, но всмотреться в него насквозь, чтобы из него же извлечь для него улучшение. Но я тебе дам совет насчет соприкосновения помещика с крестьянином в хозяйственных делах и работах, что покамест нужнее всего прочего. Припомни отношения прежних помещиков-хозяинов к своим мужикам: будь патриархом, сам начинателем всего и передовым во всех делах. Заведи, чтобы при начале всякого общего дела, как-то: посева, покосов и уборки хлеба — был пир на всю деревню, чтобы в эти дни был общий стол для всех мужиков на твоём дворе, как бы в день самого Светлого Воскресенья, и обедал бы ты сам вместе с ними, и вместе с ними вышел бы на работу, и в работе был бы передовым, подстрекая всех работать молодцами, похваливая тут же удалца и укоряя тут же ленивца. Когда же наступит осень и кончатся полевые работы, воспряднуй таким же образом и еще большим пиршеством окончание работ, в сопровождение торжественного и благодарственного молебна. Мужика не бей. Съездить его в рожу еще не большое искусство. Это умеет делать и становой, и заседатель, даже староста; мужик к этому уже привык и только что почешет слегка у себя в затылке. Но умей пронять его хорошенько словом; ты же на меткие слова мастер. Ругни его при всем народе, но так, чтобы тут же обсмеял его весь народ; это будет для него в несколько раз полезней всяких подзатыльников и зуботычин. Держи у себя в запасе все синонимы молодца для того, кого нужно попрекнуть, чтобы слышала вся деревня, что лентяй и пьяница

есть баба и дрянь. Выкопай слово еще похуже, словом — назови всем, чем только не хочет быть русский человек. В комнате не засиживайся, но появляйся почаще на крестьянских работах. И где ни появляйся, появляйся так, чтобы от твоего прихода глядело все живей и веселей. Изворачиваясь молодцом и щеголем в работе. Поддай и от себя силы словами: «Прихватим-ка разом, ребята, все вместе!» Возьми сам в руки топор или косу; это будет тебе в добро и полезней для твоего здоровья всяких Мариенбадов, медицинских муционов и вялых прогулок...»

— Алеша Капитоныч! А почему ты считаешь, что писал это Андрей Сеятель, то есть Андрей Тимофеевич Болотов?

— Да кто ж еще такое письмо мог написать? Конечно, Болотов! Так до тонкости знать жизнь и натуру сельского жителя мог только он, Андрей Сеятель.

— Смотри дату под письмом: 1846 год. А Болотов умер еще в 1833-м.

— Мало ли... Это его напечатали в 1846-м, а написано в 1832-м, за год до смерти. Или еще раньше. Могло такое быть? Могло.

Но меня что-то смущало. Где-то я читал уже это письмо, но не у Болотова, а у другого писателя. Позже я случайно обнаружил его, и где бы вы думали? В книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Вот, думаю, удивлю я Алешу Капитоныча! Но он, когда мы встретились, и я рассказал ему о своей находке, скептически усмехнулся:

— Значит, Гоголь?

— Точно, Гоголь!

— Да он этих помещиков на смех поднимал! Вспомни Плюшкина, другие мертвые души. А тут о жизни речь. Как с русским крестьянином обращаться надо, чтоб всем хорошо было. Все, как Андрей Сеятель учил.

— Да что ты мне не веришь? Я своими глазами в книге читал.

— Где книга?

— Дома забыл. В следующий раз привезу обязательно.

— Привози, посмотрим. Опять правду прячут, а? — шевельнул он туда-сюда бровями, обращаясь в передний угол, где висела небольшая икона Николая Угодника, который, казалось, внимательно слушал его.

После этого разговора мы не виделись с Алешей Капитонычем около полугода. А когда я поехал в Богородицк и книгу Гоголя для него захватил, то уже опоздал.

— Похоронили мы недавно Алешу Капитоныча, — сообщил мне печальную весть председатель. — Хороший был человек. Прозорливец! Знаешь, он вот тут перед смертью мне листки передал. Говорит, письмо нашего Болотова кому-то из помещиков. Я почитал, у-умница был мужик.

— Кто? — машинально спросил я.

— Да Андрей Сеятель. Прямо как руководство к действию! Для председателя колхоза...

Я не стал разубеждать немолодого уже председателя, не читавшего «Выбранные места из переписки с друзьями». И книгу показывать не стал. Андрей Сеятель — это ведь образ собирательный. Сам народ говорит его устами.

**К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ДЕЯТЕЛЯ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
СТРАТЕГА ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА
СТАЛИНА (ДЖУГАШВИЛИ)**

От редакции: 21 декабря 2009 года исполняется 130 лет со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина (1879 — 1953). Главное в деятельности И. В. Сталина — разработка новой теории строительства бесклассового общества, реализация ее на практике — в СССР, базирующаяся на фундаментальной стратегии Сталина в политэкономии: конкретная форма распределения обобществленной прибавочной стоимости, то есть дохода общества, по труду при доминанте принципа социалистической общественной собственности на все — без исключения — средства производства. Все остальные, многогранные стороны деятельности И. В. Сталина слишком хорошо известны — как почитателям его, так и непримиримым врагам — чтобы их аннотировать в литературно-художественном журнале. Только напомним совсем недавние помпезные телеигры с персонификацией личности, олицетворяющей собой всю 1000-летнюю историю России... И вышел для телезрительщиков конфуз: первым был назван Сталин. Только спохватившись, явно искусственно его оттеснили на третье место. Вот так, господа-товарищи!

Учитывая профиль нашего журнала, обратимся в данной рубрике к собственно писательской, поэтической деятельности Сталина и отображением его личности в современной литературе. Художественное творчество — одно из наиболее сильных увлечений юного Иосифа Джугашвили во время учебы в Тифлисской духовной семинарии. В этот период, в 1895—1896 гг., им написаны — на грузинском языке — шесть стихотворений (имеются в виду только опубликованные).

Первые же стихи Иосифа понравились тогдашнему первому поэту Грузии Илье Чавчавадзе, который редактировал наиболее значительную грузинскую газету «Иверия». Более того, Чавчавадзе помещал стихотворения на первой странице, на самом видном месте. Кстати, одно из них — «Утро» — было включено в литературную хрестоматию для грузинских школ!

В «Иверии» было опубликовано в июне — декабре 1895 года пять стихотворений за подписью «И. Дж-швили»; а затем — *Сосено* (уменьшительная форма имени Иосифа). Шестое стихотворение, «Старец Ниника», было напечатано в газете «Квали» в июле 1896 года.

По мнению редколлегии журнала, имеющиеся переводы этих стихов на русский язык различных поэтов, порой не называемых в публикациях, не в полной мере передают образность первоисточника. Ниже мы публикуем переводы названных шести стихотворений юного Иосифа Джугашвили, сделанные специально для журнала «Приокские зори» Владимиром Резцовым, постоянным нашим автором, членом редколлегии, заведующим отделом поэзии журнала.

Иосиф Джугашвили

СТИХОТВОРЕНИЯ 1895 — 1896 гг.
(Перевод с грузинского Владимира Резцова)

ЛУНЕ

Ты, как всегда, в серебряном сиянье
Без усталости над сумрачной землей
Плыви, пронзая тучи мироздания
И разгони туман и мрак густой.

Ты над Казбеком с нежною улыбкой,
Его снега и льдины под тобой,
Склонись, как мать склоняется над зыбкой,
И тихо колыбельную пропой.

Ты знаешь твердо: трудник или воин,
Кто в прах повержен был и угнетен,
Еще Мтацминды* будет удостоен,
И пусть надеждой будет окрылен!

Ты в черном небе — и светлее стало.
Сияй, лучами бледными — играй
И светом ровным, словно покрывало,
С любовью озари мой отчий край!

Тебе я сердце с трепетом открою
И руку протяну, — мне не до сна,
Когда в ночи в душевном непокое
Тебя я вижу, светлая луна.

* * *

(РАФАЭЛУ ЭРИСТАВИ)**

Когда несчастных тружеников доля
Тебя, певец, так тронула до слез,
Немало горя, мук, жестокой боли
Тебе с тех пор увидеть довелось.

---

* Мтацминда — некрополь в Тбилиси, Грузия, где похоронены многие из известных писателей, артистов, ученых и национальных героев Грузии.

** Эристави Рафаэл Давидович (1824—1901), князь, грузинский поэт и этнограф.

Когда, величьем Родины взволнован,
Ты трепетал от ликования весь,
Твои звучали песни так, что словно
Их пели людям ангелы с небес.

Когда, своей отчизной вдохновленный,
К заветным струнам прикасался ты,
То с пылкостью, как юноша влюбленный,
Вверял ей сокровенные мечты.

Твоя любовь к народу негасима,
И крепче этих уз на свете нет;
И в гордом сердце каждого грузина
Тебе воздвигнут памятник, поэт!

Великий труд певца своей отчизны
Обязана награда увенчать:
Пустило слово корни новой жизни,
Приспело время жатву пожинать.

Недаром сам народ тебя прославил;
Тебе перешагнуть рубеж веков.
И пусть страна подобных Эристави
Еще немало вырастит сынов!

* * *

Ходил он от дома к дому,
Стоял у чужих дверей
Со старым пандури* из дуба
И с песней нехитрой своей.

А в песне его звучала,
Как солнечный свет чиста,
От Бога великая правда,
Орлиных высот мечта.

Он песней заставил забиться
Вдруг ставшие камнем сердца;
Будил в людях совесть и разум,
Дремавший во тьме без конца.

Но вместо слов благодарных,
Какие певцу говорят,
В чашу с вином изгою
Собратья подсыпали яд:

«Пей, осуши, проклятый,
До дна эту чашу! До дна!
Чужая твоя нам песня,
И правда нам не нужна!»

---

* Пандури — грузинский струнный щипковый инструмент типа лютни.

* * *

Когда луна своим сияньем
В ночь озаряет мир земной,
И тусклый свет за дальней гранью
Мерцает бледной синевою;

Когда средь рощи безмятежной
Бушуют трели соловья,
И саламури * голос нежный
Звучит, восторга не тая;

Коль вновь, замолкнув на мгновенье,
Бьют родники из-под небес,
И ветра легким дуновеньем
Разбужен ночью темный лес;

Коль, тьмой кромешной истомленный,
Вернешься в скорбный край родной
И в полном мраке, изумленный,
Узришь луч солнца золотой,—

Тогда с души прогонит тучи
И мрак, который в ней царит,
Надежда силою могучей
И к жизни сердце возродит.

Да воспарит душа поэта,
Ведь сердце бьется неспроста:
Я верю, что надежда эта
Сильна, божественна, чиста!

УТРО

Раскрылся розовый бутон,
Прильнув к фиалке голубой,
И под веселым ветерком
Клонились ландыши с травой.

Пел жаворонок, из полей
Взвиваясь выше облаков,
А сладкозвучный соловей
Так заливался из кустов:

«Мы славу Грузии поем!
Да будет мир в родном краю!
Учитесь, дети, и трудом
Восславьте Родину свою!»

---

* Саламури — грузинский духовой музыкальный инструмент типа флейты со свистковым устройством. Изготавливается из дерева или камыша.

СТАРЕЦ НИНИКА

Как состарился Ниника!
Он, побитый сединой,
Весь согнулся, погляди-ка,
Стал беспомощный такой.

То-то горе! А ведь было:
Был могучим хлебороб,
По полям гуляла сила,
Серп сверкал, валился сноп.

По стерне он, враг безделья,
Утирая пот, шагал,
И лихой огонь веселья
На младом лице пылал.

А теперь не ходят ноги,—
Время гнет и не щадит;
Старец дряхлый и убогий
Дома с внуками сидит.

Но как с поля донесется
Песня — гимн людей труда,
Сердце юное забьется
У Ниники, как тогда.

Он, на палку опираясь,
Выйдет, внуками любим,
И, весельем загораясь,
Улыбнется молодым.

Виктор Пахомов
(г. Тула)

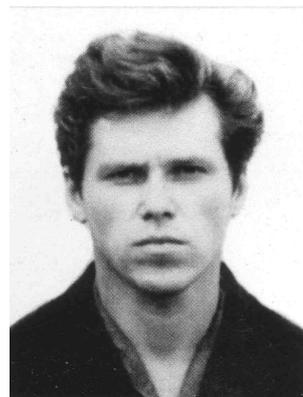
ПЕСНЬ

Слепец в подземном переходе
Пел о достоинствах Вождя,
Кого давно уже в народе
Ждут словно в засуху дождя.
И бельма глаз его светлели,
Как бы от Вечного Огня.
И голос хриплый на пределе
Звучал, прощая и вина.
Пел, как в величии и славе
Вождь полагался на народ,
Как в им оставленной Державе
Вершилось все наоборот.
Добро и зло перемешалось,
Народ нищал, но тек елей.
Так дело рук его досталось
Тем, кто и лживей, и подлей.
Кому Господь наш ставит меты,
Клеймя подонков и льстецов.
Так были преданы заветы
Великих дедов и отцов.
Так рухнул он, Союз могучий,
Народных чаяний оплот.
Так небосклон закрыли тучи
И веру потерял народ.
Хотя и слушали вполуха,
Не понимая ни строки,
Юнцы на песнь роптали глухо,
Но подпевали старики.
Молчал солдат, к стене прижатый,
Скакал пострел, беспечно шал.
И я, случайный соглядатай,
Свой кошелек опустошал.

Юрий Лукаш
(г. Богородицк)

У ПОДГНИВШЕЙ ВЫШКИ-ОБЕЛИСКА

У подгнившей вышки-обелиска
Нервный ветер кружится со злом.
Сквозь глазницы оловянных мисок
Прорастает память о былом.

Словно свечи, сосны величаво
Устремились в небо к облакам.
И остатки проволоки ржавой
Как ежи клубятся по бокам.

Хороша рождается брусника,
Прорастая сквозь кровавый слой.
И ни слова, ни людского крика
Вдоль таежной просеки былой.

Лишь кусок подвешенного рельса
На ветру качается, звеня.
Будоража душу в чаще леса,
То былое, страшное кляня.

В суете, в потоке жизни бурной
Наша память серебрит виски,
И печаль жестоко ночью темной
Зажимает сердце, как в тиски.

От главного редактора: Планируя рубрику, посвященную 130-летию со дня рождения И. В. Сталина, редакция «Приокских зорь» обратилась с письмами к известным политическим и общественным деятелям страны, лидерам партий и руководителям фракций в Госдуме ФС РФ с предложением выступить на страницах нашего журнала, высказать свое непредвзятое мнение о роли Иосифа Виссарионовича Сталина в истории страны и мира в XX столетии, создании сверхдержавы СССР, организации победы советского народа в Великой Отечественной войне, предрешившей и завершение Второй мировой войны с тем итогом, который уже свыше шестидесяти лет в официальной историографии и общемировом общественном мнении полагается высшей справедливостью.

Наконец, читателям журнала было бы интересно узнать и сегодняшнее мнение современных политических деятелей о роли личности Сталина в истории, прежде всего — истории нашей страны, как советского периода, так и нынешнего (еще раз напомним недавние, столь нашумевшие теледебаты «Имя страны»).

При этом, учитывая политическую неангажированность «Приокских зорь» с традиционной для русской, советской, российской литературной журналистики ориентацией на социальную справедливость, интернационализм и патриотизм, мы предполагали донести до читателей достаточно широкий спектр мнений, возможно и полярных, слабо коррелирующих друг с другом. Что ж, мы доверяем своему читателю. Тем более, что сейчас «толстые» литературные журналы читают исключительно умудренные жизненным опытом люди... Именно опытом в первую очередь, а не столько годами.

К некоторому нашему разочарованию, впрочем, вполне ожидаемому, в той или иной форме мы получили ответы только от лидеров ЛДПР, СР и КПРФ (перечисляю в порядке очередности их получения).

С присущим ему остроумием и дипломатичностью Владимир Вольфович (кстати, он ранее публиковался в «Приокских зорях») поздравил меня с Днем изобретателя и рационализатора, за что я ему искренне признателен, ибо действительно являюсь активным рационализатором — в годы инженерной работы — и по сей час изобретателем, имею несколько десятков авторских свидетельств СССР и патентов РФ, автор зарегистрированного международного научного открытия № 356. Несколько смутила вложенная в конверт газета ЛДПР с заметкой, где рекомендовалось убрать из кремлевской стены и обочь ее все мемориальные захоронения...

Из «Справедливой России» позвонила, как я понял, сотрудница аппарата партии, похвалила наш журнал, а в отношении сути моего обращения высказалась в том смысле, что-де «у каждой партии есть своя политическая ниша».

Геннадий же Андреевич, также ранее публиковавшийся у нас, прислал обстоятельную статью. Увы, присланная дискета с файлом статьи не раскрылась (битая), а времени на повторный запрос уже не осталось, поскольку сдача номера в верстку строго по графику. Значит, не судьба.

...И это еще одно наглядное напоминание авторам журнала: шлите свои произведения на CD, а не на дискетах, которые ненадежны и почти во все мире уже стали архаикой. Как некогда перфокарты.

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

***От редакции:** Настоящую, надеемся, постоянную рубрику журнала открываем публикациями в «срезе» творческих сил Литинститута от ректора до студента. В следующем номере «Приокских зорь» будет представлено, по-преимуществу, творчество студентов и слушателей Высших литературных курсов.*

Борис Тарасов
(г. Москва)

ВЕЧНЫЙ УРОК ГОГОЛЯ*

Тарасов Борис Николаевич, ректор Литературного института им. А. М. Горького — один из крупнейших исследователей в области русской и зарубежной литературы и философии, автор 130 научных работ, в том числе 14 книг. Он внес значительный вклад в разработку жанра научной биографии, в синтез филологического знания с историческим и философским. Его монографии о Паскале (М., 1979, 1982, 2006) и о П. Я. Чаадаеве (М., 1986, 1990), а также публикация сочинений П. Я. Чаадаева (М., 1987, 1989) вызвали широкий резонанс в научной и общественной среде в России и за рубежом. В книгах Тарасова Б. Н. «Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский» (М., 1999), «Куда движется история?» (М., 2002), «Мыслящий тростник» (жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских писателей и философов)» (М., 2004) и других работах литературная и философская проблематика творчества Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, П. Валери, К. Ясперса и многих других писателей и мыслителей по-новому рассматривается в контексте коренных антропологических представлений в русской и западной культуре и основополагающих тенденций в отечественной и мировой истории. Своеобразным открытием Тютчева как мыслителя и историка стал подготовленный им в рамках изданий РАН третий том ПСС поэта (новые переводы, текстология и комментарии публицистики).

Его работы переводятся на другие языки. Он является членом диссертационного совета при Литературном институте и входит в состав редколлегии «Вестника РГНФ». Тарасов Б.Н. имеет звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», возглавляет Тютчевскую комиссию при

---

* Настоящей публикацией мы завершаем «гоголевский» год в журнале «Приокские зори».

Научном совете «История мировой культуры» РАН и состоит в бюро этого совета, является лауреатом Международной премии им. Ф. М. Достоевского, российских премий им. Ф. И. Тютчева и А. С. Пушкина, Золотой Пушкинской и Золотой Тютчевской медалями за сохранение и развитие традиций отечественной культуры.

Передовыми людьми, заключал Гоголь, можно назвать только тех, кто видит все то, что видят другие (все другие, а не некоторые) и, опершись на сумму всего видит все то, чего не видят другие. Одним из примеров такого передового, т. е. мудрого, человека служил для него Пушкин. У последнего в зрелый период его творчества стало вырабатываться, говоря словами Николая Васильевича, нечто подобное «многостороннему взгляду старца», способному откликнуться на все во «внутреннем человеке» — от проявления его высокой и великой черты до малейшего вздоха его слабости. Раскрывая в «Цыганах», «Борисе Годунове», «Евгении Онегине», «Маленьких трагедиях», «Медном всаднике», «Капитанской дочке», в своей собственной душе коренные противоречия человеческой природы, накладывающие свой отпечаток на ход истории, Пушкин отчетливо видел, что внешний прогресс, наука, образование, смена государственных формаций и общественных сословий не освобождают людей от основополагающих страстей (гордость, тщеславие, зависть, сребролюбие, корыстолюбие и т. п.), от «союза ума и фурий», от «сомнительных и лживых идеалов» власти и наслаждения. Что и предопределяет несовершенство очередной исторической фазы.

Гоголь сожалел, что уроки Пушкина не были приняты во внимание. Как мало заботятся об узнании природы человека, сетовал он, тогда как это есть главное начало всему. Неизбывная двойственность человеческой природы, соединяющей, если воспользоваться известными словами Г. Р. Державина («Я царь, я раб, я червь, я бог»), низшее и высшее, зло и добро, эгоизм и альтруизм, порок и добродетель, жестокость и милосердие, бесчестие и совесть, пошлость и благородство, и составляет тайну человека, разгадывать которую, вслед за Гоголем не уставали Достоевский, Толстой, Чехов и многие другие отечественные писатели и мыслители. Ведь от того, какие, темные или светлые, «рабские» или «царские» свойства воплощаются в пропагандируемых идеях, проводимых реформах, господствующих учреждениях, популяризируемой культуре, зависят судьбы отдельного человека, целой страны, всего человечества.

О том, насколько сильны в непреобразенной человеческой природе проявления «червя» и «раба», автор петербургских повестей, «Ревизора», «Мертвых душ» рассказал проникновенно и на все времена. По мнению Пушкина, Гоголь, как никто другой, сумел изобразить пошлость пошлого человека, «пугающее отсутствие света» в душах людей. И Гоголь прекрасно понимал, что ни внешние государственные реформы, ни модные социалистические идеи, ни достижения западной цивилизации не искореняют ни хлестаковщины, ни чичиковщины, ни ноздревщины, ни маниловщины, ни других «рабских» свойств человеческой природы. Пустой призрак явился в цивилизации, заявляет он. Ведь ум человеческий идет вперед и становится понастоящему мудрым, когда идут вперед все нравственные силы личности. В противном случае он не только стоит на месте, но и тупеет. Наивные прогрессисты, отмечает писатель, стали думать, что образованием и наукой выгонят злобу из мира, а она с другого конца, «дорогою ума», входит в мир и на крыльях журнальных листов, как саранча, нападает на сердца людей: «Люди темные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мнениями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые видимо, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила,— и мир это

видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться? Что за страшная насмешка над человеком?»*

С точки зрения Гоголя, как передового человека, страшная насмешка будет бесконечно повторяться пока, говоря словами В. С. Соловьева, не будет преображена «темная основа нашей природы» и не будут укреплены в ней «положительные силы добра и света», направляющие ум человека по пути высшей мудрости с помощью подлинного просвещения: «Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово «просвещение». Даже и не задумываясь над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь».**

В логике Гоголя, только такое христианское просвещение избавляет людей от свойственных им в разной степени хлестаковщины или чичиковщины, от упомянутых выше основополагающих страстей, препятствующих гармонизации человеческих отношений во внешнем переустройстве. Необходимо внутреннее преображение, которое активизирует в душе ее высшие «царские» и «божественные» свойства и послужит залогом благотворного совершенствования государства и общества. «Общество слагается из единиц,— заключал Гоголь.— Надобно, чтобы каждая единица исполнила должность свою... Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного государства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство».**

Вот и в нашей современной действительности, перенаселенной гоголевскими типажам, словно сошедшими со страниц его произведений, не только в России, но и во всем мире, логика писателя обретает все большую актуальность. Иные нынешние реформаторы, политики и идеологи, которых никак нельзя назвать передовыми людьми, не перестают твердить (хотя закономерно случившийся кризис, если вдумчиво читать Гоголя, несколько умерил их энтузиазм) о технологических, биологических, информационных революциях, о так называемом цивилизованном мире, не замечая не только его обратные, но и даже очевидно противоречивые стороны, отказываясь от качественного анализа душевно-духовного состояния личности, не задумываясь о неизбежных и естественных последствиях общего хода жизни, имеющего в своей основе не «царскую» любовь и согласие, а «рабскую» конкуренцию и вражду, не пресекающего, а распяляющего и утончающего действия восьми «главных страстей» (гордости, тщеславия, сребролюбия, чревоугодия, блуда, уныния, зависти, гнева). И тогда смена идеологических теорий или обновление социальных институтов, технические успехи или законодательные усовершенствования, декларации «нового мышления» или благие призывы к мирному сосуществованию сами по себе ничего не значат и лишь запутывают непередовые умы (хотели как лучше). В реальности все зависит от фактического состояния «внутреннего человека», от своеобразия его ценностных представлений, побудительных принципов и направления воли, от влияния алчности, властных амбиций или капризов плоти (получается как всегда) и от способности противостоять им высшими «царскими» свойствами в подлинном просвещении (получится как хотелось). Так называемые «эмпирики» и «прагматики» (архитекторы и прорабы как «социалистического», так и «капиталистического» Вавилона), общественно-экономические идеологи всякого времени и любой ориентации, уповающие на разум или науку, здравый смысл или хваткую хитрость, «шведскую» или «американскую» модель рынка, склонны игнорировать стратегическую

---

* Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990. С. 268.

** Там же. С. 111.

*** Там же. С. 22.

зависимость не только общего хода жизни, но и их собственных тактических расчетов от иерархического порядка (или беспорядка) в душе, от действия (или бездействия) нравственной пружины. «Под шумным вращением общественных колес,— подчеркивал единомышленник Гоголя И. В. Киреевский,— таится неслышное движение нравственной пружины, от которой зависит все».* И еще один важный и актуальный вывод последователя гоголевской логики и ревнителя истинного просвещения, В. С. Соловьева: «Пока темная основа нашей природы, злая в своем исключительном эгоизме и безумная в своем стремлении осуществить этот эгоизм, все отнести к себе и все определить собою,— пока эта темная основа у нас налицо — не обращена — и этот первородный грех не сокрушен, до тех пор невозможно для нас никакое настоящее дело и вопрос «что делать?» не имеет разумного смысла. Представьте себе толпу людей слепых, глухих, бесноватых, и вдруг из этой толпы раздается вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела, а пока вы выдаете себя за здоровых, для вас нет исцеления... Истинное дело возможно, если в человеке и природе есть положительные силы добра и света, но без Бога ни человек, ни природа таких сил не имеет».**

БОРИС ТАРАСОВ С «АЛЕКСАНДРОМ НЕВСКИМ»

В рамках XXI Московской международной книжной выставки-ярмарки, были впервые оглашены победители 2008 года Всероссийской литературной премии «Александр Невский». Всего на конкурс было представлено около 200 работ, из которых в отборный список вошло двенадцать. Интересно отметить, что два первых лауреатских места заняли авторы книг, выпущенных издательским Домом «ОЛМА Медиа Групп». Это «Жизнь и деяния видных российских юристов. Взлеты и падения» Александра Звягинцева и «Николай Первый. Рыцарь самодержавия» Бориса Тарасова, который и стал лауреатом первой степени.

Ректор Литературного института им. А. М. Горького, доктор филологических наук, профессор, член Правления Союза писателей России Б. Н. Тарасов — автор многих книг о выдающихся мыслителях, в числе которых и Паскаль и Тютчев, «Непрочитанный Чаадаев, неуслышанный Достоевский». Только в этом году в разных издательствах у него вышло несколько объемных книг, представляющих для пытливого ума не меньший интерес, в их числе «Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе»).

Церемония вручения высокой награды прошла в резиденции «Талион Шереметьевский дворец» 12 сентября в День Святого благоверного князя Александра Невского. Цель премии — возродить и поддержать интерес россиян к истории своей родины, ее лучшим литературным произведениям, главными героями которых являются крупные исторические фигуры, полководцы, общественные, политические и религиозные деятели.

В своей книге Борис Тарасов на материале документальных свидетельств раскрывает многогранный образ Николая I, которого, по высказываниям современников, «нельзя не уважать», ведь в нем, по определению В.С.Соловьева, «таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала, поднимавшее его над уровнем не только тогдашнего, но и теперешнего общественного сознания».

Как отмечает автор, «эпоха Николая I — это не время перестройки государственной и общественной жизни по отвлеченным идеологическим схемам, а период неустанного труда в самых разных областях...

---

* Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 153.

** Соловьев В. С. Собр. соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 311, 315.

Вопросы истинного просвещения, его качественного наполнения и самобытного содержания занимали едва ли не первостепенное место в умах современников николаевской эпохи (о чем весьма мало говорится в исторической и исследовательской литературе). И это не удивительно, поскольку именно образование в сочетании с соответствующим воспитанием в духе православных традиций способно показать оборотную сторону тех или иных заимствованных «мечтаний» и стать естественным рычагом не революционных, а эволюционных преобразований в рамках существующей государственной системы...» И хотя Николай I в своих намерениях и планах исходил из идеального представления о синтезе православия, самодержавия и народности, ему не удалось избежать таящейся в монархии опасности властного произвола, подавления чиновничеством народа, погашения личностной самостоятельности и творческого почина.

Отсюда трагизм этой неординарной личности, которую одни именуют «тираном», другие «рыцарем», личности, провозгласившей для себя превыше всех ценностей отеческое благоустройство России и понятие долга как жизненную основу. «Это слово имеет священный смысл, перед которым отступает всякое личное побуждение,— писал он,— все должно умолкнуть перед этим одним чувством и уступать ему, пока не исчезнешь в могиле». Высказывание Николая I: «Мне особенно приятно видеть, что главная цель военного воспитания обращена к развитию в юношах чистых правил нравственности и чувства чести», нашли свою практическую поддержку у учредителей литературной премии «Александр Невский», «ОАО «Талион» (Санкт-Петербург) и Союза писателей России», которые на торжественной церемонии объявили о передаче нескольких сотен книг в историческую библиотеку Кронштадтского морского кадетского корпуса.

Галина Яковлева

Галина Дубинина
(п. Шексна Вологодской обл.)

...БЫТЬ ПОЭТОМ...

Родилась в Латвии, но говоря словами А. С. Пушкина, «служу по России»: довелось побывать в ее южных и северных краях, нечерноземной зоне, в Забайкалье, поэтому и Родина для меня — это она — Россия, Русь вся с ее болями и бедами, с ее неизменным свободолюбивым «русским духом» с родовыми корнями, ведущими в брянские леса, откуда вышли мои родители. Среднюю школу, медицинское училище и пединститут закончила в городе Чите, непосредственно связанным с трагическими судьбами декабристов; в Москве — Институт культуры и Высшие Литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького, в котором сейчас и работаю.

* * *

Ты спешишь — у тебя жена,
У меня же в друзьях вольный ветер,
Дома — холодом обожжена,
А на улице он приветит.

Обласкает и закружит,
Унесет, отогрев, под деревья,
В кронах шепот листвой ворожит
Легким вздохом его: «Ты верь мне!»

И на зов откликается слух,
Окунаясь в воздушность стихии,
Где России свободный дух,
Словно дань собирает стихи ей.

Этих звуков не расплескать,
Слов сердца, обжигая Светом.
У тебя — жена: приласкать,
У меня — судьба: быть поэтом!

* * *

Поэт приговорен, как дважды два,
Он жизнью всей идет к смертельной плахе.
Не зря по нем звонят колокола,
Держа владык на непонятном страхе.
В бесстыдной пляске жрицы весть одна —
Спасенье мира движется к Иуде,
И с плеч Предтечи снова голова
Плывет по кругу в золоченом блюде.
И стон души срывается на крик
И хлещет, словно кровь, открытым горлом,
И торжествуя черный проводник
Колдует вновь над пламенем минорным.
Но светоч мира вечен во Христе,
И Слово просияет в росной влаге,
А в нем Поэт — распятым на кресте,
И восхожденья оттиск на бумаге.

* * *

Вновь осень закружилась с ветром в такт
И, одарив воздушным всех приветом,
Осыпала Россию — добрый знак! —
Звенящим золотом имен своих поэтов.
В содружества вхожу круговорот,
Где словом каждым строчка потрясает
И пламенем своим сжигает рот,
И в горечи рябины не сгорает.
Есенин, Бунин, Лермонтов, Кольцов...
Движеньем Небо букв сплетает марево,

В них проступает женское лицо —
Вся в синем Фокина и алая Цветаева

* * *

Марине Цветаевой

Глаза у Осени
    в море — синие,
А губы цвета
    рябины спелой.
Они на исходе
    зрелого лета
Имя Марины
    шепчут несмело.
Звуки осенние
    с привкусом горечи,
С ветра надрывом
    и далью странствий.
А золото света
    для избранной дочери,
Пронзающей словом
    века и пространства.

* * *

Узоры вычерчу стихов
И вышью песнь веков о вечном.
Нижу, нижу я жемчуг слов
На нить в потоке бесконечном.

И по канве каскад миров
Читаю судьбами поэтов,
Ищу незыблемых основ
В предошущенъе Божьем света.

Гадаю рифмами стихов,
Метафоры тасую, тропы,
И лунный след скользит во вновь
Образовавшиеся строфы,

Что, от меня сбегая прочь,
Пьют звездный свет, и с силой новой
Судьбой Поэта правит ночь,
В слияньи с ним рождая Слово.

* * *

Какое Слово мне найти,
Чтобы беду твою утешить,
Унять, руками развести,
От росных губ и глаз отмежить.
От родниковой синевы,

Весной сбежавшей с косогора,
Отлить всю суетность молвы
В потоке жгучего укора.

Какое Слово написать,
Чтоб улеглись полей печали,
Чтоб каждый шаг оберегать,
Дорог минуя горьких дали...
Касаясь взором стертых ног
Деревьев, жмущихся к забору,
Взойти на дедовский порог,
Встречающий в любую пору.

Какое Слово мне напеть,
Древнейших тайн открыв страницы,
Чтоб душу Родины согреть
Под вздох домашней половицы.
О, если бы вела меня
Над Миром неземная сила,
Россия, деточка моя,
Я б на руках тебя носила.

* * *

О России столько спето, сказано,
Разве ж я добавить что смогу?
Ходит сказка грустью недосказанной
Где-то на некошеном лугу.
Ластятся пушистые ромашки,
Умывает дождик детский след,
Жизнь латает глупые промашки
Наших судеб и минувших лет.
Метит строчкой вспаханное поле,
В будущее ставит нам кресты.
Неизменна ты, России доля —
Рушит пламя древние мосты.
Полыхает зарево пожара,
Снова стелет кровью жаркий свет.
Жизнь моя, ты ж гладью вышивала,
А прошила сердце в алый цвет.
Только песня синью разольется
Над великой русскою рекой,
И несется Тройка-Русь, несется
За своей неузнанной звездой.

* * *

Расхристана, предана, продана,
Плевками распята в грязи.
Да, вот она, вот она Родина —
В крови детородной скользит.
Боль вдох задавила удушьем,

А рядом смеются и пьют,
И мимо идут равнодушно,
Отвергнув бескровный приют.
Лишь только убогий да сирый
Мальчонка поможет ей встать,
Продрогший, завшивленный, хилый
Он вспомнит забытое — Мать.
И Память, встряхнув пепелище,
Притянет прозрачной рукой,
Погладит, прошепчет: «Поищем,
Сыночек, дорогу домой».
Псы ночь диким воем кроили,
Глодая промозглую тьму...
— Как, мамушка, ноги изныли...
— Терпи,— наклонялась к нему,—
Мой милый, хороший,— шептала,
Не видя дороге конца,
А осень на лошади шалой
Неслася под стон бубенца.
И ягод чернеющих спелость
В горстях подносила к лицу,
И что-то забытое пелось
В созвездиях, шедших к Стрельцу...
Упал, подняла и прижала
Кровинку вселенной к груди
И с месяцем тихо качала,
В болезненном шла забытьи.
Но вечности детская зыбка
Ударила Мир по плечу:
— А купит ли папа мне скрипку?
Я быть музыкантом хочу!
Мозоли Путь Млечный месили,
Свет звезд звоном падал в суму,
И Небо встречало Россию,
Ведущую Сына к Нему.

* * *

Как сорняки, сынов скосили,
Дождь бился в мертвое плечо...
Недетскими, глаза России,
Доколь вы будете еще?

* * *

Вы видели глаза своих детей?
Голодные глаза
Под мирным русским небом,
И ковылем заросшие поля,
Свободные от совести и хлеба,
Когда, сгущая марево теней,
На Родину явившееся лихо

В заложники вело учителей,
Врачей, безденежьем давя их тихо, тихо...

Вы ощущали на своих руках
Ребенка невесомость и бесплотность,
Как однозначность смерти естества
И жизненную нашу безысходность?
Когда лишь только силою Любви,
Немыслимою силой напряженья,
И всем святым отчаяньем души,
Мы их спасали от уничтоженья.

Когда мы вновь учили их ходить,
Не падая на слабые колени,
И не бояться темноты окна,
Пустого холодильника гуденья.
И забывать, что нету молока,
И хлеба нет... Так выживают люди.
И понимать — вот мамина рука,
А папиной совсем уже не будет.

Вы слышали их главные слова?
Где рядом с Мамой слово — Любит, любит,
Связавшее основу бытия
И предков дух, что рабство волей рубит.
Сынишка мой в три года это знал.
И блин последний, в пол упавший мордой,
Он как собака с пола не поднял,
Сказав: «Я — Человек!» Звучало это гордо.

* * *

Свет расплескался дерзко и легко,
Колышет ветер алость майских стягов.
И вновь встряхнуло память, повело
Военною тропею горьких знаков.
В земных корнях судьбы моей побег,
И время сгустком тромба вязнет в крови,
В которой свыше званье Человек
Записано из ветхо-древней нови.
В ней гена заповеданным ключом
Прикрыты все деяния планеты,
И если повернуть его плечом,
Подставленным под вещие заветы,
Прорвет меня их смертный крик: «Горим!»
И вспомнится, как нас учили в школе:
Рабы не мы, пока мы говорим,
Пока есть Слово, жгущее до боли!
Немы рабы — им соль земли пресна,
Ни ручка не нужна им, ни бумага...
Горчит слезой Победная весна
И голос рвет кровавой раной стяга.

Внушив Поэту: «Не умру я!»
И смерть, как крепость бытия,
Бессмертья обретеньем станет,
Пометкой звездного литья
Над Русью вечный след оставит.

* * *

Как участь всех творцов фатальна,
И на изгибах бытия
Их вечность метит изначально
Дыханьем пламенным огня.
И на любом витке познания,
Пределы косности круша,
В полете, в поиске, в дерзанье
Неукротима их душа.

* * *

Разлились синие озера
И затопили цвет у глаз,
И тихой музыкой минора
Стихи кружились возле нас.
Приливом имя затихало,
В изломе обрамляясь губ,
И нежной болью разбивалось
О жизни каменный уступ.
Качнулись сходни у причала,
Под плеском сини два весла,
Перечеркнув конец началом,
Нам Осень мудрая несла.

* * *

Все равно душе тепло оттого, что где-то рядом
Даже, если не со мной, ты живешь моя отрада.
Все равно душе светло, как бы жизнь меня ни била,
Оттого, что где-то ты, значит, счастье в жизни было.
Было, мимо ли прошло, была все это или небыль,
В нашем доме ты со мной был когда-то, или не был?
Нагадаю сказку я, сочини, а ты послушай,
Как под звук веретена древностью спасаю душу.
Словно верная жена я омою твои раны.
И молиться за тебя не устану, не устану.
На добро, за мир да лад отгорит, остынет свечка,
Воскам этим от тебя отолю свое сердечко.
Все равно душе тепло и нисколечко ни больно,
Я теперь твой взгляд могу встретить и пройти спокойно.

* * *

Когда любовь и дружба предадут
И в птичьей стае лет исчезнут прежних,

Глаза и руки в землю прорастут,
Войдут в траву, в смутившийся орешник.
В слезах души земная выйдет соль,
Дыханием в одно сливаясь с нею,
Ты постигаешь вековую боль
Отечества, своей не разумея.
И уходя в земли цветной мираж,
Себя даруешь верою и силой...
И на ногах твоих, как верный страж,
Земля отцов с рожденья и — в могилу.

* * *

Я вышью узоры своими земными шагами,
Я голос твой вышью, бессонницей лунной строки,
Я вышью души обезлюдевшей вспышки и шрамы,
И Храмы, и Храмы ее у пречистой реки...
Я вышью ту жизнь, что идет за окном в мирозданье,
И тайны его обозначу обычным крестом,
Который отметит и путь моего созиданья,
И ниткою вечности высветлит нужный мне дом,
Здесь ждут моего возвращенья и даже признанья,
Что солнечный свет не забыт и огонь ты хранишь.
Здесь времени нет, возраст — лишь отраженье в сознанье,
А есть бесконечность, и вновь нерожденный в ней спишь.

Александр Виноходов
(г. Вологда)

ДВОРНИЦКИЕ (3)*

23 года. Родился в Москве. Детство и юность провел в Вологде. В настоящий момент учится в Литинституте на 4 курсе.

1.

дым за окнами, желтый и синий
ни уехать, ни даже привстать;
у помойки, обугленно-пыльный,
дядя бомжик листает тетрадь

---

* Публикуется в авторской редакции, синтаксисе и пунктуации.

видно, школьница, милая очень,
сочиняла всю ночь напролет
про любовь и про то, как неточен
в ожиданиях каждый, кто ждет

вряд ли многое было понятно
заглянувшему в мусорный бак,
только жирные круглые пятна
на листке с надписью «Доширак»

невозможно закончится куче,
опрокинутой грязным ведром,
на помойном отрезке зыбучем,
захлебнувшись в тетради, умрем

2.

а я бы сам хотел листочками
березовыми или кленовыми...
и падать на мамашу с дочками
и песиками их довольными

и утром дворнику-пропойце
нашептывать сухие звуки
о том, что жизнь уже не сложится,
когда в метле сухие руки

и вечером лежать и маяться,
разглядывая свой контейнер
обнюхает сперва дворняжица,
потом заносчивый ротвейлер

зима сотрет воспоминания
останутся сухие строчки
поэтов для напоминания:
цвели душистые листочки

но если у пространства-времени
найдется метр или секунда
не стоит чувства сожаления
и совестливости та груда

3.

распрощаешься с музой высокою —
больно много хотела, свинья,
лучше горькую пить синеокую,
и чтоб рядом курила шпана

лучше быть избиваемым гопником
или листья скрести у пруда —
не ивановским в вечности дворником,
а другим, что с метелкой всегда

хорошо, что сегодня не пятница —
это значит, еще поживем
листик к дворнику приближается —
видно, правда, нужнее вдвоем

это было зимою декабрьскою
так давно, что и губы молчат
мы отдались с любовью и ласкою
в неприятный останкинский ад

раздавали бесплатные пряники
продащицы у памятных плит
в этом холоде, девочки, мальчики
ничего нам не надо платить

только третьи и двадцать девятые
останавливались по утрам
и безногие, синие, датые
прижимали безруких к дверям

в эту вечность, забитую временем,
не вмещается память тепла
видишь, в парке табачном и пепельном
руки дворника держит метла...

и несносные листья вращаются
как еще говорят, наугад,
это музыкою называется
или осенью — так говорят

мысли вслух — не о скучной конечности
не о чувстве, что прошлое – бред
«Больше неба, тепла, человечности.
Больше черного горя, поэт...»

* * *

на вокзале районном
за пивными ларьками
некто в холоде черном
обнимался руками
приставали ребята
обижали за что-то
и вокзального гвалта
доносилась суббота
вот бы опохмелиться
только пива глоточек...

чтоб с товарищем биться
за далекий платочек
не за ту, что держала,
и надеялась скрыться
а за ткань, что дрожала,
и светила на лица
только пива бы, пива...
чтобы рядом бывалый
улыбнулся некриво
и ладонью беспалой
приобнял дорогого
из-под черного танка
без ноги, но живого —
вспоминай меня, Ванька!
вспоминай меня, прочий!
и гармонь доставай-ка
сталинградец-рабочий
и сестра-сталинградка!
на вокзале районном
где встречаются в парадном
на автобусе черном
мы уедем обратно

* * *

Свердловск щемящий был у Бори Р.
Нет у меня такого Екатеринбурга
Мне не пришлось подраться во дворе
Отведать кулака того придурка

Я в школе думал, как мы далеко
Как звезды нам, чем две столицы, ближе
И пил по вечерам густое молоко —
Теперь оно разбавленной и жиже

Была и девочка в пальтишке и с мячом
Но мячик наш отскакивал от стенок
и небо за ее мальчишеским плечом
я полюбил в тот школьный пересменок

я убегал за гаражи, за самосвал
кружились девяностые, как черти,
и мячик навсегда уже кидал
той девочке, что не боялась смерти

то не Свердловск, не Екатеринбург
какая разница, теперь мне нету дела
я не на той скамейке, милый друг,
где ты, счастливая, не знала, что болела

* * *

ничего не изменилось после Блока —
ночь да мрак
и Иванов знал, что все давно жестоко
и Пильняк

все писали об одном и том же —
счастья нет
но среди всех слов мне ближе и дороже
Петербургский бред

Вот поэтому иду я вдоль канала
Имени Москвы
Счастья нет, и остального мало,
как листвы

та листва пройдет, как все проходит
в городах
может быть, в Олонию, где холод,
«Клюев» на дверях

или на свердловской улице Титова
поджидать трамвай
он приедет, громыхая снова —
жди и не зевай

только бы туда, где листвы не смолкают,
где всегда они
где они не знают, что не умирают,
Как ни хорони

* * *

Умри, но только утром или днем
Когда вечернему вину ты не обязан
За будничным поруганным столом —
Пока ты нем, пока не безобразен

Ты начинал, как все, как и они
Ты циркуляром вел по тем же картам
Но с каждым днем поверженные дни
Сжимали победившего канатом

тогда еще отряд винил себя
и вечером бранил удары рока
Но утром золотистая труба
звала опять победою далекой

и поднималось солнце со щитов
меняя сон на тяжесть лат и палиц
И в блеске разрисованных гербов
Ты выглядел как шут и оборванец

И плелся, как и все, как и они
Ты веровал в непогрешимость Рима
Но Рим оставлен был в младенческие дни
А память выцвела от мужества, от дыма

и с каждым днем скудели валуны
и кони слепли от пустынного накала
ты целовал песок чужой страны
Ты закрывался им, как одеялом

И засыпал, нанизанный на сон,
и родине своей шептал прощанье
Ты видел нежный Рим и папский трон
и проклинал свое забыванье

Но солнце более не трогало тебя
И ночь тебя уже не укрывала
Играла золотистая труба
И в голове твоей дитя играло:

Как любят нас и как прощают нас
О боги, как пустынно это небо...
В последний раз не закрывая глаз
Я требую не зрелищ и не хлеба

что разум? я давно сошел с коня
что мужество без бронзы и латуни?
Что ум, когда в нем нет меня?
Что Рим закопанному в дюне?

Я начинал, как все, как и они
я падал на промокшую дорогу
и дождик лил с восточной стороны
но из стремян я не убавил ногу

как любят нас и как прощают нас
я вычислял под этим новым небом
в сто первый раз не закрывая глаз
на красное вино, пропитанное хлебом

я пил и пил, и выпит я до дна!
но что мне в том теперь, на этом месте
как хорошо, что небо, пропасть, тишина
как хорошо, что звезды лет еще на двести

я их простил. Кого еще простить?
Коня прощу — он умирал, как воин,
Он просто замер, перестав юлить,
И даже падая, был нем и благороден

Я все простил. Остался только я
Теперь я в настоящем до заката
Играет в сердце белая ладья,
но гадкой песенкой та музыка чревата

* * *

невидим снег был в этом феврале
но он не умирал, он ночью падал
и шарфик той красотки не белел,
а я не знал про то и я не плакал

я просто жил, точнее говорил,
что жизнь начнется после снегопада
и шарфик юной женщине дарил
и уверял, что шапочки не надо

невидим снег, невидимый мой снег,
давай покинем воздух европейский
давай туда, где мальчик-печенег
зарезет нас в каком-нибудь пролеске

а шарфики-трофеи будут жить
и милая дикарочка печально
распустит окровавленную нить
потом сошьет, как помнила, обратно

а женщина на северной земле
среди домов однообразных будет
и только в том бесснежном феврале
судьба ее без шарфика забудет

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Наталья Квасникова
(г. Москва)

СКАЗАНИЕ о «МОСКОВСКОМ ПАРНАСЕ»

Очевидно, в какой-то неудобный момент наша российская культура оступилась и упала, ударив лицом в грязь. Люди осатанели, на разные лады проповедуя распущенность всех видов и сортов, чеканный профиль эгоизма явил себя эмблемой нового времени. Откровенная беззащитная пошлость присвоила себе имя современного искусства. Везувий, извергнувшийся в начале нашей эры, по молодости лет, на Помпею тонны пепла и лавы, выглядит просто резвящимся младенцем по сравнению с неисловым потоком морального разложения, в котором до сих пор захлебывается культура России. Стихийное бедствие, длящееся до сих пор, и, хотя скорости его несколько уменьшились, остановки не просматривается даже на горизонте. Достаточно вспомнить, как филологи громогласно объявляли грамотность и правила орфографии русского языка пережитком прошлого (нетрудно заметить, что в английском, французском и прочих наречиях никогда не вставал вопрос об упразднении законов правописания); кампанию по борьбе с буквой «Ё», в случае победы которой слова «совершенный» и «совершённый» сравнялись бы по смыслу, а именно — у нас не осталось бы ничего совершенного; защиту диссертации о нецензурных выражениях, осуществленную, страшно выговорить, — женщиной! — которой по природному назначению требуется оставаться защитницей и берегиней чистоты слова и дела. К сожалению, в этот смрадный поток, поплыв по течению, влились многие известные, авторитетные печатные издания. Как клопы, начали множиться геростраты и геростратики от литературы и искусства.

В этот непростой период родился «Московский Парнас». Под его знаменем объединились люди, сохранившие истинное уважение к родному языку, к своей стране, к русскому народу. Культура обязана быть высока и самобытна, иначе ее просто нет, и остаются только дурновкусие и жалкое подражательство, пресмыкающиеся перед чуждым образом жизни, подобно тому, как забросить собственное сельское хозяйство и задорого скупать объедки зерна и мяса у иностранцев.

Наш Творческий клуб состоит из тех, кто держит круговую оборону против искусственного низведения родной литературы до уровня площадной брани, полутюремного жаргона и вырождения ее исключительно в примитивно-развлекательную отрасль, где активно развиваются только два жанра — детектив и триллер, а поэзия

превращена в рекламное или непристойно-натуралистическое рифмачество, и вопрос об обязанности автора «глаголом жечь сердца людей» оказывается где-то на задворках. Однако становится все заметнее тенденция к выздоровлению от этой опасной болезни. До полной оскомины накушавшись «дикой современщины», читатель снова ищет в стихах и прозе возможности мыслить, ощущать себя личностью, радоваться неисчерпаемым возможностям русского слова. Свидетельство тому — растущий интерес к журналу «Московский Парнас» и всем изданиям, сотрудничающим с нами, поскольку они разделяют наше глубокое уважение к родной литературе. Не все авторы одинаково высокопрофессиональны, но каждый из них чувствует потребность выступить в защиту интеллектуально-нравственных языковых накоплений. Номера наших журналов и, конечно, книги, изданные под эгидой «Московского Парнаса», не застаиваются на полках библиотек, пользуясь неизменно возрастающим спросом заинтересованных читателей, авторские выступления собирают чуткую и внимательную аудиторию. Есть среди нас и те, кто способен не только поэтически оформить свои чувства и мысли, но и преподнести их слушателю под звуки гитары или рояля. Песни и романсы в исполнении Михаила Морозова, Светланы Шиманской и многих других членов нашего Творческого клуба пользуются особой любовью и успехом.

Энтузиасты «Московского Парнаса»,— и прежде всего Леонид Васильевич Ханбеков, председатель и заинтересованный, чуткий критик, прозаики Ирина Кедрова, Алексей Яшин, по «совместительству» главный редактор «Приокских зорь», поэт Ольга Пономарева-Шаховская и т. д. не только ищут и поддерживают новые таланты, но также проводят активную работу, возвращая читателю произведения незаслуженно забытых авторов. Пример тому — выпуск в 2007 году биографического очерка о замечательном поэте Игоре Жданове (1937—2005). Эта книга Л. Ханбекова вышла в серии «Созвездие России» под красноречивым и горьким названием «Проворонило время меня...». По ее следам в 2008 году был выпущен сборник стихотворений Жданова «Все живое».

Забвение подобного рода недопустимо, в конечном итоге проигрывает прежде всего не забытый автор, а обедняется язык, русская литература утрачивает часть того прекрасного, чем она могла бы гордиться. Если научно-техническое открытие раньше или позже неизбежно будет сделано, не тем, так другим ученым, то находки в поэзии, прозе, изобразительном искусстве теряются при этом безвозвратно.

Деятельность наша очень разнообразна. Библиотеки многих городов и малых населенных пунктов России, ближнего и дальнего зарубежья регулярно получают от нас свежие номера журналов и экземпляры книг авторов «Московского Парнаса» и о них. Наши поэты и прозаики поддерживают связь с историко-краеведческими и литературными музеями, выступают перед малыми и большими читательскими аудиториями, публикуют свои произведения в различных изданиях. Многие из нас руководят литературными объединениями в различных городах России, к примеру, прозаик Тамара Булевич, лауреат «Московского Парнаса» за 2007 год, награждена Золотой медалью Константина Симонова,— успешно работает с юными авторами в Красноярске, Роман Тишковский, член Академии российской литературы, опекает пишущих жителей города Химки Московской области.

Седьмой год мы, «Московский Парнас», существуем и растем. К нам приходят люди с творческим именем и новички, молодежь и иные возрастные категории. Под нашим крылом оперяются литераторы, певцы, художники. Радушно встречаем мы иностранных авторов из Болгарии, Канады, Австралии и т. д., которые болеют душой за сохранение общечеловеческих ценностей и творческих традиций.

...А еще мы рады, что установились дружеские взаимоотношения с журналом «Приокские зори» — на высоком уровне взаимной информационной поддержки обмена содержимым «редакционных портфелей»

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ: КРАТКО О НОВЫХ КНИГАХ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА

Владимир Сапожников
(г. Тула)

НОВОЮРСКОЕ ОТКРЫТИЕ РОМАНИСТА АЛЕКСЕЯ ЯШИНА

Новый философский роман* известного русского прозаика Алексея Афанасьевича Яшина «Любовь новоюрского периода» «зажигает» читателя с первых страниц с одной стороны жизнеописательной явью происходящих в объемном произведении событий, с другой стороны — смысловой напряженностью подписей-эссе к интересным иллюстрациям.

Главные персонажи романа: Геннадий, Светлана, Евгений, Наташа, и, конечно, Лера и другие — живут суматошной, беспорядочной, порой диковатой с точки зрения традиционной морали жизнью, движимые в большей степени не разумом, а эмоциями, чувствами, а точнее даже — инстинктами.

Да, так жили и продолжают жить в это непростое время многие наши соотечественники. Все сцены в основном тексте романа Алексея Яшина представлены великолепным, неповторимым яшинским языком. Читаешь, и ощущаешь запах кожи на шее Наташи, безоглядно отдающейся чувствам в объятиях Геннадия... В первых главах романа мне привиделось что-то исходящее от бунинских «Темных аллей»... Может, только привиделось, а на самом деле это все, конечно, неповторимое, яркое, яшинское... Как тут не подумать — да, мы живем, пока любим... Дешевый портвейн, далекая музыка из охрипших стерео горбачевско-ельцинского смутного времени, какая-то повседневная работа, школа, производство — все это наветное, вторичное по сравнению с главным — острым чувством любви, тяготением к самому прекрасному, что есть на нашей брэнной земле — к ее величеству женщине!

Можно долго обсуждать великолепные эссе из всех времен, значимые для всех времен, иллюстрации к ним, украшающие прекрасно изданную книгу Алексея Яшина. Но я думаю, не это главное. Главное, что мы можем констатировать и поздравить Алексея Афанасьевича, русскую литературу, российского читателя с рождением и изданием действительно замечательного, современного, полновесного романа, наполненного не только глубокими размышлениями о нашей нынешней и прошлой жизни, но и блестящей экспрессией, порой по-русски перехлестывающих через край чувствами... Чувств истинных, свойственных человеку с его изъянами и достоинствами. Местами этот роман написан белыми стихами. Как у Ивана Бунина... О том же... Но о других временах...

---

* Яшин А. А. Любовь новоюрского периода: Философский роман в 3-х частях с эпилогом / Предисл. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2009. — 712 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Тамара Булевич
(г. Красноярск)

ЛЮБОВЬ И КАПИТАН

Благодаря нашему альманаху «Московский Парнас», познакомилась с интересными, мудрыми романами «Подводная лодка «Капитан Старосельцев» и «Любовь новоюрского периода». Романы непростые, с глубокой жизненной философией героев, интеллектуально насыщенные, неторопливо, но требовательно втягивающие внимание читателя из строки в строку и терпеливо ожидающие от него духовного и душевного взаимопроникновения, понимания. Диалога! До конца понять Ваши строчные и подстрочные размышления мне во многом помог очерк о Вас Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист». Да, энциклопедист. Точнее не скажешь.

Понятно, что авторские идеи романов не коснутся обугленных душ сильных мира сего, коим они послужили бы неплохим уроком. Но где там! Их мысли далеки и конкретно, пристрастно привязаны к одному: побольше нахапать, наворовать у страны и народа никогда не принадлежавшие им богатства земли российской, а после... да хоть потоп! Бескрылые, отягощенные златом нувориши ползут-расползаются по Куршевелям, замкам и виллам, где выстилаются ими — для себя же любимых — золотые дорожки в ад. Но ад их ждет позже, а сейчас... полный беспредел для падших душ и греховной плоти. Разве такие поймут автора? Профессоров Старосельцева или Красилина? Никогда! Они для них — явление за пределами осознания реалий. Прочитав романы, могут разве что грязно усмехнуться. И только. Сегодня их время.

Мудрый атеист Старосельцев скажет: «...кару человечество время от времени навлекает на себя за свои же грехи своими же деяниями». Они и есть короста на человечестве. Дай-то Бог, скоро отболит и отпадет прахом...

Ваши романы будут трудны для понимания сегодняшнему, ничему не внемлющему поколению, потерявшему себя в предательски растерзанной стране... Не беда! Только бы хватило им мужества прочесть.

И прав критик Леонид Васильевич Ханбеков, утверждая, что все-таки «суммарный интеллект культуры, науки, морали и нравственности... есть величина неделимая для народа, социума, всей планеты Земли».

...Время истории скоротечно. Придут другие поколения. Обязательно с новой философией устройства общественной и социально-нравственной жизни. Для них, как знаковый выстрел в далекое будущее авторской философии, идей по устройству общества, и написан Ваш второй роман «Любовь новоюрского периода». Сложные, с глубокой многогранной жизненной философией герои, не бездумные, но размышляющие, активно действующие.

Главная идея романов — сбережение народной духовности, самоутверждение и самодостаточность духа каждого человека, живущего на земле. Это же несут в себе герои романа. Они, как и автор — очень мне было заметно — хотят побыстрее вылупиться из уже порядком протухшего новоюрского яйца, поскорее смыть с тела и ду-

ши налипшую и зудящую грязь, начать жить в новом времени и с новыми социально-нравственными ценностями.

Для свершения этой жизненно важной цели очень старается Красилин и другие герои новоюрского периода. Профессор Красилин, плюс ко всему, жизнелюбивый и авантюрный, не лишенный и мужских амбиций, но одержимый не болтовней-словоблудием, а конкретными повседневными делами двигать историю человечества вперед.

Зарождается новая Россия! Она непременно воспарит из пожарищ, пепла и духовного забвения. Грядут поколения тех, кого Вы, Алексей Афанасьевич, по своей доброте, щедрости, таланту и размаху русскому уже премного «зачали» своими жизнеутверждающими романами.

Сердцем чувствовала Ваше «перепутье». И то, как сейчас все мы задыхаемся в смуте наших непростых, зачастую, откровенно ядовитых буден. И то, как хочется Вам и героям романов, профессорам Старосельцеву и Красилину, поскорее увидеть обновленное свежей порослью — новым Племенем — здоровеющее, мудрующее человечество.

Искреннее спасибо за таких разных профессоров Старосельцева и Красилина. Но они оба обаятельны и настолько реалистичны, что порой казалось, вот-вот заговорят со мною «вживую»! Я влюбилась-таки в них!

И еще спасибо за четко обозначенный свет в конце тоннеля, за Ваше горящее факелом авторское сердце!

В своем ярком, язвительно сочном бытописании, языковой палитре Вы так близки в своих романах к любимым мною классикам: Гоголю, Салтыкову-Щедрину, Некрасову.

Ваши романы поочередно, с большим интересом и положительными откликами прочитаны многими моими друзьями — красноярцами.

Это Ваша, Алексей Афанасьевич, победа, по-настоящему новое явление — высокая планка! — в современной российской литературе.

Наталья Квасникова

(г. Москва)

«ДА-А, ЖИЗНЬ У НАС КИПИТ...»

Мы свой мир ухитрились устроить так, чтобы нам было над чем посмеяться. В самом деле, если все вдруг станет разумно и целесообразно, человечество непременно вымрет со скуки. Представьте, — чиновник с первого раза выдает ордер на квартиру тому, кто в ней действительно нуждается, даже не поинтересовавшись, сколько бедолага зарабатывает. И взятку не просит за выполнение служебных обязанностей! На конкурсе с многоценным призовым фондом побеждает никому неизвестный настоящий талант, и за кулисами его даже не просят вернуть полученную им премию! Ветеран труда изначально проживает в лучших условиях, чем обуза для общества со связями и деньгами! Войн, конечно, тогда уже не будет, а, значит, число льготников уменьшится на благо государства.

Ребята, это страшно даже вообразить. Куда мы денем наших сатириков? Нельзя отвыкать от абсурда, иначе смысл сказанного ими исчезнет! Впрочем, в ближайший миллион лет нам, очевидно, ничего подобного не грозит, и потому смело читайте остроумную, едкую книгу Алексея Яшина «Без руля и без ветрил». Ее название на-

помнит каждому, какой способ передвижения по жизни предпочтителен для цивилизованного человека. Не дикари же мы, в самом деле! Богатый русский язык позволяет замаскировать отчетливый алчный эгоизм кружевной дымкой словесного хитросплетения. Алексей Яшин словно открывает выставку подлинных фотографий нашей действительности. В лицах, предстающих перед нами, не хочется узнавать собственные черты, но делать нечего! Уж очень знакомо глядят эти нефотогеничные физиономии.

Многие из нас легко соблазнились новыми перестроечными лозунгами, ведь устоявшаяся, размеренная жизнь так утомительна! Теперь же — другое дело. По этому поводу читаем у Яшина: «Да-а, жизнь у нас кипит... Женщина... обычно рядовая бухгалтерша в сиротском бюджетном учреждении, восторгается: дескать, как скверно мы жили при коммуниках? — Выстоишь очередь, купишь десять кило колбасы и булочки и холодильник под завязку набьешь. Зато сейчас, хоть и дорого все, но безо всякой очереди подойдешь к прилавку и купишь граммов сто колбаски к празднику...» Пожалуй, с этой особой трудно не согласиться, ведь когда еды много, вкуса уже не ощущаешь. Новый порядок вернул русскому человеку завидную возможность утонченного — до последних пределов — наслаждения процессом приема пищи. Ради такого счастья пожертвовать можно многим. Неясно только, почему гайдаровский почин привился быстрее гитлеровского — вероятно, дело в родной почве и более подходящем климате.

Замечательный снимок сделал автор с современного чиновника — выразительный, сочный. Поглядеть бы на того, кто позировал, правда, я сомневаюсь, что оригинал дал на это свое согласие. Скорее, использовалась скрытая камера. Взгляните-ка! «Чиновник, берущий «барашка в бумажке», фигура, привычная в нашем отечестве... сейчас — ни слова обличения, самое главное, ни сверху, ни снизу (!)... И правители, и народ рассуждают здраво и в духе времени... поскольку у сплюсченного чиновника только взятка есть форма грабежа и продажи Родины, то это... молчаливо признано де-факто и почти что де-юре». Очевидно, любовь к деньгам возникает с первого взгляда, во всяком случае, в наше время. Похоже, многих людей опоили из заколдованной Тристановой чаши, только глядели они в момент распития экзотической жидкости не на красавицу или красавца, а на пачку «зеленых», которую зловерный виночерпий держал в свободной руке. И Яшин тут как тут со своим фотоаппаратом! Поймал в объектив забандитившихся сограждан, при наступлении новой эпохи легко смахнувших с молодецких плеч опостылевшее бремя закона, а затем...

«У бандита век короток... Действительно, у него только два пути: в могилу на очередной «стрелке» и в благонамеренные... граждане: предприниматели, депутаты, банкиры, ...городские головы и губернаторы... то уже... уважаемый в обществе человек...» Выразительный и беспощадный портрет современного руководителя. Неудивительно, что наша культура, как ртутный столбик термометра, опустилась почти до нулевой отметки — ясно, что ее подогревает! Разухабистый тюремный жаргон, площадной диалект хлынули на улицы населенных пунктов, подобно крепкому навозу, проевшему стенки своего отстойника. Рыба — она, конечно, с головы загнивает, но упомянутый, как в песне поется, «шарообразный предмет» должен содержать достаточно мозга, чтобы хотя перед широкой общественностью не слишком ретиво ударять в грязь лицом. А то во лбу зажжется фонарь и мигает маяком: «Мало мозгу!», как будто этот факт и без подсветки не очевиден. «Сейчас социальный заказ остался только для запиаренных столичных сочинителей детективов, фантастик и глянцевого порноромана». Конечно, наши городские и прочие головы поддерживают исключительно собственный культурный уровень.

Представляя женскую половину человечества, с особым интересом осматриваю галерею дамских образов на этой замечательной выставке. «Было бы удивительным,

если в час волка женщины оставались теми же милыми девушками с идеалами..., ...женщинами — ласковыми матерями и любящими женами... Но женщина, как и ребенок, есть... отпечаток реальной жизни: меняется уклад последней — изменяется и женщина..., становится волчицей, воспитывает волчат-детей...» Если еще берет на себя этот труд, а то просто выбрасывает новорожденного младенца, и хорошо, если не в мусорный контейнер. По-видимому, пора уже присваивать звание матери-героини той, которая хотя бы доставила собственное чадо к дверям ближайшего Дома ребенка или больницы.

Не обошел автор своим вниманием и вопросы женской моды нашего времени. Пресловутый объектив его виртуального фотоаппарата зафиксировал, причем со вспышкой, кардинальные изменения в понятии красоты, связанные, вероятно, с прогрессирующим выпрямлением части извилин в мозгах некоторых особей обоих полов. В этом повинна, я полагаю, нестабильность солнечной активности конца XX — начала XXI веков, многократно упомянутая астрономами всего мира.

Давно «уже... все женское население страны в возрасте от детсадовского до балзаковского с мая по октябрь щеголяет в одеждах с декольте на пупке, хотя это анти-санитарно, неприлично и вредно для здоровья. Да еще эти пупки прокалывают под блестящие висюльки».

Указанному явлению, кроме астрономического, можно, пожалуй, предложить и объяснение с политическим уклоном — давние, вошедшие в привычку дружеские, культурные и экономические связи с Индией. Там, правда, несколько иной климат, но известно, что теплые отношения преодолевают любые границы, в том числе температурные.

А вот портрет в полтора стандартных роста европейца. Бо-ольшой человек на нем изображен. Знакомьтесь, — это «областной олигарх М.», глубоко интересуется науками. Недавно «...затребовал лучшего специалиста... в части гироскопов, ... за это обещал отремонтировать один из... корпусов» университета, в коем трудится на педагогической ниве искомая мировая знаменитость соответствующего профиля. Какая же консультация понадобилась благородному уму денежного мешка? «Да так... заинтересовался работой игрушки-волчка сына, просил доходчиво объяснить...»

Завершая на этой, несомненно, оптимистической ноте обход выставки портретов сверхтипичных представителей современной России, хочу добавить, что несетя наш корабль к неизвестной, затянутой плотным туманом дали «без руля и без ветрил», по произволу слепоглухонемой команды, занятой дележом на ощупь всех попадающихся под руки предметов. На кой им нужны будут эти побрякушки, когда судно разобьется о незамеченные ими скалы, неизвестно, но убедить их в ошибочности выбранного курса довольно затруднительно, так как они не желают добровольно передавать полномочия запертым в трюме бывшим товарищам, зрячим и разумным.

Гораздо увлекательней лупить друг друга по всем доступным для кулака местам, сгребать под себя части общего достояния и почесываться от ударов конкурентов, не веря, что итоговый барыш от таких способов обогащения по объективным и непреложным законам природы равен абсолютному нулю.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

МАРИНА ЦВЕТАЕВА И ЧЕХИЯ

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас». Зав. отделом критики «Приокских зорь».

Марина Ивановна Цветаева широко известна, признана значительным явлением российской жизни и самобытным поэтом. Именно поэтом она себя называла. Писала в одном из писем: «не "поэтесса" (слово для меня полупочтенное) — а поэт» [2, с. 387].

В Чехии М. Цветаева жила с августа 1922 по октябрь 1925 года. Уточним: три года и три месяца прожиты ею в этой стране.

Как повлияла на поэта удивительная земля, в естестве которой сложились история средневековой Европы, влияние мировых революционных событий, удивительная природа и душевная щедрость народа?

Какой была жизнь русской эмигрантки, пережившей жестокие и голодные годы молодой советской России, смерть младшей дочери Ирины, бегство из страны Советов в надежде на воссоединение с мужем?

Какой вообще могла быть жизнь за пределами привычного и любимого, теперь же утерянного мира? И почему именно Чехия оказалась избранной для проживания?

Очевидно, на выбор страны повлияло решение правительства образованной в 1918 году Чешской республики. Правительство Томаша Масарика объявило о выплате стипендий-пособий эмигрантам из России, не сумевшим, из-за революционных событий в стране, получить университетское образование. Сергей Яковлевич Эфрон поступил на философский факультет Пражского университета, а 1 августа 1922 года к нему приехала М. Цветаева с дочерью Ариадной.

Тяжелым было, полагаем мы, первое впечатление от предоставленного университетом жилья. Это была одна из многих комнатушек студенческого общежития. Стены не доставали до потолка, потому все происходившее у соседей становилось известным всем обитателям общежития. Уединиться невозможно, и это значило, что невозможно было ни обдумать стих, ни поразмыслить в тиши, ни расположиться за письменным столом, много значимым для М. Цветаевой. Об этом столе она писала позже, в 1933 году:

*Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял — как шрам. [5, с. 37].*

Для письменного стола и места не было, поскольку в трехметровой комнатухе могла уместиться лишь узкая кровать.

Вид из окна тоже не радовал: фабричные трубы и пустыри вызвали острое гнетущее чувство:

*Труба! Труба! Лбв искаженных
Последнее: еще мы тут!
Какая на-смерть осужденность
В той жалобе последних труб! [4, с. 221].*

Заниматься науками в такой каморке, наверное, было можно, и С. Эфрон много читал, готовился к учебным занятиям и к экзаменам, а еще писал. Писал, например, статьи для студенческого журнала, недвусмысленно называвшегося «Своими путями», а также книгу «Записки добровольца», переживая заново свой путь в Белое движение. С. Эфрон вынужден был смириться с предоставленными ему бытовыми условиями, однако семейная жизнь в таких условиях оказалась невозможной, потому стали искать другое жилье.

В Праге снять приличную комнату для трех человек оказалось не по карману, и М. Цветаева с дочерью перебралась в пригород: жила в Мокропсах (Горних и Дольних), в Новых дворах, Иловицах, Вшенорах. Как много названий деревень! Видно, искала Марина Ивановна такое место, где могла бы душой успокоиться, «стол» установить, стихи творить, да мужа поджидать, который по-прежнему обитал в студенческом общежитии, навещая семью время от времени.

Безденежная деревенская жизнь требовала нескончаемого физического труда: приносить воду из колодца, собирать в лесу хворост, топить печь, готовить, стирать, мыть полы, штопать и зашивать поношенную одежду. Однако женщина, обладавшая огромной внутренней силой, не только мирилась с нищенским бытом, но и находила в его тягости новые темы и поэтическое вдохновение.

В Чехии она заявила о себе как о значительном поэте. Наверное, здешний воздух способствовал творческому порыву. Умение отключиться от тягостей жизни спасало и направляло к стихотворчеству. Писала постоянно, в любых условиях. Уже через несколько дней после приезда в Чехию родился цикл «Сивилла».

В основу цикла положена история дряхлой Сивиллы, рассказанная Публием Овидием в «Метаморфозах» (книга 14-я). Сивилла отказалась от дара вечной юности, предлагаемого божественным Фебом за ее девственность и любовь. Великий римлянин вложил в уста своей героини слова, захватившие когда-то М. Цветаеву:

*...Видна я не буду, но голос
Будут один узнавать,— ибо голос мне судьбы оставят.*

В этих словах М. Цветаева услышала то, что доказывала своим творчеством: поэт не может молчать ни при каких обстоятельствах. И в стихах, сложившихся у нее по приезде в Чехию, было заявлено:

*Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещенье свершилось в тот
Час нестареющий, так в седость трав
Бренная девственность, пещерой став
Дивному голосу... [4, с. 209].*

Как воспринять эти строки? У каждого читателя — свое понимание. Мы услышали в них несомненное: сила голоса и слова, данная поэту, не будет растрочена напрасно, не будет держаться в тайне, ждать разрешения на проявление. Она есть, и она действует.

В Чехии М. Цветаева выпустила две большие статьи.

Статья «Кедр: Апология» посвящена творчеству Сергея Михайловича Волконского. Анна Александровна Саакянц, исследователь творчества и жизни М. Цветаевой, обнаружила духовную связь двух представителей разных поколений. Она отме-

чала, что С. Волконский для М. Цветаевой — «Вергилий, поводырь в удушливом лабиринте жизни, в угнетающем ее быте, высвободитель, "катализатор" духовности» [1, с. 334—337]. Да и сама М. Цветаева пишет: «Итак, кн. Волконского я смело могу назвать — учителем жизни» [2, с. 277]. Стойкость героя Апологии передана уже в названии статьи, поскольку кедр — зимостойкое и долговечное дерево, с оздоровительными свойствами, благоприятными для обитания зверей и птиц.

В статье «Герой труда», написанной после смерти Валерия Яковлевича Брюсова, М. Цветаева размышляла над судьбой и личностью поэта. Отмечала, что герой ее строк — человек уникальный, обладающий энциклопедическими знаниями и величайшей трудоспособностью. «По рождению русский целиком, он являет собою загадку. Такого второго случая в русской лирике не было: застегнутый наглухо поэт» [2, с. 123]. Размышляя о творчестве В. Брюсова, его отношении к жизни, литературе, людям, она говорила об уникальности любой личности, вставшей на путь поэта. Подчеркивала: поэт одаренный Божьей милостью,— «творец стихов, и, что гораздо важнее, творец творца в себе» [2, с. 126].

В Чехии написаны: «Поэма Горы», «Поэма Конца», «Крысолов», трагедия «Ариадна». Завершена поэма «Молодец», сложившаяся на мотивах народной сказки «Упырь».

Трагична любовь Молодца и Маруси. Описана она сочным русским языком, который горячо любила и по которому тосковала М. Цветаева, находясь в эмиграции.

*Отпусти-ка меня, мать,
С подружками погулять,
Ленку тонкого попрясть,
Здоровьца порастрасть.*

*Заспались уж очень-то
Под камнем — руда!
— Гуляй, гуляй, доченька,
Пока молода! [4, с. 124].*

Звучит в поэме тема невозможной в земных условиях любви: Молодцу нельзя любить девушку, потому что он — упырь, нежить. Однако, что в жизни не случается? Он любит. А любовь его — колдовская. Молодец — любящий злодей, сочетающий в себе ангельское и дьявольское естество.

Маруся тоже любит. Ей невозможно отказаться от сильного чувства, даже ценою гибели брата, матери, своей собственной. Ей вовек не избавиться от запретной любви:

*— Час да наш,
Ад мой ал!
К самой чашечке
Припал.*

*— Конец твоим рудам!
Гудом, гудом, гудом!*

*— Конец твоим алым!
Жалом, жалом, жалом!*

*— Ай — жаль?
— Злей — жаль!
С дном пей!
Ай, имель!*

*Во — весь
Свой — хмель
Пей, шмель!
Ай, шмель!*

*— Смекай, румяниста,
Всех кровинок — триста,
Держи, бережлива,
Одну на разживу:*

*Чтоб той реченькой да вспять
Было нам с чего начать. [4, с.144—145].*

Так любит женщина, готовая на все ради возлюбленного. Так любила сама М. Цветаева. Эта поэма названа ею сказкой, притчей, трагедией, а в письме к Борису Леонидовичу Пастернаку — наваждением.

Отсюда, из Чехии М. Цветаева писала Б. Пастернаку замечательные письма, в которых размышляла о несовместимости быта и бытия, о невозможности встречи двух равновеликих поэтов, о страстном желании увидеться, о любви и безмерности чувств. С ним ощущала родство душ, звала его заоблачным, вершинным братом. В письме к Александру Васильевичу Бахраху (4.10.1923) писала: «Борис Пастернак для меня святыня, это вся моя надежда».

Кроме писем были и стихи, обращенные к поэту. Среди них цикл «Провода», душою выписанный в марте 1923 года:

*Не черно книжница! В белой книге
Далей донских наострила взгляд!
Где бы ты ни был — тебя настигну,
Выстрадаю — и верну назад.*

*Ибо с гордыни своей, как с кедра,
Мир озираю: плывут суда,
Зарева рыщут... Морские недра
Выворочу — и верну со дна!*

*Перестрадай же меня! Я всюду:
Зори и руды я, хлеб и вздох,
Есмь я, и буду я, и добуду
Губы — как душу добудет бог... [4, с. 246].*

М. Цветаева влюблялась и разочаровывалась. Бывало, что любовное чувство возникало заочно. Так с июля по сентябрь 1923 года развивался ее роман, в письмах и стихах, с А. Бахрахом, молодым критиком из Берлина, откликнувшимся рецензией на книгу «Ремесло». Очевидно, в тот жизненный период у женщины, ощущавшей себя в родстве с поэзией и все же желавшей быть женщиной, возникла потребность в понимании, взаимности чувств, необходимости того единственного письма, о котором можно сказать:

*Так писем не ждут,
Так ждут — письма.
Тряпичный лоскут,
Вокруг тесьма
Из клея. Внутри — слово,
И счастье.— И это — все... [4, с. 279—280].*

Она вводила молодого критика в сложный мир литературы, обсуждая с ним быт и бытие поэта, раскрывая свои мысли и чувства, будучи твердо уверенной, что тот поймет и примет. Она сама становилась богаче, обретая образ для поэтического творчества.

Поэт — особое состояние души, вечный поиск того, ради кого и о ком пишешь. Стихи написаны, и сердце успокаивается на время, а скоро вновь ищет образ чувствования, поклонения и описания.

В сентябре 1923 года М. Цветаева окунулась в иную — страстную любовь, причину которой сама и объяснила в письме к А. Бахраху (20.09.1923): «Я рванулась, другой ответил, я слышала большие слова, проще которых нет и которые я, может быть, в первый раз за жизнь слышу» [1, с. 365]. А через два дня она написала объекту своих чувств следующее признание: «Я в первый раз люблю счастливого, и может быть, в первый раз ищу счастья, а не потери, хочу взять, а не дать, быть, а не пропасть! ... я в первый раз ощутила единство неба и земли» [1, с. 366]. Константин Болеславович Родзевич — мужчина, внушивший ей страсть, которая осуществилась на земле, а не в небесах, как метко отметила А. Саакянц.

Земля и небо олицетворялись для Цветаевой в любви как две противостоящие силы, как плоть и душа, чье единство невозможно. Чешские просторы, горы и леса звали к плотской чарующей любви, наполненной женской страстью, творческим итогом которой стали две прекрасные поэмы — «Поэма Горы» и «Поэма Конца». Так слились душа и тело. Женщина достигла наивысшего понимания своей сущности.

*Любовь — это плоть и кровь,
Цвет — собственной кровью полит.
Вы думаете, любовь —
Беседовать через столик?
Часочек — и по домам?
Как те господа и дамы?
Любовь, это значит...
— Храм?
Дитя, замените шрамом
На шраме! ... [4, с. 447].*

Как относился к любовным увлечениям супруги С. Эфрон? Никто не понимал ее так, как этот человек. Никто, кроме него, не мирился с ее самобытностью и уникальностью. Никто не переживал столь остро, как он, ее печали. Разрыва между ними не произошло. Наверное, потому, что между ними сохранялась любовь, проверенная жизненными невзгодами и испытаниями, самая сильная и самая прочная. В январе 1922 года Цветаева подтвердила единение с Сергеем Эфроном в посвященном ему стихотворении:

*...Попарное звяканье
Судеб: взгляд о взгляд, грань о грань,
Очами невнятными
Одни в новогоднюю рань...
Лети, куда хочется!
На то и стрела!
Мы — вольные летчики,
Наш век — два крыла! [4, с.86].*

Потому и уехала за мужем из России в неизвестность, потому и в Чехии оказалась, и дальше за ним последовала.

Какие места и местечки Чехии любимы М. Цветаевой и близки ей?

Прежде всего, Прага, и особенно Карлов мост. Прага — «летейский» город, нежно любимый, позже постоянно вспоминаемый, в который всегда стремилась вернуться. Об этом городе написала в апреле 1923 года:

*Где сроки спутаны, где в воздух ввязан
Дом — и под номером не наяву!
Я расскажу тебе о том, как важно
В летейском городе своем живу... [4, с. 342].*

В Прагу из своих деревенских обитателей наезжала часто, по издательским делам и к друзьям. Сотрудничала с журналом «Воля России», редактор которого — Марк Львович Слоним — один из самых верных ее друзей. Сотрудники журнала доброжелательно следили за творчеством поэта. По вторникам организовывали «литературные чаи», на которых нередко бывала Марина Ивановна.

Одно время семья жила в двухэтажном доме на Шведской улице, проходившей по Смиховскому холму, воспетому в завершенной в январе 1924 года «Поэме Горы». Пражский холм в районе Смихова, как подметила А. Саакянц, явился для Цветаевой синонимом и символом любви.

*Та гора была как грудь
Рекрута, снарядам сваленного.
Та гора хотела губ
Девственных, обряда свадебного
Требовала та гора...
Та гора была как гром!
Грудь, титанами разыгранная!
(Той горы последний дом
Помнишь — на исходе пригорода?)
Та гора была — миры!
Бог за мир взывает дорого!
.....
Горе началось с горы.
Та гора была над городом [4, с. 435—436].*

Любила она бывать на Карловом мосту, перекинутом через Влтаву, любовалась статуей легендарного рыцаря Брунсвика, которому посвятила стихотворение «Пражский рыцарь». Позже, живя во Франции, просила свою подругу Анну Антоновну Тескову прислать изображение статуи рыцаря, почитая Брунсвика сердцем Праги и своим ангелом-хранителем:

*Бледно-лицый
Страж над плеском века —
Рыцарь, рыцарь,
Стережущий реку...
Сласть ли, грусть ли
В ней — тебе видней,
Рыцарь, стережущий
Реку — дней [4, с. 289—290].*

Деревни, в которых проживала семья, оставили значительный след в жизни поэта. В июне 1924 года в Иловицах закончена «Поэма Конца» — одно из самых тра-

гичных переживаний женщины, расставшейся с возлюбленным. Оно наполнено противоречивым восприятием любви мужчиной и женщиной:

*Движение губ ловлю.
И знаю — не скажет первым.
Не любите? — Нет, люблю.
Не любите! — Но истерзан,
Но выпит, но изведен...*

*Перстов барабанный бой
Растет. (Эшафот и площадь).
— Уедем.— А я: умрем,
Надеялась. Это проще!*

*Достаточно дешевизн:
Рифм, рельс, номеров, вокзалов...
— Любовь, это значит: жизнь.
— Нет, иначе называлось*

*У древних...
— Итак? —
Лоскут
Платка в кулаке, как рыба.
— Так едете? — Ваши маршруты?
Яд, рельсы, свинец — на выбор!*

*Смерть — и никаких устройств!
— Жизнь! — Как полководец римский,
Орлом озирая войск
Остаток
— Тогда простимся!... [4, с. 447—449].*

Для него любовь — дом, семья, жизнь, для нее — все разрушающая стихия, не совместимая с жизнью. Любят оба, но в разных измерениях, совместившихся лишь на краткий случайный миг. В любви, захватившей М. Цветаеву в Чехии, она, наверное, окончательно поняла несовместимость ее требований к земному чувству, а также невозможность обычных людей ответить на эти требования.

В сентябре 1924 года семья переехала во Вшеноры. Здесь дописывалась трагедия «Ариадна». Земную женщину полюбили Тезей, простой смертный, и бог Вакх. За Ариадну идет между ними спор.

Вакх, обладающий божественным величием, силен величием своих даров:

*Божеству ли с убожеством
Спорить? Муж скудосерд,
Что венчальным предложишь ей
Даром? Старость и смерть?*

*Красота и бессмертие,—
Вот в двудонном ковше
Жениха-виночерпия
Дар невесте: душе.*

*Дар Тезея и Вакхову
Дань — кладу на весы.
Взвесь. Ужель одинаковый
Вес?... [5, с. 434—435].*

Тезей уступает, соглашаясь не только покинуть возлюбленную, но и остаться в ее глазах предателем. Для того, чтобы та никогда его не вспоминала, чтобы Вакх унес ее в небесный мир и пересоздал:

*У моей Ариадны
Будут новые чувства... [5, с. 435].*

Философские размышления не дают поэту покоя. Свершилось предательство Тезея. Однако, предательство ли это, отказ ли от любви? Или в поступке смертного Тезея проявился высший долг человека? И почему все же Тезей и Вакх не спросили, что выберет сама Ариадна? В мире до сих пор существует порядок, заведенный небожителями:

*То ж, что рану закрашивать,
То ж, что море в сетях
Несть — у женщины спрашивать
О правах и путях [5, с. 435].*

Завершив в октябре 1924 года работу над трагедией, Марина Ивановна задалась новым, наиважнейшим для нее, вопросом:

*Женщина, что у тебя под шалью?
— Будущее! [4, с. 299].*

Во Вшенорах 1 февраля 1925 года родился Георгий. Сын, лицом походивший на мать, стал центром ее мира, ее великой гордостью. Маленький Марин Цветаев — написал о нем С. Эфрон в одном из писем.

Моравская Тшебова — еще один уголок Чехии, вызвавший к жизни яркое поэтическое слово. Это был аккуратный городок, в котором находилась гимназия, принявшая в свои стены Ариадну, Алю, как звали ее в семье. Несколько раз Марина Ивановна приезжала сюда. Здесь встречала с мужем и дочерью Новый 1924 год. Проучилась Аля в Моравской Тшебове всего два года, а затем, из-за болезни, вернулась в семью.

В гимназии, вдали от дома, девочка, может быть, впервые, получила возможность общения со сверстниками и завела себе подружек, что вызвало у ее матери беспокойство и ревность.

Благоустроенность жителей города Тшебова, материнские переживания, и, прежде всего, размышления о значении поэзии и поэта, способствовали зарождению у М. Цветаевой новой поэмы, которая и была написана в 1925 году. В этой поэме звучал авторский протест против благополучия и спокойствия, ибо они ведут к умиротворенному равнодушию, грозящему бедой. Крысолов-флейтист стал олицетворением Поэзии, крысы - благополучных мещан, которые в прошлом были храбрыми бунтарями. Жители города — гаммельнцы — ожиревшие, жадные городские богачи.

*Злость сытости! Сплев
С на-крытых столов!
Но — в том то и гвоздь!
Есть голода злость.*

*Злость тех, кто не ест:
Не ест — надоест!
Без-сильных не злось!
(Кры-синяя дробь)... [4, с. 481—482].*

Через яркое слово показана вечная борьба Поэзии и Быта: Быт не держит слово, данное Поэзии, и Поэзия мстит. Крысолов убеждает горожан отказаться от привычного порядка жизни, ведущего к ожирению и отуплению:

*Переезд!
Не жалейте насиженных мест!
Через мост!
Не жалейте насиженных гнезд! ... [4, с. 488].*

Не убедив взрослых, он уводит детей, топит их в озере, обещая им вечный рай, даря им вечное блаженство:

*На всякие нужды! на всякие вкусы!
Для мальчиков — пули, для девочек бусы.
На всякие жажды! На всякие масти!
Для мальчиков — игры, для девочек — страсти!... [4, с. 526].*

Вся неустроенность жизненного быта, неудовлетворенность делами и отношениями прорвалась в поэме «Крысолов». Однако М. Цветаева — большой поэт, потому писала не о частной неустроенности, а о развитии людского мира, в котором неустанно ведется борьба между высоким духом и застывшим благополучием.

Жизнь в Чехии была трудной, и наполненной творческим полетом мысли. М. Цветаева — поэт, активный участник литературной жизни. Она редактировала вместе с Валентином Федоровичем Булгаковым пражский альманах «Ковчег», печаталась на страницах журнала «Воля России», поддерживала выпуски журнала «Своими путями». Она — счастливая мать, хозяйка дома, на которой тот полностью держался, жена, поддерживавшая мужа в учебной и литературной деятельности.

Вместе с тем, она мечтала о более широкой читательской аудитории, о встречах с мастерами литературы. Это и привело ее к мысли о необходимости переезда во Францию. 31 октября 1925 года поезд увез Цветаеву и Эфрона с детьми из Праги в Париж.

Не только Чехия способствовала росту творчества большого поэта, но и поэт Марина Ивановна Цветаева влияла своим творчеством и активной деятельностью на развитие культурной жизни страны. Цветаева и Чехия взаимно обогащали друг друга.

В письмах к подруге Анне Антоновне Тесковой М. Цветаева неоднократно писала о своей любви к Чехии и о тоске по Праге:

«День и ночь, день и ночь думаю о Чехии. Живу с ней, в ней и ею, чувствую изнутри нее: ее лесов и сердец. Вся Чехия сейчас одно огромное человеческое сердце, бьющееся только одним: тем же, что и мое...» (24 сентября 1938 г.);

«О, как я скучаю по Праге и зачем я оттуда уехала? Думала — на две недели, а вышло — 13 лет» (24.10.1938 г.)

В 1938 году, когда по Мюнхенскому сговору Судетская область была отторгнута от Чехословакии и поделена между Германией, Венгрией и Польшей, М. Цветаева протестовала против этого события циклом стихов к Чехии, в которых раскрыла всю глубину переживаний за свободолюбивый чешский народ.

*Посереж от боли,
Стонут Влтавы воды:
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

На орлиных скалах
Как орел рассевишь —
Что с тобою случилось,
Край мой, рай мой чешский?... [5, с. 68].*

Когда в марте 1939 года фашистская Германия оккупировала Чехословакию, потрясенная событиями М. Цветаева высказала глубокую веру в свободолюбивый народ, способный собрать свои силы и освободиться от ненавистной зависимости:

*Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал — гранат,
Грудью дал — гранит.*

*Процветай, народ,—
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь [5, с. 80—81].*

Такова творческая дружба прекрасного русского поэта, проживаемого в женском обличье, и замечательной страны, богатой на историю и культуру.

Сноски и источники

1. Саакянц А. А. Марина Цветаева: Жизнь и творчество.— М.: Эллис Лак, 1997.
2. Цветаева М. И. Об искусстве.— М.: Искусство, 1991.
3. Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой.— М.: Внешторгиздат, 1991.
4. Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3 томах. Том 2.— М.: Прометей, 1990.
5. Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3 томах. Том 3.— М.: ПТО «Центр», 1993.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Уважаемые читатели и авторы!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Тульского артиллерийского инженерного института, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного об-ва «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет «Тула» и «Ярило», в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на

сайте www.medsu.tula.ru (в pdf-формате) Интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж). Журнал получают центральные библиотеки Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска и ряда других городов.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов порядка 1000 экз.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». Усилия к этому прилагаются серьезные, а итог просматривается вполне оптимистичный, в частности, администрация области планирует включение журнала, начиная с 2011-го года, в Культурную программу области. С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или e-mail. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не поленитесь занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху листа) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале

отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

В третьем — четвертом кварталах 2009 года в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Ханбеков Л. В.* Сочинения. Т. 4.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 240 с. (Библиотека «Московского Парнаса»).— В данном томе содержатся очерки творчества Юрия Бердникова, Алексея Яшина, Ордем Гали и Тамары Булевич.
2. *Созвучье слов живых: Антология современной поэзии. Т. 1.*— М.: «Московский Парнас», 2009.— 464 с.— Содержатся избранные стихи Евгения Антошкина, Виталия Владимировича, Галины Дубининой, Владимира Лищука, Игоря Нехамеса, Григория Осипова, Иосифа Руховича, Евгения Рянова и Романа Тишковского.
3. *Московский Парнас. Независимый альманах.*— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2009, №№ 4—9.
4. *Киреев В. В.* Сердце на ладошке: 100 стихов о любви.— Тула: Папирус, 2009.— 132 с. (Приложение к сборнику «Вчера, сегодня, завтра...»).
5. *Гайдукова Л.* Алтари памяти: Стихи.— Тула: «Прикосновение», 2007.— 84 с. (Коллекция альманаха «Прикосновение»).
6. *Зюганов Г. А.* Правда и ложь в зеркале кризиса.— М.: «Правда-Пресс», 2009.— 24 ч. (Книги пп. 6—8 присланы в редакцию журнала Г. А. Зюгановым по почте).
7. *Зюганов Г. А.* Выход из кризиса — социализм.— М.: «Правда-Пресс», 2009.— 32 с.
8. *КПРФ о работе с кадрами в современных условиях. Материалы III (июльского 2009 года) пленума ЦК КПРФ.*— М.: «Правда-Пресс», 2009.— 160 с.
9. *Кедрова И. Н.* Посланник, душа и ведьма: Повести.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 416 с.
10. *Макаров Н. А.* Пушкин и медики. 2-е изд., исправл.— Тула: Гриф и К, 2009.— 100 с.
11. *Апарин Ю. В.* Без срока давности.— Тула: Гриф и К, 2005.— 92 с. (Книга посвящена обороне Тулы осенью 1941 года, содержит большой фактический материал).
12. *Ростовцева Н.* Жизнь в режиме ожидания: Стихи и проза.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2008.— 52 с.
13. *Ростовцева Н.* Ваше счастье в другой стороне (История любви): Повесть.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2009.— 126 с.
14. *Зимина Т. Д.* Гувернантка: Повесть.— Новомосковск: «Март», 2009.— 40 с.
15. *Гайдукова Л. А.* За серебряной звездой: Сб. рассказов.— Тула: Изд-во «Левша»: Папирус, 2009.— 172.
16. *Логунов А. А.* Сударыня книга: Православные сказания Тульского края. Ч. 1.— Новомосковск: ООО «Новомосковская типография», 2009.— 256 с.
17. *Кручинин-Русич В. И.* Мосбасса блудный сын. Рассказы старого шахтера.— Новомосковск: ООО «Новомосковская типография», 2009.— 175 с.
18. *Они учились в Литинституте: Материалы к биобиблиографическому справочнику студентов дневного и заочного отделений и слушателей Высших литературных курсов Литературного института им. А. М. Горького. 1933—2006 гг.*— М.: Изд-во Литинститута им. А. М. Горького, 2006.— 550 с. (Книга прислана по почте в редакцию журнала ректором Литинститута).
19. *Норильский (Щеглов) С. Л.* Повивальную бабку — за штат! — Тула: Типография Астeya Плюс, 2009.— 20 с. (Библиотека ненасилия).
20. *Каширин О. С.* КГБ как КГБ: Повесть.— Тула: Гриф и К, 2006.— 168 с. (За эту книгу автор был удостоен в 2007 году литературной премии ФСБ РФ).

21. Андрианова М. В. Я верю в Русь: Стихи и проза разных лет.— Тула: Гриф и К, 2006.— 288 с.
22. Азанов Г. Г. Возвращение к родникам: Стихи / Послесловие Леонида Ханбекова.— Екатеринбург: «Сократ», 2008.— 143 с.
23. Леонова Т. Прогулки по Ясной: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2009.— 160 с.
24. Леонова Т. Хочу запомнить: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2007.— 103 с.
25. Леонова Т. Бог твоими глазами мне в душу глядел: Стихи 1998—2005 гг.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2005.— 464 с.
26. Леонова Т. Пред иконочкой свечка: Избранные стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2007.— 85 с.
27. Леонова Т., Мир Г. Душа моя: Романсы и песни на стихи Татьяны Леоновой и Геннадия Мира: Аудиоальбом.— Тула, 2007.
28. Мирошниченко Г. Г. Свет и тени: Поэмы и стихи. Ч. 1.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2009.— 400 с.
29. Мирошниченко Г. Г. Критериальное сознание: В 2-х тт. Т. 1.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2009.— 400 с.
30. Мирошниченко Г. Г. Критериальное сознание: В 2-х тт. Т. 2.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2009.— 400 с.
31. Боть В. И. Наша Россия: Стихотворения.— Тула: Папирус, 2009.— 124 с.
32. Каширин О. С. Черноморский реквием: Диалогия.— Тула: Б/о изд-ва, 2009.— 320 с.
33. Белицкая Т. М. Ветры времени (Семейная сага).— Тула: ООО РИФ «Инфра», 2009.— 262 с.
34. Свешников О. П. Прощание славянки: Роман в 2-х кн. Кн. 1.— Тула: ИД «Пересвет», 2002.— 375 с.
35. Свешников О. П. Прощание славянки: Роман в 2-х кн. Кн. 2.— Тула: ИД «Пересвет», 2002.— 367 с.
36. Душа моя: Романсы и песни на стихи Татьяны Леоновой и Геннадия Мира: Нотное издание.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2007.— 68 с.
37. Красивомечье: Альбом фотографий и репродукций / Сост. В. И. Ксенофонтов.— Тула: Неография, 2009.— 144 с. (Представлены живописные пейзажи по реке Красивая Меча и ее притокам в Тульской и Липецкой областях).
38. Новгородский А. Е. Странник: Песни.— Тула: Гриф и К, 2009.— 58 с.

В центральной литературной периодике в I—III кварталах 2009 года опубликованы следующие произведения постоянных авторов «Приокских зорь»:

1. Сапожников В. Г. Стихи // Роман-журнал XXI век.— 2009.— № 6 (124).— С. 57.
2. Баланюк М. Г. Жизнь и судьба русского священника // Московский Парнас.— 2009.— № 1.— С. 126—131.
3. Баланюк М. Г. Жить и творить будущее. О прозе Наитальи Парыгиной // Московский Парнас.— 2009.— № 6.— С. 154—157.
4. Маркин Г. Н. Актуальное интервью (Интервью с главным редактором «Приокские зори» Алексеем Яшиным к 5-летию юбилею журнала) // Московский Парнас.— 2009.— № 7.— С. 139—142.
5. Норильский (Щеглов) С. Л. Железный ящик под половицами. Глава из романа // Московский Парнас.— 2009.— № 8.— С. 51—64.

6. Бугримова О. Расступились... быстро... (Рассказ) // Московский Парнас.— 2009.— № 8.— С. 185—190.

7. Яшин А. А. Литературная карта России: Тула // Литературная газета. 2009.— № 27 (6231) от 1—7.07.2009.— С. 6.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. Сапожников В. Г. Избранная лирика: Стихи / Художеств. оформл. Ярослава Стечкина.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2009.— 59 с., илл.

2. Винокурова Г. В. Сергей Беседин: Роман в стихах.— Тула: Гриф и К, 2009.— 102 с.

3. Яшин А. А. Страна холода (Детство в Гипербореях): Повесть / Предисл. Леонида Ханбекова; иллюстр. Н. Н. Каразина.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 351 с., илл.

4. Низиенко Н. Ф. Маленькие истории артиста Большого театра.— Тула: Гриф и К, 2009.— 144 с. (Автор — солист оперы Большого театра, Заслуженный артист России; ранее публиковался в «Приокских зорях». Иллюстрации Т. Назаренко, академика Российской академии художеств, Заслуженного художника России).

5. Хадарцев А. А. Дикая мощь Кавказа — вечноседой магнит: Стихи и проза.— Тула: Тульский полиграфист, 2009.— 156 с.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать

письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются во втором номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2009-го года будут объявлены в № 2, 2010 «Приокских зорь». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2009-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ

В июле-сентябре «Литературная газета» четырежды давала на своих полосах информацию о «Приокских зорях»: собственно журнале и «Библиотеке журнала «Приокские зори». Поэтому не случайно мы на стр. 2 журнала постоянно включаем ведущее литературное издание страны в рубрику «Информационная поддержка».

Приокские зори, межрегиональный литературно-художественный и публицистический журнал, № 1.— Тула, 2009.

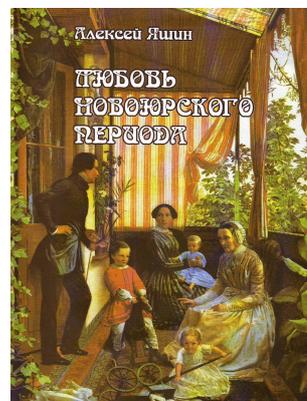
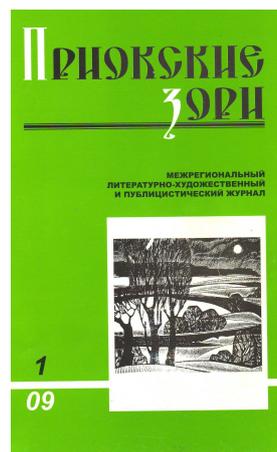
Свой мини-юбилей у «Приокских зорь» — пятый год издания. За это время журнал стал подлинно межрегиональным, вырос тираж. В постоянной практике журнала — издание тематических номеров. Нынешний посвящен 200-летию Николая Васильевича Гоголя. И, как сообщает редколлегия, на очереди новая рубрика — «Тверской бульвар, 25», по которой соответствующее предложение сделано руководству Литературного института им. А. М. Горького, уже получено согласие. Авторы издания получили возможность выпуска своих книг под логотипом «Библиотека журнала «Приокские зори». И еще одна приятная новость: администрация области в лице департамента культуры обещает редакции начиная с 2011 года материальную поддержку в рамках культурной программы Тульской области. Получил недавно журнал и госрегистрацию. Вот такими радостными событиями отмечают «Приокские зори» свой мини-юбилей, с которым мы их и поздравляем!

(«Литературная газета», 8—14 июля 2009 г., № 18 (6232))

ПО КРИЗИСУ — ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ!

Алексей Яшин. Любовь новоюрского периода: Философский роман в трех частях с эпилогом.— М.: Московский Парнас, 2009.— 712 с.

О кризисе романа говорят многие. Вот и Эдуард Лимонов в недавнем интервью, опубликованном в «ЛГ», посетовал: мол, неловко даже за авторов романов. Но одни говорят о кризисе, другие пытаются выйти из него. А для этого нужен новый, свежий взгляд на популярный жанр. Что и предлагает нам Алексей Яшин, не только писатель, но и крупный ученый, а

также главный редактор тульского журнала «Приокские зори». Видимо, именно это совмещение в одном лице различных специализаций и позволило автору «Любви» предложить свои методы решения сложной творческой задачи. Один из них — работа с иллюстрацией как органичной частью текста. А многочисленные иллюстрации в роскошно изданной книге взяты из антикварных книг русской классики конца XIX — начала XX веков, что придает изданию исключительный аромат, знакомый настоящим книжникам. Изображенные же на рисунке фигуры, явления ли становятся персонажами романа, к ним автор сочиняет самостоятельные тексты, отчего основное повествование перемежается своеобразными мини-эссе, создающими дополнительное звучание вторых, третьих планов романа. Ну, а основная его тема — та же, что и в предыдущих книгах лауреата литературных премий Алексея Яшина («В канцелярии», «В конце века», «Историк и его история», «Подводная лодка «Капитан Старосельцев»): судьба нашего современника, переживающего вместе со страной ее беды, но не теряющего оптимизма.

(«Литературная газета», 5—11 августа 2009 г., № 32 (6236))

В «Литературной газете», 1—7 июля 2009 г., № 27 (6231) опубликована статья Алексея Яшина в рубрике «Литературная карта России: Тула» (см. ее текст в коллежке на третьей странице обложки настоящего номера журнала), имеющая самое прямое отношение к «Приокским зорям».

ЛИТНАГРАДЫ

Начат прием предложений по кандидатурам авторов — номинантов на соискание всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, учрежденной журналом «Приокские зори» за лучшую публикацию года в разделах прозы, поэзии, литературоведения и критики, художественной публицистики. Имена лауреатов определяются по опросу (предложениям) читателей с учетом мнения редколлегии. Свои предложения направлять по адресам: 300025, Тула, а/я 920; priok.zori@yahoo.com главному редактору Алексею Яшину.

(«Литературная газета», 16—22 сентября 2009 г., № 37 (6241))

Публикуемое в начале этого номера интервью Геннадия Маркина с главным редактором «Приокских зорь», посвященное 5-летнему юбилею журнала, также было напечатано в № 7, 2009 «Московского Парнаса» (см. выше библиографию) и — с небольшими сокращениями — в двух номерах газеты «Щекинский вестник»: 18 июля 2009 г., № 27 (14723) и 25 июля 2009 г., № 28 (14724).

Заметим, что с редакцией «Щекинского вестника», одной из старейших и авторитетных газет Тульской области, у нас сложились прочные творческие, информационные отношения. Уже не в первый раз «Щекинский вестник» знакомит своих читателей с нашим журналом. Это существенная информационная поддержка, учитывая высокий промышленный, научно-образовательный потенциал города Щекино. В городе активно работает литературное объединение «Поэтическое братство» (см. № 1, 2009 «Приокских зорь»), там живут два члена редколлегии нашего журнала: Олег Пантюхин и новый ответственный секретарь «ПЗ» Геннадий Маркин. Мы с полным на то основанием рассчитываем на творческую дружбу с «Щекинским вестником».

Равным же образом оказывает нам информационную поддержку и газета «Тульская правда» — единственное, пожалуй, периодическое издание в Туле, имеющее постоянную литературную страницу «Толстовская застава». И дело вовсе не в той или иной политпринадлежности, ибо литературное, да и любое другое худо-

жественное творчество всегда выше политических устремлений, если оно, творчество, патриотично и ориентировано на идеалы социальной справедливости и гармонии.

В частности, «Толстовская застава» в № 32 589 от 12 августа 2009 г. «Тульской правды» почти полностью была составлена из материалов, так или иначе имеющих отношение к «Приокским зорям». Также рассчитываем на творческие контакты с «Тульской правдой».

К сожалению, «Тульский литератор», наша губернская «минилитературка», в последнее время увлеклась юбилейными чествованиями местных литераторов (при всем нашем к ним уважении)... Во всяком случае информационной поддержки на ее страницах мы уже давно не видели.

В контексте сказанного выше редакция «Приокских зорь», следуя устоявшейся традиции отечественной журнальной периодики, приняла решение впредь на своих страницах не размещать развернутых юбилейных материалов, ограничиваясь общими поздравлениями в рубрике «Хроника литературной жизни». Разумеется, это не относится к практике выпуска тематических номеров журнала, посвященных юбилейным датам классиков русской, советской литературы, отмечаемым в общенациональном масштабе.

«Не нам, не нам, а Имяни твоему» (апостол Павел).

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Здравствуйте, Алексей Афанасьевич!

Вчера, 17 июня, получил Ваше подробное «иллюстрированное» письмо и, читая его, испытал чувство неловкости, но и удовлетворения. Первое, потому что при такой Вашей занятости, отнял время на подробное и откровенное письмо, да еще исполненное «вручную». Последнее для меня тоже означает уважение к адресату. Моя «машинопись» в письмах к Вам не дистанция и не забор, а только признание в том, что не хочу делать Вас заложником моего почерка, через который я и сам едва продаюсь.

А второе,— потому что письмо совсем такое, каким бывают доверительные письма людей, близких по душевному складу.

Сначала о деле. Позволю себе короткое пояснение. Когда-то работал в ежемесячном журнале в Минске в должности завотделом и И. О. главного редактора, и мне приходилось решать редакционные проблемы, которые решаете и Вы. Препграда большим формам и объемам в Вашем (нашем) журнале и такая его периодичность, в данном случае со мной, не помеха.

Форма дневниковых записей, разнообразных по жанру и объему, никак не связанных сюжетом, временем и темой, позволяет публиковать их с любой периодичностью и даже «через раз». Другое дело, частая публикация одного автора при наличии очереди. И, конечно, качество материала. Это, на мой взгляд, побеждает все.

При этом я, понятно, нисколько не покушаюсь на святое право редактора печатать то, что он считает нужным и полезным его изданию. Опять же, в случае со мной, если это состоится, Вы сможете отбирать и сокращать мои записи на свое усмотрение: заранее сообщая это, доверяя Вам.

После наведения порядка в своих записных книжках и отбора, наверное, смогу выслать материал в сентябре-октябре. Радостная помеха в этом процессе еще и то, что собираюсь в Минск, где живет моя душа... Даст Небо, побуду там месяц-полтора, обнимусь с друзьями, посижу в застолье с доброй «средней» чаркой, вдохну воздух редакций, похожу по коридорам издательств. Что-то где-то из написанного лежит и ждет печати, а может, уже и дождалось...

Минуты и часы счастья: общение с необходимыми душе людьми и местами.

Чтобы закончить деловую часть: конечно, я не против моего письма «с одним изменением» в «Приокских зорях». Теплое название. Редко сегодня редакторы изданий, даже газет, согласуют такие «мелочи» с авторами...

Теперь — по Вашему письму «без дела».

Отчество мое Эфроимович. Его, как часто бывало с еврейскими «званками», в паспортном столе переиначили и получился я почти по Бабелю — Фроимовичем. Но мне было приятно Ваше обращение только по имени. Здесь я уже к этому упрощению давно привык «технически». А от Вашего еще и дружеским ветром повеяло...

Как Вы наверное почувствовали, я тоже рад начавшемуся сотрудничеству. Надеюсь не обмануть Вашего доверия.

Ваши безответные обращения к властям о материальной поддержке журнала, еще одно из многих подтверждений того, какого качества эти предрешающие.

Моя мудрая бабушка, формально безграмотная местечковая женщина, по настоящему бедная, вырастившая трех детей, говорила мне, уже школьнику: «Деньги, конечно, много весят, но они не делают нас людьми». «А что делает?» — спросил я. «Любовь и память», — сказала она.

И что *этого* категорично не сохранить в людях без литературы; без таких журналов, как «Приокские зори», и без того, чтобы писателям платили гонорары, на которые они могли бы достойно жить и качественно писать... — вот этого временщики не понимают. Загубить до последнего такой народ, как наш, невозможно — тягловая жила бессмертная. А вот ущерб, и большой, — это уже есть. Так что, выражаясь языком Генерального штаба, стойте Вы в обороне на направлении главного удара.

Еще раз могу только «сильно», как говорили дядьки на моем винницеком Замостье, и положительно удивиться существованию такого журнала без финансирования. Подозреваю, что если бы не Вы, то и Тула не имела бы таких достойных и многопрофильных «Зорь». И потому хочу высказать Вам, если можно так выразиться, дополнительное уважение. Понятно, что оно неотделимо от «основного»: Ваши книги, звание, должности, награды и редактирование журнала, который дает возможность его авторам чувствовать себя литературно живыми.

Наум Ципис, Бремен, Германия

ПОДПИСЬ К КОЛЛАЖУ НА ТРЕТЬЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ ЖУРНАЛА

На коллаже содержится текст материала главного редактора «Приокских зорь», опубликованный в рубрике «Литературная карта России» в № 27 (6231) «Литературной газеты» от 1—7.07.2009 г. На фото — эпизоды празднования Юбилея старейшей писательницы России Наталии Диомидовны Парыгиной летом этого года (см. соответствующий материал в «Приокских зорях» № 2, 2009 и в «Московском Парнасе» № 6, 2009; автор Марина Баланюк, она же автор настоящего коллажа).

Вверху слева — Наталия Диомидовна Парыгина, справа — ответственный секретарь Тульской писательской организации Союза писателей России Виктор Федорович Пахомов. Внизу слева направо: они же и известный в Туле меценат, к сожалению, не в отношении к «Приокским зорям», зам. председателя облдумы С. М. Фролов; коллективное фото на память; Наталию Диомидовну приветствует камерный хор Тульского госуниверситета — на переднем плане С. М. Фролов и член редколлегии журнала, поэт и прозаик, профессор В. Г. Сапожников.

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 27.11.2009
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 92

**К 270-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ, УЧЕНОГО
И ПРОСВЕТИТЕЛЯ АНДРЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА БОЛОТОВА**
(Фото Галины Плотниковой)

Дом-музей А. Т. Болотова в Дворянинове

Памятник А. Т. Болотову перед домом-музеем

